

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

8

1958

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ВОПРОСЫ
ФИЛОСОФИИ

8

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

1958

О повторяемости в процессе развития

И. И. ГРИЦЕНКО

Возврат к «якобы старому», повторение на высшей стадии известных черт, свойств низшей стадии является важной стороной процесса развития. В. И. Ленин, характеризуя закон отрицания отрицания, подчеркивал прежде всего именно эту его сторону. Диалектическая повторяемость не есть точное, буквальное воспроизведение определенных черт предшествующего развития. Явление, повторяясь на высшей основе, приобретает новое содержание, выступает как момент более высокой ступени развития.

В имеющейся по данному вопросу литературе мы встречаемся обычно с рассмотрением таких случаев повторяемости, когда она выступает как повторение отдельных черт, свойств, качеств и т. д. При рассмотрении же общих закономерностей эмбрионального развития зародыша и умственного развития человека мы наблюдаем особый вид диалектической повторяемости, которая представляет собой краткое, «конспективное» воспроизведение в развитии индивида всего исторического развития вида, а также всей истории умственного развития.

Поскольку этот вид диалектической повторяемости реже рассматривался в нашей литературе, мы и остановимся на характеристике его основных черт.

1. Онтогенетическое и филогенетическое развитие в живой природе

Явления повторяемости в развитии привлекали внимание биологов еще в додарвиновский период развития естествознания. В XVII, XVIII веках и первой четверти XIX века бурное развитие получила эмбриология, накопившая за короткое время большой фактический материал, доказывавший сходство некоторых стадий развития эмбриона высших животных со строением низших животных. Широкое распространение имела в то время «теория параллелизма», согласно которой современные высшие животные, в том числе и человек, проходят в своем индивидуальном развитии стадии, сходные со взрослым состоянием современных низших животных. Дальнейшее развитие эмбриологии показало, что зародыши различных групп животных обнаруживают тем большее сходство, чем к более молодым стадиям они принадлежат. К. Бэр формулирует новый закон — «закон зародышевого сходства», сущность которого состоит в том, что зародыш подобен только зародышу.

Ограниченность этих теорий заключалась в том, что в них не ставилась проблема эволюции, проблема онтогенеза и филогенеза. Речь шла о закономерностях онтогенетического развития вне связи с филогенезом, о сходстве между рядом зародышевых стадий высших животных и систематическим рядом современных животных. Это сходство обосновывалось не повторением прошлого развития, а общностью законов природы, единством животного мира, непрерывностью его форм.

Современная постановка вопроса о соотношении онтогенеза и филогенеза идет от Дарвина. Он положил начало изучению онтогенеза и филогенеза в духе материалистического понимания эволюции органического мира и сделал много для разрешения этой проблемы. Он полагал, что эволюционные изменения взрослых животных происходят в результате изменения их индивидуального развития, а изменения на самых ранних стадиях оказываются не затронутыми эволюцией и сохраняют сходство с соответствующими стадиями предков, что зародыши могут повторять не только зародышевое, но и взрослое состояние предков. Воспроизведение некоторых черт филогенеза в онтогенезе предстает у Дарвина как теория развития, а не как простая повторяемость, характеризующая единство мира.

Фриц Мюллер и Эрнст Геккель выступили в защиту учения Дарвина в разгоревшейся борьбе вокруг дарвинизма. Опираясь на достижения морфологии, эмбриологии, палеонтологии, сравнительной анатомии и руководствуясь эволюционной теорией Дарвина, они внесли большой вклад в исследование закономерностей эволюционного процесса, в частности разработали теорию повторяемости в процессе развития, сформулировав ее в форме биогенетического закона.

«Этот *«основной биогенетический закон»*... может быть кратко формулирован следующим образом: *зародышевое развитие является кратким повторением развития филогенетического*; или, иными словами, *онтогенеза — это краткое повторение (рекапитуляция) филогенеза*; или, несколько подробнее, ряд форм, через которые организм проходит в течение своего развития, начиная от яйцевой клетки до взрослой стадии, представляет собой сжатое повторение длинного ряда форм, пройденных его животными предками (то есть родоначальными формами его вида) с древнейшей эпохи так называемого органического творения и до настоящего времени» (Ф. Мюллер и Э. Геккель «Основной биогенетический закон». Избранные работы. Изд-во АН СССР, 1940, стр. 174).

Основной биогенетический закон не только сыграл большую роль в защите дарвинизма и укреплении его позиций, но в известной мере явился его продолжением и развитием. Ф. Энгельс высоко оценивал этот закон, видя в соответствии между онтогенезом и филогенезом «надежнейшую опору для теории развития» (см. «Анти-Дюринг», 1957, стр. 70). Вокруг «биогенетического закона» велась непрерывная борьба между его противниками и сторонниками. Некоторые из них шли по неправильному пути, или абсолютизируя связь онтогенеза с филогенезом, признавая независимость эволюции от среды и приспособления, или отрицая вообще какую-либо связь между онтогенезом и филогенезом, признавая внешнюю среду единственным источником формирования организма. Обе эти крайности неизбежно вели к отрицанию эволюционного развития. Дискуссия по вопросам вида и видообразования, развернувшаяся в советской науке (1955 год), в определенной мере касалась и проблемы соотношения онтогенеза и филогенеза. Несмотря на различные точки зрения по данному вопросу, указанные выше крайние мнения не высказывались. Связь онтогенеза и филогенеза признавалась неоспоримым научным фактом.

Уже в формулировке биогенетического закона можно выделить характерную особенность повторяемости: онтогенетическое развитие представляет собой быстрое и краткое повторение филогенеза. В самом деле, в короткий промежуток времени, в течение нескольких недель или нескольких месяцев, зародыш повторяет в своем развитии те формы и ступени, которые в развитии вида происходили в течение многих тысячелетий.

Эрнст Геккель в исследовании «Основной закон органического развития» писал: «...Исследуя человеческий зародыш на третьей или четвертой неделе развития, мы видим, что он не имеет ничего общего со взрослым человеческим организмом, но что, с другой стороны, он обнаруживает

полное сходство с несформировавшимися зародышами обезьяны, собаки, кролика и прочих млекопитающих той же стадии онтогенеза. Мы видим весьма просто устроенное тело, сзади снабженное хвостом, по бокам — двумя парами плавников, которые напоминают плавники рыб, но несколько не похожи на конечности человека и млекопитающих; почти всю переднюю часть туловища составляет бесформенная, без всяких признаков лица, голова, по бокам ее расположены жаберные щели и жаберные дуги, совсем как у рыб. На этой стадии развития человеческий зародыш, даже при самом тщательном исследовании его при помощи сильного микроскопа, ничем не отличается от зародышей того же возраста обезьяны, собаки, лошади, рогатого скота и т. д.» (цит. соч., стр. 180).

Таким образом, повторение прошлых стадий в процессе индивидуального развития не является синхронным в отношении повторяемого, но представляет собой весьма быстрое повторение предшествующих стадий развития. Второй важнейшей особенностью повторяемости является ее краткость, неполнота, «выборочное развитие» по терминологии Э. Геккеля (там же, стр. 251). Сущность ее состоит в том, что повторяются лишь важнейшие изменения формы.

Чем определяется относительная полнота повторяемости? Ф. Мюллер указывает: *«Первоначальная история вида сохранилась в истории его развития тем полнее, чем длиннее ряд молодых стадий, которые он проходит равномерным шагом»* (там же, стр. 154—155).

На эту характерную особенность указывает и Э. Геккель, отмечая, что обычно в онтогенетическом ряде развития не представлены, утрачены многие формы, когда-то действительно имевшие место в ходе филогенетического развития. Повторение онтогенеза филогенеза только в редких случаях бывает полным; в огромном же большинстве случаев это повторение крайне неполно.

Более подробное рассмотрение содержания биогенетического закона вскрывает и другие характерные особенности повторяемости. Мы укажем лишь на некоторые.

Повторение некоторых черт филогенеза в онтогенезе, являясь закономерностью развития, представляет собой его консервативную сторону, ибо здесь выступает уже пройденный момент развития, и притом в сокращенном виде.

Повторяемость может осуществляться не в той последовательности смены форм, которой характеризовалось филогенетическое развитие.

Она представляет собой только момент онтогенетического развития. В развитии эмбриона имеются моменты, присущие лишь данному виду, которые являются не воспроизведением более ранней, самостоятельной формы, а продуктом приспособления к эмбриональной жизни.

Повторение филогенеза в онтогенезе выступает не как точная копия, а как приблизительное, упрощенное повторение. Чем объясняется приблизительность, упрощенность повторения филогенеза, его «искаженность», «фальсификация» в онтогенезе? Ф. Мюллер и Э. Геккель приходят здесь к одному мнению. Повторение «искажается» и фальсифицируется вторичным приспособлением организма к новым условиям в процессе его индивидуального развития. Повторение тем вернее, чем единообразнее условия существования данного организма и его предков.

2. Критика биогенетических теорий психического развития

Попытки применить биогенетический закон в исследовании психического развития человека предпринимались уже со второй половины XIX века. С этого времени начинают бурно развиваться исследования психики ребенка в плане онтогенеза. В 1877 году Ч. Дарвин публикует «Биографический очерк ребенка». Примерно в этот же период появляются аналогичные работы Тэна, Эггера и других, а вслед за ними

систематическая работа Вильгельма Прейера «Душа ребенка». Прейер находит множество последователей в различных странах. Накапливается большой фактический материал по развитию психики ребенка. Исследуется мышление народов, близко стоящих по своему уровню к первобытному человеку. Широкое развитие получает зоопсихология.

Рассмотрение полученного материала показало, что действительно существует множество фактов сходства, аналогий, параллелей между отдельными сторонами психического развития ребенка и психическим развитием человечества на ранних ступенях исторического развития, а также психическим развитием ближайших предков человека. О наличии сходства и аналогий говорили факты развития мышления, речи, рисунка и т. д. Возникла необходимость теоретического, философского обобщения и осмысления этого колоссального материала.

Возникновению биогенетической концепции психического развития способствовала также антинаучная, реакционная теория об определяющей роли наследственности в формировании организма, выдвинутая Менделем и развиваемая его последователями применительно к наследованию душевных качеств и умственных способностей. Одни из них делали выводы о наследственности некоторых групп душевных заболеваний, другие доказывали, что такие социальные явления, как бродяжничество, воровство, проституция и другие, определяются наследственностью. Менделистская концепция распространялась и на умственные способности. Петерс, например, сравнивал школьные отметки детей, родителей и дедов и пришел к «поразительным» (по своей антинаучности) выводам о том, что распределение отметок в течение трех поколений оказывается удивительно равномерным. Он даже установил целый ряд «законов» наследования умственных способностей: если оба родителя умны, то умны и их дети, если родители глупы, то дети также глупы, и т. д., и т. п.

Все это и определило такое положение, что многие психологи обратились к биогенетической концепции Ф. Мюллера и Э. Геккеля и распространили основной биогенетический закон на развитие психики. По аналогии с биогенетическим законом, согласно которому организм в утробном периоде своего развития повторяет в сокращенном виде стадии, исторически пройденные видом, биогенетическая теория психического развития признает, что психическое и культурное развитие отдельного человека (индивида) является сокращенным повторением психического и культурного развития человечества (вида). Представителями биогенетической теории развития психики являются Стенли Холл (США), Гетчисон, Болдуин (Англия), В. Штерн (Германия), Блонский (Россия).

Остановимся на некоторых из них. Стенли Холл, опираясь на биогенетический принцип, дает такое объяснение детским играм: первоначально они являются формами проявления психики первобытных людей, а затем повторением в крупных чертах дальнейших этапов в жизни человечества. Холл исходит из того, что индивидуальное психическое развитие человека повторяет в сокращенном виде развитие психики и культуры человечества. На основе этого он дает следующую периодизацию психического развития ребенка (по аналогии с историей человечества): стадия первобытного дикаря (до 3—4 лет); переход к кочевому образу жизни (до 7—8 лет); переход к земледелию, меновой торговле и натуральному хозяйству (до 12—13 лет); переход к денежной торговле (после 14 лет).

Другой представитель биогенетической концепции, В. Штерн, предлагает следующую схему, характеризующую закономерности развития психики ребенка. Ребенок в первые месяцы своего внеутробного развития находится в стадии млекопитающего; во второе полугодие, развив деятельность хватания и разностороннего подражания, он достигает развития высшего млекопитающего — обезьян, а на втором году жизни, овладев вертикальной походкой и речью, — элементарного человеческого со-

стояния. В первые пять лет игр и сказок он стоит на ступени первобытных народов. Затем следует школьный период — онтогенетическая параллель вступления человека в культуру. В первые школьные годы наиболее адекватно детскому духу простое содержание античного и ветхозаветного мира, средние годы носят черты фанатизма христианской культуры, и только в периоде зрелости достигается духовная дифференциация, соответствующая состоянию культуры нового времени.

К биогенетическим теориям психического развития непосредственно примыкает и педологическая теория, согласно которой формирование психики определяется роковым действием двух факторов: наследственностью и средой. Педологи широко используют положения биогенетической теории для построения своих концепций (Блонский и другие).

Биогенетическая теория психического развития, как она сложилась в буржуазной науке, теоретически несостоятельна и ведет к реакционным педагогическим выводам. Утверждение, что биогенетический закон является имманентным законом психического развития, основанным на наследственном предрасположении, в силу которого каждый индивид с необходимостью должен пройти через все стадии, пройденные в своем развитии человечеством, антинаучно. Это утверждение ведет к опровергнутому развитием психологической науки и педагогической практики положению о фатальной предопределенности психического развития человека биологическими факторами наследственности. Онтогенез имеет свои собственные закономерности развития, и повторение известных черт филогенеза выступает лишь как сторона, момент индивидуального психического развития.

Из наличия сходства между историческим и индивидуальным развитием биогенетики делали вывод о тождестве индивидуального и исторического процессов. Это неверно, ибо важнейшие условия развития в обоих случаях различны. Историческое развитие психики человека не сопровождалось сколько-нибудь существенными физиологическими изменениями организмов на протяжении нескольких последних тысячелетий, в то время как развитие психики отдельного человека сопровождается значительными физиологическими изменениями на протяжении жизни. Различна также роль труда и речи в филогенезе и онтогенезе. История человеческого общества не протекала вне труда, в то время как индивидуальное развитие в определенной своей части (детство) протекает вне трудовой деятельности. В филогенезе речь развивалась одновременно с мышлением, фиксируя достигнутые им этапы развития. В онтогенезе человек овладевает речью, отражающей определенный уровень развития мышления. Наконец, в филогенезе новое, молодое поколение идет впереди предшествующего, оно выше предшествующего. Психическое развитие в онтогенезе совершается в среде взрослых, стоящих на более высоком уровне психического развития, и протекает в специфических условиях воспитания и обучения.

Биогенетики распространяют биогенетический закон на те явления психического развития, где он не действует. Они утверждают, что ребенок в индивидуальном развитии повторяет в силу наследственности социальное развитие общества. Они смешивают два плана развития — биологическое и психическое развитие отдельного человека и социальное, общественное развитие. Повторяемость социального развития, если она и имеет место, надо искать в социальном же развитии, но не в развитии индивида. Несостоятельны также и их утверждения относительно того, что индивидуальное развитие повторяет содержание идей, поведения, переживаний, присущих людям на различных этапах развития человеческой истории. Здесь речь может идти лишь о сходстве складывания, развития психофизического аппарата. По мере формирования последнего ребенок получает возможность в процессе воспитания и обучения, в процессе овладения культурой, переходить от более простых к более сложным вос-

приятиям и переживаниям, источником которых служит окружающая его социальная среда.

Биогенетики же исходят из концепции предопределенности развития индивида развитием рода, сводят на нет роль обучения и воспитания, школы и педагога в формировании психики ребенка. Психическое развитие понимается ими как стихийный процесс, совершающийся фатально, помимо воли и сознания людей, вне связи с окружающей их жизнью. Ребенок превращается биогенетиками в современника своих отдаленных предков.

Биогенетическая концепция психического развития должна быть отвергнута как антинаучная и реакционная.

3. Повторяемость в умственном развитии человека

Проблема повторяемости в психическом развитии ставилась не только в психологии, но и в философии. Большая заслуга в ее постановке принадлежит Гегелю. Он показал, что индивид в течение своего духовного развития должен пройти те этапы пути, которые уже пройдены развитием человеческого духа (познания). «То, что в более ранние периоды времени занимало зрелый дух мужей,— говорит Гегель,— свелось к познаниям, упражнениям и даже к игре отроческого возраста». Духовное развитие индивида должно без предубеждения повторять сначала всю историю духовного развития человечества (см. Г. В. Гегель «Феноменология духа», 1913, стр. 13). Ф. Энгельс, указывая на поражающее богатство мыслей гегелевской философии, ссылается на «Феноменологию духа», где, по мнению Ф. Энгельса, дается параллель эмбриологии и палеонтологии духа, изображение индивидуального сознания на различных ступенях его развития, рассматриваемых как сокращенное воспроизведение ступеней, исторически пройденных человеческим сознанием (см. «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», 1953, стр. 10).

Марксизм признает, что в психическом развитии индивида имеются моменты повторения некоторых сторон психического развития человечества и прежде всего умственного развития. Для выяснения этого вопроса обратимся сначала к некоторым высказываниям классиков марксизма-ленинизма. Энгельс писал в «Диалектике природы»: «...Подобно тому, как история развития человеческого зародыша во чреве матери представляет собой только сокращенное повторение разворачивавшейся на протяжении миллионов лет истории физического развития наших животных предков начиная с червя, точно так же и духовное развитие ребенка представляет собой только еще более сокращенное повторение умственного развития тех же предков,— по крайней мере более поздних» (1955, стр. 140).

Здесь Энгельс ясно и недвусмысленно указывает на то, что в одном из моментов психического развития обнаруживается действие закона, сходного с биогенетическим законом: умственное развитие ребенка представляет собой сокращенное повторение умственного развития человечества, его ближайших предков.

В. И. Ленин, указывая на те области знания, из которых должна сложиться теория познания и диалектика, не случайно ссылаясь на историю умственного развития ребенка и животных. Он понимал, что исследование умственного развития ребенка и животных дает в распоряжение философии большой материал для восстановления истории умственного развития человечества.

Мысль о сходстве биогенетического закона с законами умственного развития ребенка высказывал и Г. В. Плеханов. Он писал: «В наше время все естествоиспытатели признают, что *развитие особи*, от состояния яйцевой клетки до зрелой формы, представляет, до известной степени, повторение *развития вида*: зародыш проходит фазы, сходные с состоянием отдельных предков данной особи. Нечто подобное справедливо и для умствен-

ного развития: психическое развитие каждого человека является родом конспекта истории развития его предков. Само собой разумеется, что приспособление к среде, особенно социальной, требует существенных поправок к этому закону, который, впрочем, и в биологии принимается не как безусловная картина» (Соч., т. VIII, стр. 48).

Из этих высказываний становится ясно, что повторение истории психического развития человечества имеет место в развитии психики человека; что эта повторяемость обнаруживается прежде всего в умственном развитии; что повторяемость рассматривается как диалектическая, то есть как сокращенная и приближительная, очищенная от случайностей, происходящая на высшей основе.

Исходя из этих методологических положений, мы рассмотрим некоторые моменты умственного развития человека (и ребенка и взрослого), сравнивая их соответственно с историей умственного развития человечества.

Проблема умственного развития, стадий и закономерностей его протекания имеет не только большое теоретическое, но также и практическое значение, ибо она тесно связана с вопросами обучения и воспитания. Исследованием умственного развития в плане онтогенеза занимались многие психологи (Пиаже, Валлон, Рей, Штерн, Бюлер, Айзекс — за рубежом; Блонский, Выготский, Узнадзе и другие — в СССР). Мы не намерены заниматься критическим рассмотрением различных теорий развития мышления. Наша задача состоит в том, чтобы подчеркнуть, что огромный фактический материал, собранный исследователями, показывает наличие известной повторяемости и в умственном развитии человека.

Если мы обратимся к уровню умственного развития ребенка дошкольного возраста, то характеристика его мышления сводится в основном к следующим особенностям: все мышление ребенка до трех лет определяется деятельностью восприятия, оно носит преимущественно непосредственный характер. «Ребенок разбирается и устанавливает мыслительные связи между наглядно воспринимаемыми элементами. Можно было бы показать, что все функции этого возраста идут вокруг восприятия, через восприятие, с помощью восприятия. Это ставит само восприятие в благоприятные условия развития в данном возрасте. Восприятие как будто бы обслуживается всеми сторонами деятельности ребенка, и поэтому ни одна функция не переживает такого пышного расцвета в раннем возрасте, как функция восприятия» (Л. С. В ы г о т с к и й «Избранные психологические исследования», 1956, стр. 431). Память ребенка в этот период его развития существует в форме узнавания. Ребенок узнает вещь только в процессе восприятия и очень редко вспоминает то, чего нет в данный момент перед его глазами; он может быть внимателен только к тому, что находится в поле его восприятия.

Мышление ребенка на этой ступени развития является «конкретным», «наглядно-действенным». «Интеллектуальная деятельность формируется сначала в плане действия. Она опирается на восприятие и выражается в более или менее осмысленных целенаправленных предметных действиях. Можно сказать, что у ребенка на этой ступени лишь «наглядно-действенное» мышление или «сенсомоторный интеллект» (С. Л. Р у б и н ш т е й н «Основы общей психологии», 1946, стр. 375).

И. М. Сеченов убедительно показал, что в ранний период активного познания человеком объектов внешнего мира имеет место «контактное восприятие» с образованием соответствующих кинестетических связей, являющееся первым и необходимым условием его ориентации. В дальнейшем развитие «дистантных связей» (зрение, слух) опирается на «контактное восприятие». В общем взаимодействии органов чувств в этот период ведущая роль принадлежит кинестетическому анализатору. Иначе говоря, в доязыковый период у ребенка ведущей является гаптика (хватательная реакция), а не оптика.

Первым по времени воспринимающим качеством вещей является цветность, восприятие же величины и особенно формы осуществляется в более позднее время.

Исследования советских и зарубежных ученых дают довольно полную картину уровня умственного развития антропоидов. При сравнении его с умственным развитием ребенка доязыкового периода мы легко заметим в последнем некоторые моменты повторения черт умственного развития антропоидов. В самом деле, вся мыслительная деятельность антропоидов определяется кругом предметов, находящихся в поле их зрения, то есть восприятиями. Они не могут связать воспринимаемое в данный момент явление с другим, которое в данный момент не воспринимается. Если обезьяна не получает второго раздражения, которое входит в комбинацию с первым, то она по следу (в мозгу) не свяжет их. Например, обезьяне нужно заливать водой огонь. Если она смотрит на огонь и ее глаз не видит воду, которая стоит в стороне, то она не пойдет за водой, а сделает это только тогда, когда, двигаясь, увидит воду.

Далее. Мышление антропоидов является конкретно-действенным. И. П. Павлов определяет его как мышление в действии. «Ее (обезьяны. — И. Г.) мышление вы видите своими глазами в ее поступках. В этом — доказательство ее разумности... Конечно, это есть разумность элементарная, отличающаяся от нашей только бедностью ассоциаций. Обезьяна имеет ассоциации, образованные от взаимодействия с механическими предметами природы» («Павловские среды», т. II, стр. 431). Утверждения некоторых исследователей (Гартнер, Бюлер, Келлер) о том, что у антропоидов имеются представления о предметах и действиях и что обезьяны пользуются ими как мыслительным материалом, опровергаются исследованиями советских ученых.

У антропоидов наибольшее развитие получает кинестетическая чувствительность, играющая ведущую роль в их мышлении. Рассматривая случаи простого и сложного поведения, случаи выработки навыков у антропоидов, мы везде сталкиваемся с ведущей ролью кинестетического анализатора. Н. Н. Ладыгина-Котс провела большую экспериментальную работу по исследованию анализаторской способности зрения обезьяны и установила, что обезьяны довольно тонко и безошибочно определяют цвет, форму и величину. Чтобы определить, какой из трех признаков предмета — цвет, форма или величина — учитывается ими лучше всего, был поставлен следующий опыт. Обезьяне предлагалось проводить анализ по трем этим признакам одновременно. Для этого сопоставляли в одно и то же время шестнадцать предметов восьми цветов, четырех форм и трех величин. Несмотря на большую сложность задачи, процент правильного отождествления был очень высок — 81. Когда обезьяне шимпанзе приходится выбирать между тремя признаками, она в первую очередь ориентируется по цвету, затем по величине и, наконец, по форме. Цветность, следовательно, является у антропоидов наиболее сильным признаком предметов для ориентировки среди них.

Таким образом, рассмотренные факты показывают, что в доречевой период умственное развитие ребенка повторяет некоторые характерные признаки интеллекта антропоидов. Разумеется, здесь не может быть и речи о тождестве этих процессов, но о повторяемости в ее диалектическом понимании мы с основанием можем говорить.

Когда мы рассматриваем мышление дошкольника, ребенка, уже овладевшего в основном языком, получившего это неоценимое средство человеческого общения, закономерности его умственного развития приобретают все более специфический характер. Но и в нем мы можем обнаружить случаи известного повторения умственного развития человечества, характерного для ранних ступеней. Для подтверждения этого положения мы остановимся лишь на одном моменте, характеризующем мышление, — на типе мышления. При рассмотрении этого вопроса мы будем

обращаться к исследованиям Леви-Брюля, у которого, несмотря на порочность общей концепции о пралогическом мышлении, имеется богатый фактический материал.

Человеческое мышление на ранних ступенях его исторического развития скользит еще, так сказать, по поверхности вещей и явлений, не углубляясь до познания их сущности. В мыслительном материале людей на низших ступенях развития чрезвычайно значительное место занимали представления. Их мышление уже вышло из скованности наглядной, практической ситуацией, но не поднялось еще до абстрактного, обобщенного, теоретического мышления. «Их мышление не поднимается до абстракций и логических формул, оно придерживается воспринятых образов... Одним словом, наше мышление является... построенным на понятиях, первобытное же мышление совершенно не является таковым» (Л. Леви-Брюль «Первобытное мышление», 1930, стр. 290). Языки низших обществ «всегда выражают представления о предметах и действиях в том же точно виде, в каком предметы и действия представляются глазам и ушам» (там же, стр. 104).

Логический строй мысли, умение оперировать суждениями, строить умозаключения, является продуктом исторической практики. В. И. Ленин, рассматривая категории логики и человеческую практику, указывал, что «практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, дабы эти фигуры могли получить значение аксиом» («Философские тетради», 1947, стр. 164). В другом месте Ленин пишет: «Практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения» (там же, стр. 188).

У человека на его ранних ступенях развития ограниченная практика не превратила еще те или иные формы мысли, которыми он пользовался, в аксиомы. В силу этого в мышлении первобытного человека имели довольно большое место отступления от законов формально-логического мышления. Это дало повод некоторым исследователям считать, что мышление первобытных людей «пралогично», что оно имело свою логику мышления, отличную от нашей логики. Но это не так. Указанные факты говорят лишь о становлении логического мышления, о превращении законов логического мышления в аксиомы, имеющие «прочность предрассудка».

С подобной ступенью развития мы встречаемся и в мышлении дошкольника. Важнейшей особенностью мышления дошкольника, в отличие от мышления другого возраста, является то, что оно осуществляется на основе представлений. Представления вначале менее общие, затем более общие, вначале определяемые непосредственно окружающими вещами и явлениями, потом выходящие за пределы видимого и определяемые опосредствованно, с помощью наглядных средств и языка, — вот основной мыслительный материал дошкольника. Если для ребенка доречевого периода суть мышления состоит в том, что он разбирается в видимых связях, то у дошкольника совершается переход от наглядного действенного мышления к мышлению отвлеченному, происходит выключение его из конкретной временной ситуации.

Ребенок дошкольного возраста находится на такой стадии умственного развития, когда он усваивает логический строй мысли: учится пользоваться суждениями, умозаключениями. Естественно, что логические законы не носят у него еще «характера предрассудка», не являются «аксиомами» мысли, а отсюда и широко распространенный алогизм в мышлении ребенка-дошкольника.

С известной повторяемостью мы встречаемся и в познании. Умственное развитие человека непосредственно связано с его обучением. Обучение основам науки в школе одновременно является процессом формирования у учащихся умственных действий. Обучение определяет умственное раз-

витие. Но обучение есть вместе с тем определенная система, которая дает возможность усваивать в известной последовательности все богатство знаний, накопленных человечеством. Чем же определяется последовательность обучения, в каком порядке должны усваиваться человеческие знания? Методологические основы решения этого вопроса даны Ф. Энгельсом:

«Развитие какого-нибудь понятия или отношения понятий (положительное и отрицательное, причина и действие, субстанция и акциденция) в истории мышления так относится к развитию его в голове отдельного диалектика, как развитие какого-нибудь организма в палеонтологии — к развитию его в эмбриологии (или, лучше сказать, в истории и в отдельном зародыше). Что это так, было открыто по отношению к понятиям впервые Гегелем. В историческом развитии случайность играет свою роль, которая в диалектическом мышлении, как и в развитии зародыша, *резюмируется в необходимости*» («Диалектика природы», стр. 176).

Значит, развитие понятий в голове отдельного человека в известной степени должно необходимо повторять развитие понятия в истории человеческого познания. Безусловно, познание индивида не повторяет все зигзаги, заблуждения и отступления, имевшие место в истории познания. Но в нем закономерно повторяется история познания в обобщенном, очищенном от случайностей виде.

Всякое развитие идет от простого к сложному, от менее сложного к более сложному. То же самое имеет место и в истории познания. Прежде чем подняться до познания сущности вещей и явлений, их связей и взаимоотношений, взаимного перехода друг в друга, необходимо было накопить определенный фактический материал. Вначале познание было направлено на изучение природы в ее отдельных составных частях, на классификацию явлений и предметов природы. Эта ступень человеческого познания характеризуется описанием и систематизацией фактического материала, выделением вещей и явлений из их естественной или исторической связи, рассмотрением их в неподвижном состоянии. Формально-логический строй мысли вполне обеспечивал потребности познания, являясь закономерной ступенью в развитии человеческого интеллекта и переходе к мышлению диалектическому, которое, прорывая узкий горизонт формальной логики, поднимается на более высокую ступень.

Подобную ступень познания неизбежно проходит познание каждого человека. В период школьного обучения происходит изучение явлений и вещей природы в ее отдельных составных частях вне их естественной и исторической связи. Исследования мышления школьника показывают, что оно носит преимущественно формально-логический характер. Сознательное овладение формально-логическим строем мысли является важнейшей ступенью умственного развития школьника и одной из основных задач школьного обучения. В связи с этим нам кажется неправомерным отсутствие преподавания формальной логики в школе, изучение которой имеет большое значение для формирования формально-логического мышления и помогает в дальнейшем перейти к мышлению диалектическому.

Логика изучения наук отдельным человеком в известной мере повторяет в обобщенном, очищенном от случайностей виде ступени познания человечества. Последовательность изучения наук повторяет историю становления этих наук. Попытаемся раскрыть это положение на двух примерах.

Появление геометрии как науки относится примерно к 300 году до нашей эры. По имени ее создателя Евклида она была названа евклидовой геометрией. Это была наука о простейших пространственных формах и отношениях, развиваемых в определенной логической последовательности, исходя из определенных аксиом и постулатов, сформулированных в работе Евклида «Начала» (через две точки можно провести одну прямую; отрезок прямой можно неограниченно продолжать; данным радиусом из данной точки можно провести окружность; равные одному и тому же равны между собой и т. д.). Принципиально новый шаг в геометрии был сделан

в первой половине XVII века Декартом, который ввел в геометрию метод координат, позволивший связать геометрию с развивавшейся тогда алгеброй и математическим анализом. Возникла «аналитическая геометрия». В ней рассматриваются уже гораздо более общие формулы и используются существенно новые методы, изучаются фигуры и пространства, задаваемые алгебраическими уравнениями. На ее почве возникают дифференциальная геометрия, проектная геометрия, начертательная геометрия.

Наконец, высшей ступенью в развитии геометрии является неевклидова геометрия, названная по имени ее создателя геометрией Лобачевского. Лобачевский рассматривал свою геометрию как возможную теорию пространственных отношений. Он показал, что логически мыслима не одна евклидова геометрия, но и другие геометрии. Основная аксиома Лобачевского сводится к следующему: через точку, не лежащую на данной прямой, можно провести не одну, а по крайней мере две параллельные ей прямые. Истинность геометрических теорий можно проверить только опытом, говорил Лобачевский, и не исключено, что в дальнейшем опытные исследования обнаружат неточное соответствие евклидовой геометрии реальным свойствам пространства. Современная физика полностью подтвердила геометрию Лобачевского.

Путь, пройденный в истории познания от евклидовой геометрии к аналитической геометрии и, наконец, к геометрии Лобачевского, должен неизбежно повторяться (и он повторяется в педагогической практике) в процессе изучения геометрии. Нарушение этой последовательности и перескакивание через одну из ступеней развития не приведет к плодотворным результатам в изучении геометрии.

То же самое можно сказать об истории развития химической науки и последовательности ее изучения.

Развитие химии как науки начинается с развития неорганической химии, открытия и исследования элементов, установления состава неорганических веществ, нахождения закономерных связей, свойств и т. д. Затем химия переходит к синтезу и исследованию органических соединений, возникает органическая химия. Наконец, позже возникают физическая химия и коллоидная химия. Физическая химия исследует физические и химические процессы в их неразрывной связи. Коллоидная химия изучает коллоидные растворы, то есть такие, в которых растворенное вещество находится не в виде отдельных молекул и ионов, а в виде агрегатов, состоящих из огромного числа молекул. Последовательность изучения этой группы наук повторяет последовательность их становления.

Принцип соответствия последовательности обучения и истории познания, установления преемственных связей различных ступеней обучения должен получить широкое распространение в педагогической практике при составлении учебных программ.

* * *

Подведем краткие итоги.

Эмбриональное развитие индивида в «конспективном», сжатом виде повторяет историю развития вида; путь умственного развития отдельного человека в общих чертах повторяет историю умственного развития человечества; последовательность изучения наук каждым отдельным человеком повторяет в обобщенном, очищенном от случайностей виде историю их развития.

Повторяемость предстает, таким образом, как одна из закономерностей развития и как важнейшая сторона диалектического закона отрицания отрицания.

К вопросу об образовании понятия

В. М. БОГУСЛАВСКИЙ

«Понятие — форма мышления, в которой отражаются предметы и явления реального мира в их существенных, необходимых признаках и отношениях». «Первая отличительная черта понятия — всеобщность». «Понятия закрепляют в системе знаний содержание, обязательное для всех людей, независимо от того, как тот или иной человек представляет себе данный предмет. В отличие от представлений понятия лишены конкретной наглядности... Вне слова понятия не могут ни возникнуть, ни существовать». Так определяется понятие в 34-м томе БСЭ, вышедшем в 1955 году (стр. 149—150), и примерно так же оно определяется в Кратком философском словаре под редакцией М. Розенталя и П. Юдина (4-е изд., 1954, стр. 469—470). Здесь отмечено пять признаков, характеризующих понятие: оно отражает объективно общее (1) и существенное (сущность) в вещах (2), являясь общим для людей, имеющих различные представления (3), фиксируется в словах (4) и ненаглядно (5). Если не забывать указаний Ф. Энгельса и В. И. Ленина об условном и относительном значении всех дефиниций вообще, поскольку они не могут охватить всесторонних связей определяемого объекта в его развитии, то приведенное наиболее распространенное у нас определение понятия представляется мне правильным. Конечно, если раскрыть каждый из перечисленных признаков понятия, то специфика этой формы мысли выявится гораздо полнее и точнее. Но ни один из этих признаков нельзя устранить, не устранив качественного своеобразия понятия.

Требование устранить из определения этой формы мышления упоминание о ее всеобщности и о том, что в ней отражаются существенные признаки, выдвигаемое на том основании, что и в представлении содержатся оба названных момента (см. А. А. Ветров «Расчлененность формы как основное свойство понятия». «Вопросы философии» № 1, 1958, стр. 41—42), основано на недоразумении. Ведь общее в чувственном образе — это неразличенное, слитное общее, то есть такое общее, внутри которого еще не выявлены различия. Между тем общее в понятии содержит в себе уже выявленные, выделенные различия. И в той мере, в какой А. А. Ветров указывает на это, он прав. Отсюда, однако, следует не тот вывод, что всеобщность не является характернейшей особенностью понятия, а вывод о том, что всеобщность понятия качественно (а не только по степени) отличается от общности чувственного образа. Нетрудно было бы показать, что точно так же дело обстоит и с существенными признаками и что, отказавшись считать их отличительной особенностью понятия, мы утратили бы возможность выяснить значение понятия в познании. Но это не входит в задачу данной статьи.

Из перечисленных выше пяти основных особенностей понятия три последних иногда рассматриваются как естественные следствия двух первых: всеобщности и способности отображать сущность вещей. Материалисты до Маркса полагали, по-видимому, что знания этих двух моментов

вполне достаточно для ответа на вопрос о том, как образуется понятие. Во всяком случае, на деле характеристику процесса образования понятия они обычно прямо выводили из характеристики этих двух его особенностей. Схема рассуждения, объясняющего этот процесс, выглядит примерно так: раз понятие отражает существенное и необходимое, отвлекаясь от несущественного, случайного, значит, оно получено путем сравнения различных представлений, выделения того, что в них существенно и необходимо, и отбрасывания того, что в них несущественно и случайно. Раз понятие отражает общее, пренебрегая индивидуальным, значит, оно возникло путем сравнения различных представлений, выделения в них общего и отбрасывания различного, и т. д.

Вывод, к которому ведет такое рассуждение, тот, что в отличие от представления, образующегося путем простого воспроизведения восприятия, понятие образуется путем сравнения различных представлений и восприятий, путем их анализа и синтеза, путем отвлечения и обобщения. К этому выводу приходит и А. А. Ветров. «Чтобы получить понятие,— пишет он,— необходимо... предметы сравнивать друг с другом, анализировать их признаки...». «...Получение понятия... осуществляется с помощью приемов сравнения; анализа, синтеза, абстрагирования и т. д.» В этом, по словам А. А. Ветрова, заключается «суть понятийного мышления в его отличии от представлений» (цит. статья, стр. 42—43).

По мнению сторонников описанной точки зрения, сравнение различных представлений и выделение в них общего означают образование понятия (видового), а сравнение различных понятий (видовых) и выделение общего в них ведут к возникновению более широкого по объему понятия (родового). Здесь, следовательно, не усматривается никакой разницы между переходом от представлений к понятию, с одной стороны, и от одних понятий к другим — с другой. И тут и там все сводится к схеме: индивид — вид — род.

С описанной точки зрения невозможно усмотреть никакой разницы между представлением и единичным понятием. Уже здесь заметно, что эта точка зрения стирает грань между представлением и понятием. Это становится еще заметнее, если принять во внимание тот общеизвестный факт, что представления возникают отнюдь не путем простого воспроизведения восприятий. Не все содержание восприятий входит в представление, при этом имеет место известный анализ: память удерживает некоторые черты образа восприятия, опуская другие его черты. Тут имеется также и известный синтез, ибо представление есть результат ряда как-то объединенных восприятий. Таким образом, здесь налицо некоторая степень отвлечения и обобщения. Различие между образованием представления и образованием понятия (понимаемым в вышеописанном домарксовском смысле) оказывается различием лишь в степени развития анализа, синтеза, отвлечения и обобщения, поскольку и в том и в другом случае все эти операции имеют место.

Строго последовательный вывод отсюда гласит, что понятие — это более обобщенное, более отвлеченное представление, иначе говоря, что никакого качественного различия здесь нет. «...Понятие в конечном счете... сводится при логическом его анализе к общим представлениям, которые выступают в качестве последних элементов», — говорит А. А. Ветров (там же, стр. 45) и дает весьма простую схему этого сведения — переход от дефиниции понятия к дефинициям определяющих его понятий вплоть до «неопределимых элементов», которые оказываются общими представлениями. Эта схема покоится на признании того, что наряду со словами, фиксирующими понятия, существуют слова, фиксирующие представления и не выражающие никакого понятия.

Мы не можем с этим согласиться, ибо полагаем, что так же, как не существует абстрактной мысли, не закрепленной в словах, не существует

и слов, не несущих в себе абстрактной мысли. Слова хотя и сопровождаются представлениями, но в с е г д а выражают понятия и суждения, и мы отнюдь не смешиваем представления, вызываемого тем или иным словом, с закрепленным в этих словах понятием. Поэтому «сведение», о котором пишет А. А. Ветров, неосуществимо. В известном ленинском высказывании о том, что, имея понятие о скорости света, мы не можем ее себе представить, подчеркивается качественное отличие представлений от понятийного мышления и, разумеется, несводимость последнего к представлениям. Как нельзя «свести» воду к кислороду и водороду, так невозможно «свести» понятие к представлениям, на основе которых оно возникает, ибо и в том и в другом случае имеет место качественное изменение. Отрицание этой качественной разницы — результат попытки объяснить образование понятия, ограничившись сопоставлением готового понятия и готового представления. Но нас здесь интересует д в и ж е н и е, результатом которого является понятие. А про мысли, как и про отраженные в них объекты, можно сказать: в том, что все они «находятся во взаимной связи, уже заключено то, что они воздействуют друг на друга, и это их взаимное воздействие друг на друга и есть именно движение» (Ф. Э н г е л ь с «Диалектика природы». 1955, стр. 45).

Нам кажется поэтому, что для понимания процесса образования понятия и его отличия от процесса образования представления чрезвычайно важно исследовать связи между понятиями и их отличие от связей между представлениями.

Одновременность или последовательность восприятия тех или иных явлений объективной действительности обуславливает одновременность или последовательность соответствующих представлений. Это и есть основной тип связей между представлениями, замеченный еще Аристотелем и названный Локком «ассоциацией представлений». Таким образом, основной тип связи представлений — это ассоциация по смежности. Ассоциации по сходству и по контрасту — результат развития и усложнения этого основного типа связи между представлениями. «Условная связь... — говорит И. П. Павлов, — есть, очевидно, то, что мы называем ассоциацией по одновременности. Генерализация условной связи отвечает тому, что зовется ассоциацией по сходству» (И. П. П а в л о в. Полное собрание трудов, т. III. 1949, стр. 568). «Представления ...постоянно бывают связаны с мыслями, выраженными в словах...» (Г. А. Ф о р т у н а т о в и А. В. П е т р о в с к и й «Психология». 1956, стр. 42). Однако мы сознательно устраним из сферы нашего рассмотрения все то, что здесь зависит от абстрактного мышления, от языка, от наших умозаключений и понятий, в том числе и присущее лишь человеку понятие о его собственном сознании и связанное с этим сознательное стремление человека вызвать в своем сознании то или иное представление. Лишь при этом условии мы получим возможность хотя бы в самой общей форме рассмотреть связь представлений такой, какова она там, где нет отвлеченного мышления и языка, то есть у высших животных.

Представление о явлении *A* влечет за собой представление о явлении *B* в том и только в том случае, если явление *B* воспринималось вслед за явлением *A* (или одновременно с ним) или если явление *B* внешне сходно с явлением *A*. Связь представлений возникает лишь благодаря известному содержанию и известной последовательности восприятий, но ни содержание, ни последовательность восприятий от воли воспринимающего не зависят. Даже у людей одно представление влечет за собой другое весьма часто не только независимо от воли человека, но даже вопреки его воле: в его сознании могут упорно возникать образы, от которых он усердно, но тщетно пытается избавиться. Тем более ясна независимость связи представлений от воли животного, которое способно желать овладеть той или иной вещью (например, плодом), испытать то или иное ощущение (например, чтобы его погладили), но неспособно желать иметь то или иное

представление просто потому, что у животного нет никакого представления о его представлениях.

Совпасть во времени (или внешне напомнить друг друга) могут падение сосновой шишки и песня жаворонка, лесной пожар и безлунная ночь — короче, любые явления, между которыми нет никакой необходимой связи, никакой причинной зависимости. Поэтому ассоциативные связи приводят к образованию цепей представлений о самых отдаленных друг от друга объектах и фактах, зачастую ничего общего друг с другом не имеющих. В ассоциациях представлений находят свое отражение те связи объективной действительности, которые могут быть, а могут и не быть, то есть случайные связи. Это, конечно, вовсе не значит, что связи представлений не содержат верных знаний о действительности, помогающих животному ориентироваться в окружающей его среде. Так как в случайности проявляется необходимость, то среди возникших у животного ассоциаций неизбежно оказываются такие, которые отражают жизненно важные для данного животного связи, более или менее часто повторяющиеся в его восприятиях. Эти ассоциации, подкрепляясь новыми восприятиями, все более закрепляются, а другие ассоциации, не подкрепляемые новыми восприятиями, постепенно угасают. При этом подкрепление (или отсутствие подкрепления) действием фактора, жизненно важного для животного, играет решающую роль как в возникновении вновь образующегося представления, так и в формировании содержания этого представления. Отбор тех элементов восприятий, которые входят в представление, в решающей степени определяется прочностью их связи с тем, что жизненно важно для животного. Поэтому на основе восприятий, не имеющих сколько-нибудь заметной связи с жизненно важным фактором, представление вообще не возникает.

Отбор связей — отбрасывание одних, сохранение других — имеется и в отношении ассоциаций, но этот отбор определяется конкретными условиями жизни данной особи, в которых одни явления повторяются, а другие нет, и — что особенно важно — прочностью связи между тем, что жизненно важно для животного, и явлениями природы, составляющими содержание представлений. Ассоциации представлений начинают в конце концов становиться отражением того, как относятся те или иные явления среды к тем или иным жизненно важным потребностям животного. В связях представлений отражается, иначе говоря, связь между животным и средой его обитания.

Обратимся теперь к понятиям, подвергнув рассмотрению в качестве примера образование связей между понятиями «сила», «движение», «теплота».

Хотя в основе понятий «движение» и «теплота» лежит множество восприятий и представлений, ясно, однако, что никакие ассоциативные связи между этими восприятиями и представлениями не могли дать той связи, какая возникла между этими понятиями. Этим объясняется тот факт, что тысячелетия эти понятия существовали, не будучи поставлены в связь друг с другом, хотя ассоциаций соответствующих представлений за это время возникло великое множество. Рассмотрим последовательно случай, когда возникающая связь понятий приходит на смену ранее имевшейся связи между этими понятиями, и случай возникновения связи между понятиями, которые раньше не были связаны.

В течение тысячелетий понятия о силе и о движении опирались на весьма ограниченный практический опыт. Этот опыт учил, что тела движутся, лишь пока на них действует сила, приводящая их в движение, и останавливаются с прекращением действия этой силы; что скорость движения тела также целиком зависит от движущей его силы. Именно так обстоит дело при движении тачки, толкаемой руками человека, или колесницы, которую мчат запряженные в нее кони. Понятия о силе и движении, подытожившие эту ступень развития практики, ясно выступают у

Аристотеля: «Движущееся тело останавливается, если сила, его толкающая, прекращает свое действие» (цит. по книге А. Эйнштейна и Л. Инфельда «Эволюция физики». 1956, стр. 42). Эти понятия были достаточны для практики античного и средневекового общества: они царили до конца XVI века.

Но рост городов, развитие ремесла, мореплавания, строительного и военного дела в XVI—XVII веках потребовали точного исследования прочности кораблей и построек, полета снаряда, колебаний маятника, а следовательно, и выработки более точного понятия о движении. Исследуются не только силы, действующие на тело в течение всего периода его движения (тянущие или толкающие это тело), но и силы, действующие кратковременно в форме удара, не только живые силы — человека или животного, но и силы неживой природы — воды, ветра, пороховых газов. Наконец, исследуются такие столь непохожие на усилия живых существ силы, как сила тяготения Земли, Солнца и других планет. Возникает механика, основоположник которой Галилей подвергает практической проверке тезис Аристотеля, обнаруживая его несостоятельность. Снаряд, однажды получивший толчок, затем летит, хотя на протяжении всего его пути никакая сила его не толкает. Да и колесница, если толкнуть ее, продолжает некоторое время катиться, не подвергаясь воздействию движущей силы. Исследуя такого рода факты, Галилей нашел, что свободное движение тела после толчка продолжается тем дольше, чем меньше оно испытывает внешних воздействий, мешающих этому движению. Отсюда он умозаключил, что полное устранение этих препятствий сделало бы движение тела вечным: «...Скорость, однажды сообщенная движущемуся телу, будет строго сохраняться, поскольку устранены внешние причины ускорения или замедления... из этого следует, что движение по горизонтальной плоскости вечно, ибо, если скорость будет постоянной, движение не может быть уменьшено или ослаблено, а тем более уничтожено» (там же, стр. 44—45).

Развивая дальше эти мысли Галилея, Декарт формулирует закон сохранения количества движения, а Ньютон — принцип инерции (открытый, по существу, Галилеем) и новое понимание силы как «действия, оказываемого на тело, чтобы изменить его состояние покоя или равномерного прямолинейного движения» (см. там же, стр. 45).

Так возникло новое, более точное и глубокое понимание соотношения между силой и движением, а следовательно, и новая связь между понятием силы и понятием движения. Эти новые знания, вызванные к жизни потребностями развивающейся практики, поступили на службу этой практике. Широкое применение добытых знаний в развивающемся мануфактурном производстве, в мореплавании и военном деле целиком подтвердило правильность вновь полученных выводов ученых и несостоятельность прежнего понимания движения и движущих сил.

Как протекал процесс образования связи между данными понятиями, процесс, исходным пунктом которого были нужды практики, запросы производства, транспорта, военного дела? Первым этапом этого процесса было приобретение новых сведений о движении и о движущих силах. Сведения эти доставила та самая практика, потребности которой дали направление исследованиям ученых. Вторым этапом явилось установление связи между обнаруженными свойствами движения, особенностями движущих сил, а также между ранее известными чертами движения и вновь обнаруженными его чертами. Следующий этап этого процесса — получение важных выводов: новое определение силы (как действия, выводящего тело из покоя или равномерного и прямолинейного движения) и новое определение движения (как несотворимого, неуничтожимого и продолжающегося при отсутствии помех вечно). «Основой классической механики, как она сформулирована Ньютоном, является связь между силой и изменением скорости, а не между силой и самой скоростью» (там же), как

думали в течение тысячелетия до Галилея и Ньютона. Это означало, что возникла новая связь между понятиями «сила» и «движение», что устранена прежняя связь между этими понятиями. Это означало также, что сами эти понятия существенно изменились, что старые понятия о силе и движении заменены новыми. Заключительным этапом явилась проверка новых понятий на практике, подтвердившая, что они точнее, вернее отражают действительность, чем те понятия, на смену которым они пришли.

Прежде чем делать выводы, рассмотрим еще случай образования связи таких понятий, между которыми до этого не усматривалось никакой связи. Для этой цели, нам кажется, подходят понятия «движение» и «теплота». Даже на той сравнительно высокой ступени, какой достигло развитие науки в XVIII веке, теплота рассматривалась не как движение, а как акциденция некоей теплотворной субстанции, присутствие которой в телах обуславливает их нагревание. Такое понятие о теплоте было неизбежно при существовавшем тогда уровне развития производства и естествознания. Исследование зависимости между теплотой и движением было порождено теми нуждами производства, которые вызвали к жизни первый механизм, превращающий теплоту в механическое движение. Изобретение и широкое внедрение паровой машины в XVIII веке были обусловлены развитием отраслей производства, тяготевших к источникам сырья, которые не могли применять употреблявшиеся ранее гидросиловые установки. Вот когда впервые исследуется соотношение между теплотой и движением и обнаруживается тот факт, что при возникновении теплоты имеет место «исчезновение» движения.

Исходным пунктом рассуждений М. В. Ломоносова по этому вопросу явилось рассмотрение целого ряда явлений трения и удара и установление того факта, что во всех этих случаях исчезает видимое движение (по крайней мере частично) и возникает теплота. Положение о сохранении количества движения в применении к случаям трения и удара требует признания, что и здесь движение не уничтожается, а лишь становится невидимым. А невидимым, рассуждает далее Ломоносов, может быть лишь движение частиц столь малых, что их невозможно разглядеть. Значит, при трении или ударе часть видимого движения всего тела превращается в невидимое движение мельчайших частиц, из которых это тело состоит. Порожденная трением или ударом теплота не может возникнуть из ничего — *ex nihilo nihil fit*, — стало быть, она возникает из чего-то другого, что исчезает при ее появлении. Но при появлении данной теплоты исчезло видимое движение всего тела в целом. Следовательно, теплота возникла из видимого движения всего тела, то есть теплота есть то, во что превратилось исчезнувшее видимое движение всего тела.

Здесь, таким образом, получалось два заключения: то, во что превращается видимое движение тела, исчезающее при трении и ударе, есть невидимое движение мельчайших частиц, из которых это тело состоит; то, во что превращается исчезнувшее при трении или ударе видимое движение тела, есть теплота. Из этих двух заключений, в свою очередь, следовал вывод: теплота есть невидимое движение мельчайших частиц, из которых состоят тела.

Нет нужды прибавлять, что дальнейшее развитие практики подтвердило справедливость этого вывода. Не будем мы здесь также входить в детальное рассмотрение того, о каком именно движении шла тогда речь и в какой степени здесь преодолевается односторонность в понимании движения и односторонность в понимании теплоты. Нам важно лишь очертить путь образования связи между этими понятиями: обнаружение новых, остававшихся ранее незамеченными сторон теплоты и движения, установление на этой основе связи, существующей между этими явлениями. Вот основные этапы этого процесса: получение на основе практики новых знаний (новых суждений) о теплоте и о движении; установление при помощи умозаключений связи между новым знанием о теплоте и но-

вым знанием о движении, между этими новыми знаниями и старым знанием; установление при помощи умозаключений ранее неизвестной существенной характеристики теплоты (что она есть движение) и ранее неизвестной существенной характеристики движения (что оно происходит и там, где по видимости его нет); практическое применение полученных выводов, проверка их истинности в горниле практики.

Процесс этот приводит к трем важным результатам. 1) Происходит такое изменение содержания и объема понятий о теплоте и о движении, что между этими понятиями возникает существенная связь. 2) Поскольку изменения, претерпеваемые этими понятиями, носят существенный, качественный характер, возникают новые понятия о движении и теплоте (хотя они обозначаются теми же словами, что и соответствующие старые понятия). 3) Отмирают (по крайней мере в науке) старые понятия о теплоте и движении как неточные, отбрасывается понятие «теплород», обнаружившее свою несостоятельность.

Таким образом, исходным пунктом процесса образования связи между понятиями, а следовательно, и процесса образования новых понятий является практика. Потребности практики и ее успехи толкают исследование в определенном направлении, в результате чего перед наукой возникает задача приобрести определенные знания, составить себе понятие по определенному вопросу. Вместе с тем практика (включая сюда и производство и эксперимент) поставляет тот исходный новый фактический материал, благодаря которому оказывается возможным выработать новые, более точные, чем прежде, понятия. Эти новые данные, доставляемые практикой, представляют собой материал живого созерцания, чувственные данные, новые, ранее не встречавшиеся в опыте восприятия.

Рассмотрим, однако, ближе, что собой представляет этот исходный материал. Когда Галилей рассматривал полет снаряда или действие пороховых газов как движущей силы, то это были явления, которых до изобретения пороха никто не наблюдал. Но рассматривавшиеся Ломоносовым различные случаи удара неоднократно наблюдались и прежде. Почему же раньше эти же самые восприятия не стали исходным пунктом процесса образования новых понятий о теплоте и движении, а в XVIII веке на их основе возникли новые понятия? Потому, что в процессе образования новых понятий знание об этих явлениях выступает, как мы видели, не в форме непосредственного созерцания, не в форме восприятий, а в виде отвлеченных мыслей, суждений, которые в XVIII веке существенно изменились по сравнению с XIII веком, ибо опирались на иной уровень знаний, на иные понятия. Подобно тому как отличающий человека труд наложил глубокий отпечаток на все, что унаследовали люди от своего животного прошлого, преобразовав это наследие на своей (трудовой) основе, так и отличающее человека отвлеченное мышление наложило свою печать на унаследованное им от прошлого живое созерцание, материал которого осваивается человеком по-своему, по-человечески, путем рационального преобразования этого чувственного материала. Все, что мы видим и слышим, все, что мы воспринимаем, осознается нами и входит в наше знание лишь в форме мыслей, суждений. Эти суждения строятся из имевшихся ранее понятий, то есть на основе имевшегося прежде практического опыта и знаний, аккумулированных в этих понятиях. Поэтому одно и то же явление природы для наблюдателя XIII века представляло собой одно знание, а для наблюдателя XVIII века — другое знание. Факты, с рассмотрения которых начинает свои рассуждения М. В. Ломоносов, рассматривались до Галилея в свете аристотелевских понятий о движении и движущей силе. Поэтому тогда об этих фактах не могли быть высказаны суждения, содержащие понятия механики, выработанные Галилеем, Декартом, Ньютоном.

Сказанное следует учесть и для тех случаев, когда наука сталкивает-

ся с фактами, никогда ранее не наблюдававшимися. И здесь восприятия не входят в наше знание в своем девственном, первозданном виде; они осознаются лишь на основе ранее накопленного знания, ранее выработанных понятий. Такая преемственность, при которой все вновь поступающее осваивается лишь на основе ранее накопленного знания, имеет, разумеется, и свою отрицательную сторону: владеющие умом человека старые понятия иногда приводят к тому, что он «смотрит, но не видит». Так, одному из творцов механической теории теплоты — Сади Карно — понятие «теплород» мешало увидеть истинный смысл его собственных открытий. Однако в целом эта преемственность чрезвычайно ускоряет развитие знания, поскольку всякое вновь добытое знание (новые понятия) становится инструментом, орудием дальнейшего исследования, совершаемого поэтому все более плодотворно.

Таким образом, как справедливо отмечает П. В. Копнин (см. «Категории материалистической диалектики». 1956, гл. «Абстрактное и конкретное», стр. 333), вовсе нет нужды, чтобы образованию понятия предшествовало сравнение различных объектов. Образую понятие «атом», Демокрит не сравнивал свои представления о различных атомах. Он никогда ни одного атома не видел, а пришел к понятию «атом» путем целой цепи умозаключений, в свою очередь, опиравшихся на ряд знаний в форме суждений. Описанный выше путь образования понятия имеет место не только при возникновении сложных понятий науки, но и всех понятий вообще. Мы не можем согласиться с мнением, что «для образования понятия «стол» действительно достаточно простого сравнения наших восприятий и представлений стола, выделенных на основе сравнения их общих признаков, выражающих особенность этого класса предметов» (там же). Не только люди, но и животные создают предметы, без их деятельности в природе не возникающие (муравейники, жилища бобров, пчелиные соты и т. п.). Но животные действуют при этом инстинктивно, не имея в своем сознании образа того предмета, который они собираются создать. Человек же отличает то, что результат его труда имеется в его сознании до того, как этот результат практически достигнут.

Мы не отрицаем того, что в ряде случаев люди сознательно сравнивают различные предметы, исследуя их сходство и различия, и что при этом могут возникать новые понятия. Но всюду, где имеет место такое сравнение, имеют место умозаключения, рассуждения, выводом из которых является вновь возникшее понятие. Этот последний путь образования понятия, вытекающий из специфики человеческой деятельности — труда и неотъемлемый от последнего, имеет место всегда, в том числе и тогда, когда имеет место сравнение. Напротив, сравнение производится далеко не всегда (оно в ряде случаев просто невозможно). Но даже когда оно имеется, суть процесса остается той же, как и в тех случаях, когда сравнения нет.

Взгляд, будто простым отбрасыванием некоторых признаков в представлениях (или более узких понятиях) можно образовать новое понятие, представляется нам не соответствующим действительности, как и взгляд, будто можно образовать новое видовое понятие путем прибавления признаков к более широкому родовому понятию, то есть путем ограничения. Этими действиями мы пользуемся часто, однако лишь при оперировании готовыми понятиями. Чтобы получить новое понятие, необходимы новые знания, освоение которых, «переваривание» требует умозаключений; одними обобщениями и ограничениями тут ничего не сделаешь.

Попытаемся теперь сопоставить два процесса: как образует представление (и связь представлений) животное и как образует понятие (и связь понятий) человек.

Стремления животного обусловлены определенными объективными факторами. И все же у животного есть воля: оно способно желать овладеть тем или иным предметом. Однако животное не может желать

иметь то или иное представление, ибо животное не знает различия между объективной действительностью и своим собственным сознанием, оно не имеет (и не может иметь) представления о своих собственных представлениях, как о чем-то отличном от представляемых объектов. Ведь образом, отражающим представление, может быть только понятие, а понятие недоступно животному. Поскольку желание приобрести то или иное знание (хотя бы в виде представления) недоступно животному, поскольку, следовательно, те или иные знания возникают у него лишь независимо от его воли, постольку его познание пассивно.

Практические цели человека, разумеется, объективно детерминированы. «На деле цели человека порождены объективным миром и предполагают его...» (В. И. Ленин «Философские тетради». 1947, стр. 162). Но объективная обусловленность целей человека очень сложна, цепь, связывающая их с объективными факторами, состоит из множества звеньев, тем более когда речь идет о стремлении приобрести те или иные знания. Вполне естественно поэтому *«кажется»* человеку, что его цели вне мира взяты, от мира независимы («свобода»)» (там же, стр. 163), ибо человек обладает волей. Воля эта заключается не только в стремлении овладеть тем или иным предметом (что имеет место и у животных), но и в том, что под давлением потребностей своей практики человек сознательно ставит перед собой задачу: какие именно знания необходимо ему приобрести, чтобы решить вопрос, выдвинутый практикой. Этой субъективной стороны дела не понимали материалисты до Маркса, у которых «предмет, действительность, чувственность, берется только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно» (К. Маркс «Тезисы о Фейербахе»).

Воздействие человека на природу опосредствуется его воздействием на других людей, а также изготовлением и применением орудий. Воздействие же животного на природу носит непосредственный характер. Соответственно изменения, вносимые животным в природу, не зависят от его воли и неспособны наложить на природу печать его воли. Напротив, изменения, вносимые в природу людьми, представляют собой сознательное и притом весьма существенное преобразование последней. В этом смысле животное лишь подчинено природе, а человек господствует над ней, и в этом смысле можно сказать, что отношение животного к природе по сравнению с отношением человека к природе пассивно.

Следствием специфически человеческой активности в отношении к природе и ее отражением является активность человеческого познания, которое так же существенно перерабатывает материал чувственности, как существенно преобразует природу практика человека, его труд. Не поняв роли практики, не увидев коренного отличия материальной деятельности человека от деятельности животных, старый материализм вместе с тем не заметил коренного отличия познания человека от познания животных. Внимание сосредоточивалось лишь на одной, пассивной стороне процесса, на том, что внешний мир воздействует на человека (как и на животных) и что в результате в голове его возникает отражение этого мира (как и у животных). При этом игнорировался тот фундаментальный факт, что человек активно воздействует на внешний мир, преобразует его, что в человеческой голове активно перерабатывается, преобразуется материал созерцания, что и этот материальный и этот духовный процессы качественно отличают людей от животных.

На деле, однако, коренное различие обнаруживается уже в начальной стадии процессов возникновения представления и понятия. Исходный пункт процесса образования представления — воздействие природы на животное, а исходный пункт процесса образования понятия — воздействие человека на природу. Старые материалисты игнорировали эту противоположность и метафизически отождествляли познание животного и человеческое познание. А для идеализма характерно метафизическое абсолю-

тизирование этой противоположности, то есть взгляд, что активность человека есть абсолютное отрицание его зависимости от материальной действительности, что возникновение мысли — это абсолютное отрицание живого созерцания, что понятие независимо от восприятия.

Диалектическое понимание этой противоположности показывает, что процесс выработки понятия человеком не есть голое отрицание процесса выработки представления животным, ибо первый процесс вырастает из последнего и на основе последнего. Здесь имеет место диалектическое отрицание, при котором более высокая ступень включает в себя положительное содержание предшествующей ступени «в снятом виде», таким образом, что значение и роль этого старого содержания в новой, более высокой ступени развития существенно изменяются. Следовательно, практика — исходный пункт образования понятия — содержит в себе не только воздействие человека на внешний мир, но и воздействие последнего на человека, в том числе и на его восприятие. Однако роль и значение восприятия здесь в некоторых отношениях отличны от той роли, какую оно играет при образовании представления животным.

На вещь, имеющую для него жизненно важное значение, животное действует непосредственно. В его голове поэтому действительность отражается лишь как связь между ним и средой его обитания. Представления и связи представлений возникают у животного лишь тогда, когда лежащие в их основе восприятия и связи восприятий регулярно подкрепляются действием факторов, жизненно важных для животного.

Воздействие человека на природу опосредствовано целым рядом звеньев: его отношением к другим людям, изготовлением орудий, их применением. Поэтому в голове человека отражение действительности оказывается также отражением связей между всеми этими звеньями, а не только связей между человеком и средой.

Представления животного возникают на основе ассоциативной связи, а понятия человека — на основе логической (то есть на основе умозаключений). В ассоциации воспроизводится избирательно, в той мере, в какой она имеет жизненно важное значение, связь восприятий. В логической же форме отразились не отношения тех или иных факторов природы к человеку, а связи и отношения, существующие в природе независимо от человека, — объективные связи.

Отражение действительности в представлении животного чересчур субъективно окрашено. Поэтому возникновение и развитие этого единственно доступного ему знания происходят стихийно, спонтанно, без воле и воли животного, которое в своем познании целиком подчинено этой стихийной необходимости.

Неизмеримо объективнее отражается действительность в понятиях человека. В них отражается объективная необходимость природы, а также и само сознание человека. А познанная необходимость есть свобода. Поэтому у человека процесс возникновения и развития знаний становится сознательным (и чем дальше, тем все в большей степени) процессом, где воля человека ставит определенные познавательные цели, на достижение которых направлены его усилия.

Исходным моментом процесса образования понятия выступает практика, дающая новые знания в форме новых суждений, хотя эти суждения содержат лишь старые понятия. Новые суждения и ранее имевшиеся знания становятся посылками ряда умозаключений, логическую форму которых доставляет также практика.

Наконец, истинность нового понятия, возникшего в результате этих умозаключений, проверяется опять-таки на практике. Последняя, следовательно, составляет и начальный момент процесса образования понятия, и основу, на которой этот процесс происходит, и его заключительный момент. Практика определяет собой специфику анализа и синтеза, отвлечения и обобщения, характерных для процесса образования понятия и ка-

чественно отличающихся от анализа, синтеза, отвлечения и обобщения, свойственных процессу образования представлений.

В заключение следует заметить, что здесь рассматривается лишь процесс возникновения понятий у людей и оставляется в стороне вопрос о том, как происходил переход от познания животных, не поднимающегося выше представления, к человеческому познанию, способному создавать понятия.

Подведем некоторые итоги.

Связи восприятий с тем, что жизненно важно для животного, не всегда отражают объективно существенные, необходимые связи действительности. Порожденные ими ассоциации и образующиеся на основе последних представления включают поэтому и существенное и несущественное. Логические фигуры, в которых закрепляется практика человека, отражают не отношения вещей к человеку, а объективно существующие между вещами необходимые связи. Возникающие на этой основе понятия отражают сущность вещей, отвлекаясь от случайного и несущественного.

Практика человека — это существенное, коренное преобразование вещей, на которые она направлена, подчиняющее природу человеку и налагающее на нее печать его воли. Животное неспособно произвести подобные изменения в природе. Вырастающие из практики и опирающиеся на нее логические процессы представляют собой такую коренную, качественную переработку материала созерцания, такую глубину анализа и синтеза, обобщения и отвлечения, которые недоступны животному, чьи представления вплотную примыкают к его восприятиям, оставаясь наглядным образом отображаемых вещей. Результат логической переработки материала чувственности — понятие — оказывается образом ненаглядным, в котором отвлечены лишь некоторые черты вещей, реально не существующие в своей изолированности.

Возникая на основе труда, то есть общественного изготовления и применения орудий, понятие образуется лишь в процессе общения между людьми и на основе этого общения, поскольку практика человека есть его деятельность в обществе, обязательно включающая в себя его воздействие на других людей и их воздействие на него. Поэтому, а также в силу ненаглядности понятия последнее возникает и существует только на основе слов, на основе языка как средства общения. Не связанные ни с трудом, ни с обществом представления животного не требуют для своего возникновения языка. Их наглядность обеспечивает их возникновение и существование там, где нет ни труда, ни общества, ни языка.

На основе своих восприятий и представлений животное ориентируется в окружающей его обстановке, отыскивает пищу, борется с угрожающими ему опасностями. В познании животного, таким образом, содержится отражение объективной действительности, отражение того, что объективно жизненно важно для животного. Значение тех или иных сторон окружающего мира для жизни животного — вот все, что может содержаться в его познании. Эта ограниченность (субъективность) животного познания коренится в ограниченности доступной животному деятельности. Практика человека, подчиняющая ему природу, создает возможность безграничного познания не только отношений тех или иных явлений природы к человеку, но и отношений между этими явлениями (независимо от того, каково отношение этих явлений к человеку), возможность познания существенных, необходимых объективных связей, законов природы.

Таким образом, все обычно отмечаемые особенности понятия, качественно отличающие его от представления, находят свое объяснение в практике человека и в порожденном практикой логическом процессе образования понятия.

Антиэволюционизм в современной буржуазной натурфилософии

Проф. В. ХОЛЛИЧЕР (Австрия)

Взаимоотношения между естественнонаучным исследованием и буржуазной натурфилософией коренным образом изменялись на протяжении истории европейской науки нового времени. Идея эволюции была провозглашена натурфилософией на заре развития капитализма, когда она еще не могла быть конкретизирована эмпирическим исследованием природы в отдельных областях науки. В настоящее же время, в период заката буржуазного общества, когда конкретное естественнонаучное исследование опирается, хотя и непоследовательно, на учение об эволюции, господствующее течение западной натурфилософии пытается опровергнуть идею развития.

Необходимо различать два направления в современном антиэволюционизме: одно — откровенно богословское, противопоставляющее себя эволюционным учениям науки и отрицающее эволюцию в действительном мире или же ограничивающее ее немногими «безобидными» областями; второе преследует цель выхолащивания материалистического содержания эволюционного учения, стремится (главным образом посредством позитивистской аргументации) «примирить» науку с религией. Так, например, тезис об объективном восходящем развитии характеризуется как субъективная «вненаучная оценка», отрицается противоположность религии науке, религия изображается как равноценная науке, «соподчиненная» с ней.

Буржуазные идеологи оказались в таком противоречии с фактами потому, что признание эволюционного процесса, исключая застой, привело бы их к противоречию с интересами тех, с кем они чувствуют себя связанными, то есть господствующих классов, ибо дальнейшее общественное развитие принесет последним лишь гибель. Только философия пролетариата, диалектический материализм, с полной последовательностью проводит идею развития, поднимая ее до стержневой идеи диалектического метода, материалистического истолкования природы и общества.

Антиэволюционизм, господствующий в буржуазной натурфилософии империалистической эпохи, нельзя расценивать просто лишь как отказ от идеи прогресса. По своему происхождению и функциям он является реакцией на диалектико-материалистическое понимание природы. Но антиэволюционистская проповедь произносится преимущественно по торжественным дням. Будни же естествоиспытателей любой капиталистической страны заполнены добросовестной экспериментальной работой. А последняя повсеместно проводится в рамках эволюционного исследования. Это нетрудно проиллюстрировать на примерах из любой области естествознания — будь то космогония или исследование происхождения и развития жизни, антропогенез или эволюционная психология.

Со времени открытия Д. И. Менделеевым периодичности физических и химических свойств элементов (1869) атомистика, опираясь на эволюционное учение, ищет путей построения из простейших частиц (в конечном счете — из нуклонов) ядра, обладающего большим атомным ве-

сом. Модные антиэволюционистские измышления по вопросу о «рождении всех элементов из одного нейтронного первоначального пакета» (П. Иордан) занимают значительное место лишь в популярных изложениях, но не в серьезных теоретических построениях и эмпирических исследованиях физиков. Астрофизики всех стран стремятся путем спектроскопического анализа излучений космических тел познать сначала фактическое распределение элементов, а затем и возможные пути их образования. Проблема еще не решена; неизвестны конкретные условия образования тяжелых ядер. Однако и в данном случае решение может быть найдено лишь при подходе к вопросу с точки зрения эволюционной теории.

Разработка космогонической проблемы, которая касается эволюции специфических небесных тел, представляет сегодня одну из интереснейших задач астрономического исследования. Во всем мире признается вклад в науку советских исследователей, например, статистический анализ и доказательство отсутствия «диссоциационного равновесия» у компонент галактических скоплений и звездных ассоциаций (В. А. Амбарцумян).

В Советском Союзе, как и в ряде других стран, проводятся в настоящее время исследования эволюции звезд. Все очевиднее становится значение указанной В. Г. Фесенковым и А. Г. Масевич потери массы в развитии главных последовательностей звезд, а также признано эволюционное взаимоотношение межзвездной и диффузной материи. Развивается и планетарная космогония, основы которой были заложены прежде всего советскими учеными В. Г. Фесенковым и О. Ю. Шмидтом.

Одним из крупных представителей эволюционистской космогонии в США является Г. П. Куйпер (см. G. P. Kuiper «The Formation of the Planets», *Journal of the Royal Astronomical Society of Canada*, 1956, vol. 50, p. 57 ff., 105 ff., 158 ff.). Он связывает эволюцию звезд с эволюцией планет, происхождение Солнца с происхождением его спутников. Согласно его гипотезе, Солнце, как и планеты, произошло из одной протозвезды, сжавшейся примерно в 10 миллионов раз. Эволюция определенного числа такого рода протозвезд может привести к образованию планет, так что в одной нашей галактике должно было образоваться несколько миллиардов планетных систем. Солнечный туман, из которого образовалось Солнце, был вначале «холодным» и имел форму диска и только к концу фазы сжатия стал светящимся. Благодаря гравитационной неустойчивости из холодных остатков тумана возникли протопланеты, которые первоначально, подобно протосолнцу, имели гораздо большую массу, чем стабильные небесные тела, образовавшиеся из них. Из вторичного ядра конденсации протоземли образовался спутник Земли. Ионизированные остатки газа «выметались» из системы лучевым давлением Солнца, начавшего светиться. Уплотнение, или освобождение гравитационной энергии, внутренняя радиоактивность и гравитационная дифференциация при образовании железного ядра привели сначала к нагреванию, а затем (в период около 1 миллиарда лет) к расплавлению и в конце концов — к окончательному образованию структуры Земли. Эта богатая деталями гипотеза, являющаяся примером современной космогонической науки на Западе, выдвигает интересные и отчасти могущие быть проверенными предположения об образовании и развитии земной атмосферы.

Таким образом, идея эволюции стала необходимым элементом современных астрономических теорий.

Идея эволюции проводится и в геофизических, геохимических и геологических исследованиях. Ныне нельзя способствовать развитию этих дисциплин, не положив в основу теоретических построений и эмпирических исследований идею закономерного развития земного шара и его водной и воздушной сфер. Исследования в области термической и магнитной истории Земли дополняют ныне геофизический анализ как новые дисциплины, основанные на идее эволюции.

Эволюционистского воззрения придерживается известный английский

физик П. Блэкет (см. P. M. S. Blackett «Lectures on Rock Magnetism». Jerusalem, 1956). По установленному магнетизму горных пород он считает возможным судить об интенсивности и направлении линий магнитного поля на Земле в прошлые геологические эпохи и таким образом восстановить геомагнитную историю Земли. Он полагает, что таким путем можно изучить общие перемещения земной коры и относительные движения континентальных масс.

От геохимии через биогеохимию, основоположником которой был В. И. Вернадский (1863—1945), исследование биосферы привело к анализу происхождения жизни. В противоположность мифам о сотворении мира и измышлениям по вопросу о «самозарождении» повсеместно распространяется подлинно научная концепция, последовательно обоснованная в фундаментальном труде А. И. Опарина. Состоявшийся в Москве в августе 1957 года Международный симпозиум по проблеме возникновения жизни на Земле, в котором приняли участие представители семнадцати стран, показал, что в настоящее время исследователи повсеместно, несмотря на различные мировоззрения, работают в своих специальных областях, руководствуясь идеей развития.

Хорошо известны исследования английского генетика и биометра Дж. Холдейна (преподающего ныне в Индии), проделанные им (начиная с 1929 года) в области теории происхождения жизни. Его последняя работа в этой области также обогатила учение о происхождении жизни рядом ценных положений (см. J. B. S. Haldane «Genesis of Life». In: «The Planet Earth», Pergamon Press, London, 1957). Интересные результаты исследований в области эволюции энзимов сообщил на Московском симпозиуме австрийский энзимолог О. Гоффман-Остенгоф. Он рассмотрел вопрос о переходе от неспецифического катализа, существовавшего уже в добиотические эпохи земной истории, к специфичному катализу (см. «Возникновение жизни на Земле». Сборник докладов на международном совещании 1957 г.).

С интересом были восприняты изложенные на данном симпозиуме эволюционистские идеи венского радиобиохимика Э. Брода. Этот исследователь, разделяющий учение диалектического материализма, выдвинул интересные положения о возникновении «динамического состояния» (то есть о постоянной замене частей тела новыми, химически одинаковыми частями), являющегося специфическим свойством живого вещества, отличающегося от чисто «химического обмена». Брода пришел к выводу, что «та историческая эпоха, в которой происходили оснащение энзимами и регулярный обмен веществ и возникало динамическое состояние, должна рассматриваться как период перехода от абиотического состояния к живому веществу».

В области биологии идея эволюции прочно укоренилась со времен Ч. Дарвина. Ни один серьезный естествоиспытатель не сомневается в эволюции земных организмов. Эволюционизм лежит в основе всех областей современной биологической науки — от биохимии, физиологии, морфологии, паразитологии и сравнительного исследования, от анализа филогенеза растений и животных до онтогенеза и исследования наследственности. В области генетики идея эволюции, хотя и непоследовательно, все же проводится прогрессивными представителями западноевропейских генетиков (например, Дж. Холдейном). Эволюционистская точка зрения господствует и в исследованиях сторонников мичуринского направления как на Востоке, так и на Западе.

Глубокое впечатление на генетиков всего мира произвело опубликование в Париже в 1957 году работ Бенуа, а также сообщение об исследованиях К. Ф. Кушнера (Московский институт генетики АН СССР), сделанное на Международном генетическом симпозиуме в Токио. Эти исследователи экспериментально доказали, что соответствующими приемами (изменением обмена веществ) могут быть достигнуты целенаправленные

наследственные изменения, и тем самым содействовали развитию эволюционной генетики.

Относительно экспериментов Кушнера сотрудник королевского ветеринарного колледжа Лондонского университета Д. Мичи недавно сказал следующее: «Я почти не сомневаюсь в том, что изменение, переданное неполовым путем от одного типа наследственности к другому типу наследственности, будет, наконец, признано на Западе осуществимым у высших животных и растений. В области микроорганизмов этот процесс хорошо известен и бесспорен» («Discovery», London, 1957, vol. 17, № 10, p. 433).

Эволюционная генетика, основанная прежде всего на мичуринском учении, уже давно развивающаяся в Советском Союзе, ныне пролагает себе путь и в других странах благодаря получению все новых неопровержимых фактов, подтверждающих ее истинность.

Несмотря на эволюционную основу учения об антропогенезе, на Западе в этой области науки, конечно, значительно сказывается влияние некоторых предрассудков буржуазной идеологии. Только опираясь на учение Ф. Энгельса о роли труда в превращении обезьяны в человека, можно избежать биологизирования процесса становления человека и полностью учесть общественный характер перехода от животного к человеку. Хотя общественный характер человека как создателя орудий труда признан многими буржуазными исследователями антропогенеза, важнейшие их достижения все же касаются только биологических предпосылок антропогенетического процесса. При этом, разумеется, ни один серьезный исследователь не сомневается в объективности эволюционного процесса, который идет от ископаемых антропоидов (австралопитеков, дриопитеков) к предчеловеку и раннему человеку и, наконец, к *homo sapiens*.

Исследование поведения животных, которое, к сожалению, еще не основывается, за исключением социалистических стран, на учении Павлова, всюду развивается, в сущности, в эволюционном направлении. Правда, оно бывает только «сравнивающим», вместо того, чтобы быть последовательно генетическим; «психологизирует», вместо того, чтобы быть объективно физиологическим и экспериментальным, а в исследовании животных, родственных человеку, становится «антропоморфизирующим». Однако ни один специалист в этой области не сомневается в эволюции свойства раздражимости всей живой материи — от одноклеточных организмов до человека.

Приведенные примеры, как мне думается, наглядно показывают, что конкретное естествознание давно восприняло и усвоило идею всеобщего развития; побуждаемое объективной диалектикой природы, оно стихийно воспроизводит сущность своего предмета; но если бы оно внесло эволюционный метод в исследование в результате сознательного применения материалистической диалектики, то это облегчило бы родовые муки, которые сопровождают поиски истины.

Конечно, в капиталистических странах огромной помехой является то обстоятельство, что научному естествознанию противостоит господствующая буржуазная натурфилософия, которая с помощью предоставленного в ее распоряжение аппарата идеологического воздействия препятствует распространению идеи эволюции. Проиллюстрируем это на примерах, касающихся развития естествознания в Австрии. При этом станет очевидным упомянутое выше «разделение ролей»: открытый антиэволюционизм натурфилософов, восхваляющих религию, и замаскированный, но не менее антинаучный антиэволюционизм позитивистов, также содействующих религии своей беспринципностью в области философии.

В настоящее время в качестве пропагандистов антиэволюционизма в Австрии выступают прежде всего католические теологи. Их влияние обеспечивается благодаря существующим отношениям собственности в издательском деле, благодаря католическому сектору в газетном деле и радио и прежде всего благодаря австрийским государственным властям,

которые с конца 1845 года фактически передали министерство просвещения в руки тех, кто прочно связан с идеологической политикой Ватикана и подчинен ей. Почти все преподаватели, занимающие должности в университетах по идеологически важным дисциплинам, отвечают требованиям Ватикана.

Перед второй мировой войной обстановка была менее однообразной. В то время позитивисты («Венский кружок»), поддерживаемые социал-демократией, имели несколько мест в высшей школе и занимали определенную позицию в публицистике¹. Однако за истекшее время некоторые представители этого направления субъективного идеализма скончались, другие ушли на пенсию или эмигрировали (большей частью в США) и там довольно успешно распространяли свое учение. Глава «Венского кружка», ученик Макса Планка, естествоиспытатель М. Шлик, был убит в 1937 году в здании университета студентом-фанатиком; последний, объясняя свой поступок, ссылаясь на свое католическое мировоззрение и обвинял убитого в атеизме.

Шлик действительно считал себя «атеистом» и защищал «гедонистическую» этику. Но он и члены руководимого им «Венского кружка» были атеистами только с точки зрения представителей правоверных католических кругов; фактически же они содействовали религии. Так, например, на вопрос об истинности или неистинности религии и этики они отвечали, что наука не компетентна решать этот вопрос, и тем самым широко раскрывали двери вере и враждебной прогрессу этике.

После освобождения Австрии Советской Армией решающие идеологические позиции были переданы австрийским правительством католическим философам и священникам, придерживающимся томистских воззрений. Наряду с широко распространившейся в западном мире австрийской разновидностью позитивизма ныне в ряде западных стран пользуются признанием также и учения некоторых ранее работавших в Австрии томистов: например, католика Г. А. Веттера, автора основного антимарксистского труда (см. G. A. Wetter «Der dialektische Materialismus...». 3. Auflage, Wien, 1956), ныне преподавателя Русской коллегии в Риме; бывшего преподавателя теологической морали в университете в Граце, ныне преподавателя западноберлинского университета М. Рединга (несколько месяцев тому назад появился его труд «Der politische Atheismus». Graz — Wien — Köln, 1957).

Современные социал-демократические идеологи, интересующиеся философией, склоняются к позитивизму, следуя старым традициям венского махистского общества. Ссылаясь на философскую «необязательность» позитивизма, социал-демократические поборники «идеологического сосуществования» католической и социал-демократической доктрин в настоящее время создают буржуазную «коалиционную идеологию», соответствующую коалиционному правительству католической «Австрийской народной партии» и социал-демократии. Правда, томисты, стремящиеся к идеологической монополии, в очень малой степени склонны следовать призыву социал-демократических идеологов к «терпимости».

Примерно таков идеологическо-политический фон, на котором разворачивается борьба католических и социал-демократических философов против естественнонаучного эволюционизма и марксистского материализма. Коротко проиллюстрируем эту борьбу.

В области космогонии против эволюционного учения выдвигается прежде всего утверждение, будто современная астрономия доказала, что «вселенная в целом» (выдаваемая за конечное по содержанию, протяжению и длительности образование), а с ней и «все элементы» в их нынешнем распределении возникли несколько миллиардов лет назад

¹ Краткое изложение истории этой школы дано в статье В. В. Мшвениерадзе «Философия неопозитивизма» (см. «Вопросы философии» № 2 за 1957 год).

вследствие некоего «первотолчка». Библейский «страшный суд» в «конце Вселенной» изображается ими как неизбежная «тепловая смерть».

В этом же духе выступил в свое время и папа Пий XII. В обращении к папской Академии наук от 22/XI 1951 года он утверждал, что «прошло определенное время с момента бурного возникновения материальной Вселенной». Ему вторил и католический профессор философии Фишль. Он заявил, что, согласно теории относительности, «мир должен мыслиться ограниченным как во времени, так и в пространстве», идея энтропии «привела физику к... конечности мира!» (см. J. Fischl. «Die Weltanschauung des sowjetischen Materialismus». Akademische Druck- und Verlagsanstalt, Graz, 1953). Было бы излишним доказывать здесь, что эти утверждения не вытекают ни из общей теории относительности, ни из термодинамики. Лишь в результате в высшей степени грубого использования этих учений можно сделать столь несуразные выводы.

В сборнике, изданном в Австрии («Gott-Mensch-Universum. Die Antwort des Christen auf den Materialismus der Zeit», Styria Verlag, Graz — Wien — Köln, 1956), отец иезуит А. Романа заявил, что «математические вычисления» ведут «к высшему числу... туманностей в космосе» (он приводит при этом даже «точное» число.— В. Х.), и что «начало» мира не может быть отнесено слишком далеко, иначе это означало бы, что уже должна была наступить «тепловая смерть». «Вселенная» понимается им как расширяющаяся. Романа приходит к заключению, что «астрофизика установила факты, которые, даже если мы не будем рассматривать их как окончательное доказательство творения, не могут быть объяснены иначе, как начало мира, который был создан извне некоей чуждой ему самому первопричиной».

Доказывая необходимость «первотолчка», Романа приводит в качестве «аргумента» следующее рассуждение: «Мы едем в автомобиле и приближаемся к переезду через железную дорогу. Мимо проезжает поезд. Мы видим только мелькающие вагоны; так как у самих вагонов нет мотора, который являлся бы причиной их движения, то каждый вагон должен приводиться в движение другим вагоном, а этот тоже другим, и так далее, до локомотива... Но Ф. Энгельс,— говорится далее,— учит нас, что в этом необычайном поезде нет локомотива». Это поистине странная «аргументация» Романа, который возводит известного «божественного часовщика» в ранг божественного машиниста и из страха перед доказанными всей наукой несотворимостью, неуничтожимостью и, следовательно, вечностью материальной Вселенной ищет прибежища в чуде, во нематериальном «божественном толчке»!

В подобном же духе выступил и социал-демократический публицист физик Ф. Качер в своем партийном органе (см. «Arbeiter-Zeitung», Wien, № 1. 1955). Он пишет: «Пять миллиардов лет тому назад исследователь мировой Вселенной нашел бы совершенно пустую Вселенную!» Тогда существовало всего одно атомное ядро, «так сказать зародыш Вселенной. Никогда не будут знать, как оно образовалось... Мы не знаем также, почему оно вдруг возникло; но затем открылся занавес для взрыва, по сравнению с которым взрыв водородной бомбы — лишь падение пухового перышка». О якобы неизбежной «тепловой смерти» говорит он и в разделе, имеющем теологический подзаголовок: «Страшный суд». Между его заключениями и выводами его католических коллег нет существенной разницы ни по содержанию, ни по форме. Данный в «Arbeiter-Zeitung» прогноз для Вселенной является также целиком теологическим. Однажды, читаем мы, «человечество... будет зажарено заживо», «наука предвидит печальный конец Вселенной; вся жизнь умрет...» Автор надеется только на то, что «может быть, часы будут заведены снова». Подобные «пророки» путают Вселенную с погибающим буржуазным миром. В их пророчестве находят свое отражение не дости-

жения современной космогонии, а моральное и духовное состояние ее противников, как бы эти «пророки» ни ссылались на высказывания хороших естествоиспытателей, являющихся в то же время плохими философами.

«Космогоническое бесчинство», австрийская разновидность которого была описана выше, не ограничивается, разумеется, Австрией. Оно импортируется в основном из других стран Запада. Идеалисты всего мира утверждают без всяких оснований, ссылаясь на данные физики и астрономии, что материя имеет начало и конец. При этом, если западногерманская и американская литература излагает вопрос о «сотворении мира» преимущественно в экспансивном духе, то английская литература и в данном случае сохраняет присущую ей респектабельность.

Идею о создании материи из ничего защищают немецкий физик П. Иордан, английский астроном Ф. Хойль, английский математик Г. Бонди. Хойль заявляет, например: «Новая материя создается постоянно... Когда спрашивают, откуда берется создающийся материал, то надо ответить: ниоткуда. Материя просто появляется — она творится. Различные составляющие материю атомы в одно время не существуют, а в другое время существуют... В среднем вероятность их появления, примерно, такова: в пространстве величиной с кафедральный собор св. Павла в течение года возникает один атом» (F. Hoyle «The nature of the universe». Basil Blackwell, Oxford, 1950, p. 104). Таким образом, частота появления хойлевских феноменов несколько разочаровывает, однако указанное им место их «появления» весьма подходяще: где же должны случаться чудеса в Англии, как не в самой большой церкви Лондона?

Его коллега Г. Бонди заявляет: «В среднем масса одного водородного атома создается в литре пространства в течение 10^9 лет» (H. Bondi «Cosmology». University Press, Cambridge, 1952, p. 143).

П. Иордан более смело и решительно утверждает, что материя возникает не постоянно, путем «материализации» элементарных частичек, а в высшей степени внезапно и в виде взрыва, путем случайного самопроизвольного зарождения целых звезд (см. P. Jordan «Die Herkunft der Sterne Stuttgart, 1947»). Его гейдельбергский коллега, астроном Г. Кинле, в одной из научных бесед, передававшихся по южнонемецкому радио, был поставлен своим собеседником перед альтернативой: признать либо вечность материи, либо ее возникновение из ничего. Подчеркнув, что при выборе последней возможности он оказался бы в конфликте с законами природы, Кинле заявил: «Зачем такая альтернатива? Нужно лишь предположить творца!» (см. сборник «Von Erde und Weltall». A. Kröner Verlag, Stuttgart, 1955, S. 164).

Американская версия «гибели мира», изложенная в широко распространенном учебнике для любителей астрономии, гласит: «Мы можем предвидеть день, когда, наконец, вскипят океаны и жизнь исчезнет с выжженной и высушенной планеты» (L. Goldberg, L. H. Aller «Atoms, Stars and Nebulae». The Harvard Books on Astronomy, London, p. 281). Известный английский астроном и философ-идеалист А. Эддингтон изобразил предсказанный им «конец мира» следующим образом: «Последнее микроскопическое пятно интенсивного возбуждения, а затем ничто» (A. Eddington «The expanding Universe». Harmondsworth, Middlesex, p. 71). При этом он рассматривает все совершающееся в мире как процесс, устроенный для увеселения неземных зрителей, начавшийся столь же энергично, сколь должен и кончиться.

Высказыванием в духе теологии заканчивается и известный труд британского математика и астронома Е. А. Милна: «Здесь нигде не был упомянут бог. Введение первопричины Вселенной предоставлено читателю» (E. A. Milne «Kinematic Relativity». Clarendon Press, Oxford, 1948, p. 233). Тем же духом теологии проникнуто и выступление английского физика и члена папской Академии наук сэра Э. Уайттекера: «Мате-

риалистическая точка зрения рухнула, когда сама материя была сведена к математической теории, так как математические науки, бесспорно,— продукты духа» (E. Whittaker «Der Anfang und das Ende der Welt». Günther Verlag, Stuttgart, 1955, S. 35). Уайттрекер удостоился сомнительной чести быть процитированным папой Пием XII, заявившим, что «была эпоха, продолжавшаяся приблизительно от одного до десяти миллиардов лет, когда мир, если он существовал, то существовал в форме, которая должна была быть совершенно отличной от всех известных нам сегодня вещей. Здесь граница науки. Без особенного смущения мы можем признать, что в эту эпоху имело место создание Вселенной» (Pius XII. «Die Gottesbeweise im Lichte der modernen Naturwissenschaften». Morus Verlag, Berlin, 1952, S. 14; см. соответственно: E. Whittaker «Space and Spirit». London, 1946, p. 118 ff).

На такой же теологической «высоте» находятся и некоторые американские позитивисты, высказывания которых по вопросу о происхождении Вселенной свидетельствуют о том, что они не хотят занимать в этом вопросе никакой определенной позиции. Они заявляют: «Не может претендовать на доказуемость ни тезис о конечности Вселенной, ни тезис о бесконечности ее. Мы все же можем полагать, что между этими двумя высказываниями имеется различие; однако это различие такого рода, что наука не в силах определить его». И далее: «Человеческий дух не может проникнуть в вечные тайны природы, еще менее он может познать средства и цель великого архитектора Вселенной» (M. Scriven and B. Abramenko. «The Age of the Universe», in: «The British Journal for the Philosophy of Science», Thomas Nelson Sons Ltd., London, 1954, vol. 5, № 19).

В подобном же духе американский физик и представитель «операционализма» П. В. Бриджмен отвечает на поставленный им самим вопрос: «Существуют ли объекты, когда отсутствует воспринимающий их дух?». «Ты можешь сказать, что объекты существуют в этой ситуации, если ты находишь удобным так сказать» (P. W. Bridgman «Reflections of a physicist», N. Y. 1956, p. 96). Такого «удобства» Бриджмен требует скорее для того, чтобы признать наряду с научной истиной особую «теологическую истину». Он продолжает: «Мир не является миром разума, который может быть понят рассудком человека» (а. а. О., p. 113, 158, 186).

Подобные высказывания, сделанные под влиянием теологического настроения, представляют собой те «источники», на которые потом охотно ссылаются многие теологи, чтобы заставить верить неосведомленных людей в «научность» их антиэволюционизма.

Начав с апелляции к «астрономии», антиэволюционисты переходят к аргументации из области биологии. По вопросу о происхождении жизни высказал свое мнение (в уже цитированном католическом сборнике) отец-иезуит, профессор Ф. Рюшкамп. Его вывод гласит: «Неверие «верит» в первоначальное зарождение. Мы верим в сотворение богом...» Доказательство состоит в следующей удивительной дедукции: «Где нет родителей, там нет детей, где нет жизни, там не может возникнуть новая жизнь... Без машиностроителя нет машины». И на этом основании Рюшкамп утверждает, что «материализм изжит».

Как о курьезе, можно упомянуть здесь об одной католическо-виталистической теории, «сочетающей» механистическое признание эволюции жизни с божественным чудом: «Когда была достигнута соответствующая ступень физического строения в эволюционном процессе (например, когда самовоспроизводящиеся полимеры были помещены в полупроницаемую оболочку), тогда бог создал также и соответствующий духовный субъект и добавил его к физическому комплексу» (E. L. Mascall «Christian Theology and natural science». Longmans, London, 1956). И подобная вера в «дух», смешанная с биохимией, преподносится как вывод науки!

Уже упомянутый отец-иезуит Г. А. Веттер для «опровержения» материалистического учения о происхождении жизни прибегает к наглой фальсификации. Он заявляет, что марксизм отстаивает теорию случайного возникновения жизни! Веттер приводит «вычисления», согласно которым для образования чисто случайной комбинации многочисленных атомов, образующих впоследствии белковую молекулу, необходимо больше времени, чем время существования «всей Вселенной»! Не замечая бессмысленности понятия «времени существования всей Вселенной», Веттер пытается утверждать, что материалистическая наука прибегает к помощи «случая» при объяснении необходимости уже совершившегося развития. Однако, например, в развитии аминокислот из метана, аммиака, воды и водорода в условиях первичной земной атмосферы (Ст. Л. Миллер) были возможны не «любые комбинации» этих молекул, образующие большую молекулу аминокислоты. Объективные химические законы природы свидетельствуют о том, что в определенных условиях определенные вещества соединяются закономерно, а именно в естественно-необходимой последовательности, а никоим образом не в случайно-комбинаторной. Одно вещество получается из другого с той же необходимостью, которая составляет сущность участвующих в реакции компонентов и их взаимодействия, а не по «закону случая», действующему, например, в игре в кости. Следовательно, не случайно, а по объективным законам химии образовались аминокислоты; они соединились в белковые молекулы; далее образовались капельки коацерватов, качественно своеобразная закономерность развития которых вела ко все более совершенной связи, структуре и способу реагирования капелек. Попытка Веттера сначала приписать диалектическому материализму механистические спекуляции, а затем опровергнуть их с идеалистических позиций представляет собой широко распространенный среди антиэволюционистов прием, который отнюдь не говорит о силе их позиций.

Подобным образом аргументирует и позитивист П. Йордан: «Было упомянуто о происхождении органической жизни из неорганической природы; она возникла не вследствие заранее рассчитанной причинной необходимости, а вследствие того, что мы могли бы назвать случаем, или творческим капризом» (P. Jordan «Die Physik und das Geheimnis des organischen Lebens». Braunschweig, 1941, S. 67). Это антиэволюционистское положение Йордан повторил и в 1955 году (см. P. Jordan «Schöpfungsglaube und Evolutionstheorie». Kröner Verlag, Stuttgart, 1955, S. 122).

От антиэволюционизма в учении об источнике жизни до антиэволюционизма в учении о развитии жизни следует в своей «аргументации» и Кларк (см. R. E. D. Clark «Darwin und die Folgen, zur Geschichte und Kritik der Entwicklungslehre». Verlag Herold, Wien, 1954). О возникновении жизни Кларк говорит следующее: «Углеродные соединения не обнаруживают при экспериментах какой-либо тенденции вступать в биологически важные соединения». Таким образом, как будто бы подтверждается тезис, что «здравый христианский рассудок всегда скептически относился к теории самопроизвольного зарождения». Кларк, конечно, преформист. Он заявляет, что «хромосомы и гены... содержат всю архитектуру биологического организма» и что «организм содержится уже в первоначальных клетках». Для него абсолютно чуждо положение биологии о том, что в течение онтогенеза высшие стадии развития происходят из низших потому, что существующие условия окружающей среды влияют на данную структуру и обуславливают ее закономерное развитие. Кто не понимает этого, тот, конечно, оказывается перед метафизической альтернативой выбора между преформизмом и крайним эпигенезом и нуждается для объяснения развития в помощи «жизненных духов». Так, склоняясь к воззрениям механистов, Кларк утверждает: «Эволюция есть в первую очередь химическая проблема». За-

тем, возвращаясь к точке зрения виталистов, замечает: «Кроме материи, должен присутствовать также и духовный элемент».

С ним соглашается и Ф. Х. Геллер в статье, напечатанной в австрийском католическом философском журнале (см. F. Chr. Geller «Der Begriff des Lebendigen», Wort und Wahrheit. Verlag Herder, Wien, 1956, Н. 9, S. 700). Он считает, что «переход от неорганической природы к органической никогда не мог бы совершиться» и что «нет никакого основания ни для промежуточной области, ни для перехода». Как видим, ход мыслей Геллера целиком во власти его желаний.

Об уровне, на котором Кларк ведет полемику против дарвинизма, можно судить на основании нескольких цитат: «Уже в юности Дарвин был бездельником... Его беспокоило чувство вины... Решение загадки лежит близко. Причины страданий Дарвина коренились, по всей вероятности, в исчезновении у него потребности в религии». И далее Кларк заключает, «что по своему происхождению эволюция была божественной и фактически представляла собой целый ряд творческих актов». Затем он откровенно говорит о цели всей своей аргументации: «Доктрина о неудержимости прогресса уничтожена» (а. а. О., S. 218).

Мы столь подробно цитировали книгу Кларка потому, что она раскрывает содержание как старого, так и нового антидарвинизма. До тех пор, пока используются идеологические «аргументы» вроде приведенных, не может быть речи о научной добросовестности.

Впрочем, интеллектуальная грубость книги Кларка возмущает даже такого ярко выраженного католического приверженца теории ген и антиматериалиста, как профессор Ф. Майнкс, преподаватель общей биологии медицинского факультета Венского университета. В своем последнем произведении он, как честный ученый-естествоиспытатель, настаивает на филогенетической эволюции живых существ и борется против мистифицирования (которое было начато Дришем) современной эмбриологии. Его католический коллега профессор Нидермайер, известный представитель пасторской теологии, напротив, в ведущей католической газете Австрии по вопросам культуры пространно и чрезмерно восхваляет книгу Кларка (см. «Österreichische Furche», Wien, 9. 10. 1954).

Это, очевидно, соответствует антиэволюционистской «энциклике» папы Пия XII (см. «Humani generis», 12. 8. 1950). Имея в виду ученых, принимающих идею эволюции, последний заявил: «Они дерзко защищают монистический взгляд, согласно которому Вселенная подвержена постоянному развитию. Но приверженцы коммунизма с радостью используют это воззрение, чтобы защитить их «диалектический материализм» и распространить его». Вслед за этим церковным проклятием папы появился пасквиль Кларка.

Наряду с попыткой целиком отрицать биологическую эволюцию антиэволюционисты уверяют, что свидетельства библейской истории творения и естествознание принадлежат к разным областям нашего познания, которые не исключают друг друга, а существуют рядом друг с другом и внутренне соподчинены (см. предисловие к сборнику «Schöpfungsglaube und Evolutionstheorie». Stuttgart, 1955. S. 7). Такое «соподчинение» наталкивается, конечно, на противоречия, заключающиеся в самом религиозном учении. Так, в библии, в пятикнижии Моисея, изложены не одна, а две противоречащие друг другу истории творения. В одном месте говорится, что творение осуществляется в шесть дней, а в другом — в один день. В первом случае творение изображается как «водянистое», в другом — как «сухое». В первом сообщении утверждается, что сначала создается мир растений и животных и только после этого — человек, в другом — что сначала создается мужчина, потом растение и животное и, наконец, женщина.

Несмотря на эти противоречия, решением которых еще полторы тысячи лет назад занимался Августин, папа Лев XIII заявил, что «ни есте-

ственнонаучным, ни археологическим путем нельзя доказать что-либо, что действительно противоречило бы писанию». Однако наука может признать только одну действительность и поэтому в конечном счете только одно единственно верное ее изображение. Признавать одновременно два противоречащих друг другу объяснения могут только те, кто готов верить абсурду. Попытка современных противников эволюции перенести в современную науку библейскую веру свидетельствует не об их благоговении перед прошлым, а об их презрении к настоящему.

Подходя к вопросам, касающимся эволюции человека, антиэволюционисты становятся в своей аргументации все более страстными и (насколько это возможно) безудержными. Библейский «антропогенез» начинается, как известно, в «раю». К «вновь открытому раю» приводит, согласно утверждению одного католического автора, также и антропологическая наука (см. Н. Schmeiser «Offenes Wort», № 5—6, Wien, 1954). Этот автор характеризует людей как живые существа, «чувства которых слабее чувств животных» и которые «едва ли способны жить в одиночестве и без вспомогательных средств». Далее следует удивительный вывод: «Поскольку человек не вымер, то он должен был жить, по крайней мере в начале своего существования, в совсем необычных, особенно благоприятных, одним словом, райских условиях». Нам кажется довольно странным, заключает автор, «что на этом окольном пути независимая от какого-либо мировоззрения наука снова открыла рай». Однако избранный «окольный путь» вовсе не был сколько-нибудь продолжителен, и «наука», о которой шла речь выше, едва ли может быть названа «независимой».

Не менее определенно высказывается по вопросу о становлении человека уже неоднократно цитированный католический сборник (см. «Gott, Mensch, Universum», а. а. О., S. 210) в редакционном примечании: «Воздействие бога на образование тела первого человека можно понимать именно как особую закрепившуюся в примитивных организмах способность действия, которая с самого начала благодаря направляемой богом эволюции вела к образованию человеческого тела». Таким образом, антиэволюционизм принимает форму пропаганды эволюции, «направляемой богом». Нет ничего удивительного, что патерам кажется неуничтожимой «пропасть между человеком и зверем». В качестве ключа к «научному» исследованию понимаемой подобным образом эволюции рекомендуются «целостная и едионаправляемая стихийность, целеустремленность и жизненная перспективность». Но вряд ли даже философски неопытному естествоиспытателю покажется сколько-нибудь приемлемой подобного рода мистификация.

Представление о человеке, создаваемое этой антиэволюционной «антропологией», антинаучно и античеловечно. А поскольку упоминавшиеся выше авторы отрицают естественное происхождение человека в результате труда, они не могут признавать также и будущего за человечеством. Этому издавна присущему католическим философам пессимистическому отношению к вопросу о возможностях развития человека на Земле ныне, несомненно, близка и позиция тех современных социал-демократических идеологов, которые отрекаются от марксизма для того, чтобы проповедовать идеологическое примирение со всяческим антикоммунизмом. В социал-демократической венской газете «Arbeiter-Zeitung» (25. 12. 1955) в рождественской передовой под знаменательным названием «Звезда Бетлема» (этот заголовок полностью подошел бы католическому органу) говорится: «Все больше становится расстояние между духовными и материальными ценностями... Для чего нужны все улучшения, весь цивилизующий прогресс, если человек становится внутренне беднее и, таким образом, несчастнее, вместо того, чтобы быть довольнее?.. Современный человек чувствует себя теперь одиноко на потерянной звезде». Даже робкое требование «улучшения мира» мотиви-

руется теологически: «Мы должны попытаться преобразовать земной мир, прежде чем он опустится в сумрак господства бездушной материи, управляемой роботами в образе машин и людей. В таком мире не осталось бы места для алтарей!»

В католическом коалиционном органе («*Tageszeitung*», Wien, 25. 12. 1955) также говорится, что «одновременно с классической физикой умер принцип причинности и рационалистическая вера в прогресс». Это «оптимистическое» отрицание дальнейшего развития как человечества, так и эволюции вообще резюмирует суть современного антиэволюционизма, независимо от того, идет ли речь о космогонии, о биологической эволюции или об антропогенезе.

Эта теоретическая деградация не ограничивается отрицанием эволюционного процесса. Католические и социал-демократические идеологи катятся в еще более глубокую бездну. Те и другие «низвергают материю». Первый президент второй Австрийской республики и руководящий социал-демократический деятель, ныне покойный Карл Реннер так озаглавил одну из «песен» своих поучительных стихов: «Конец материи» (K. R e n n e r «*Das Weltbild der Moderne*». Büchergilde Gutenberg, Wien, 1954, S. 307). Референт Социалистической партии Австрии по вопросам образования (то есть ее ответственный деятель по вопросам культуры) Карл Чернец в принципиальной статье в теоретическом органе своей партии («*Weltanschauung, Sozialismus und Kirche*», in: «*Die Zukunft*», Wien, 1957, H. 4, S. 101—105) занял позицию, на которой, по его мнению, могла бы основываться коалиционная идеология. Вот что он пишет: «Большинство социалистов-ученых сравнивали свидетельства теологии с данными естествознания и считали религиозные учения воззрениями, давно преодоленными наукой. Однако ряд наблюдений, экспериментов и новых научных сведений привел многих из нас к пересмотру этой точки зрения... Поразительный революционный процесс в сфере научного мышления дает основание быть терпимым в мировоззренческих вопросах. Современная наука, особенно физика, развивается столь быстро, что еще вчера считавшиеся неприкосновенными научные понятия оказываются поставленными под вопрос. Наука больше не знает никакой материи...» Провозглашая «ликвидацию материи», правосоциалистические идеологи вместе с теологами, очевидно, рассчитывают предоставить место тем духовным призракам, которые могли бы заменить науку о развитии материи.

Таким образом, подходит к концу наше краткое изложение вопроса об идее развития в естествознании и антиэволюционизме в современной буржуазной австрийской натурфилософии, находящейся преимущественно под влиянием католицизма. Научное исследование и истолкование природы учит, как писал Ф. Энгельс около ста лет тому назад, что вся природа от самого малого до самого великого, от песчинок до солнца, от протистов до человека, существует в вечном возникновении и уничтожении, в непрестанном течении, в непрерывном движении и изменении. Итак, наука учит, что Вселенная развивается. Научной философией, соответствующей современному естествознанию, может быть только учение об общих законах движения и развитии природы, человеческого общества и мышления, отражающего саморазвивающуюся материю. Напротив, антиэволюционизм — это философия, которая опровергается успехами всего научного исследования, противостоит ему и вопреки действительности пытается отрицать существование того, что в действительности существовало, и доказать невозможность того, что непременно должно совершиться. Таким образом, антиэволюционизм является выражением как невежества, так и человеконенавистничества.

«Онтологическая диалектика» о бытии и небытии

А. И. ВЛАДИМИРОВА

Чем больше современная действительность дает миру прямых и несомненных свидетельств развития по направлению к коммунизму, тем больше враждебные коммунизму идеологи отрицают как самое развитие, так и учение о развитии. В настоящее время широкое распространение на Западе получил метод борьбы с марксизмом оружием диалектики. Книжный рынок Франции, например, наводнен литературой, выходящей под разными диалектическими названиями. Авторы этой литературы выступают как «друзья» и «ревнители» диалектики, охраняющие якобы подлинную диалектику от искажений. Эти «ревнители диалектики» критикуют в более или менее явной форме марксизм за неправильное, с их точки зрения, понимание и применение диалектики. И едва ли не одним из самых ярких доказательств силы марксистской идеологии является совершенно недвусмысленное стремление идейных противников марксизма использовать теоретическое оружие диалектики для борьбы против марксизма.

Особенно большую активность в этом направлении проявляют современные католические философы. Они располагают во Франции широко разветвленной сетью периодических изданий, как, например, журнал «Эспри», издают большое количество монографий, брошюр и всяких солидных трудов. Одной из форм философской католической пропаганды является выпускаемый ассоциацией профессоров философии католических институтов и факультетов Франции сборник «Философские исследования», второй том которого под названием «Аспекты диалектики» вышел в конце 1956 года.

Характерной для настроений современной католической профессуры чертой является стремление перевооружиться при помощи диалектики. Симптоматично, что большинство католических философов отвергает термин «схоластика» и требует прочной связи католической философии с науками, с естествознанием и с политической жизнью, обосновывая «возможность новой диалектики, по-иному ясной и полной, чем диалектика Гегеля и Маркса» («Аспекты диалектики», стр. 293). Таким способом католическая философия, как совершенно недвусмысленно заявляет профессор Огюстен Сезма, надеется вернуть к вере всех неверующих нашей эпохи.

* * *

Основное понятие, которое стоит в центре внимания современной католической философии,— это понятие бытия.

В истории философской мысли категория бытия ставилась в трех различных аспектах: во-первых, в отношении бытия к мышлению, к сознанию; во-вторых, в отношении бытия к небытию; в-третьих, в отношении посюстороннего бытия к потустороннему, «трансцендентному» бытию. Первый аспект категории бытия стоял в центре внимания всех материалистических систем. Это понимание бытия закрепилось классической мар-

ксистской формулировкой: «бытие определяет сознание» (или общественное бытие определяет общественное сознание). Второй аспект категории бытия разрабатывался диалектиками Гераклитом, Гегелем, Марксом, Энгельсом, Лениным и включал вопросы становления, возникновения и исчезновения. Третий аспект бытия свойствен различным идеалистическим системам. Он исключается марксистской диалектико-материалистической постановкой вопроса о единстве мира в его материальности.

Энгельс вместе с тем высмеивал и положение Дюринга о «всеединственности» «всеобъемлющего» бытия, с помощью которого Дюринг доказывал отсутствие потустороннего мира. Энгельс оценивал такое понимание бытия, с одной стороны, как плоский аксиоматизм, а с другой стороны, как вполне приемлемое и для папы и для шейх-уль-ислама без малейшего отступления их от своей непогрешимости и от религии. Современная католическая философия избрала своей основной темой именно подобное «всеединственное», «всеобъемлющее» бытие, настолько всеобъемлющее, что в нем потонули все виды его отношений к сознанию, к небытию, к «потустороннему миру» и их различиям.

Проблема отношения бытия и небытия является одной из важнейших в современной французской буржуазной философии. По этой линии идет борьба различных ее направлений. Эта же проблема в значительной мере определяет и взаимоотношение этих направлений; через нее решаются основные философские вопросы как об отношении мышления и бытия, так и об их отношении к диалектике.

Философия экзистенциализма, которую католики справедливо называют «философией отрицательности», отождествила диалектическую отрицательность с духом и тем самым изъяла диалектику из реального мира, чрезвычайно обеднив категорию бытия, лишив его самодвижения. Католики и персоналисты использовали это слабое место философии экзистенциализма; они обрушили целый ураган критики на эту философию, урезывающую права и значение бытия, и выдвинули против нее новое оружие — «онтологическую диалектику», провозглашающую примат бытия над небытием, утверждения над отрицанием, созидания над разрушением.

Критикуя обедненное понимание бытия у экзистенциалистов, сведенное к «статусу вещи», сторонники «онтологической диалектики» называют ущербной экзистенциалистскую философию отрицательности, абсолютизирующую момент отрицания и небытия. Поэтому когда, например, известный католик-персоналист Поль Рикёр во вступлении к своей работе «Негативность и первоначальное утверждение» провозглашает примат бытия и приоритет утверждения, обосновывая этим «новый философский стиль», стиль «радости и утверждения», а не «скорби и отрицания», то это может подкупить читателя и выглядеть как реакция на абстрактную спекуляцию философии отрицательности. И кто бы мог в этом провозглашении примата бытия увидеть реакцию не на идеализм, а на диалектику и предугадать, что «онтологическая диалектика» покажет себя на самом деле как подлинное уничтожение онтологии диалектики путем последовательного и неуклонного упразднения онтологического значения всех ее категорий: противоречия, отрицания, становления, возникновения и исчезновения.

Работа П. Рикёра, как и работа А. Марка «Диалектика утверждения», как и основное содержание работ всех сторонников «онтологической диалектики», посвящена теоретическому обоснованию дискриминации диалектических категорий небытия и отрицания, доказательству их ущербности, их философской несостоятельности. Привлечение экзистенциалистами в философию категории небытия является, с точки зрения сторонников «онтологической диалектики», продуктом неполноценности категории бытия, сведенного к грубому данному, «окаменелому в сущности», лишенному движения.

В противоположность традициям экзистенциалистской философии

большинство католических авторов объявляют себя решительными сторонниками философии бытия и утверждения, выступают с тезисом самодостаточности бытия и беспощадно критикуют такое понимание диалектики, которое опирается на категорию отрицания и небытия.

С этих позиций сторонниками «онтологической диалектики» ведется критика экзистенциализма, в частности известного его положения о диалектике как отрицательности духа, вносящей движение в пассивную материю. Отстаивание реальности бытия сторонниками «онтологической философии» может с первого взгляда произвести впечатление защиты материализма.

«Что заставляет,— спрашивает известный католический профессор Александр Марк,— столько умов отстаивать превосходство отрицания? Это рассматривание объективности бытия как угрозы духу, как препятствия субъективности...» («Аспекты диалектики», стр. 80).

Критикуя понимание объективного как «оспаривания (objectivation) духа», как отчуждения его, мешающего духу быть самим собой, Марк, видимо, имеет в виду основные положения гегелевской «Феноменологии духа».

Считая основным пороком идеалистической диалектики Гегеля и экзистенциалистов отстаивание чистой субъективности, которая сводит на нет объективное бытие, этот католический философ-томист видит преимущество своей философии над идеализмом в отстаивании реальности бытия. «Касается ли это мысли у идеализма или свободы у экзистенциализма, им одинаково присуще,— говорит он,— одно и то же свойство отрицания — это отказ ограничить автономию ума и воли».

Марк высмеивает тех, кто считает, что вне их «я» нет ничего, и кто полагает, что даже рождение, как необходимость быть благодаря другому, стесняет их неограниченный абсолютный идеализм. Он называет подобный идеализм «люциферовской претензией» восставшего против бога ангела, который считает, что мы являемся авторами самих себя и своей судьбы. Марк полагает, что на базе такого отрицания, которое есть отрицание бытия и отрицание других людей, невозможно существование человеческого общества.

Рекламируя свою «онтологическую диалектику» как соединение логики и истории, теории и практики, анализа и синтеза, формы и содержания, католические философы отваживаются по этому поводу на полемику и с марксистами. Они считают недостаточно левой в вопросе о бытии позицию марксистов и, критикуя их за различие диалектики и формальной логики, обвиняют марксистов в недооценке связи их с бытием. Онтологический момент они считают нужным ввести и в историю для того, чтобы последняя «имела ценность бытия» и право на диалектику.

После такой многообещающей критики и широковещательной рекламы «онтологической диалектики» читатель вправе ожидать, что изложение ее положительной программы обогатит проблему чем-нибудь теоретически весомым, хотя бы в направлении объективной диалектики природы и общества. Однако положительное содержание «онтологической диалектики» мало соответствует диапазону ее полемики и является, скажем прямо, разочаровывающим. Это сразу же становится ясным, когда мы узнаем, что подразумевается под понятием бытия в его отношении к мышлению.

Марк ставит себе задачей доказать, что бытие и дух не представляют собой «абсолютного раскола», не противоречат друг другу и не отрицают друг друга. В изложении Марка проблема отношения бытия и мышления сведена к проблеме отношения общего и деталей. Используя некоторые особенности западных языков, в которых бытие и существо обозначаются одним и тем же словом, например, «être», «Wesen», что допускает употребление термина «бытие» во множественном числе, Марк не различает между бытием отдельного существа — субъекта и бытием как таковым,

независимым от субъекта. Отсюда делаются далеко идущие философские выводы об отношении между бытием и сознанием как об отношении ансамбля и деталей, бытия как такового и бытия отдельных существ, личностей, единого и множественного, отношении, в котором смазывается, сводится на нет противоположность субъекта и объекта.

Индивиды неисчислимы, но, несмотря на их различие и разнообразие, они представляют собой бытие, являясь деталями ансамбля реального, множественным единством или объединенным, дифференцированным множеством. В этом соотношении единого и множественного Марк видит главный признак диалектики, отказываясь вместе с тем признать их противоречивым единством, а рассматривая их лишь как единство различий.

Дуалистическим системам Декарта, Канта, систему которого Марк называет триализмом, разрывающим единое бытие, раскалывающим единую человеческую личность на противоположные субстанции, он противопоставляет единое, само по себе существующее, нераздельное «я». Это «я» и представляет собой, по мнению Марка, единство души и тела, одушевленное тело, тотальность, нераздельность, которые характеризуют подлинное единое бытие.

В работе «Рефлексивная психология», частично использованной в сборнике «Аспекты диалектики», Марк, определяя это «я» как предсознательное стремление сознания, приписывает ему значение подлинно онтологического бытия, подлинно метафизического понятия. Как «я» самовозникающее, первоначальное, оно является началом действия, центром и направлением истории. Его главная характерная черта состоит в том, что оно является бытием, не являясь в то же время объектом, что оно не способно ни в коем случае объективироваться. Только условно, для удобства изучения, часть этого «я», причем несущественная — физическая — может быть квазиобъективирована. В целом же онтологическое бытие не есть и не может стать объектом. «Онтологическая реальность,— пишет Марк в «Анализе диалектики»,— это прежде всего мир субъектов, индивидов, личностей».

В других своих работах он высказывается еще категоричнее, называя субъект «истинным бытием, подлинно онтологическим» и доказывая, что личность целостна, нераздельна, тотальна, что материя и сознание в ней слиты воедино, что бытие в ней не дробится, а восстанавливается. Отсюда следуют по крайней мере три вывода: 1) категория бытия поглощается бытием субъекта; 2) бытие не есть объект и лишено признаков объективности, оно не определяет сознания и, наконец, 3) категория подобного единого всеобъемлющего бытия служит для стирания грани между материальным и идеальным, для спаивания «раскола» между материей и сознанием.

Таковы основные выводы, к которым приходит «онтологическая диалектика».

Когда Энгельс критиковал Дюринга за использование категории бытия без раскрытия его материальной основы, он указывал на возможность произвольного и идеалистического толкования этой категории. В современной философской католической литературе мы имеем как раз идеалистическое толкование категории бытия и использование ее в целях борьбы против материализма, поскольку бытие не толкуется здесь как первичное в отношении сознания и определяющее его. Профессор Марк утверждает, что бытие не есть объект, а профессор Алькие,— что объект не есть бытие.

Профессор Огюстен Сездема требует, чтобы онтолог, не ограничиваясь проблемой бытия, изучал все аспекты реального. Однако в понятие реального и даже точнее — в понятие объективной реальности он включает и нас самих «с элементами нашей внутренней жизни» и «абстрактные реальности», «концепты, построенные нами...». Сюда же относятся психофизические, научные и философские теории. Не различая между объективной реальностью, существующей вне сознания, и реальностью, данной

в сознании, Сезма приходит к такому расширению понятия реальности, что включает в нее мысли, стирая гносеологическую противоположность материи и духа, материализма и идеализма. У него теряет смысл самое понятие материи как реальности, независимой от сознания.

Другие католические философы не принимают термин «объективная реальность» и предпочитают допускающую расплывчатое толкование категорию бытия для использования ее в тех же целях стирания грани между материальным и идеальным, объективным и субъективным. Они прямо утверждают первичность субъекта, духа над внешним миром и поглощение субъектом бытия как такового. Марк, например, совсем не связывает понятие бытия с объективностью, отвергает его первичность по отношению к субъекту и отстаивает субъективность бытия. «Считают, что бытие,— пишет он,—которое основывает объективную реальность как отличную от познающего субъекта, есть идеал объективности... Но является ли оно им в действительности?!» Всякое бытие, рассуждает он, прежде чем быть объектом для других, есть субъект, самополагание субъекта. Оно является внутренним, прежде чем стать внешним, бытием существа, «я», прежде чем стать бытием для других. И лучший метод познания бытия состоит не в том, чтобы его схватить извне, как объект, а чтобы понять его изнутри, как субъект. Благодаря этому понятие объекта, пишет он, «перестает быть метафизически первым» («Аспекты диалектики», стр. 29). Представители онтологической философии очень часто проблемы онтологические подменяют проблемами гносеологическими, а те и другие — психологическими. Так и в данном случае интрасубъективный метод психологии, сам по себе весьма сомнительный, предназначен освящать первичность субъекта по отношению к объекту.

В работе «Диалектика утверждения» преимущество своей «онтологической диалектики» Марк усматривает в том, что бытие перестает быть угрозой духу—субъекту, внешним, объективным, отчужденным в отношении духа, потому что дух его признает своим и принимает в себя (стр. 81). В этом смысле толкуется им термин «данное бытие»; оно данное потому, что оно «принято» духом.

Главное достоинство своей диалектики по сравнению с диалектикой Гегеля Марк видит в том, что бытие и дух перестают отрицать друг друга и взаимно утверждают, чем, по замыслу его, осуществляется приоритет утверждения над отрицанием, положительного над отрицательным, согласия, сосуществования различий над противоречием. Марк даже не понимает, видимо, насколько ниже он оказывается по сравнению с критикуемыми им классиками идеалистической диалектики, применяя к гносеологии, к вопросу об отношении мышления и бытия принцип согласия различий, принцип аналогии бытия и духа вместо диалектического принципа единства противоположностей.

Этому принципу аналогии как Марк, так и Сезма и другие представители «онтологической диалектики» придают огромное значение. С их точки зрения, бытие и дух аналогичны не только между собой, но они аналогичны бытию и духу с большой буквы, то есть первоначальному бытию — духу — существу — богу. Этот принцип аналогии, очевидно, уподобляемый закону единства и борьбы противоположностей, наделяется ими и свойством быть источником движения, «двигателем». Причем никто из сторонников «онтологической диалектики» не может объяснить, как и почему принцип аналогии становится двигателем вместо отвергаемого ими принципа борьбы противоположностей. Совершенно непостижимо, за что критикует Марк идеализм Гегеля как философию «интегральной имманентности», которая-де не признает бытия вне сознания, если у него самого «данное бытие» «принимается», включается в сознание. И не более ли родственна эта теория разгромленным еще полстолетия тому назад Лениным имманентам, которые тоже утверждали, что «сознание без внешнего мира немыслимо, что, следовательно, последний принадлежит к пер-

вому» и в их абсолютной связи «они составляют единое первоначальное целое бытия» (см. В. И. Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм». Соч., т. 14, стр. 202).

Не нова и не оригинальна также развиваемая современными католиками-персоналистами теория бытия как индивидуального человеческого бытия. Ее генеалогия восходит к Лейбницу, как и теория согласия души и тела, являющегося якобы результатом предустановленной богом гармонии. У Лейбница они взяли и толкование субъекта, индивида как носителя онтологической реальности. Католический философ Сезма, рассматривающий личность как высшую реальность в иерархии существ, как самое высшее и самое реальное понятие, от которого зависит и причинность и завершенность, опирается в данном случае на Лейбница и на французского философа Гамелена, упрекая их только в том, что они недостаточно точно проводят иерархию существ.

Совершенно идентичную теорию о человеческой индивидуальности бытия, о субъекте — личности как носителе бытия развивали у нас в дореволюционной России русские философы-персоналисты Г. Тейхмюллер, А. Козлов и Е. Бобров еще в 80-х годах прошлого столетия. Как и современные французские католики-персоналисты, они тоже отстаивали нераздельность, первоначальность и самодостаточность бытия как субъекта, включали в него объективное бытие в виде содержания своего сознания, противопоставляли бытие небытию, лишая последнее онтологического значения, и воевали с Гегелем за идею их нераздельности. Отрицанию они тоже отводили роль переходной ступени между двумя уровнями бытия, доказывая, что «бытие и там и здесь, на обеих сторонах», а отрицание есть лишь «отношение». Диалектику они представляли как отношение множественного и единого. Многие работы современных католиков-персоналистов, в частности «Рефлексивная психология», «Диалектика действия» и «Диалектика утверждения» А. Марка, настолько точно повторяют основное содержание и даже аргументацию книжки Е. Боброва «О понятии бытия», вышедшей в 1898 году в Казани, что достаточно отбросить диалектические этикетки, чтобы узнать в них русских персоналистов прошлого века. Последних отличает в данном случае разве только более открытая критика материализма и диалектики, которую современные противники марксизма прикрывают и маскируют.

Отсюда понятна несостоятельность попытки современных католических философов-персоналистов выдать теорию индивидуального бытия за последнее слово диалектики.

* * *

Рассматривание духа или субъекта в качестве носителя негативности и движения и соответственно обедненное представление о материи как о мертвом, пассивном данном, приводимом в движение извне, составляет общий порок всех идеалистических систем современности, в том числе и экзистенциализма, критикуемого представителями «онтологической диалектики». У Гегеля отрицательность духа ведет к преодолению вещественности (предметности) материального мира в познании, к снятию ее в абстракции и вместе с тем к опредмечиванию сознания в труде и творчестве. Современные идеалисты усвоили от Гегеля, собственно, только идеалистическое понимание отрицательности как преодоления вещественности без тех выводов, на которых строится логика и теория познания Гегеля. Философия современных идеалистов, в частности экзистенциализма, касается ли это Хейдеггера или Ясперса, Кожева или Сартра, имеет в своей основе то свойственное всякому идеализму положение, которое Ленин, изучая Гегеля, выразил в нескольких словах:

«Субстанция материи — тяжесть.

«Субстанция духа — свобода».

(«Философские тетради», 1947, стр. 220).

Преодоление вещественности есть сущность и назначение отрицательности духа. Свобода покупается лишь преодолением вещественности, освобождением от сковывающей тяжести материи. У Сартра, например, вещественность есть «уплотнение оседания», бытия. Она завоевывает тело субъекта, его прошлое, засасывает его, заставляет впасть в «сон минералов». Свобода поэтому есть прежде всего освобождение от этого «засасывания». Для того, чтобы быть свободным, надо «вырваться», «отцепиться» от вещественности, утвердиться как «не-вещь». Это достигается актом «неантизации» (*le neant* — небытие) как отрицания всего, что связывало человека, отрицания его прошлого, которое «осело» в его вещественности и которое он обязан уничтожить.

Но тут встает вопрос: откуда же берется отрицание? Где его источник: в бытии или в небытии? Вопрос этот особенно важен потому, что он связан с вопросом об источнике движения у экзистенциалистов и у представителей «онтологической диалектики».

В полемике с Гегелем Сартр отстаивал мысль, что бытие и небытие не являются логически современными и не переходят друг в друга. Он говорил, что отрицание «никогда не ущемит права бытия». Отступая в этом вопросе от Гегеля, Сартр, однако, для объяснения происхождения отрицания вынужден был искать источник небытия в бытии, то есть прибегнуть к гегелевскому «бытию с некоторым небытием». Надо, говорил он, чтобы небытие каким-то образом было данным в недрах бытия, в его сердце, как червь, то есть нужно бытие, из которого небытие происходит и привходит в вещи. То же самое говорит Хейдеггер: нужно бытие, в котором стоял бы вопрос о его небытии. Такое небытие бытия — источник отрицания — Сартр усматривал в экзистенции, сущность которой он видел в свободе. Сами главари экзистенциализма Хейдеггер и Валь тоже рассматривают экзистенцию как уничтожение бытия и вместе с тем как его снятие, которое есть «удерживаемое исчезновение», по их терминологии (см. статью Ж. Валь в книге А. Мариетти «Мысль Гегеля». Париж. 1956).

Свободу Сартр характеризовал, с одной стороны, как свободу разрыва со своим прошлым, которое ничем не связывает и ни к чему не обязывает человека, как свободу безразличия. «Свобода, — пишет он в работе «Бытие и небытие» (стр. 66), — это человеческое бытие, которое ставит свое прошлое вне игры, выделяя свое собственное небытие». Таким образом, свобода, по Сартру, как небытие прошлого, достигнутого, бывшего и есть действительное небытие того, что было, небытие бытия.

Но, кроме обоснования волюнтаризма и индифферентизма, в понимании свободы у Сартра имеются и прогрессивные моменты, связанные с элементами не совсем еще выветрившейся диалектики. Характеризуя отрицательность как свободу, Сартр рассматривает ее как беспокойство, как вечный способ отрыва от того, что существует, от всего законченного. А самый разрыв с прошлым как характеристика отрицания не есть только разрыв с вещественностью, засасывающей человека, но сопровождается вхождением в будущее путем восстания.

Конечно, выраженное в такой абстрактной форме отрицание существующего еще не обязывает к каким-либо определенным политическим выводам. Сам Сартр на разных этапах своей деятельности вкладывал в эти положения разное политическое содержание, которое его или отдаляло от коммунизма, или приближало к нему. Один из католических авторов, Обенк, обрушивается на Сартра за его высказывание в защиту мира, заявляя, что, став на сторону трудящихся, Сартр лишил себя как свободы выбора, так и самой свободы. А Мерло-Понти называет это изменой диалектике. Католические философы критикуют не только выводы, но и самую возможность делать какие-либо прогрессивные выводы из гегелевского понимания отрицательности. Поль Рикёр, например, считает, что «неантизация» раскрывает лишь разрушительную сторону «тотального

акта», являясь его теневой стороной и оставляя нераскрытой его светлую, положительную, созидательную сторону.

Католические философы критикуют экзистенциалистское понимание отрицания как уничтожения, отождествление «денегации» (отрицания отрицания) с неантизацией, отрицающих актов с отрицанием. Они упрекают экзистенциалистов за то, что последние не видят утверждения бытия, положительных ценностей, которые заключены в каждом отрицании. Они считают, что экзистенциалисты уничтожают все реальное в пользу ирреального, что отрицание у них оспаривает бытие в пользу небытия, а утвердительное, положительное в пользу отрицательного. Критикуя Сартра, у которого небытие представляет «онтологическую» характеристику человеческого бытия, они выдвигают свою диалектику утверждения против диалектики отрицания, предлагают «онтологическую диалектику», смысл которой заключается в утверждении онтологического значения и примата бытия над небытием.

П. Рикёр доказывает, что экзистенциалисты смешивают «денегацию», отрицание отрицания, со страстями, которые запирают каждое явление в отрицательном и не дают выхода к положительному, что они считают противоположностью свободе, небытию прошлого, бытие, «окаменевшее в своей сущности» и сведенное к вещественности. А такое сведенное к вещественности, «окаменевшее бытие», конечно, не может быть, с его точки зрения, основой и источником отрицающих актов, душой отрицания, сомнения, запроса и оспаривания. Оно является, наоборот, как бы препятствием, преградой порыву к свободе. Следствием этого и является искание экзистенциалистами источника движения в отрицании такого бытия, вне его, в небытии.

Но, нащупав слабое место экзистенциалистов, католики вместо того, чтобы обогатить их мертвое, сведенное к вещи бытие включением в него общественного бытия, противоречия, самодвижения, единства бытия и небытия, предпочитают метод исключения небытия из бытия, метод исключения противоречия, самодвижения и диалектики.

Философия экзистенциалистов не различает вопрос об отношении мышления к бытию от проблемы отношения бытия к небытию. И как для всех идеалистов природа есть небытие, отрицание духа, а дух отрицание материи, так и для них экзистенция есть дух, субъект, а вместе с тем носитель небытия природы, источник отрицательности и движения. Экзистенция, с их точки зрения, первична в отношении бытия и как дух, и как небытие, и как отрицательность. Все человеческое есть духовное, невещественное. Католики в полемике с ними выдвигают положение: не-вещь не есть еще небытие, так же как вещь не есть еще бытие. П. Рикёр, например, говорит, что все показанное Сартром сводится к положению: чтобы быть свободным, нужно конституироваться в не-вещь, но не-вещь не есть небытие.

Правильным в подобной критике экзистенциализма является лишь то, что бытие не сводится к вещи. Маркс, например, учил за отношениями вещей видеть отношения людей. Материальные общественные отношения, по Марксу, не сводятся к отношениям вещей, а в понимание бытия как внешнего мира марксизм включает и природу и общество.

Однако католики как раз считают заслугой экзистенциалистов преодоление вещественности в понятии бытия, отделение бытия от вещи, «обогащение» понятия бытия включением в него духа и противопоставление бытия небытию. То есть в противовес Марксу и Ленину католические философы отождествляют то, что марксизм противопоставляет в рамках основного гносеологического вопроса, — бытие и дух — и противопоставляют то, что марксистская диалектика считает диалектически нераздельным — бытие и небытие. Вопреки Гегелю они отказываются видеть связь отрицания с небытием. «Положительное и отрицательное, — писал Ге-

гель,— содержат в себе как свою абстрактную основу первое — бытие, а второе — ничто» («Наука логики», стр. 70).

Оспаривая «право гипостазировать отрицание в небытии», сторонники «онтологической диалектики» усматривают его основание в бытии, а не в небытии, но вместе с тем как бы и вне бытия, так как они отрицают за ним онтологическое значение. Рикёр, Марк, Обенк, Сездема и другие представители этого направления рассматривают отрицание лишь как подчиненное в отношении утверждения, как переходную ступень между двумя уровнями бытия, придавая ему лишь значение методологическое. Отрицание, с точки зрения Рикёра, есть всегда лишь только слово, речь.

То же самое, по существу, утверждает другой сторонник «онтологической диалектики», Акселос, интерпретирующий «логос» не как объективную закономерность, диалектику и логику, не в гераклитовском смысле, а как философскую речь, как диалог. Этот автор в своей статье «Логос как основатель диалектики» («Аспекты диалектики», стр. 127), оценивая противоречие у Гераклита как простую двусмысленность гераклитовской речи, как «биполярность», возмущается тем, что эта двойственность (то есть противоречивость) имеет не только литературный и психологический смысл, но и «метафизическое и онтологическое» значение. Она, по его словам, «заключена в сердцевину реальности и ужасает человеческий ум и сердце, которые, чтобы спастись от дезориентации, ищут односторонней ориентации» (там же, стр. 126).

Акселос возмущается таким пониманием диалектики, в котором противоречие рассматривается как реальное существование, как существующее в виде действительных разорванных противоположностей, к тому же еще и объединенных.

Отвергая идею самодвижения через противоречия, Акселос предлагает свое понимание диалектики, в котором основатель ее — «логос» — означает одновременно мысль, дух, слово, речь, доктрину, диалог и диалектику, но ни в коем случае не объективную закономерность. Такая интерпретация «логоса», по мнению Акселоса, одинаково свойственна как эллинской, так и христианско-теологической, как гегелевской, так и марксистской диалектике.

Как иначе можно расценить подобные рассуждения, как не стремление представителей «онтологической диалектики» упразднить онтологическое значение основных категорий диалектики! Тем более чудовищно приписывать такое лишенное всякого объективного смысла понимание диалектики марксизму.

Поль Рикёр тоже сетует по поводу чрезвычайной засоренности нашего сознания отрицанием, которая выявляется в насыщенности нашей речи негативной структурой. Так, прошлое характеризуется обычно выражением «не будет больше», будущее — «нет еще», смерть предвосхищается как небытие нашего существования. На самом деле это все является, согласно Рикёру, результатом «загрязнения философии драматическими аффектами», в котором он обвиняет всю философию отрицательности — от Гегеля до Сартра. Близостью некоторых аффектов (таких, как лишение, нужда, нетерпение, тревога, сожаление, скорбь) к отрицанию Рикёр объясняет внедрение эмоционального в философию. Но, видимо, еще больше волнует Рикёра близость отрицания к «таким аффектам», как беспокойство или борьба, как противоречие. Он призывает остерегаться «пафоса отрицания». «Нет никакого основания так драматизировать отрицание,— говорит он,— так как нет ничего трагического в отрицании и совершенно неправоммерно смешивать его с беспокойством, с борьбой, с трагическим, с уничтожением и смертью».

Он называет «философской трезвостью» сведение отрицания к простому различию и «философским опьянением» обратное сведение различия к отрицанию. Рождение отрицательного в «отличном», противоречие и противоположности являются модальностями отличного. У Рикёра уже

давно наблюдается стойкая тенденция развенчать значение отрицательности и противоречия как принципа самодвижения и жизненности, очистить их от борьбы. Уже в 1955 году на страницах органа персоналистов «Эспри» он развивал подобные идеи, выступая с проповедью приоритета различия над отрицанием. Рикёр призывал вернуться к платоновскому тезису софиста, который сводит небытие к другому и отделяет бытие от становления. И его призывы к философской трезвости являются не чем иным, как выражением стремления выхолостить революционное содержание из философской категории отрицания, свести его к простому, мирному различию.

Общей тенденцией, свойственной всем последователям «онтологической диалектики», является снижение значения диалектического противоречия и борьбы противоположностей как источника развития. Все авторы «Аспектов диалектики» различными способами стараются обкарнать, снизить и урезать значение противоречия и борьбы противоположностей, лишить их революционного смысла. Для этого употребляются чрезвычайно разнообразные средства. Одни сводят противоречие к различию и сосуществованию различий. Другие, наоборот, считают противоречия неразрешимыми и непреодолимыми и строят на этом целую политику терпимости и умеренности.

Лишение противоречий, как и всех диалектических категорий, онтологического значения, отрицание их реальности применяется в сочетании с другими методами упразднения диалектики в виде «высшей меры наказания». Однако при всем разнообразии средств общий итог их идентичен — это отрицание единства и борьбы противоположностей как источника самодвижения в марксистском понимании и в более или менее явной форме упоминание о конце развития как характеристике диалектики. У Марка, например, нет, по существу, даже понимания единства противоположностей. У него противоречие исключает единство, а единство исключает противоречие. Он говорит, что противоположности не являются противоречиями, так как они сосуществуют и не могут существовать одна без другой. Мало того, они являются противоположностями лишь по названию и противоречат друг другу лишь с первого взгляда. Только по видимости их отношение есть борьба. Причем, если речь идет о борьбе, то она допускается лишь как антагонистическая, при которой противоположности взаимно разрушаются, взаимно исключаются, обрекая явление на безвыходность и крах. Наоборот, синтез, сочетание, «соучастие» или «партиципация» противоположностей, которые выявляются при более внимательном исследовании отношения между противоположностями, исключают-де борьбу, конфликты и противоречия. Подлинный смысл их отношения Марк усматривает в превращении борьбы в согласие, в смягчении конфликта, в поддержании их оппозиции на уровне «чистого отношения», при котором каждая противоположность становится не препятствием другой, а средством ее осуществления. В целом взаимное отрицание противоположностей существует лишь для того, чтобы не было их смешения. «Отрицание нужно для того, — пишет Марк, — чтобы не смешивать одно с другим путем отождествления, утверждение друг против друга — чтобы не вредить друг другу, но признавать взаимную ценность».

В полной противоположности с гегелевской диалектикой, в которой различие есть тоже противоположность, но неразвитая, несущественная, Марк намечает свою иерархию и эволюцию противоположностей: противоречие, противоположность, отношение и отсутствие (всяких отношений). Причем, конечной стадией этой эволюции и ее идеалом, по Марку, являются не только неразвитые, не доведенные до существенного различия, застывшие в себе противоположности, то есть противоположности в форме «чистых отношений» или простых различий, которые Гегель определял как равнодушные, неразличимые по отношению друг к другу, но

вообще отсутствие всяких отношений. Так, высший мир, мир господства абсолютного, не требует, согласно этой концепции, для себя противоположности, не включает ни драмы, ни противоречия. Это, так сказать, мир единства без противоположностей, единого вне множественного, мир божества как окончательного синтеза, в котором погасли все противоречия и их борьба.

Но самым интересным является то, что этот католический миротворец пытается купить признание своего явно недиалектического понимания эволюции противоречий идеей мирного существования, которое, по его мнению, основывается на сосуществовании различий. «Разве не означает,— пишет он,— закон противоречия невозможности сосуществования?». С противоречием Марк связывает только все тяжелое и разрушительное для человека и человечества: физическое и моральное зло, болезнь, смерть, войны. Бытие, обреченное на противоречия, существует с трудом, ему все опасно, ему угрожает все время риск и несчастье, тогда как оно стремится к счастью. Противоположность, обостряясь до противоречия, внушает Марк, толкает к войне, к взаимному истреблению противных сторон, в которой только победитель переживает врага.

Не различая между реальным развитием противоположностей, поднимающим различие до существенного различия, и способом разрешения их, Марк доказывает, что такая эволюция представляется возможной лишь для того, чтобы быть избегнутой. И вместо диалектики противоречия он предлагает свою диалектику, диалектику гармонии и иерархии, вместо реального развития противоположностей — эволюцию к синтезу в божестве. Противоречия «должны эволюционировать,— пишет он,— от противоположности к чистому отношению, где конфликт заменяется простым мирным *visa vis*». Подобное отношение устанавливает, согласно его утверждению, мир как между личностями, так и между государствами.

Впрочем, не следует думать, что сторонники «онтологической диалектики» серьезно выступают за мирное разрешение противоречий. Наоборот, они неоднократно и настойчиво выступают против разрешения противоречий вообще. Не проводя грани между объективным развитием противоречий и субъективным их обострением, между различиями, которые должны, с точки зрения Ленина, превратиться в существенные, дойти до противоположности, и различиями несущественными, не основными и случайными, имеющимися в каждом явлении, они выступают против всякого развития противоречий в целом, предпочитают их скрытое, неразвившееся состояние, то есть противоречие на уровне различия.

Католический философ Обенк высказывается, например, в таком духе, что вообще следует остерегаться даже попытки, претензии разрешить, преодолеть, превзойти какие бы то ни было противоречия, мотивируя это тем, что всякое разрешение предполагает остановку в движении, тогда как движение бесконечно. Открыто объявляя себя сторонником рассудочного мышления, которое Гегель считал низшей, метафизической формой мышления, он различает политику разума, претендующую на разрешение неразрешимого, и политику рассудка, понимания, которая сохраняет противоречие, «принимает его всерьез», но признает его неразрешимость. Эта мудрая, с его точки зрения, политика характеризуется умеренностью и строится на умелом выборе возможностей.

Неразрешимость противоречий подразумевается и у Марка, поскольку он исходит из обреченности человечества на конфликт и борьбу и считает это неотъемлемым признаком мира, относительного, конечного, противопоставленного бесконечному абсолютному божественному существу. В одном месте он открыто говорит, что этот вывод чреват упразднением диалектики. В другом, что такого типа диалектика есть реальность факта и лишена онтологического значения.

Таким образом, несмотря на второстепенные разногласия, у Марка, Обенка и других авторов этого направления в основном одинаковая концепция, в которой признание неразрешимости противоречий сочетается с иллюзорным их примирением в божестве. Но это и есть сочетание метафизической антиномии с теорией примирения противоречий. В целом «онтологическая диалектика» выхолащивает онтологический смысл и диалектическое содержание из всех основных научных категорий диалектики — из противоречия, становления и отрицания отрицания.

* * *

Единство, цельность и самодостаточность бытия отстаивается католическими философами отнюдь не в противоположность потустороннему миру, а в противоположность небытию. Умаление значения бытия, ущемление его полноты и тотальности они видят не со стороны нематериальной субстанции, а со стороны небытия, отрицания, противоречия, охраняя тем самым бытие от диалектики. Самодостаточность бытия в материалистическом понимании связана с идеей несотворимости и неразрушимости материи и движения и доказывается длинным и трудным развитием естествознания и философии. Самодостаточность бытия, устанавливаемая за счет ликвидации отрицания и небытия, это метафизика. Именно в таком метафизическом смысле и понимают католические философы единое тотальное бытие.

Когда они отстаивают цельность и нераздельность бытия, то они берут категорию бытия в отношении к мышлению и используют ее для стирания грани между материальным и идеальным. Когда же ставится вопрос об отношении бытия к небытию, то они как раз выступают за раздельность и противопоставление бытия и небытия. Марк признает отношение бытия к небытию единственным случаем, когда противоречие и противопоставление взаимоисключающих понятий необходимо и не может быть смягчено. Поэтому он называет идею небытия псевдоидеей и считает, что оно абсолютно не является необходимым для становления. Бытие, с его точки зрения, для своего становления имеет надобность лишь в себе самом, поэтому бытие есть самополагание, и в этом смысле оно самодостаточно. Позиция Марка в данном вопросе столь же оборонительна, сколь и наступательна. Он громит идею небытия и обороняется от диалектического понимания значения небытия для становления, для возникновения и исчезновения.

Однако для диалектики без понятия небытия нет ни становления, ни возникновения, ни исчезновения, ни изменения вообще. Ленин в «Философских тетрадах» выписывает курсивом мысли Гегеля: «Нигде ни на небе, ни на земле нет ничего, что не содержало бы в себе того и другого, бытия и небытия» (стр. 80).

Бытие и небытие настолько нераздельны, что нет самостоятельного существования одного отдельно от другого, или одного вне другого, или одного после другого. Поэтому Ленин (и Гегель) считал, что даже термин «единство» недостаточно выражает взаимоотношение бытия и небытия, и заменял его термином «нераздельность». Секрет нераздельности этих категорий заключается в том, что их следует понимать не как застывшие, четко разграниченные категории, а в процессе, в движении, как моменты этого процесса, как переход их друг в друга, как становление, или, как говорит Гегель, как исчезающие одно в другом.

Представление о чистом, абсолютном, полном бытии или небытии, имевшееся у элеатов и в восточных буддистских религиях, давно превзойдено диалектикой. И если Парменид говорил: «Лишь бытие есть, а небытия вовсе нет», то Гераклит ему противопоставил свое понимание бытия как становления, говоря: «Бытие столь же мало есть, как и небытие».

Юный Маркс писал, что нет полного бытия или небытия. Именно в этой способности бытия и небытия переходить друг в друга и снимать свою раздельность Ленин и Гегель усматривали диалектику и, наоборот, софистикой считали предположение об их раздельности. «Нет ничего, что не было бы средним состоянием между бытием и ничто», — писал в «Философских тетрадах» В. И. Ленин (стр. 81).

Бытие и небытие в становлении предстают как снятые, как исчезающие. Становление и есть «данность бытия, так же как и небытия» (там же, стр. 80). Причем даже для идеалиста Гегеля бытие и небытие не являются просто вспомогательными понятиями для понимания становления, но они, по существу, получают свое подлинно реальное существование лишь в третьем: в становлении. А возникновение и исчезновение (прехождение) являются реальными моментами становления. С точки зрения раздельности бытия и небытия, как указывал Гегель, непостижимо начало — возникновение вещей, как и их прекращение, ибо, согласно этой концепции, они суть или бытие или ничто, но не могут быть и тем и другим. На самом же деле диалектическое понимание начала содержит в себе и бытие и небытие, оно есть реальное противоречие: «начинающегося еще нет; оно лишь направляется к бытию» (В. И. Ленин «Философские тетради», стр. 78). «...То, что начинается, — говорил Гегель, — уже есть, но в такой же мере также его еще нет», — ибо оно отдаляется от небытия и приближается к бытию (см. Соч. т. V, стр. 58). Но это небытие, по Гегелю, не есть чистое, абсолютное небытие, а такое, в котором уже содержится и бытие. Точно так же конечное расценивается с точки зрения диалектики как направляющееся, движущееся к концу: оно еще есть, но конец есть уже его сущность, его «истина».

Противоречивость понятий начала и конца заключается в том, что они суть относительные моменты в бесконечном развитии, что они выражают через свою противоположность бесконечное, являются ограниченными движениями в безграничном движении материи. Диалектическое понимание отношения между бытием и небытием, возникновением и исчезновением, началом и концом в становлении, понимание этого отношения как противоречия, как взаимопроникновения противоположностей, прочно вошло в обиход материалистической диалектики. Энгельс противопоставляет гераклитовское «все существует и в то же время не существует, так как все *течет*, все изменяется, все находится в постоянном процессе возникновения и исчезновения» метафизическому представлению, согласно которому «вещь или существует или не существует», поскольку с этой точки зрения «вещь не может быть сама собой и в то же время иной. Положительное и отрицательное абсолютно исключают друг друга» («Анти-Дюринг», 1957, стр. 21).

Ленин противопоставлял Чернову и другим «метафизическим противникам Гегеля» диалектическое понимание движения. «Двигаться... означает быть в этом месте, и в то же время не быть в нем» («Философские тетради», стр. 242). Энгельс использует диалектику для объяснения сущности всякого, даже механического движения, в особенности для объяснения органической жизни, где всякое существо представляется в каждый данный момент «тем же самым и уже иным», и для развития на основе этого понимания вопроса о сущности жизни как постоянного возникновения и исчезновения, самообновления и умирания, как обмена веществ.

Иначе ставятся эти вопросы католическими философами. К вопросам становления и исчезновения, вообще к вопросу об источниках движения они подходят с точки зрения именно того метафизического противопоставления бытия и небытия, отрицания и утверждения, при котором действительно совершенно непостижимым является начало вещей и источник всякого развития. Они ведут длинный схоластический спор с экзистенциалистами о том, может ли быть источником становления, основой для нача-

ла отрицание, бытие или небытие. Когда они критикуют философию отрицательности, называют ее ущемленной философией небытия, являющейся продуктом недостаточности бытия, их доводы могут быть наполовину убедительными, так как всякая абсолютизация одной из этих категорий неправомерна. Но им в голову не приходит, что ни само небытие, ни само бытие не могут быть источником возникновения, становления и движения вообще. Таковым являются только их диалектическое противоречие и их взаимопроникновение, постоянное воспроизведение и разрешение этого противоречия.

Таким образом, «онтологическая диалектика» французского персонализма, который французские коммунисты расценивают «как христианское крыло неокapитализма», демонстрирует на деле идеалистически-метафизическую ревизию диалектического материализма путем извращения всех основных категорий материалистической диалектики и отрицания их объективного значения.

Утверждение индивидуального бытия как единственного итога «онтологической диалектики» представляет собой теоретическое обоснование той социальной демагогии французских персоналистов во славу личности, которая поставляет доводы анархистствующей интеллигенции и современным ревизионистам для борьбы с марксизмом.

Критику социально-политической программы современных представителей онтологической философии мы дадим в следующей статье.

Теория диалектики Фердинанда Гонсета и диалектический материализм

С. А. ЭФИРОВ

После возникновения диалектического материализма судьба диалектики в буржуазной философии и в немарксистской научно-методологической мысли была весьма сложной. В течение длительного времени диалектика попросту отвергалась. Затем, примерно с начала нашего века, в буржуазной философии снова стали появляться теории диалектики. Спекулятивные, далекие от науки и даже враждебные ей, эти теории, в сущности, были шагом назад не только по сравнению с материалистической, но и по сравнению с гегелевской диалектикой.

Однако в этот же период зарубежными исследователями-естественниками стихийно делались попытки нащупать научный диалектический метод, потребность в котором была огромной: его отсутствие явилось, как известно, одной из основных причин кризиса естествознания, возникшего в начале XX века. Этот кризис, гносеологический по своему существу и поэтому не исключаящий крупнейших специальных достижений в естественных науках, в наше время еще более углубился. Соответственно возросла объективная потребность в научной теории диалектики, которая вывела бы западных ученых из тупика конвенционализма, формализма и субъективизма.

На пути к овладению этой теорией стоят труднопреодолимые социально-политические преграды, а также традиционные академические предубеждения против материалистической философии. Тем не менее в послевоенный период искания западных исследователей, занимающихся проблемами методологии научного познания, вступили в новую фазу: появилась идея, что развитие науки и человеческой мысли в целом является диалектическим по своей природе и что науке для преодоления кризиса и здорового развития необходим диалектический метод¹.

Конечно, нельзя сказать, чтобы эта идея стала преобладающей. Но сам по себе факт ее появления, безусловно, знаменателен. Он свидетельствует о все большем проникновении в естествознание диалектической методологии, иначе говоря, о развитии в естествознании тенденций, открытых около пятидесяти лет назад В. И. Лениным.

I

Процесс осознания и распространения среди исследователей-немарксистов идеи необходимости диалектической методологии в научных и фи-

¹ «Несколько десятилетий назад слово «диалектика» стало вновь появляться в обновленном смысле, и все чаще и чаще... Оно было восстановлено в правах, потому что в нем испытывали необходимость... Это — в высшей степени живое слово, мы не в состоянии более его отвергать» («Dialectica», 1948. № 63; F. Gonseth «A propos des exposés de mm. Ph. Devaux et E. W. Beth», p. 120). «Идея диалектики стала... краеугольным камнем современной научной мысли. Но она вышла за эти рамки и стала центральным элементом философии, которая охватывает познание в целом» («Dialectica», 1947. № 1, H. S. Gagnebin «Sur l'idée de la dialectique dans la philosophie des sciences contemporaine», p. 75).

лософских исследованиях с особенной отчетливостью проявился в философском течении, возглавляемом известным швейцарским философом и математиком Фердинандом Гонсетом.

Это направление некоторые исследователи (например, Бохенский, Фульке и другие) не без основания называют «движением». В самом деле, у Ф. Гонсета немало сторонников, полностью или частично разделяющих его взгляды (Бернайс, Ж.-Л. Дегуш, Башлар, Перельман, Ганебэн и другие). Рупором идей этой группы и прежде всего самого Ф. Гонсета является влиятельный международный философский журнал «Диалектика», выходящий уже более 10 лет. Ф. Гонсет очень активно борется за утверждение и распространение своих идей: он организует и участвует в многочисленных дискуссиях в Швейцарии и за ее пределами, принимает участие в философских конгрессах (он член руководящего комитета Международной философской федерации), выступает с многочисленными лекциями и докладами. Его перу принадлежит большое количество книг и статей.

«Движению» Ф. Гонсета симпатизируют весьма широкие круги ученых и философов, придерживающихся различных взглядов. Некоторые из них ведут даже своего рода «борьбу» за Гонсета, стремясь привлечь его на свою сторону.

В целом это «движение» весьма разнородно и противоречиво по своему характеру. Оно представляет, на наш взгляд, значительный интерес, являясь, с одной стороны, как уже было сказано, выражением основанного на объективной закономерности развития науки, стремления западной научно-методологической мысли к овладению диалектическим методом, с другой — отражением тех неразрешимых трудностей, с которыми она сталкивается, пытаясь достичь этой цели на путях, лежащих в стороне от марксистской философии.

Не имея возможности проанализировать теорию диалектики Ф. Гонсета в целом и историю ее возникновения, ограничимся знакомством с некоторыми ее основными моментами.

С точки зрения Ф. Гонсета, человеческое познание и наука являются диалектическими по своей природе. «Объективное познание, — пишет он, — по своей структуре является диалектическим»¹ («Dialectica». 1947. № 2, р. 126). «...В своих наиболее живых, наиболее передовых и характерных частях наука является диалектической» («Dialectica». 1947. № 4, р. 298). В частности, утверждает Ф. Гонсет, развитие математики и физики, особенно за последние полвека, показывает их объективно диалектический характер.

Гонсет рассматривает диалектику как определенного рода научную и философскую методологию. Без диалектики, утверждает Гонсет, действительность остается непонятой, а разум — «без средства и гарантий» (там же).

Гонсет выдвигает ряд принципов, характеризующих диалектическую методологию. К их числу относятся: принцип пересмотра и принцип сохранения приобретенного в познании², согласно которым всякое знание принципиально должно быть «открыто» для пересмотра, причем вовсе не обязательно в смысле его отмены, но, как правило, в плане его углубления и детализации; принцип техничности и принцип интегральности (цельности), говорящие о единстве и различии наук, о спецификации и целостно-

¹ Эта идея получает все большее распространение среди зарубежных исследователей. Так, Ф. Дево в статье «Диалектика и логика» заявляет, что «познание является диалектическим по своей природе» («Dialectica». 1948. № 6, р. 95). См. также статью А. С. Еwing «Contribution to the discussion on «métaphysique et dialectique». В ней мы читаем: «Понятие диалектики выражает основную черту нашего мышления», (там же, стр. 168).

² Принцип «сохранения приобретенного» в познании был сформулирован Ж.-Л. Дегушем, Бернайсом и Гонсетом.

сти познания; принцип двойственности, предполагающий единство эмпирических и рациональных моментов в познании.

В. И. Ленин отмечал в свое время, что одна из основных причин кризиса естествознания заключается в отсутствии диалектического подхода к проблеме абсолютной и относительной истины. Стремление решить эту проблему как раз и является основным в философских исканиях Гонсета. Он пытается преодолеть кризис западной философской мысли, не впадая в крайности релятивизма и скептицизма, с одной стороны, и метафизического догматизма—с другой. «...Дело в том,—пишет Ф. Гонсет,—чтобы понять... как может познание, несмотря на все пересмотры, которым оно подвергается, сохранять неотъемлемую ценность истины» («*Philosophie néoscolastique et philosophie ouverte*». P. U. F. 1954, p. 45). Особый акцент на «принципе пересмотра» Гонсет делает потому, что, по его мысли, всякое установленное научное понятие, всякая идея или теория может в определенных условиях, особенно если она в течение долгого времени считается справедливой, превратиться в «эпистемологическое препятствие» для развития научного познания. Однако «принцип пересмотра» Гонсета предполагает не обязательность пересмотра всех научных концепций, идей и т. п., а только возможность их пересмотра (которая в определенных случаях может никогда не превратиться в действительность). «Принцип пересмотра,—пишет Гонсет,—не утверждает, что всякое научное познание должно обязательно пересматриваться... Этот принцип не исключает, безусловно, окончательных и теперь уже сформулированных истин». Однако, «согласно этому принципу, ...не существует абсолютных и безусловных оснований полагать, что мы способны заранее и навсегда решить, что та или иная область познания никогда не будет нуждаться в пересмотре» (там же, стр. 46).

Наряду с утверждением принципиальной «открытости» для пересмотра всех научных теорий, идей и понятий Гонсет признает существование «неотъемлемых приобретений» познания (*inaliénables*), или того, что мы назвали бы относительными истинами. Их «неотъемлемость» вовсе не означает, что они ни при каких условиях не подлежат пересмотру. Как раз напротив, развитие науки показывает, что эти «неотъемлемые» элементы познания, независимо от того, являются ли они элементарными или сложными по характеру, постоянно подвергаются пересмотру, причем «пересмотр чаще всего не означает чистого и простого отказа от наших нынешних знаний, которые, напротив, сохраняются после пересмотра, но уже в качестве неполных или суммарных знаний» (там же, p. 111). В этой связи Гонсет приводит следующий простой пример: равенство $2 + 2 = 4$ является безусловной элементарной истиной, «неотъемлемым» элементом познания, и никто не может утверждать возможности его изменения и «пересмотра» в направлении $2 + 2 = 5$. И все же происходит постоянный «пересмотр» этого равенства, его непрерывное углубление. Для того чтобы понять это, достаточно сравнить представление о нем школьника и исследователя, занимающегося теорией чисел.

Мысль Гонсета заключается, таким образом, в том, что развиваются не только сложные сферы наших знаний, но и элементарные понятия, концепции и т. д. Стремясь пояснить эту идею, Гонсет сравнивает познание с растущим деревом в отличие от строящегося небоскреба; как в дереве происходит рост и развитие не только ствола, но и корней, так и в науке развиваются также и ее основные, элементарные понятия и принципы.

Вопрос о «неотъемлемых элементах» познания, о диалектике «неотъемлемого» и нового или непредвиденного в процессе познания является, по словам Гонсета, «решающим вопросом» его философии.

Пересмотр научных понятий и концепций происходит, согласно Гонсету, в процессе углубления познания, идущего от одного «горизонта реальности» к другому. В этом движении имеет место «девалоризация» и вместе с тем относительная «ревалоризация» указанных понятий и кон-

цепций: те из них, которые считались абсолютными, оказываются имеющими значение лишь в определенной, более или менее ограниченной области (а также значение первого приближения относительно более поздней теории). Вместе с тем, становясь относительными, эти положения или теории вовсе не теряют своей познавательной ценности; напротив, после уточнения их ценность в известном смысле возрастает.

Гонсет следующим образом понимает переход от одного «горизонта» познания к другому: после перехода от одной научной теории к другой первая приобретает новое значение: с одной стороны, она становится частью, частным случаем второй теории, с другой — какой-то степенью приближения к ней.

Из «горизонтов» реальности и соответствующих им «горизонтов познания» нам открывается прежде всего «видимый» естественный «горизонт», или «горизонт» здравого смысла. Его нормы относятся к определенной области; здесь они имеют ценность, значение и в известном смысле истинны. Сам по себе этот «горизонт» дает нам лишь приблизительное, суммарное знание, но, во-первых, он обладает «неотъемлемым содержанием реальности» (там же, стр. 145); во-вторых, «содержит все пути, по которым может идти познание более глубокой реальности» («Dialectica». 1948. № 7—8, р. 418). В «естественном горизонте» имеются «следы» более глубоких «горизонтов», которые могут быть правильно поняты только на основании исследования этих «горизонтов».

«Горизонты», в которые постепенно проникала наука, находили отражение в классической физике, затем — в квантовой механике и теории относительности, в геометрии Эвклида и в неэвклидовых геометриях, в геоцентрической системе Птолемея, затем — в гелиоцентрической системе Коперника — Кеплера, в традиционной логике и новейших логических теориях. Каждый из этих «горизонтов» имеет в известном смысле свою структуру и свои естественные законы. В «горизонте» классической физики, например, частица и волна несовместимы, в «горизонте» атомной физики они — дополняющие друг друга противоположности. Вместе с тем «горизонты» связаны между собой, и, как уже было сказано, переход к следующему «горизонту» не уничтожает значения предыдущего. Все они имеют в качестве базы естественный «горизонт»; этот «горизонт» — необходимый исходный пункт для достижения более глубоких ступеней реальности. Представления, непосредственно даваемые органами чувств, наше естественное представление о времени, вещи и т. п. остаются, говорит Гонсет, «неотъемлемыми элементами» диалектического процесса познания, который дает возможность несравненно более глубоко понять их природу на других «уровнях» познания. «То, что глаз схватывает в вещах, — пишет Гонсет, — является всего лишь аспектом, который ни в коей мере не исчерпывает действительности» («Dialectica». 1955. №№ 33—34, р. 133). Научное познание, говорит он, повышает ценность органов чувств и одновременно показывает приблизительность данных этих органов, которые дают нам предварительное познание во всех его видах.

«Развитое, тонкое познание, — пишет Гонсет в другом месте, — основывается на «естественном» познании, которое, однако, может рассматриваться лишь как суммарное приближение к первому» («Philosophie néoscolastique et philosophie ouverte», р. 145).

Итак, мы видим, что Гонсет развивает идею движения познания от ступени к ступени, причем он считает, что на каждой ступени это познание частичное, неполное, не свободное от ошибок. В дальнейшем, говорит Гонсет, можно себе представить множество других ступеней «в бесконечном движении к полностью завершенному знанию».

Хотя Гонсет и нащупывает правильное решение проблемы диалектики абсолютной и относительной истины, последовательного углубления человеческого познания, он не свободен от некоторых элементов релятивизма. В дискуссии с неотомистами в Риме он заявил, например, что его

философия не занимает определенной позиции по вопросу об абсолютной истине и считает выходящей за пределы собственной компетенции проблему абсолютной истины и даже вопрос о том, имеет ли смысл это понятие. Однако в целом, несмотря на некоторые уступки релятивизму, Гонсет правильно подходит к решению вопроса о соотношении диалектики и релятивизма, рассматривая релятивизм лишь как момент диалектики, не сводя диалектику к релятивизму.

Подчеркивая релятивность наших знаний в каждый определенный момент их развития, на каждом их «горизонте», Гонсет постоянно выступает против релятивизма как общей концепции. Так, на дискуссии о «логике и диалектике» в Цюрихе он категорически заявил: «...Всякий релятивизм может быть только отрицанием истины, отрицанием глубоких устремлений философии» («Dialectica». 1948. № 6, p. 137).

Гонсет верит в возможности человеческого разума и познания. Если бы развитие науки, спрашивает он, было только движением на ощупь и колебанием, если бы оно было движением, покидающим одну сомнительную позицию лишь для того, чтобы занять другую, такую же сомнительную, как можно было бы объяснить несомненный прогресс научного познания на протяжении веков? «Куда бы мы ни обратили взор в сфере реального познания,— говорил он в своем выступлении на дискуссии с неотомистами,— познание предстает перед нами все более уверенным в себе и надежным, все в большей степени опровергающим скептицизм» («Philosophie néoscolastique et philosophie ouverte», p. 80). Не случайно поэтому теория Гонсета расценивается многими за рубежом как реакция на абсолютный релятивизм неопозитивизма. Так, например, один из его оппонентов, Филиази-Каркано, рассматривает его теорию как «самокритику релятивизма». «Она стремится,— пишет он,— именно к тому, чтобы избежать релятивистских и скептических последствий, к которым ведет применение логического анализа..., как он осуществлялся неопозитивистами» («Dialectica». 1952. № 23, p. 205). Известный математик П. Бернайс пишет: «Направление «открытой философии» ни в коем случае не является скептическим или даже релятивистским» («Dialectica». 1948, № 6, p. 275). Так же оценивают философию Гонсета Фульке, Перельман, Сельваджи, Морандини и ряд других исследователей.

II

Проблема диалектики абсолютной и относительной истины — центральная, но не единственная проблема теоретических изысканий Гонсета. Он уделяет внимание ряду других вопросов. Некоторых из них мы коснемся ниже. Но прежде всего необходимо определить его общеполитические позиции.

Эти позиции в достаточной мере неопределенны. Гонсет нередко весьма решительно высказывается против идеализма¹. Вместе с тем он полон традиционных академических предрассудков по отношению к материалистической философии. Его точка зрения не нова: он стремится «примирить» материализм с идеализмом и поместить свою систему между ними или «над» ними.

Но, несмотря на это, в целом его взгляды близки к естественнонаучному материализму. Конечно, признание этого факта для него немыслимо, поскольку — вполне традиционно — с материализмом у него ассоциируются представления о негибкой и примитивной метафизически-механистической системе. Однако естественно-материалистические тенденции его

¹ «Традиционные и современные варианты идеализма,— пишет он,— проявили свою неспособность понять реальность человека и мира» («Philosophie néoscolastique et philosophie ouverte», p. 143).

философии вряд ли можно отрицать. Гонсет признает (хотя иногда и с известными колебаниями) существование объективной материальной реальности, независимой от человека, объективное существование вещей. Наука, с его точки зрения,— это «последовательное раскрытие действительности», это «способ приближения к реальности». «...Невозможно,— пишет он далее,— говорить о науке, не говоря почти сейчас же о реальности, которую имеют в виду все эмпирико-теоретические искания. Идея внешней реальности, не являющейся всего лишь фактом нашей воли и нашего воображения, есть неотъемлемый элемент всякой исследовательской деятельности...» («Dialectica». №№ 33—34. 1955, p. 130).

Безусловно, у Гонсета наряду с подобными положениями можно найти высказывания конвенционалистского, инструменталистского и т. п. характера. Это именно и заставляет говорить о недостаточной определенности его философских позиций. Однако общий характер или, во всяком случае, тенденция его взглядов, несомненно, естественно-материалистическая.

Как правило, сторонники и оппоненты Гонсета характеризуют его взгляды как «реалистические». Хорошо известно, конечно, что термин «реализм» в философии весьма неопределен и им прикрывались нередко самые реакционные направления. Однако существо воззрений Гонсета дает основание утверждать, что в данном случае (как, скажем, и у Эйнштейна, который также называл свои философские взгляды «реалистическими») под термином «реализм» скрывается стихийно-материалистическая тенденция¹.

Отношение Гонсета к диалектическому материализму традиционно для буржуазной философии: он его плохо знает и, тем не менее, пытается критиковать. Диалектический материализм, по мнению Гонсета, трактует диалектический процесс развития познания исключительно в исторически-хронологическом плане, тогда как в его теории он рассматривается в плане методологическом. «В хронологической перспективе,— пишет Гонсет,— превзойденная теория оказывается тем самым деклассированной и замещенной. В методологической перспективе две теории (одна из которых превзошла другую в объеме, тонкости, глубине и т. д.) могут великолепно сосуществовать. Они могут прекрасно помещаться на совершенно различных уровнях познания, на разных горизонтах реальности. Первая может образовывать неотъемлемый фундамент второй» («Philosophie néoscolastique et philosophie ouverte», p. 99). То, против чего выступает Гонсет,— это чисто хронологический принцип в исследовании процесса развития познания. Но Гонсет совершенно напрасно обвиняет марксизм в чистом хронологизме. Принципы диалектики исторического и логического, разработанные Марксом во Введении к «К критике политической экономии» и примененные в «Капитале», являются превосходным опровержением подобных обвинений. Известно, что Маркс обосновал принципиальную возможность и необходимость в известных случаях «не исторической, а методологической перспективы» (как сказал бы Гонсет), иначе говоря, несовпадения в исследованиях исторической и логической «перспектив», а иногда и их обратного отношения.

Гонсет, по существу, повторяет Маркса (которого, кстати сказать, он относит к числу наиболее крупных и уважаемых им мыслителей), когда говорит, что использование «методологической перспективы», которая не совпадает с точной перспективой исторических фактов» («Dialectica». 1955. №№ 33—34, p. 184), позволяет нам отвлекаться от случайного

¹ Характерно в этом отношении определение «реализма», данное одним из участников Цюрихского Международного конгресса философии науки, по всей видимости, сторонником Гонсета: «реализм» — «это утверждение существования и познаваемости физического бытия» («Proceedings of the second international congress of the International union for the philosophy of science, 1954», p. 101).

и несущественного, дает возможность правильно понять историческое развитие и использовать его уроки.

Не соответствует действительности утверждение Гонсета, будто, с точки зрения марксистской философии, «всякая превзойденная теория» отбрасывается. Формы перехода от одних теорий к другим в процессе развития познания весьма сложны и многообразны. Последующая теория может быть принципиальным отрицанием предыдущей и вместе с тем сохранить в себе и преобразовать на новой основе ее плодотворные элементы (пример: философия Гегеля и марксистская философия). Процесс может протекать также несколько иначе. Предыдущая теория может продолжать существовать наряду с последующей, но уже не в качестве универсальной, а как частный случай последней, как ее приближенное выражение (пример: классическая и современная физика). Именно эту форму движения научных теорий и рассматривает Ф. Гонсет (вовсе не считая ее единственной и универсальной). Советские философы, как известно, также уделяют значительное внимание разработке и теоретическому обоснованию этой формы развития научного познания. (Из наиболее свежих материалов см., например, статью А. С. Арсеньева «О принципе соответствия в современной физике». Журнал «Вопросы философии» № 4 за 1958 год.)

Существующее у нас мнение, будто Гонсет — неопозитивист, неверно или, во всяком случае, не вполне верно. Гонсет весьма критически относится к неопозитивизму. По мнению ряда исследователей, его естественнонаучная теория диалектики возникла в противовес неопозитивизму.

В противоположность неопозитивизму теория Гонсета, хотя и не всегда последовательно, отвергает субъективизм и формализм¹, стремится отстоять познавательную ценность науки. Гонсет рассматривает науку как «постепенное раскрытие действительности» и утверждает необходимость философии, находящейся в диалектическом единстве с наукой в качестве одного из двух аспектов единого человеческого познания. «Мир наших идей и нашего познания,— пишет Гонсет,— представляет собой единое целое... Необходимым, по существу, является движение от науки к философии, которая ее дополняет и охватывает» («Dialectica». 1955. №№ 35—36, р. 230). В отличие от неопозитивизма Гонсет вкладывает в понятие философии самый широкий как гносеологический, так и онтологический смысл. Философия «выполняет функцию синтеза,— говорит он.— В этом качестве она необходима, незаменима, неотъемлема» (там же).

Несмотря на нечеткость многих формулировок Гонсета, отличие его представлений о предмете и методе философии от соответствующих представлений неопозитивистов совершенно очевидно. Гонсет не считает, что философия как мировоззрение должна быть отвергнута. Правда, философская теория самого Гонсета затрагивает исключительно методологические проблемы, но в отличие от неопозитивизма в ней ставится вопрос о методологии научного познания не конвенционального, а раскрывающего реальную действительность. Кроме того, у Гонсета ограничение философии рамками методологии познания не принципиальное, оно связано со спецификой его интересов.

Чтобы определить положение философии Гонсета в современной философской мысли, нужно охарактеризовать его отношение не только к неопозитивизму, но и к экзистенциализму, который оказал известное влияние на его воззрения. Гонсет, конечно, решительно отвергает чисто спекулятивную методологию философии экзистенциализма и ее антинаучную направленность. Он отвергает также идею об изолированности чело-

¹ «Эта теория науки,— писал Гонсет о неопозитивизме,— сводила научную перспективу к нашему субъективному миру» («Dialectica». 1948. №№ 7—8, р. 418). Критикуя логический позитивизм, Гонсет справедливо отмечал, что его формалистическая методология «не находит полезного употребления в связи с реальной практикой современной науки» («Dialectica». 1955. №№ 35—36, р. 236).

века в мире, идею свободного конструирования индивидом собственного знания, свободы выбора им любых моральных норм по своему вкусу. Человек, справедливо утверждает Гонсет, не только естественное, но и общественное существо, «люди — это производители. Прежде чем стать создателем систем, человек был строителем городов» («Dialectica». 1954. № 31, pp. 187—188).

Но Гонсет весьма непоследователен в своей критике экзистенциализма, а также неопозитивизма и некоторых других реакционных течений. Эта непоследовательность проявляется не только в отдельных субъективистских и конвенционалистских высказываниях, но и в некоторой общей «объединительной» тенденции его философии. У него проявляется иногда стремление к объединению своей системы с экзистенциализмом, семантическим идеализмом и т. д., стремление рассматривать эти и некоторые другие идеалистические течения как моменты диалектической методологии¹.

С экзистенциализмом и некоторыми другими современными течениями Гонсета роднят также индетерминистические тенденции его учения. Правда, эти тенденции у него не являются такими определенными, как у многих современных философов и ученых. Гонсет высказывает иногда правильные мысли о диалектике свободы и необходимости, причинности и пр. Однако, в общем не избегая противоречий, Гонсет склоняется нередко к индетерминизму как к общей концепции действительности.

Отрицание детерминизма — одна из характерных черт буржуазных естественнонаучных, философских и социологических теорий XX века. Мы не будем говорить здесь о социально-политическом смысле современного индетерминизма. Отметим лишь, что он основан на двух заблуждениях: во-первых, на метафизическом понимании необходимости, на понимании детерминизма, как абсолютного механического детерминизма, с вытекающим отсюда представлением о негибком, раз и навсегда однозначно определенном во всех своих частях мире; во-вторых, на смешении объективной необходимости с необходимостью и универсальностью тех или иных концепций, формул, идей и т. д.

Характерно в этом отношении замечание одного из представителей современного экзистенциализма: «Философия должна будет, в случае если она захочет остаться основанной на категории необходимости, прибегнуть к новому обоснованию этой категории» («Saggi di critica delle scienze». Torino. 1950, p. 14). Большинство представителей буржуазной философии не знает, не хочет знать или не понимает, что именно такое новое обоснование категории необходимости дано диалектическим материализмом.

Признавая, что прежнее метафизическое понимание необходимости несостоятельно и что критика, направленная против него, вполне обоснована и законна, диалектический материализм отвергает альтернативу, к которой на этом основании приходит недиалектическая мысль: альтернативу индетерминизма. Вместо этого он выдвигает новую диалектическую концепцию необходимости, которая вместо негибкой, раз и навсегда данной однозначной определенности утверждает диалектическую взаимосвязь, взаимозависимость, не отвергает случайности, а устанавливает ее диалектическую связь с необходимостью.

Случайность, определенная совокупность случайностей, рассматривается диалектическим материализмом как форма проявления необходимости. Объективная необходимость не проявляется непосредственно и

¹ Поскольку гносеологическими корнями идеалистических теорий является гипертрофирование отдельных элементов сознания, познавательного процесса, отдельных категорий (или их групп), постольку то, что исследуется в этих теориях (а также их отдельные методологические достижения), может быть моментом диалектической методологии. Однако принципиально неверно смешивать объект исследований с общей идеалистической, односторонней и искаженной его трактовкой в этих теориях.

однозначно. Совокупность случайностей также не однозначна, в том смысле, что ее компоненты могут быть различными. Но через сумму этих различных компонентов прокладывает себе дорогу объективная необходимость.

Один из важных аспектов диалектической взаимосвязи и взаимопереходов необходимости и случайности выявляется при рассмотрении проблемы в различных планах. То, что в одном плане является необходимостью, может оказаться в другом плане случайностью, и наоборот.

Важно понять отличие объективной необходимости, существующей независимо от сознания, от необходимости и универсальности тех или иных научных теорий и положений (это отличие, по-видимому, не вполне ясно Гонсету, что является одной из причин индетерминистических тенденций в его концепции). Вторые отражают первую (или, во всяком случае, находятся в связи или в зависимости от нее), но это отражение всегда необходимо приближенное, будучи одной из ступеней в бесконечном движении познания к абсолютной истине. Поэтому если необходимость тех или иных концепций, законов или формулировок оказывается не универсальной, а ограниченной, относительной, приближенной (как в случаях классической физики и евклидовой геометрии), то это отнюдь не означает крушения категории необходимости, а лишь подтверждает диалектическую концепцию детерминизма и отношения абсолютной и относительной истин.

В нескольких коротких замечаниях невозможно, конечно, раскрыть многосложную диалектику необходимости и случайности, объективной необходимости и ее отражения в сознании. Важно уяснить одно: насколько диалектико-материалистическая концепция необходимости (всцело подтверждаемая современной наукой) далека от примитивизма механистической концепции. Однако сложность концепции не должна заслонять основного принципа: признания существования объективной необходимости и принципиальной возможности ее познания. Это познание бесконечно углубляется, в процессе углубления понятие необходимости из метафизического превращается в диалектическое. Каждая ступень этого процесса относительна. Только на его основе можно понять подлинную диалектику необходимости, случайности, свободы, возможности и т. д.

Взгляды Гонсета — это взгляды многих зарубежных ученых, чьей логика научных исследований толкает к материализму, а социально-политические и академические предрассудки удерживают от него. Под влиянием различных идеалистических систем эти ученые попадают в субъективистские или религиозные ловушки. Они постоянно колеблются между материализмом и идеализмом, детерминизмом и индетерминизмом, конвенционализмом и признанием познавательной ценности науки. Однако при всех колебаниях, вопреки всем субъективистским наслоениям непреходящей остается их тяга к естественнонаучному материализму. Эта здоровая тенденция в их взглядах неуничтожима, хотя она и проявляется в различной степени.

III

Как же следует расценивать теорию диалектики Гонсета? Она не удовлетворяет нас по ряду причин. Прежде всего это теория только субъективной диалектики, не субъективистской, как, скажем, теории немецких неогегельянцев, экзистенциалистов, Д. Джентиле и других, а именно субъективной, поскольку речь в ней идет только о диалектике познания, а вопрос о диалектике объективного мира, о его диалектическом развитии даже не ставится.

Правда, в отличие, например, от Кожева и его последователей Гонсет не утверждает, что диалектика является исключительно функцией мышления и деятельности человека (если не считать его раннего, отно-

сящегося еще к 30-м годам конвенционалистского определения диалектики, как определенной системы значимых суждений), но полное игнорирование им объективной диалектики, диалектики природы позволяет думать, что он отрицает ее.

Далее, исследование диалектики сводится Гонсетом к формулированию нескольких, хотя и существенных, но в общем все же частных методологических принципов и к разбору отдельных гносеологических проблем. Отождествлять эти методологические фрагменты с диалектикой — значит вольно или невольно сужать значение этого понятия. Гонсет далек от понимания диалектики как системы (разумеется, не априорной и «открытой» в смысле ее непрерывного развития и совершенствования) взаимосвязанных и взаимозависимых, находящихся в диалектическом единстве и вместе с тем различных категорий. Из его поля зрения почти целиком выпадает проблема противоречий, единства и борьбы противоположностей. Конечно, Гонсет понимает, что исследование процесса познания ни в коем случае не может не принимать во внимание противоречивости этого процесса. Однако дальше общих мест и самых поверхностных констатаций он не идет. Человеческая мысль, говорит он, является и должна быть коллективной. Наличие противоречий, столкновения противоположных точек зрения — одно из необходимых условий исследования, продвижения мысли вперед. Поэтому для развития науки и философии необходим непрерывный «диалог», то есть борьба мнений.

Констатируя эти бесспорные вещи, Гонсет не делает сколько-нибудь серьезной попытки выяснить роль противоречий в познании как одной из движущих сил его развития.

Характерно следующее. Исследователи, стоящие на позициях диалектического материализма, не ограничиваются простым описанием развития научного знания, перехода от одной научной теории к другой, а вскрывают внутреннюю необходимость, внутреннюю логику этого процесса, в то время как Гонсет в силу самих принципов своей теории обречен на описательность. Имея в виду те же самые процессы, он, в сущности, не анализирует, а описывает их. Всякий иной подход ведет, согласно его взглядам, к недопустимому априоризму. Так, логика взглядов Гонсета приводит его к позитивизму, против которого он пытается бороться.

Принцип противоречия и развития через отрицание и отрицание отрицания фактически заменяется в школе Гонсета принципом «дополнительности». Так, «дополняют» друг друга различные «горизонты» познания, научные теории, абстрактное и конкретное, свобода и необходимость, эмпиризм и рационализм и т. д.

Термин «дополнительность», употребляемый в весьма различных значениях, стал, как известно, модным в зарубежных философских, логических и научных исследованиях после того, как Н. Бор сформулировал «принцип дополнительности». У Гонсета в отличие от теоретиков-позитивистов концепция дополнительности не носит в общем субъективистского характера, однако это не диалектическая концепция. Конечно, относительно многих из вышеназванных «пар» термин «дополнительность» имеет известный смысл, но он характеризует их отношения, связи, взаимодействия и пр. слишком внешне, механистически, недиалектически.

Действительно, научные теории в своем развитии не просто «дополняют» друг друга — их отношения значительно сложнее (как, впрочем, это показывает сам Гонсет). То же самое нужно сказать о диалектике абстрактного и конкретного в познании. Характеризовать сложный процесс восхождения от конкретной действительности как исходного пункта созерцания и представления к абстрактному и от абстрактного к конкретному, как к многостороннему и единому отражению действительности — на основе познания ее сущности — посредством принципа «до-

полнительности» (абстрактного и конкретного) — значит, крайне упрощать его, игнорировать его диалектическую природу.

Относительно «пары» — рационализм и эмпиризм нужно сказать следующее. Безусловно, точка зрения Гонсета по этому вопросу (формулируемая как один из основных принципов его теории диалектики — «принцип двойственности») заслуживает внимания. Ни чистый рационализм, ни чистый эмпиризм, говорит Гонсет, не могут служить достаточной базой для научной методологии. Ни одна теория, какой бы абстрактной и далекой от реальной действительности она ни казалась, не является чисто рационалистической, любая теория основана в конечном счете на опыте или во всяком случае связана с ним¹. С другой стороны, наиболее эмпирические констатации необходимо заключают в себе или предполагают те или иные теоретические обобщения, соображения, выводы.

Однако эти правильные идеи приобретают сугубо метафизический смысл при их истолковании в терминах «дополнительности». Отношение эмпирического и рационального моментов в познании никак не исчерпывается понятием «дополнительности». Они, конечно, «дополняют» друг друга, но это не все, более того, это не самое основное, что нужно сказать об их отношении. Тут необходимо учитывать диалектический принцип, хорошо известный Гонсету, согласно которому целое (в данном случае познавательный процесс) не есть простая сумма его частей (эмпирического и рационального моментов), это качественно новый синтез, включающий части и новое качество, не содержащееся ни в одной из частей, взятых в отдельности.

IV

Значительное число теорий диалектики, появившихся в XX веке, и усилившийся интерес к диалектике за последние десятилетия свидетельствуют о двух знаменательных тенденциях в буржуазной философии: о стремлении противопоставить марксистской диалектике «свою» диалектику и о том, что развитие научной мысли в наше время не позволяет уже просто отвергать диалектику и ставит перед необходимостью ее теоретического осмысления.

Отношение к теории диалектики Гонсета не может быть аналогичным нашему отношению к спекулятивной «диалектике» неогегельянской и антигегельянской светской и религиозной философии XX века. Можно, разумеется, подвергнуть ее самой уничтожающей критике и отвергнуть: слабостей и уязвимых мест у нее более чем достаточно. Мы уже говорили, например, о такой ее черте, как сведение диалектики к некоторым ограниченным научно-методологическим и гносеологическим моментам и исключение из ее сферы важнейших универсальных и революционных принципов. Однако, с другой стороны, теория диалектики Гонсета, бесспорно, является выражением насущной потребности современной научной и научно-методологической мысли в диалектическом методе, причем в отличие от спекулятивных теорий диалектики она эту потребность не только выражает, но и делает определенные шаги к ее удовлетворению. Ограничиваясь сравнительно узким кругом проблем, скатываясь иногда к релятивизму и конвенционализму, эта теория нащупывает все же правильное решение таких важнейших для научной

¹ Затрагивая в этом плане вопрос о полностью формализованных теориях, один из ближайших соратников Гонсета, Ганзбен, отмечает, что здесь нелегко выявить роль опытного эмпирического момента. Однако, говорит он, несомненно одно: всякой такой теории (логической и пр.) предшествует другая теория, опытная по своему происхождению либо содержащая эмпирические элементы. Таким образом, «какой бы формализованной ни была теория, она сохраняет контакт с экспериментальной реальностью; в науке не существует чисто формальной теории...» («Dialectica». 1952. № 22, p. 127).

методологии и теории познания проблем, как соотношение абсолютной и относительной истины, диалектика сущности и явления, переход от сущности одного порядка к сущностям следующих порядков и т. д.

Непоследовательность и эклектичность взглядов Гонсета отчасти объясняют ту «борьбу за Гонсета», о которой уже говорилось выше. Гонсета хотели бы видеть в своих рядах представители самых различных направлений. Ему льстят субъективисты и релятивисты из неопозитивистского лагеря, толкуя его теорию в духе абсолютного релятивизма; ему льстят и неотомисты, стремясь отыскать максимум точек соприкосновения с ним. И все в один голос, чувствуя опасные материалистические и диалектические тенденции его учения, предостерегают его от «заражения» диалектическим материализмом. Наиболее ясно это выразил Бохенский, высказавший во время одной из дискуссий пожелание, чтобы «диалектическое движение, так блестяще руководимое г-ном Гонсетом, смогло бы держаться как можно дальше от наивностей русского диалектического материализма» («Dialectica». 1948. № 6, p. 247).

Конечно, субъективно Гонсет бесконечно далек от диалектического материализма, и в этом смысле Бохенский и весь лагерь философской реакции могут быть совершенно спокойны. Однако объективно плодотворные элементы его теории в известной мере сближают ее с материалистической диалектикой. Принцип непрерывного развития познания, как его наиболее сложных, так и элементарных частей, диалектика абсолютной и относительной истины, сущности и явления, перехода от сущности одного порядка к сущностям более глубоких порядков и др.— все это проблемы, которые весьма детально изучались на протяжении многих десятилетий диалектическим материализмом, причем следует сказать, что они несравненно более глубоко, четко и точно им сформулированы.

Теория диалектики Гонсета в своих общих моментах не представляет для нас чего-то нового. Ее значение в другом: она является выражением стихийного влечения немарксистской научно-методологической мысли к диалектическому методу. Много лет назад В. И. Ленин писал, что наука идет к этому «единственно верному методу и единственно верной философии естествознания не прямо, а зигзагами, не сознательно, а стихийно, не видя ясно своей «конечной цели», а приближаясь к ней ощупью, шатаясь, иногда даже задом» (В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 299).

Одним из свидетельств этого «приближения ощупью» западной научной мысли к диалектико-материалистическому методу и является теория диалектики Гонсета. Вместе с тем ее органические недостатки служат косвенным подтверждением того, что неизбежный в будущем синтез науки с диалектикой может произойти только на базе марксистско-ленинской философии.

Бенедетто Кроче и диалектика

Б. С. ЧЕРНЫШЕВ

ОТ РЕДАКЦИИ. Автор публикуемой статьи профессор Московского государственного университета Борис Степанович Чернышев (1896—1944) принадлежал к тем советским ученым, которым дверь в науку открыла Октябрьская революция. Широко эрудированный, Б. С. Чернышев был большим знатоком зарубежной философии. Обладая незаурядным педагогическим даром, он умел прививать своим слушателям любовь к марксизму, к науке, к философии, строго направлять их научные занятия. Его перу принадлежат книга «Софисты», курс лекций о философии Гегеля и другие работы. Б. С. Чернышев умер в расцвете творческих сил, и многие его работы остались незавершенными. В частности, он оставил незаконченной монографию о философии Бенедетто Кроче, главу из которой мы ниже публикуем.

Бенедетто Кроче (1866—1952) — одна из наиболее сложных фигур современной идеалистической философии. В философии Кроче — неогегельянец, в политике — родоначальник либерализма в Италии, его крупнейший теоретик и длительное время лидер партии либералов. Посвятивший многие годы изучению экономики и политики, Кроче стал видной политической фигурой в Италии. В 1921 году он был министром просвещения, но вскоре после прихода к власти Муссолини ушел в отставку. В дальнейшем стала все более и более обнаруживаться противоречивость политических позиций Кроче. С одной стороны, он открыто осуждал диктатуру Муссолини. Но, с другой стороны, не видел и не хотел видеть тех сил в итальянском народе, которые действительно способны завоевать свободу и повести Италию по пути прогресса. После войны он воочию убедился в бесплодности либерального движения и ушел с поста лидера партии либералов. Эта трагедия Кроче крайне примечательна. Его оппозиция к фашизму привлекала к нему антифашистски настроенную молодежь и интеллигенцию Италии и обеспечила ему широкую популярность. Но непонимание Кроче сущности и целей движения рабочего класса явилось причиной его частых антикоммунистических выступлений, получавших отпор в коммунистической печати Италии. Критике философии Кроче посвящены работы Антонио Грамши и многих современных итальянских коммунистов. Б. С. Чернышев не мог их знать либо потому, что они не были изданы (труды А. Грамши), либо потому, что они создавались в послевоенный период. Тем не менее Б. С. Чернышев сумел увидеть главное в философии Кроче — несостоятельность его попытки «реформировать» диалектику, — сумел осветить этот вопрос по существу. Это и составляет ценность публикуемой статьи.

* * *

Для итальянского неогегельянства в целом — Кроче, поскольку он неогегельянец, не составляет исключения — характерно «исправление» философии Гегеля в духе субъективного идеализма. Много-

гранная система Гегеля суживается; например, натурфилософия выбрасывается, так как признание природы, хотя бы в виде «инобытия» абсолютной идеи, кажется итальянским идеалистам непозволительной данью материализму. Логика сливается с «феноменологией» и «философией духа». В силу такой «реформы» идея и природа лишаются относительно самостоятельного развития. Они лишь некоторые моменты, аспекты деятельности духа. Что касается самого духа, прокламированного в качестве единственного творца самого себя и вместе с тем всего существующего, то тут мы сталкиваемся со значительными колебаниями. С одной стороны, он более или менее отличается от эмпирического сознания человека, с другой, будучи имманентным, отождествляется с ним.

Бенедетто Кроче осуществляет обработку диалектики Гегеля с вполне определенными целями. Ему нужно вырвать из нее революционное жало. В таком обезвреженном виде диалектика должна послужить теоретическим фундаментом для либерализма. В силу этой «реформы» диалектика будто бы оправдывает принцип *«laissez faire, laissez passer»*. Идея развития сможет тогда, по мнению Кроче, теоретически обосновать «практическое отношение» либерального доверия и благосклонности к разнообразию тенденций жизни, которым тогда предоставляется свободное поле для состязания, взаимопроверки, взаимодействия, для их *«concordia discors»* (разногласного согласия) (см. Croce B. *«Aspetti morali della vita politica»*, p. 8).

Не удивительно поэтому, что весь пыл своей полемики Кроче направляет против сути диалектики — закона единства и борьбы противоположностей. Он считает, что до сих пор философы, следовавшие за Гегелем, вносили лишь некоторые коррективы, касающиеся мелочей гегелевской системы. Он же, напротив, намеревается нанести удар в самое ее сердце, критикуя ее метод.

Однако, подкапываясь под самые основы диалектики, Кроче вместе с тем не выступает против нее прямо. Больше того, ловко маневрируя, он на словах признает диалектику. Кроче не может и не хочет целиком исключать понятие единства и борьбы противоположностей; он готов допустить основной закон диалектики, он полупризнает его, с тем, однако, условием, чтобы свести его, по существу, на нет. По мнению Бенедетто Кроче, этот закон не универсален, а подчинен другому, более широкому закону мышления — закону «разногласного согласия». Кроче, как идеалиста, интересуют не реальные противоречия и их столь же реальное преодоление, а сочетание таких пар понятий, как истина и ложь, красота и безобразие, жизнь и смерть. Кроче говорит, что над разрешением этой проблемы бился, с одной стороны, абстрактный монизм, а с другой — дуализм¹. «Монисты» стремились исключить противоположение из сферы философского понятия. Они допускали лишь один из двух терминов, а другой объявляли «иллюзией», или же между двумя понятиями устанавливалась количественная, а не качественная разница. Мир, лишенный борьбы противоположностей, становился одноцветным и однотипным. В противовес «монизму» «дуализм» со всей силой утверждал противоположение как фундаментальную категорию логики.

И то и другое разрешение вопроса не удовлетворяет Кроче. Если «монизм» жертвует противоположением ради единства, то «дуализм» пренебрегает единством ради противоположения. Но и наивная мысль и поэзия никогда не рассматривали отношение антитетических понятий как *«mors tua — vita mea»* (твоя смерть — моя жизнь), а как *«concordia discors»*. Поэт созерцает и передает в «словах прозрачных и серебряных» раздираемую противоречиями, содрогающуюся от противоположностей, но вместе с тем единую и нераздельную реальность. Неужели, спрашивает

¹ Кроче употребляет термины «монизм» и «дуализм» неправильно. «Философский монизм и дуализм, — говорит Ленин, — состоят в последовательном или непоследовательном проведении материализма или идеализма» (Соч., т. 14, стр. 276).

Кроче, философская истина должна уступать истине поэтической; разве трепет мысли не может выразить трепета вещей? Гегель, по мнению Кроче, преодолевает как монизм, так и дуализм противоположностей.

Истина состоит в том, что «единство не имеет противоположения перед собой, а в себе самом» (Croce B. «Saggi filosofici», Bari, Laterza, 1928, vol. III, p. 15).

Только таким образом универсальное понятие со своим синтезом противоположностей схватывает жизнь, а не труп. Ярким примером такого синтеза, по словам Кроче, служат бытие и ничто в первой триаде логики Гегеля. «В мысли, которая их мыслит правильно, бытие и ничто не тождественны, но решительно противоположны, находясь в схватке одно с другим: эта схватка (являющаяся вместе с тем их общением, ибо оба борца, чтобы бороться, должны обнять друг друга) и есть становление» (там же, стр. 18—19).

Итак, на первый взгляд, Кроче как будто вполне приемлет гегелевскую триаду. Философская система Гегеля действительно разворачивается на основе тройственного ритма; до мельчайших подробностей действительность оказывается втиснутой в прокрустово ложе схемы тезиса, антитезиса и синтеза: Гегель придал своей триаде универсальное значение.

Но как раз в этом пункте и заключено, по мнению Кроче, роковое заблуждение Гегеля. Его ошибка состоит в том, что он признал синтез противоположностей единственным типом связи понятий. На самом же деле, говорит Кроче, имеются такие понятия, которые не входят в схему триады. Они не противоположны, а лишь «различены» (*distinti*). Возьмем, например, такие понятия, как «истина» и «заблуждение», «красота» и «безобразие»; эти понятия противоположны. Заслуга Гегеля состоит в том, что он связал их в определенном единстве синтеза. Но разве, спрашивает Кроче, такие понятия, как «истина» и «красота», также противоположны? Антитеза к красоте — это безобразие, а не истина. Истина и красота (в их конкретном воплощении — философия и искусство) суть понятия лишь различные. А между тем Гегель, опьяненный своим открытием единства противоположностей, применяет к различным понятиям ту же триаду, что и к бытию, ничто и становлению. Искусство, например, как форма абсолютного духа является у Гегеля тезисом, антитезисом служит религия, а в качестве синтеза выступает философия. Это означает, что художественное созерцание и религиозное представление не выражают абсолютного духа адекватно и растворяются как подчиненные моменты в философском понятии. Но тут, по мнению Кроче, Гегель заблуждается, истина и красота вовсе не ложные отвлеченности, «снимающиеся» в третьем термине. Они должны сочетаться не по типу триады, а образовать диаду различных понятий. Будучи истолкованы так, низшие формы никогда не могут утратить своей самостоятельности и превратиться лишь в моменты высшего синтеза. В противовес тезису и антитезису, обретающим свое подлинное значение лишь в конкретности синтеза, различные понятия сами по себе всегда более или менее конкретны.

Различные понятия, по Кроче, определенным образом связаны между собой. Они образуют ряд ступеней; самое учение о типе их связи в отличие от диалектики как синтеза противоположностей Кроче называет «теорией ступеней». В теории ступеней все моменты конкретны и представляют необходимые и автономные относительно друг друга моменты духа. И вместе с тем они не просто расположены в ряд, не просто координированы как виды при формально-логическом делении понятия, а субординированы, являя собой ступени развития духа. Учение о понятии как единстве в различии представляет весьма характерную черту философии Кроче.

Все пресловутое «развитие» по ступеням крочеанского «духа» совершается вне пространства и вне времени. Формы духа, пишет Кроче, разли-

чены не «экзистенциально», то есть не существуют в пространственно-временном ряду (одна рядом с другой, одна после другой). Более того, Кроче объявляет их вечными. Но каким образом может развиваться «дух», если устранено не только пространство, но и время! Какое у Кроче основание говорить в таком случае об истории, пусть «идеальной» истории, «духа»? Впрочем, Кроче не смущают и большие нелепости. Чего же ждать от человека, который, уничтожив материю в «духовном акте воли», провозглашает, что теперь (!) «без всякого затруднения» можно сказать о духе, «что он тяжелый, круглый, квадратный, белый, розовый, звучный»!

Мы должны отметить, что Гегель, разумеется, знал не только о единстве противоположностей, но и о единстве (тождестве) различий. Но в то время как Кроче вырывает между различиями и противоположностями пропасть, у Гегеля различие в процессе развития превращается в противоположность, а развитие категории противоположения дает противоречие. Хотя Гегель и ошибочно начинал серию своих «сущностей или определенных рефлексий» с тождества, а лишь затем переходил к различию и к противоречию, он был прав, по крайней мере в утверждении, что условие подвижности различий следует искать в движении последних к противоречию. «Мыслящий разум (ум), — говорит Ленин, — заостряет притупившееся различие различного, простое разнообразие представлений, до *существенного различия, до противоположности*. Лишь поднятые на вершину противоречия, разнообразия становятся подвижными (regsam) и живыми по отношению одного к другому — приобретают ту негативность, которая является *внутренней пульсацией самодвижения и жизненности*» («Философские тетради», 1947, стр. 118). Цель Кроче, этого либерала-«диалектика», заключается как раз в обратном: в притуплении противоречий; его различные понятия не поднимаются на вершину противоречия и тем самым лишаются «внутренней пульсации самодвижения и жизненности».

Иллюстрацией установленной Кроче диады различных понятий является вся его философия. Теория и практика, эстетика и логика и т. д. образуют ступени, по которым пробегает дух. В единстве различий одна категория получает относительную самостоятельность по отношению к другой. Кроче устанавливает между различающимися понятиями иерархию: одно понятие оказывается «выше» другого, причем низшее (менее конкретное, но все же конкретное) понятие может быть вне высшего (более «сложного»). Высшее же предполагает низшее, как свою предварительную ступень. Так, например, созерцание (интуиция) существует, по убеждению Кроче, до и без понятия (эстетика вне логики), а понятие живет лишь в созерцании и через созерцание. Наиболее высокой формой теоретического духа оказывается при этом историческое знание, где, по Кроче, дается синтез созерцания и понятия (опять-таки синтез различия, а не противоположности). Философия рассматривается Кроче как методологический момент историографии.

Кроче подчиняет закон единства противоположностей закону единства в различии. По мнению Кроче, противоречие не может служить условием перехода от одной ступени к другой. Ведь это понятия не противоположные, а различные. Где же тогда находится противоположение? Внутри каждой из ступеней духа. Так, например, в эстетике рассматривается вопрос, каким образом художник в борьбе с безобразным достигает прекрасного. В логике процесс отыскания истины есть вместе с тем борьба против заблуждения. Противоречия, по убеждению Кроче, существуют, следовательно, внутри ступеней духа, взятых сами по себе, и разрешаются там же, а не при переходе в высшую сферу развития.

Итак, наряду с формулой А есть вместе с тем не-А (всякая вещь противоречит самой себе) Кроче допускает закон единства и различия, который может быть выражен в формуле А есть А (единство) и А есть Б (различие). В этом пункте — различение двух типов связи понятий —

лежит принципиальное расхождение Кроче с диалектикой. Кроче допускает «диалектический принцип» единства и борьбы противоположностей, но протестует против «ложного его расширения», то есть против приписывания ему универсального значения.

Остановимся на мотивах, толкавших Кроче на «реформу» диалектики Гегеля. Сюда относится прежде всего желание отстоять относительную автономию форм духа.

Мы уже видели, что, по мнению Кроче, противоположности не могут существовать вне синтеза. Они суть его абстрактные моменты. Красота не может существовать без безобразия, безобразие — без красоты. Бытия не может быть без ничто, и ничто — без бытия. Но различающиеся понятия наличествуют одно без другого, они сами по себе уже до некоторой степени конкретны. Они связаны между собой так, что высшее в известной мере не в состоянии быть без низшего. Они в этом смысле автономны, причем автономность эта достигнута путем введения диады.

Смещение триады противоположностей с диадой различий привело Гегеля, по мнению Кроче, к роковым последствиям в построении всей его системы. Так как заблуждения были спутаны с частичными истинами, то философские ошибки стали для Гегеля частичными истинами, а частичные истины должны были сблизиться с заблуждениями и стать философскими ошибками.

Кроче упрекает Гегеля в том, что великий немецкий идеалист, трактуя различные понятия в качестве противоположных, заставил их переходить в высшие, а высшим оказалась у него философия. «Частичные истины» (например, эстетическое созерцание) стали в силу этого «заблуждениями», «незавершенным модусом философствования».

Другим следствием истолкования дистинкций (различений) как противоположностей была гегелевская идея философии истории. Философия истории у Гегеля, пишет Кроче, оказывается подлинной историей, перед которой история историков разоблачается как заблуждение. История — эта, по Кроче, высшая форма знания — превращается Гегелем в первую, подготовительную ступень к истине, в полуистину-полузаблуждение, в форму, отбрасываемую дальнейшим развитием духа.

Аналогичную ошибку Кроче усматривает и в натурфилософии Гегеля. Идея философии природы, по существу, отменяет точные науки. Их теоремы превращаются в полуфилософемы. Кроче полемизирует против ортодоксального гегельянца Вера, который полагал, что физика собирает и подготавливает материалы, на которые впоследствии накладывает свою форму философия. Кроче считает подобные высказывания дерзкими и пустыми фразами. Он ставит натурфилософов и философов истории перед безвыходной, по его мнению, дилеммой: или допустить, что при помощи эмпирического метода можно установить хотя бы некоторые законы, и тогда непонятно, почему при его посредстве нельзя открыть всю систему законов; или же приходится принять, что эмпирический метод вовсе негоден для нахождения истины, и тогда метод спекулятивный не в состоянии извлечь из точных наук никакой пользы.

Кроче выдвигает еще одно важное, по его убеждению, возражение против возможности распространения диалектики на всю сферу понятий. «Действительно, — пишет Кроче, — если противоположение определяет переход от одной идеальной ступени к другой, от одной формы к другой, и является вместе с тем единственной характерной чертой и высшим законом реальности, то что дает право установить последнюю форму, в которой этот переход не имел бы уже больше места?» («Logica», p. 66).

В самом деле, каким образом Гегель, воздвигая величественное здание своей системы, был в состоянии где-либо сказать: «*Hic manebimus optime*» («Здесь хорошо нам побыть»)? Как бы высоко и далеко ни взобрался Гегель, он всюду наткнулся бы на жало противоречия, заставляющее покинуть старую форму: ведь противоречие для Гегеля — закон

перехода от одной ступени к другой, условие превращения низшего облика реальности в высший.

Впрочем, сам Кроче отмечает, что Гегеля бранили не столько за бесконечный прогресс, сколько за конечный. Всем известно, что гегелевская философия принимает в последнем счете вид законченной и застывшей системы: в ней как будто бы окончательно реализуется абсолютная истина.

Кроче посвятил этому вопросу специальную статью «Понятие становления и гегельянство». Понятие «*progressus ad infinitum*» («прогресса в конечность»), говорит Кроче, связано с огромными, непреодолимыми трудностями. Принять «конечный термин» развития? Не значит ли это стремглав броситься в туманную бездну мистицизма? Понятие конца связано с понятием начала. Разве нужен был бы бог для объяснения такого чуда, как реальность, для которой становление случайно, так что она возымела начало от неподвижного и закончилась в неподвижном, а потому могла и сначала оставаться в неподвижном. Гегеля, по Кроче, нельзя спасти, если даже истолковывать его диалектическое развитие как «идеальное» становление, вневременное и вечное. Пусть оно совершается вне временного потока, все же космическая эволюция принимает тогда вид прогресса в конечность. «Пункт прибытия диалектического процесса или идеального становления, развития, которое перестает развиваться, делает тщетным само себя и всю реальность» (C r o c e Benedetto «*Saggi filosofici*», Bari, Laterza, 1928, vol. III, p. 146).

* * *

Подведем итог той «революции», которую Кроче пытался произвести в диалектике Гегеля.

У Гегеля единый, пронизывающий всю систему принцип единства противоположностей. У Кроче наряду с единством противоположностей появляется единство различий, наряду с триадой — диада, наряду с диалектическим принципом развития — теория ступеней. Гегель, жалуется Кроче, не видя существенной грани между противоположностями и различиями, трактует последние по образцу первых.

В чем лежит различие между диалектикой противоположных понятий у Гегеля и теорией ступеней Кроче? У Гегеля антитезис возникает в лоне тезиса и борьба противоположностей лишь потом логически (а иногда и хронологически) приходит к синтезу, в котором обе противоположности «снимаются». У Кроче второе различенное понятие не создается из первого на основе его разрушения (жизнь истины не означает смерти красоты); низшее является лишь *conditio sine qua non* (непременным условием), а не творческой силой, из себя порождающей высшее; между различными понятиями нет никакого противоречия и борьбы, долженствующей разрешиться в синтезе.

Правда, и у Гегеля низшая ступень предшествует высшей, и у него категории не исчезают бесследно в последней категории, а, наоборот, сохраняются в ней. Высшая форма «снимает», то есть уничтожает, сохраняет и возводит на более высокий уровень низшую. Однако, когда обнаруживается более высокое проявление духа, иными словами, более богатое, более сложное бытие, все элементарные его облики утрачивают право на самостоятельное существование: они входят лишь в качестве моментов в состав более высокого по содержанию понятия. У Кроче же, наоборот, различные понятия бывают теми же по своей существенной характеристике и при дальнейшем продвижении духа вперед. Когда мы поднялись на вторую ступень, то первая ступень все же продолжает существовать по-прежнему, без высшего, вне высшего. Она обладает ценностью сама по себе, она конкретная и потому пребывает. При возникновении формы еще более конкретной (например, понятия, вырастающего на

основе созерцания) менее конкретная не превращается благодаря этому в абстрактный «момент». У Гегеля дух, поднимаясь на новую ступеньку лестницы своего восхождения, как бы подтягивает, подбирает за собой все предшествующие ступени; сама лестница становится подвижной. У Кроче вечно остаются ступени одной и той же лестницы, по ним восходит и нисходит «дух». Так как формы «духа», однако, образуют как бы круг, вернее, спираль, то, побывав на последней ступени, он снова возвращается на первую — из сферы практики в сферу теории; новая «действительность», созданная им экономически и этически, познается эстетически и логически, и это новое познание служит опорой для новой практики, развертывающейся еще на более высоком уровне, и т. д.

Но указанным еще не исчерпывается отличие теории развития Кроче от диалектики Гегеля. Диада различий не координируется, как это на первый взгляд кажется, с триадой противоположностей. На первый план Кроче выдвигает саморазличенные понятия, и лишь внутри различных, но непротиворечивых между собой форм он констатирует противоположение. Борьба противоположностей оттесняется Кроче куда-то за кулисы «духа». Борьба противоположностей перестает играть роль стимула перехода от одной ступени «духа» к другой. Противоборство существует в пределах каждой из этих форм в отдельности. Противоречие, возникающее внутри ступени (скажем, в эстетике между красотой и безобразием), внутри нее и разрешается (когда художник нашел удачный образ, выражающий его переживания).

Ошибка Гегеля, по мнению Кроче, с одной стороны, заключается в том, что он трактовал различные понятия по типу противоположных. С другой, в силу смешения двух принципиально новых типов связи сами противоположные понятия приобретают у Гегеля характер, присущий различным. По Кроче, противоположные понятия, будучи абстрактными, обретают свою жизнь только в синтезе и немыслимы одно вне другого: лишь различия развиваются так, что низшее может существовать без высшего. Гегелем же противоположности, вопреки их абстрактности, рассматриваются как конкретные образования, как ступени, которые последовательно пробегает в своем развитии «дух». Безобразие, заблуждение, зло заявляют претензию на самостоятельное существование; негативное превращается в позитивное. Антитезис у Гегеля не менее реален, чем тезис. Сам синтез — и в этом Кроче упрекает Гегеля — полагается им как результат, возникающий в силу борьбы противоположных элементов. Так, например, в первой триаде гегелевской «Науки логики» вначале выступает чистое бытие, которое оказывается тождественным с ничто. Бытие переходит в ничто, ничто — в бытие. Обнаруживается первая конкретная истина, третья по счету категория логики Гегеля: становление, включающее в себя бытие и ничто в их взаимопереходах. Оба они суть «исчезающие моменты» в цельности синтеза. Правда, в известном смысле у Гегеля конкретное предшествует абстрактному: каждое последующее понятие, развертываясь из предшествующих, благодаря круговому движению мысли также обуславливает эти предшествующие. Чистое абстрактное бытие не могло бы открыть собою серию диалектической эволюции, если бы в потенции оно не заключало в себе весь ряд понятий, если бы последняя категория логики — абсолютная идея — не определила собой в качестве цели все развертывание категорий. Тем не менее конкретное понятие рождается у Гегеля из постепенного нарастания абстракций.

По Кроче, наоборот, моменты противоположения суть только абстракции, и потому они никак не могут предварять синтез как нечто конкретное. Антитезис объявляется Кроче «ирреальностью». Отрицательное есть только отрицательное. Реален лишь синтез, истолковываемый Кроче как тезис (положительный момент, являющийся опять-таки только положительным и потому реальным), «дополненный» антитезисом. Красота, «дополненная» безобразием, истина — ложью, являются, по Кроче, теоретическим

процессом, в данном случае эстетическим и логическим, сводящимся ко все более и более полному исключению отрицательного момента, к уяснению и торжеству положительного начала. Так, например, художник, стремясь дать адекватное выражение охватившему его лирическому порыву, вынужден преодолеть ряд трудностей. Эти реальные синтезы, конкретные понятия (красота в борьбе с безобразием, истина в столкновении с заблуждением) как раз и составляют то, что Кроче называет различными понятиями, образующими ступени «духа». Будучи внутри себя конкретной, низшая ступень именно потому и не нуждается в высшей.

Есть одна действительная трудность, образующаяся на почве идеализма Гегеля. У великого философа метод революционен, система консервативна и в конце концов подавляет революционную сторону его философии. У Гегеля все развивается, но в результате развитие заходит в тупик. Возьмем, например, знаменитую триаду абсолютного «духа»: искусство, религию, философию. В разных обликах в них постигается абсолютный дух: в форме созерцания, представления и, наконец, понятия. Пробежав ступени символического, классического и романтического искусства, «дух» исчерпал все свое содержание, поскольку оно может раскрыться в аспекте созерцания, и переходит в сферу религии. В областях религии и философии повторяется тот же процесс. Так происходит, пока развитие не доходит до философии самого Гегеля. «Необходимо было так представить себе конец истории: человечество приходит к познанию именно этой абсолютной идеи и объявляет, что это познание достигнуто гегелевской философией» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 638—639).

Кроче уловил этот коренной недостаток гегелевской системы и пытался его исправить. Что такое, например, искусство? Это низшая ступень раскрытия абсолютного духа. Чем занимается артист? Он выражает абсолютное в созерцании. А когда человек стал постигать абсолютное в понятии, то есть дух достиг кульминационной точки своего развития в философии, то нужно ли тогда искусство? Что выше, что лучше, что более адекватно выражает суть вещей: понятие или созерцание? Ответ, с позиции Гегеля, ясен. Но тогда не следует ли отбросить низшие формы: ведь всё, что в них было ценного, вошло в высшую форму; они потеряли свое самостоятельное значение, и их надо отбросить, вернее, они отброшены как таковые самим ходом логической эволюции духа. Корень зла, по мнению Кроче, лежит в смешении Гегелем различных и противоположных понятий с вытекающим отсюда следствием: превращением частных истин в заблуждения.

По Кроче, стоит только провести надлежащее различие между типами отношений понятия, и все станет на место: 1) получится стройная иерархия форм, причем низшие сохраняют относительную автономию, несмотря на возникновение высших; 2) можно будет избежать тупика — конечного пункта процесса, поскольку дух снова и снова, да еще с обогащенным содержанием, станет пробегать все те же ступени.

Но удалось ли Кроче преодолеть затруднения идеалистической диалектики Гегеля путем пресловутого разграничения между принципом единства и борьбы противоположностей и теорией ступеней? Бросается в глаза поразительная узость сферы применения диалектики у Кроче сравнительно с Гегелем. Будучи объективным идеалистом, последний признавал реальность природы, хотя и в качестве «инобытия» идеи. Это знает и Кроче. Гегель, пишет он, никогда не мог бы сконструировать свою натурфилософию, если бы он считал ее за небытие, за чистую отрицательность. Так как вместо гегелевского объективного идеализма Кроче выдвигает идеализм субъективный, то сама его диалектика «субъективируется». У Гегеля в силу тождества мышления и бытия понятие является сутью самих вещей, и потому развитие понятия представляет собой вместе с тем диалектику объективного мира. У Кроче природа объявлена фикцией, ей

не отведено даже того жалкого места, которое она занимает в качестве отчужденной от себя «идеи» у Гегеля.

Одно из возражений, которое приводит Кроче против философии истории и натурфилософии Гегеля, заключается в том, что немецкий идеалист применил диалектику к индивидуальным фактам. Кроче выдвигает множество примеров для иллюстраций неудачного приложения триады Гегеля: понятия о руке, носе и ухе нельзя трактовать так же, как бытие, ничто и становление.

Нет сомнения, что триады Гегеля часто искусственны; так, например, смехотворна «диалектика» частей света, где Африка выступает как тезис, Азия как антитезис и Европа как синтез (Австралия и Америка не умещаются в эту схему). Нет никакой нужды защищать Гегеля, и когда в конечном результате развития его мирового духа возникает дух германский, в космической системе в центре оказывается Земля, а в центре Земли — Германия. Но эти вымученные, навязанные природе и истории переходы являются следствием идеалистической мистификации Гегелем диалектики.

Выключить же из сферы применения диалектики действительные «индивидуальные факты», как это делает Кроче, — значит вовсе уничтожить диалектику. И природа и история выбрасываются за борт развития; остается один лишь пресловутый «универсальный дух» с его категориями.

Но и в области «духа» диалектика оказывается у Кроче бессильной, ибо неизвестно, как совершается переход от одной формы к другой, раз между ними нет противоречия, отрицания. Кроче находит, что подобный вопрос возникает в силу смешения понятия с фактом, идеальных и поэтому вечных моментов реального с временными его проявлениями.

«Индивидуальный дух», говорит Кроче, переходит от искусства к философии таким же образом, каким он переходит от одной формы искусства к другой и от одной проблемы философии к другой, то есть не в силу противоречий, внутренне присущих каждой из этих форм в ее различии, а на основе противоречия, внутренне присущего реальному, являющемуся становлением; универсальный же дух переходит от А к В, от В к А не благодаря какой-либо другой необходимости, а благодаря своей вечной природе, которая есть совместное бытие искусства и философии, теории и практики (см. «*Saggi filosofici*», vol. III, p. 63).

Кроче тут проводит схоластическое различие между идеальными моментами и их проявлениями, но именно этим он разоблачает всю слабость своей позиции. С одной стороны, имеется мир явлений. В нем порождается противоречие, и потому совершается переход. С другой — существует мир «ноуменальный», мир идеальных форм, которые, по существу, не переходят одна в другую, ибо каждая из них, замкнутая в себе, имеет достаточно дела для преодоления своего собственного внутреннего противоречия (красота борется с безобразием, истина — с заблуждением). Но какова связь между идеальными моментами «духа» и его «экзистенциальными» временными манифестациями? Как «переходят» идеальные формы из мира вечности в мир случайных своих проявлений? На это Кроче не отвечает.

Далее: идеальные формы получают свое наполнение и обогащение, лишь соприкасаясь с миром фактов, а «факты», с точки зрения Кроче, — это прежде всего сфера образов, которые конструируются эстетической активностью человека, и, следовательно, в них нет и не может быть никакой диалектики, ибо диалектика присуща лишь чистому понятию, формам «духа».

Чтобы как-то объяснить развитие, Кроче проводит различие между «индивидуальным духом» и «универсальным». «Индивидуальный дух» переходит от искусства к философии и обратно совершенно так же, как он это проделывает, покончив с одним произведением искусства и принимаясь за другое, «в силу самого внутреннего противоречия, присущего реальному, т. е. становлению». Но все дело в том, что реальность с ее

противоречиями недоступна идеалисту Кроче. Ведь, по мнению Кроче, нет никакой реальности вне духа. Откуда же берется реальное внутреннее противоречие в «универсальном духе»? Пусть «индивидуальный дух» «переходит» от одной вещи к другой, находясь под давлением антиномий, но как быть с «духом универсальным»? По своей вечной природе, являясь «всем во всем», он так величествен, что ему больше приличествует покой. Зачем двигаться такому совершенству, если он представляет собой и искусство, и философию, и теорию, и практику? Откуда у «духа» может возникнуть «охота к перемене мест»?..

Кроче говорит, что Гегель дал своему учению о противоположностях название диалектики, отбрасывая такие выражения, как единство или «совпадение противоположностей» (*coincidentia oppositorum*), ибо в них больше подчеркивается единство, чем противоположение. И, тем не менее, у Гегеля в изображении Кроче рельефно выступает единство и в гораздо меньшей степени борьба противоположностей. По существу, Кроче совершенно устраняет момент непримиримости антитезы. Формулу «твоя смерть — моя жизнь» он заменяет формулой «разногласного согласия». В действительности ни Гегель, ни вслед за ним Кроче не понимают того, что Маркс называл существенным противоречием. У них отсутствует «резкость действительных противоположностей»; противоположности не превращаются в «крайности», и потому у них нет «воодушевления к решительной взаимной борьбе». И Гегель и Кроче ставят перед собой задачу лишь «мысленного опосредствования противоположностей».

Само собой разумеется, что такая трактовка проблемы противоречия возможна только на почве идеализма. Уже гегелевская «феноменология», как отмечает Маркс, научила превращать объективные вещи в простые мысленные, просто во мне существующие вещи.

У Кроче это гегелевское извращение действительности выглядит совсем наивно. «Мысленное противоположение, — говорит он, — есть противоположение преодоленное. Мысль, как высшая реальность, постигает единство в противоположностях и логически их синтезирует» (*«Saggi filosofici»*, vol. III, p. 23).

Идеализм, так ярко проступающий в чисто мысленном «преодолении» противоречия, имеет вполне определенный классовый смысл. Так, Кроче любит рассуждать о «разногласном согласии», подчеркивая в борьбе противоположностей роль «гармонии». Либерализм, по его уверениям, — это такой строй, где при существовании противоречий противоборствующие силы, расходясь, сходятся: все они выполняют миссию «духа». Либерализм — это волшебное царство, в котором волки мирно уживаются с овцами.

Далее, если проанализировать мысль Кроче, то окажется, что оба момента противоположения лежат один вне другого: тезис и антитезис, — хотя приводятся в известную связь, но в связь лишь внешнюю. Никакого взаимоперехода понятий, как это было у Гегеля, у Кроче нет и в помине. Нет поэтому тождества противоположностей. Если основная идея диалектики Гегеля, как говорит Ленин, была гениальная, а именно, идея «всемирной, всесторонней и *живой* связи всего со всем и отражения этой связи», если материалистически «перевернуть» логику Гегеля («Философские тетради», 1947, стр. 121), то у Кроче отсутствует такая концепция. Негативное, по Кроче, есть только негативное: так, заблуждение является всегда заблуждением и не имеет никакого положительного содержания в логическом процессе. Лишь в других аспектах, в другом плане бытия заблуждение наделяется Кроче позитивным характером (как практический «экономический» акт). По сути дела, противоположности мыслятся Кроче как статические моменты внутри объединяющего их синтеза. Его образ единства противоположностей — двух атлетов, борющихся между собой и потому сближающихся на некоторой общей почве, — с головой выдает всю недиалектичность крочеанского понимания диалектики проти-

воположностей: это внешние, столкнувшиеся друг с другом силы. С одной стороны, мрак, с другой — свет, свет все более и более озаряет мрак, но свет никогда не превращается в свое другое, в свою противоположность и обратно. Вне синтеза тезис и антитезис, по мнению Кроче, — тени, нереальность. Лишь отвлекающая мысль может выделить внутри синтеза тот или иной момент. Но если отрицание не обладает реальностью ни вне синтеза, где оно голая абстракция, ни внутри его (ибо оно есть только отрицание и лишено положительного содержания), то спрашивается, как оно может служить пружиной прогресса?

«Диалектика» Кроче — саморазоблачение немоги идеалистической диалектики. Никакого самодвижения нет, если устранить реальный мир. Саморазвивающийся «Логос» Гегеля — бессмыслица, и это отразилось на логике Кроче; понятия не трансформируются друг в друга в силу таинственной мощи «Логоса».

Правда, есть развитие и в сфере понятий. «Если, — спрашивает Ленин, — *все* развивается, то относится ли сие к самым общим *понятиям* и *категориям* мышления?» («Философские тетради», 1947, стр. 239). Ленин отвечает на этот вопрос утвердительно, но именно потому, что в противном случае мышление не было бы связано с бытием. Развитие понятий происходит на основе общественной практики, на основе все более и более глубокого познания материального мира и его закономерностей.

«Диалектика» Кроче, направленная на ограничение применения диалектического принципа, то есть единства и борьбы противоположностей, есть не что иное, как замаскированный диалектическими терминами метафизический способ мышления. «Диалектика, — говорит Ленин, — есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) *тождественными противоположностями...*» («Философские тетради», 1947, стр. 83). У Кроче как раз отсутствует этот переход. Противоположности ведут борьбу лишь до тех пор, пока мысль не ухватила их единства, их не синтезировала и тем самым не привела их к «гармонии». Сами по себе противоположности у Кроче мертвые, застывшие. Двигается от ступени к ступени только «дух». Гегель, наоборот, берет противоположности как «живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую». Но и у Гегеля диалектика часто основана на пустой игре терминов, переходы категорий нередко вымучены, натянуты. И не мудрено: Гегель, будучи идеалистом, лишь угадывал, а не показывал во «всесторонней универсальной гибкости понятий» «всесторонность материального процесса и единство его».

Только материалистическая диалектика, ставящая своей задачей правильное отражение вечного развития мира, в состоянии учесть, при каких условиях противоположности бывают тождественны. Гибкость понятий должна быть применена объективно, а не субъективно. Забвение, что истина всегда конкретна, что диалектика мысли обязана опираться на диалектику самой действительности, приводит, по выражению Ленина, не к симфонии, а к какофонии понятий.

Вся головоломная проблематика «дистинкции» и «оппозиции» Кроче вырастает на почве гегелевской постановки вопроса о развитии. Но развитие сознания не коренится ни в фантастической логике самодвижущегося и раздваивающегося на противоположности понятия Гегеля, ни в не менее причудливой логике ступеней саморазличающегося единства Кроче. Попытка Кроче «реформировать» диалектику Гегеля на основе своей «теории ступеней» не увенчалась успехом.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Был ли И. П. Пнин радищевцем?

До Октябрьской социалистической революции общественная мысль начала XIX века изучалась неудовлетворительно. Объектом серьезных исследований она стала только в трудах советских ученых, использовавших архивные материалы и пересмысливших уже известные факты.

Более или менее полные научные сведения об этой эпохе сообщил впервые В. А. Десницкий. Он показал, что общественная и литературная мысль в России начала прошлого века была представлена не только идеологами дворянства, как это утверждалось долгие годы, но и значительной прослойкой демократической интеллигенции, которая группировалась главным образом в «Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств». Эта интеллигенция, по утверждению В. А. Десницкого, уже в то время создавала иную культуру, «чем та, которая покрывала запросы господствующего дворянского сословия» (В. Д е с н и ц к и й «На литературные темы». Л. 1936, книга вторая, стр. 226).

Уточняя вопрос об общественной позиции этой группы интеллигенции, В. А. Десницкий высказал мнение, что ее составляли ученики русского революционера Радищева. Правда, отмечает Десницкий, «радищевцы» были непоследовательными преемниками своего учителя. Их мечты не всегда, а «нередко являлись продолжением и развитием мечтаний их старшего собрата и учителя А. Н. Радищева» (там же, стр. 232).

Десницкий обращает внимание на то, что круг демократической интеллигенции, близкой в том или ином отношении к позициям Радищева, еще настолько не уточнен наукой, что к нему причисляют порой и людей, чуждых Радищеву. К числу таких попутчиков демократической интеллигенции Десницкий относит, в частности, Пнина, в котором он видит «наиболее яркого выразителя буржуазно-либеральных тенденций» (там же, стр. 249).

Эта точка зрения разделяется в настоя-

щее время П. Н. Берковым, Г. П. Макогоненко и некоторыми другими учеными. Не проведена дифференциация в подходе к радищевцам в книге В. Орлова «Русские просветители 1790—1800-х годов». Анализируя культурно-исторические материалы 1800 годов, автор делает вывод, что в начале прошлого века «по пути Радищева пошли все подлинно прогрессивные силы русской литературы» и прежде всего «радикально-демократические писатели и публицисты», что последние разделяли взгляды Радищева «по многим вопросам — социальным, культурно-историческим и собственно литературным — и в отдельных случаях приближались к его революционным выводам» (1953, стр. 51, 65).

Насколько расширительно рассматривается Орловым круг радищевцев, видно из того, что к ним он относит и Пнина. «Первым из них, — говорит он, — проявил себя в литературе И. П. Пнин», которого, по мнению автора, следует рассматривать «в истории русской общественной мысли и литературы как представителя и проводника радищевской традиции» (там же, стр. 67 и 187).

Вряд ли можно оспаривать исключительно широкое воздействие идей Радищева на общественную мысль 1800 годов. Однако исторический анализ требует выделить из числа так называемых радищевцев представителей типично буржуазной идеологии.

Радищев известен был своим современникам не только как автор «Путешествия из Петербурга в Москву», то есть как опасный вольнодумец, наказанный правительством, но и как весьма образованный человек, знаниями которого можно было воспользоваться при подготовке реформ, намечавшихся в первые годы царствования Александра I. Только этим и можно объяснить тот факт, что летом 1801 года он был назначен членом Законодательной комиссии, которой поручалось систематизировать действующие го-

сударственные законы. Безусловно, за Радищевым следили и не во всем ему доверяли. Однако среди высших сановников находились и такие люди, которые ценили не только его знания, но в известной степени и образ мыслей. Сперанский, например, утверждал в 1802 году, что из всех членов Законодательной комиссии только Радищев способен был подготовить историю законодательства (см. журнал «Русское богатство» № 1 за 1907 год, стр. 57—58).

Пнин знал Радищева как автора «Путешествия из Петербурга в Москву». В конце 1801 или начале 1802 года он познакомился с ним лично, бывал у него на квартире и подолгу беседовал с ним. Пнин работал тогда над «Опытом о просвещении относительно к России». В этом сочинении он поднимал, как известно, важнейшие проблемы общественной и государственной жизни страны. Как уже говорилось, с августа 1801 года Радищев принимал участие в работе Законодательной комиссии, для которой писал записку «О законоположении» и «Проект Гражданского уложения». Естественно, что у этих мыслителей нашлись общие темы для разговора, одинаково интересные и значительные. Все данные говорят, однако, о том, что ни по одному вопросу они не пришли к соглашению. Пнин был даже значительно дальше от Радищева, чем некоторые крупные государственные сановники, не говоря уже о писателях и публицистах «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». Показательно, что проекты Пнина относительно государственного устройства России были по своему содержанию гораздо более ограниченными, чем проекты ряда его современников, далеких от Радищева по своим убеждениям. Н. С. Мордвинов, например, доказывал, что государственные деятели должны заботиться о том, чтобы власть сосредоточивалась не у отдельных лиц, то есть не у государя прежде всего, а у целого коллектива ответственных людей. Он писал в 1802 году: «...Права в отношениях к государственному благу, для твердости их, должны иметь опору, *un grade*, а не должны быть основаны на некоторых малочисленных лицах; ибо таковое основание легко может быть отменено, уничтожено, ибо какую опору может составлять малое число лиц?» (Н. С. Мордвинов. Историческая монография. СПб, 1873, стр. 58). Таким коллективом представлялся ему сенат, избираемый высшим сословием.

М. М. Сперанский высказывал еще более радикальные мысли. В одной из своих записок 1802 года он давал следующее определение существа власти монарха и его

правительства: «Средство к обеспечению личности, собственности и чести каждого, **народом избранное** и частью сил его одетое, есть то, что называем мы вообще правительством» (журнал «Русское богатство» № 1, за 1907 год, стр. 61). Так как народ понимается им как «все то, что не принадлежит к высшему классу государства» (там же, стр. 72), то в избрании правительства должны, по его мнению, принимать участие все слои населения, в том числе и крестьяне. При избрании правительства следует составлять так называемые **общие условия**, определяющие взаимоотношения правительства и народа. «Всякое правительство существует на условиях, и доколе оно исполняет сии условия, доколе оно законно» (там же, стр. 62).

Конституционные настроения распространены были, конечно, и среди нечиновного дворянства. В дневнике В. Ф. Малиновского, будущего директора Царскосельского лицея, встречаются такие рассуждения: «Бесспорно надлежит России управляемой быть единым. Но не мешает, чтоб сей единый ограничен был от самовольного делания зла». Для ограничения самодержавия необходимо было, по его мнению, создать палату депутатов: «Сии депутаты должны составить неперменное собрание, переменяя свои выборы через четыре года. Все дела общественные подлежат их рассуждению, все налоги и поборы решаются ими и, утверждаемы государем, приводятся к исполнению» (журнал «Голос минувшего» № 10 за 1915 год, стр. 248).

Все эти прогрессивные идеи были хорошо известны И. П. Пнину и, тем не менее, отвергались им как безумные и опасные для России. Конституция, утверждал он, имея в виду французскую конституцию 1793 года, — «страшная бездна, которая не перестанет поглощать народы», и этот путь «никогда не доведет до дверей храма, где царствует истина». Французская революция 1789 года, по его мнению, показала, что конституция «ведет к гибели, поселяет дух раздоров, возжигает всеобщий пожар и, потрясая самое основание царств, столько веков созидавшихся, наконец оные испровергает» (Соч. 1934, стр. 126).

В «Опыте о просвещении» Пнин настойчиво и последовательно опровергает французскую конституцию. Конституционная декларация о гражданских правах человека кажется ему несуразной. Можно было говорить о правах так называемого естественного человека Руссо, жившего в одиночестве на лоне природы. Такой человек не имел понятия об обязанностях по отношению к другим и, естественно, сосредоточивался на самом себе. Но как можно говорить о правах человека обществен-

ного, который, как об этом свидетельствует история, только и думал о своих обязанностях и который при всем своем желании не мог думать о мифических правах?

На почве рассуждений о правах человека возникло представление о вольности и о свободе. Этот тезис представлялся Пнину самым опасным в политическом отношении. Он мог явиться для народов мира причиной самого ужасного потрясения основ современной государственности. Очаровательные по наружности своей плоды этого древа вольности заключают в себе «сокровенный яд, который силой своею побеждая силу рассудка, воспламеня воображение, производит то бешенство и неистовство, в каковых только Франция могла дать примеры, долженствующие в летописях мира изображены быть кровавыми чертами» (там же).

Особенно возмущал Пнина конституционный принцип равенства. Осуществление этого принципа принесло бы человечеству, по его мнению, только огромный вред: уничтожило бы собственность, уничтожило бы сословия, вооружило бы «развращенное тунеядство противу добродетели, леность противу трудолюбия, своевольство противу порядка» (там же, стр. 127).

Прошлое человеческой истории не дает основания говорить о равенстве. История свидетельствует, наоборот, о том, что «неравенство сил человеческих соединило и сохраняет» людей в обществе. По этой именно причине «самые бессильные соединились между собою для защищения своего от нападения сильных и соглашением частных сил своих составили общую силу... Следовательно, от **неравенства сил человеческих** произошли общества, от общества произошли законы, от законов стали зависеть гражданственное благосостояние и твердость» (там же, стр. 128).

Неравенство, с точки зрения Пнина, цементирует гражданское общество и поныне. Крепкое государство и спокойное течение общественной жизни, по его мнению, существует только там, где оно не встречает возражений и принимается как очевидная истина, как не вызывающая никакого сомнения достоверность. Сила и преимущество России перед другими странами, полагал он, вытекают из того, что Россия основывала в прошлом и продолжает основывать взаимоотношения сословий и национальную государственность на принципе неравенства людей. «Россия, по свойству своего правления будучи монархическою державою, по сей самой причине имеет тем большую надобность в неравенстве состояний, поелику оное служит твердейшею для нее подпорою» (там же).

Можно ли после этого утверждать, что Пнин «был решительным противником

деспотизма» и защитником идеи «представительного правления»? (Вл. Орлов «Русские просветители 1790—1800-х годов», стр. 95). Конечно, нет. Наоборот, Пнин был решительным приверженцем существовавшего государственного строя России. Реформы, на которые он уповал, мыслились им как результат деятельности неограниченной власти самодержца.

Вл. Орлов утверждает, что Пнин «не мирился с рабством и в решении этого вопроса не шел ни на какие компромиссы» (там же, стр. 179). Факты не подтверждают этого вывода. В действительности Пнин только то и делал, что отстаивал крепостное право, доказывая его необходимость и неизбежность. Его позиция по этому вопросу была, пожалуй, наиболее консервативной.

Сознание обреченности крепостного права распространено было в первые годы царствования Александра I в самых различных слоях общества. Отмены рабства требовали тогда не только демократические слои общества, не говоря уже о сторонниках Радищева, но и многие высокопоставленные лица, стоявшие у руля правления. В записке «О вольных земледельцах...», поданной государю в начале 1803 года, граф С. Румянцев осмелился заявить, что крепостное право в настоящее время есть не что иное, «как положительное и ужаснейшее бедствие». Румянцев убеждал государя в том, что наряду с другими мероприятиями, предпринимаемыми для ликвидации устаревших пережитков прошлого, теперь настало время, когда «нечувствительно и без всякого опасения начаться может постепенное уничтожение и самого рабства» (журнал «Русский архив» за 1869 год, стр. 1954). Об этом говорили в присутствии императора даже на заседаниях так называемого Негласного комитета.

Важнейшим государственным актом, способствовавшим ликвидации крепостного права, могло бы явиться, по мнению современников, предоставление крестьянам права собственности. В упоминавшейся записке «О вольных земледельцах...» граф Румянцев доказывал, что теперь можно было бы «установить, что невозбранно никому помещику, пользующемуся свободным имением, увольнять и целыми селениями, утверждая крепостным порядком участки или угодья за каждым крестьянином особливо или же всю дачу за обществом, на таких условиях, кои согласуются с Государственными узаконениями и кои полезными найдены будут обоюдно» (журнал «Русский архив» за 1869 год, стр. 1955).

Вопрос этот представлялся тогда до такой степени неотложным, что им зани-

малось даже само правительство. Напоминим об указе от 12 декабря 1801 года о предоставлении права покупать землю купцам, мещанам и казенным крестьянам.

Позиция же Пнина по крестьянскому вопросу была крайне отсталой. Отмена крепостного права казалась ему совершенно немислимой. «Сей общественный узел, — писал он, — рассекать опасно; напротив того, всеми мерами стараться надобно сохранять оный» (Соч., стр. 128). Не только отмена крепостного права, но даже малейшее ослабление связей между помещиками и крестьянами привело бы, по его мнению, Россию к катастрофе. Он полагал, что связи между помещиками и крестьянами надобно не ослаблять, а укреплять. Важнейшую задачу современного деятеля он видел в том, чтобы внушать этим сословиям «нужду взаимной зависимости» (там же). Это не значит, что Пнин идеализировал тогдашнее положение вещей, не видел в нем недостатков и не стремился к реформам. Отмежевываясь от реакционеров, вполне удовлетворенных существовавшими порядками, он требовал известного улучшения быта крестьян. Но то, что им предлагалось в этом отношении, было направлено в конечном счете не на уничтожение крепостничества, а на его укрепление.

Главный порок крепостничества, по его убеждению, был в том, что оно основывалось фактически на безграничной, никем не сдерживаемой и не контролируемой власти помещиков. В деревне царил произвол. Помещики грабили крестьян, не считали их за людей, обращались с ними хуже, нежели со скотами. Не видя результатов своего труда и возмущаясь бесчинством помещиков, крестьяне в отчаянии влачили дни свои и проклинали жизнь свою и своих господ. Настроение недовольства было столь серьезным, что грозило вылиться в конце концов в стихийный бунт. Рабство, таким образом, угрожало будущему России: «Будущее, истекая из настоящего положения вещей, знаменует черную тучу, страшную бурю в себе заключающую» (там же, стр. 133).

Нарисовав такую картину, Пнин приходит к заключению, что своеволие помещиков дальше терпеть нельзя и что правительство должно поставить их в определенные рамки. Первоочередная задача государственного деятеля состоит, говорил он, в том, чтобы облечь в юридическую форму взаимоотношения помещиков и крестьян, установить для каждого из этих классов «пределы, из которых выйти было бы ужасно, определить каждому состоянию его права, предписать его обязанность и уметь употребить средства для

предупреждения злоупотреблений, на которые неблагонамерение и эгоизм покушаться могут» (там же, стр. 128).

Рекомендуя для укрепления существующего положения вещей в деревне указанные юридические мероприятия, Пнин, далее, советует предпринять шаги также и в области экономических взаимоотношений помещиков и крестьян. Тут он и предлагает предоставить крестьянам право собственности. Важнейший вопрос, который, по его мнению, должен занимать законодателя, «есть тот, чтобы предписать законы, могущие определить собственность земледельческого состояния, могущие защитить оную от насилий, словом: сделать оную неприкосновенною» (там же, стр. 133). У Пнина речь идет при этом не о земельной собственности, а о так называемой движимой собственности. При настоящем положении вещей, полагал он, собственность крестьян «заключаться должна в скоте, птицах, изделиях, в ремесленных произведениях, орудиях для различных работ, ими употребляемых, и других хозяйственных вещах; также принадлежать сюда должны хорошие, гуменные и прочие строения, имения...», их трудом приобретенные (там же, стр. 140).

Вот, по сути дела, и вся пнинская программа по крестьянскому вопросу. Определить юридические установления, регулирующие поведение помещиков и крестьян, дать крестьянам право приобретать собственность — этого, по его мнению, достаточно для того, чтобы все шло как следует. Осуществление этих мероприятий привело бы к тому идеальному, как ему казалось, положению, которое имело место в эпоху Ивана Грозного. В те далекие времена взаимоотношения помещиков и крестьян упорядочивались, по его словам, «превосходными» постановлениями власти. Тогда «старинные русские крестьяне, будучи вольными, имели владельцев и имели собственность, не имея земли; помещики владели крестьянами, не имея власти учинить их невольниками; получали с них оброки, не могучи их грабить» (там же, стр. 137).

Сопоставляя Пнина не с радищевцами, а с либеральными идеологами дворянского класса и частью с прогрессивными деятелями ранней русской буржуазии, мы не можем не прийти теперь к выводу, что автора «Опыта о просвещении относительно к России» нет оснований относить к числу учеников Радищева. Признавая необходимость преобразований, но не смея выдвинуть более или менее радикальные требования, он выражал, в сущности, настроение тех консервативных масс русской буржуазии, которые боялись не столько самодержавия, сколько крестьянских

восстаний, и которые полагались во всем не на свои собственные силы, а на поддержку самодержавия. Русская буржуазия в те времена была привержена престолу более, чем даже сами дворяне, которые выделяли из своей среды противников самодержавия. Характерно в этом смысле следующее рассуждение воспитателя Александра I, Фр. Лагарпа. «Покровительствуйте,— писал Лагарп своему царственному воспитаннику в 1803 году,— среднему сословию. На

него в особенности вы должны рассчитывать! Пользуйтесь им, где только возможно, избирайте из него людей на высшие должности: эти люди послужат для Вас оплотом против Вашего, склонного к смутам и заговорам, дворянства, пока это последнее не исправится» (журнал «Старина и новизна» № 2 за 1898 год, стр. 78).

И. З. ДЕРКАЧЕВ (Ульяновск)

Видимые атомы

В последние годы экспериментальная физика, используя более тонкие и остроумные методы, смогла добиться замечательных результатов. Регистрация и исследование свойств антипротонов и антинейтронов, изучение «странных» особенностей поведения тяжелых К-мезонов и еще более тяжелых (тяжелее протона и нейтрона) гиперонов, доказательство несохранения при слабых взаимодействиях зеркальной симметрии в микропроцессах — таков неполный перечень крупнейших достижений экспериментальной физики высоких энергий и «элементарных» частиц. Современная физическая наука все глубже и глубже проникает в тайны строения материи: Это движение познания в глубь материи свидетельствует о непрекращающемся развитии человеческой мысли, истоки которой теряются во мгле тысячелетий в древней цивилизации Востока. История естествознания связывает первые идеи о прерывном строении материи с именами финикиянина Моха Сидонского и основателя древнеиндийской философской школы вайшешика Канады, живших около трех тысяч лет тому назад. Но вполне возможно, что песок пустынь, засыпавший древние города, хранит тайны еще более ранних прозрений человеческого гения. Вероятно, именно зернистая структура песка натолкнула когда-то безызвестного гения на мысль о дискретном строении вещества, которая позволила ему правильно объяснить причины испарения луж после дождя, распространения запахов и дуновения ветерка...

За долгие тридцать столетий, протекших с тех пор, многое изменилось в мире. Изменилась и сама идея атомизма, как ее стали называть со времен великих греческих мыслителей. Она не осталась просто гениальной догадкой или чисто умозрительной гипотезой, а конкретизировалась, приобрела строгое научное обоснование, стала основой многочисленных практических

применений и необходимым элементом теоретического багажа всякого культурного человека.

И тем не менее такое событие, как получение в 1956 году в лаборатории профессора Пенсильванского университета США Эрвина Мюллера первых изображений индивидуальных атомов, прошло почти незамеченным в широких кругах естествоиспытателей и если стало известным неспециалистам, то во всяком случае не получило того широкого резонанса, как, например, открытие антипротона. Это объясняется тем, что теперь каждый школьник знает о делимости «неделимого» атома, делимости даже его основной составной части — ядра. Но мы хотели бы обратить внимание на то, что в известном, правда, очень небольшом интервале энергий — порядка электроновольта — атом все же неделим, так как процессы с такой энергией просто не в состоянии возбудить его внутренние степени свободы. Конечно, этот интервал энергий связан лишь с простейшими механическими, гидродинамическими и тепловыми формами движения, и уже основные оптические и электрические характеристики вещества зависят от его внутриатомной и внутримолекулярной структуры, но нам хотелось бы подчеркнуть, что абсолютизация делимости атома столь же метафизична, сколь и абсолютизация его неделимости.

Роль атомизма в истории естествознания настолько велика, что 1956 год можно рассматривать в научно-историческом плане не только как год открытия антипротона, но и как год первой успешной визуализации атомов.

Более обстоятельное знакомство широких кругов научной общественности с этим вопросом необходимо хотя бы потому, что полученное увеличение настолько велико, что его трудно даже вообразить.

Поясним это следующим примером: представим себе атом увеличенным до размеров

обыкновенной типографской точки, которой оканчивается каждое предложение; увеличенная во столько же раз, точка приобретет размеры гигантской, стометровой конструкции, такой, например, как новое здание МГУ на Ленинских горах. Конечно, с точки зрения теории «элементарных» частиц такое соотношение масштабов «ничем особенно не примечательно»: ведь если представить себе ее объекты увеличенными до размеров типографских точек, то сами атомы будут иметь размеры МГУ, а точка превратится в космическое тело с радиусом, превышающим в 10 раз радиус Земли. Но воображение здесь уже отказывается служить, а наглядные геометрические понятия вряд ли могут быть применимыми в мире «элементарных» частиц.

Итак, как же были получены индивидуальные изображения атомов? Световые лучи, как известно, ничем не могут помочь в области столь сверхмикроскопически малых объектов: длина их волны во много тысяч раз больше размеров самих атомов. Соотношение де Бройля $\lambda = \frac{h}{mv}$

(где λ — так называемая длина волны де Бройля, $h = 6,65 \cdot 10^{-27}$ эрг. сек. — универсальная постоянная Планка, m — масса частицы, v — ее скорость) ограничивает степень пространственной локализации микрочастицы, а тем самым и возможность получения с их помощью отчетливых, не искаженных дифракцией изображений атомных объектов. Даже в лучших современных электронных микроскопах при максимальных рабочих напряжениях в несколько тысяч вольт длина волны де Бройля у электронов, создающих изображение, оказывается в несколько раз больше размеров не только самих атомов, но и расстояний между атомами в кристаллической решетке. Поэтому неизбежно возникающая дифракция электронных волн неузнаваемо искажает даже значительно более крупные детали кристаллической межуатомной структуры.

Полученные в 1950 году также профессором Э. Мюллером электронные изображения больших органических молекул фталоцианина и хемина можно рассматривать как своего рода «потолок» в электронной микроскопии; даже такие довольно крупные объекты, насчитывающие много десятков атомов и имеющие размеры в несколько десятков ангстрем (1 ангстрем = 10^{-8} см), получились в виде неясных и расплывчатых пятнышек, структура которых, правда, почти полностью соответствует теоретически рассчитанной пространственной конфигурации молекул.

Полевой электронный микроскоп (или, как его называют иначе, электронный

микропроектор) был предложен Э. Мюллером еще в 1936 году; в общих чертах он похож на обыкновенную кинескопическую трубку телевизора: основной его частью также является сосуд высокого вакуума с полусферическим флюоресцирующим экраном. Но в отличие от телевизионной трубки источником электронов, создающих изображение, служит не специальная электронная пушка, а расположенное в нескольких сантиметрах от экрана очень тонкое острие, конец которого также имеет форму полусферы, радиус которой равен примерно 100 ангстрем. На этот кончик предварительно и наносятся отдельно друг от друга большие органические молекулы фталоцианина и хемина, изображение которых желают получить. По отзывам специалистов, именно эта процедура нанесения наиболее ответственна и требует утонченного экспериментального мастерства: ведь острие в тысячу раз тоньше кончика обыкновенной булавки или иголки. Высокое отрицательное напряжение (порядка нескольких киловольт), поданное на острие, приводит к возникновению холодной эмиссии: из него начинают вылетать электроны, которые летят расходящимся пучком к флюоресцирующему экрану и дают на нем увеличенные в 10^5 — 10^6 раз изображения молекул. Этот порядок увеличения обычно рассчитывается как отношение радиуса экрана к радиусу кончика острия.

Казалось бы, увеличивая подаваемое на острие отрицательное напряжение, то есть увеличивая скорость вылетающих электронов и тем самым уменьшая соответствующую им длину волны де Бройля, можно довести разрешающую способность электронного микроскопа до любой желаемой степени точности. Но это, оказывается, совсем не так: уже при увеличении рабочего напряжения до нескольких десятков киловольт катод начинает подвергаться столь интенсивной бомбардировке положительными ионами, что разрушается в первые мгновения после включения прибора. Избавиться от этой ионной бомбардировки пока что не представляется никакой возможности: при любых способах получения вакуума в откачиваемом пространстве остаются многие миллионы газовых молекул, которые, неизбежно теряя в электрических полях огромной напряженности один или несколько электронов, превращаются в положительно заряженные ионы, которые несутся с огромной скоростью к катоду, разрушая его буквально в доли секунды. Затем обычно происходит высоковольтный пробой, разрушающий всю установку.

Полевой ионный микроскоп позволил осуществить две, довольно давно выска-

зывавшиеся идеи. Во-первых, он использует для увеличения разрешающей способности, так сказать, второй сомножитель в знаменателе формулы де Бройля: изображение в нем получается с помощью гелиевых ионов, имеющих массу во много тысяч раз большую, чем масса электрона. Во-вторых, ионная бомбардировка — постоянный и наиболее опасный враг в электронной микроскопии — играет в нем не вредную роль, а, наоборот, является основным механизмом, обеспечивающим получение изображения.

Устройство полевого ионного микроскопа, в сущности, таково же, как и электронного, только сверхвысокий вакуум заменен весьма разреженной гелиевой атмосферой (давление — 1—1,5 микрона ртутного столба!), а на острие подается не отрицательный, а положительный потенциал (порядка 20 киловольт). Изображение создают уже не отрицательно заряженные легкие электроны, а положительно заряженные тяжелые ионы гелия. Подлетающие в беспорядочном тепловом движении к полусферическому кончику острия гелиевые атомы имеют наибольшую вероятность потерять свои электроны (автоионизация в сильном электрическом поле) как раз вблизи выступающих наружу отдельных атомов, так как именно в таких местах получается весьма сильное локальное увеличение градиента электрического поля.

Каждый выступающий наружу индивидуальный атом становится как бы центром образования большого числа положительно заряженных ионов, которые, отталкиваясь от положительно заряженного острия, с огромной скоростью летят к экрану, чтобы из множества световых вспышек построить на нем изображения отдельных атомов в виде маленьких светлых пятнышек, группирующихся вдоль концентрически расположенных кривых линий. Эти кривые соответствуют линиям пересечения кристаллической решетки с полусферической поверхностью кончика острия; ибо в наибольшей степени выступают наружу именно атомы, расположенные в этих узлах кристаллической решетки. Сразу бросаются в глаза темные пятна, соответствующие областям, в которых нет резко выступающих наружу атомов (так называемые плоскости 011 и 112 у вольфрама и 10 $\bar{1}$ 0, 11 $\bar{1}$ и др. у рения).

Для контроля были изготовлены специальные модели кристаллических решеток различных металлов, выполненные в виде полусфер. Выступающие наружу пробковые атомы моделей были окрашены светящейся краской. Фотографируя такие модели в темноте, можно убедиться, что ионный микроскоп дает точное изображение того,

что следует ожидать при условии визуализации только выступающих наружу атомов. На моделях же было показано, что отклонения кривых, вдоль которых группируются пятнышки изображения отдельных атомов, от правильной формы и другие дефекты изображения связаны со всякого рода неоднородностями и дислокациями в кристаллах. Известную роль играет и отклонение формы кончика от правильной (с точностью до атомных размеров!) сферы.

Однако, если попробовать провести эксперимент при обыкновенной комнатной температуре, никакого изображения на экране не получится. Экран будет залит расплывчатым светом, сильно напоминающим расфокусированное изображение в микроскопе или бинокле. Интересно, что фокусировка ионного микроскопа, получение четкого и резкого изображения индивидуальных атомных объектов достигается с помощью понижения температуры острия и всей установки в целом примерно до температуры жидкого гелия. Дело в том, что при комнатных температурах атомы гелия, из которых получают создающие изображение ионы, движутся с довольно большими и, что самое неприятное, совершенно беспорядочно направленными скоростями. Поэтому они подлетают к поверхности острия под самыми различными углами. Упруго отталкиваясь и ионизуясь, они сохраняют эту беспорядочность продольных скоростей, так что от одного и того же центра ионизации различные ионы попадают в самые различные точки экрана. Поэтому никакого четкого изображения индивидуальных атомов, соответствующих этим центрам ионизации, не получается.

Если же понизить температуру всей установки почти до температуры жидкого гелия, то скорости подлетающих атомов будут значительно снижены, большинство из них при столкновении с острием будет адсорбироваться, бродить по нему взад и вперед, время от времени отскакивая на несколько ангстрем и снова возвращаясь. Точно установлено, что автоионизация атомов чаще всего происходит именно после столкновения со стенкой, примерно в 5 ангстремах от нее. Подбирая оптимальную температуру, можно добиться того, что адсорбированные, бродящие по острию атомы гелия будут отскакивать как раз на эту высоту и почти не иметь продольной скорости. В этом случае получающиеся вблизи некоторого центра ионизации — выступающего наружу атома — ионы будут лететь в одном и том же направлении и попадать почти в одно и то же место экрана, давая ясное и четкое изображение. В принципе разрешающую способность можно довести с помощью температурной фокусировки до долей ангстрема.

Конечно, и в случае применения ионного микроскопа наибольшие трудности возникают при изготовлении сверхмикроскопически тонкого, с точностью до атомных размеров кончика острия. Острие изготавливается тщательным и искусным травлением тонкой проволоочки, которая затем полируется и очищается от загрязнений (окисленного металла, адсорбированного кислорода и других веществ) при помощи ионной бомбардировки при высоком напряжении.

Ионный микроскоп имеет и свои недостатки. Высокое напряжение, необходимое для ионизации атомов гелия, ограничивает область его применимости наиболее тугоплавкими металлами, такими, как вольфрам и рений. Высокое положительное напряжение острия неизбежно приводит к тому, что оно подвергается интенсивной электронной бомбардировке. Даже тантал и молибден в этих условиях имеют скорость испарения в несколько атомных слоев в секунду, так что получить сколько-нибудь устойчивое изображение атомной структуры их поверхностей не удалось. Менее тугоплавкие металлы испаряются и разрушаются почти мгновенно.

И тем не менее полученные первые фотографии атомнокристаллических структур дают исследователям исключительно богатый материал.

Впервые представилась возможность непосредственного визуального наблюдения всех деталей строения кристаллической решетки, поведения различных неоднородностей и посторонних включений в ней. Исследователи твердого тела смогут непосредственно изучать влияние разнообразных физических процессов и условий на междоатомные структуры. Так, подвергая острие воздействию мощного пучка нейтронов, можно визуально выявить причины существенных и удивительных изменений, которые происходят со многими металлами при интенсивном и длительном нейтронном облучении, имеющем место, например, в ядерных реакторах. Физико-химики впервые смогут непосредственно наблюдать разнообразные кинетические процессы адсорбции, миграции и обратной адсорбции, их роль и влияние на всякого рода каталитические процессы. Известно, что овладение тайнами катализа является одной из центральных задач химической науки.

Особое значение имеет изучение процессов, происходящих на абсолютно чистых поверхностях металлов. Ведь даже в лучшем вакууме, достижимом современными методами, любая чистая поверхность в те-

чение часа покрывается слоем адсорбированных газов. Наблюдение же процессов на абсолютно чистых металлических поверхностях до сих пор было сопряжено с большими экспериментальными трудностями. В полеовом ионном микроскопе благодаря высокому положительному напряжению, подаваемому на острие, никакие посторонние атомы или молекулы не могут хоть сколько-нибудь длительное время оставаться у его поверхности: в ничтожные доли секунды они будут ионизованы, их электроны ионизации поглотит острие, а ставшие положительными ионами молекулы или атомы вынуждены будут отправиться в принудительное путешествие к экрану.

Исследование разнообразных кинетических процессов с помощью ионного микроскопа делается особенно удобным благодаря своеобразной методике «окрашивания» атомов, разработанной также в лаборатории профессора Мюллера. Конечно, понятие цвета не имеет никакого смысла в применении к атомному объекту, но, как оказалось, вполне оправданно применение законов сложения цветов при фотографическом исследовании динамики поведения большой совокупности атомов. Если взять две фотографии одного и того же острия, сделанные спустя некоторое время одна за другой, то бывает довольно трудно разобраться, какие атомы не изменили своего положения, какие испарились и какие только что появились на поверхности. Ведь отдельных пятнышек-атомов на каждой фотографии будет несколько сотен, и, прежде чем сделать какое-нибудь заключение, придется тщательно сверить положение каждого из них на обеих фотографиях. Но если первую фотографию сделать в зеленом свете, вторую — в красном, а потом совместить их, то атомы, оставшиеся неподвижными, окажутся в результате сложения цветов окрашенными в желтый цвет. Их будет большинство, и на их фоне ярко выделятся испарившиеся в промежутке между фотографиями зеленые атомы и вновь появившиеся на поверхности красные.

Так наука создала и продолжает совершенствовать еще одно необычайно эффективное средство физического и физико-химического эксперимента. Насколько же несостоятельными кажутся теперь попытки Маха и Оствальда объявить понятие атома «нонсенсом» только на том основании, что в конце прошлого столетия было невозможно непосредственное наблюдение атомов!

И. А.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

О некоторых методологических проблемах современной генетики

Августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 года завершила длительный период борьбы материалистической науки с метафизикой и идеализмом в биологии. Этим объясняется тот неоспоримый факт, что решения сессии были положительно встречены прогрессивными представителями науки и общественной мысли не только нашей страны, но и за ее пределами. Они оказали огромное влияние на последующее развитие биологической науки.

После выхода в свет «Происхождения видов» Ч. Дарвина в биологии восторжествовала идея развития. Дарвинизм стал общепризнанным учением. Однако победа дарвинизма не означала затухания борьбы в биологической науке. Появление «Происхождения видов» послужило началом ожесточенного наступления реакции на материалистическую биологию и в первую очередь на теорию развития. Лобовая атака на дарвинизм не увенчалась, однако, успехом. Слишком ветхи были «научные доспехи», которыми прикрывались его противники. Наука и общественное мнение были не на их стороне. Временно пришлось отступить, разведать слабые, менее разработанные разделы науки, попытаться там закрепиться, превратить их в свои бастионы и оттуда начать поход на материалистическое учение о развитии органического мира.

Одним из таких наименее разработанных и весьма важных для теории и практики разделов биологической науки оказалось учение о наследственности. Здесь и сосредоточиваются силы противников материалистической биологии (Лотси, Де Фриз, Вейсман и др.). Отсюда началось наступление на дарвинизм, место которого пытается занять его фальсифицированная форма, наименовавшая себя неodarвинизмом.

Нет необходимости в характеристике неodarвинизма, поскольку это неоднократно делалось в нашей литературе. Напомню только, что современная форма неodarвинизма — морганизм и был разоблачен на

августовской сессии 1948 года как реакционное направление в биологии.

С исключительной злобой встретила реакция новую победу материализма в биологии. В этой победе она правильно усмотрела подтверждение руководящей роли марксистско-ленинского учения. И это больше всего тревожит лагерь антимичуринов, которые понимают, что биологию, опирающуюся на марксистско-ленинскую философию, нельзя увести с позиций материализма, какие бы временные трудности ни встречались на ее пути. Недаром американский генетик Зиркл вынужден с грустью констатировать, что, «...независимо от того, какое учение займет место биологии в коммунистическом мире, оно всегда должно быть совместимо с основами марксизма» (С. Zirkle. «Journal of heredity», v. 42, № 2, 1956).

Борьба особенно усилилась после 1952 года, когда к общему хору зарубежных противников мичуринской биологии присоединились критики этого направления в нашей стране. Под видом творческой дискуссии они повели наступление на основные, принципиальные положения мичуринского учения, объявляя их научно несостоятельными, одновременно настойчиво убеждая читателя в исключительных успехах морганистской генетики и отставании генетики в Советском Союзе. Об этом почти в одних и тех же формулировках говорится в посвященных 40-летию Великой Октябрьской революции редакционных статьях, опубликованных в «Ботаническом журнале» и «Бюллетене Московского общества испытателей природы», в докладе академика В. Н. Сукачева на 2-м делегатском съезде Всесоюзного ботанического общества, а также в решениях съезда по указанному докладу.

Анализ современного состояния генетической науки явится лучшим ответом на такого рода ничем не обоснованные утверждения. Можно с полной ответственностью заявить, что именно сейчас на фоне состояния классической генетики со всей

отчетливостью выявились правота и теоретические преимущества мичуринского учения. Основываясь на марксистско-ленинской философии, биологи-мичуринцы еще в годы победоносного шествия морганизма вскрыли метафизическую сущность этого учения и неизбежность крушения его основных теоретических положений. Сейчас мы являемся свидетелями этого. Двадцатипятилетний период борьбы завершился подлинным триумфом мичуринского учения. Нужно обладать особой необъективностью, чтобы не видеть этого и, тем более, говорить об отставании мичуринской генетики.

Нельзя не подчеркнуть, что вынужденный отказ классической генетики от основных своих положений некоторыми нашими авторами освещается как крупнейшее завоевание этого направления. Больше того, новые позиции, на которые переходит корпускулярная генетика, рекламируются в качестве естественнонаучной основы марксистско-ленинской философии, причем это рекламирование ведется со страниц философского журнала. В действительности же эти новые позиции требуют самого внимательного разбора и оценки, так как они далеко не свободны от ряда фактических и методологических ошибок.

Анализ современного состояния генетической науки необходим и еще по одной причине. За последнее время стал широко культивироваться взгляд на классическую генетику как на направление, пересмотревшее свои прежние, ошибочные позиции и вставшее на позиции последовательного материализма. При этом даже не ставится задача оценки этих новых позиций, что, естественно, искажает действительное состояние генетической науки, неправильно ориентирует нашего читателя. Все это и побудило нас попытаться проанализировать современное состояние некоторых вопросов генетики, чему и посвящена настоящая работа.

Прежде всего остановимся на вопросе о материальных носителях наследственности. Напомню, что в современной генетической науке существуют два взгляда на природу наследственности. Один взгляд, или одна концепция, отстаивается мичуринской генетикой, другой — так называемой формальной, или классической, генетикой. В мичуринской генетике наследственность рассматривается в качестве атрибута живого, как его неотъемлемое свойство. Принимается, что как нет живого, не обладающего свойством наследственности, так нет и наследственности вне живого.

Иные представления отстаиваются классической генетикой. Ее основным постулатом является утверждение, что свойство наследственности связано со специальными

носителями, которые, передаваясь из поколения в поколение, и определяют развитие организма со всеми его особенностями. В качестве таких элементарных носителей принимаются гены, расположенные в хромосомах ядра клетки в линейном порядке. «Каждая хромосома дифференцирована по своей длине и состоит из большого числа дискретных единиц, носящих название генов; каждый из генов обладает своим специфическим влиянием на развитие организма». Так утверждается в статье «Хромосомная теория наследственности», опубликованной в 46-м томе БСЭ, вышедшем в 1957 году.

Если ген принимается в качестве единицы наследственности, то вполне естественно, что учение о гене и разработка теории гена занимают центральное место в классической генетике.

Об этом неоднократно заявляли и сами представители названного направления.

Понятие гена было введено в науку в 1909 году датским генетиком Иогансеном в качестве абстрактной единицы отличия одной наследственной плазмы от другой. Иогансен не только не пытался связать ген с какими-либо материальными частями клетки, но резко возражал против такого рода попыток. Однако в ходе дальнейшего развития генетической науки это первоначально абстрактное понятие перешло в категорию совершенно конкретных единиц наследственности, занимающих определенные участки в хромосомах клеточного ядра. Наиболее ярким выражением этой конкретности может служить построение хромосомных карт ряда организмов, на которых в линейном порядке указано расположение генов в хромосомах данного организма.

Представители классической генетики всегда отмечали в качестве важнейшего достижения этой науки обоснование материальной природы гена. Еще в 1932 году в одной из своих статей Н. П. Дубинин, говоря об открытии множественного аллеломорфизма, писал: «Этим было показано, что ген может иметь не только два состояния в виде его присутствия или отсутствия, а что он как известный материальный элемент, представляющий собой часть хромосомы, может давать многообразные изменения, которые являются различными изменениями его физико-химической структуры или состава. Представление о гене было материализовано и конкретизовано» («Биологический журнал», т. 1, стр. 118). Три года спустя Н. К. Кольцов в докладе «Наследственные молекулы» говорил: «В микроскоп действительно можно видеть гены, расположенные в линейном порядке вдоль хромосомы, как на карте, построенной на основании генетических данных. Это — одно из величайших открытий в об-

ласти генетики, которое можно сопоставить лишь с доказательством реального существования молекул и атомов» («Наука и жизнь» №№ 5 и 6 за 1935 год).

Казалось бы, что двух подобных заявлений вполне достаточно, чтобы не возвращаться вновь к давно решенному вопросу о материальной природе наследственности. И тем не менее, освещая последние достижения в генетике, Н. П. Дубинин пишет: «Эти открытия явились великой победой марксистского философского материализма, так как позволили материализовать одно из главных свойств жизни — наследственность, показав как ее физические и химические основы, так и ее участие в развитии через явления обмена веществ» («Ботанический журнал», т. 42 за 1957 год, стр. 5).

Эта повторная материализация не делает учение о гене как элементарной единице наследственности более убедительным. Она лишь свидетельствует о тех трудностях, которые встречают сторонники этого учения в своем стремлении убедить читателей в его материалистических основах.

Не перечисляя всех обычно приводимых доказательств, якобы позволяющих рассматривать ген в качестве элементарной частицы наследственного вещества, остановлюсь на трех главных: 1) расщепление на родительские признаки во втором гибридном поколении свидетельствует о дискретном характере их наследования. Это рассматривается как свидетельство наличия независимых единиц наследственного вещества, которые передаются от родителей и определяют развитие признаков у потомков; 2) изучение явления нарушения сцепления признаков (а следовательно, и генов), обусловленного перекрестом хромосом во время созревания зародышевых клеток, показало, что разрывы хромосом проходят только по границам их специфических участков — генов. Данные по перекресту легли в основу построения генетических хромосомных карт, на которых приводится последовательность расположения генов вдоль хромосомы, а также указывается расстояние между ними в условных единицах — процентах перекреста; 3) результаты изучения мутационного процесса показали, что мутирует (изменяется) элементарная частица наследственного вещества — ген, о чем свидетельствует последующий характер наследования возникшего изменения. Получение мутаций имеет и еще одно важное значение. Только в случае появления новой мутации фиксируется наличие гена в хромосоме, существование которого до этого момента не предполагается. Назову такой разительный пример. В 1956 году О. Фахми и М. Фахми (O. Fahmy and M. Fahmy. «Journal

of genetics», v. 54, № 1, 1956) опубликовали результаты своих исследований. Используя в качестве мутагенов алкилирующие соединения, они получили у дрозофилы 200 новых мутаций, которые ни разу не возникали ни при использовании ионизирующих излучений, ни при использовании других мутагенов. Следовательно, сразу мог бы встать вопрос о наличии в половой хромосоме дрозофилы 200 новых генов, которые не были известны на протяжении длительного периода работы с этим организмом.

Какова же подлинная ценность перечисленных доказательств существования генов?

Без данных по перекресту хромосом и установления частоты появления отдельных кроссоверных классов отсутствовали бы доказательства линейного расположения генов в хромосоме, а вместе с этим не было бы и хромосомных карт. Не случайно генетический анализ каждого вновь возникшего наследственного изменения как обязательное включал: а) определение группы сцепления, то есть хромосомы, с которой связано изменение, и б) определение места в хромосоме, занимаемого новым геном. Несмотря на всю значимость, которая придавалась данным по перекресту, Гольдшмидт совершенно справедливо замечает, что кроссоверное определение гена невозможно, так как оказалось, что разрывы хромосом проходят в любом их участке, а не между генами, как это принималось раньше.

Возьмем другой пример. Данные по мутированию занимают видное место в теории гена. Первый анализ значения этих данных для названной теории был произведен Дельбрюком (Timofeeff-Ressovsky, Zimmer und Delbrück, 1935), который исходил из так называемой «теории мишени». На основании произведенных расчетов Дельбрюком была построена физическая модель гена как очень стабильной молекулы, изменения которой определяются случайно реализуемыми в данном месте термическими колебаниями.

Шредингер в своих спекуляциях относительно физических основ жизни большое значение придает взглядам, развиваемым Дельбрюком. «Следовательно, мы можем спокойно принять, — пишет Шредингер, — что нет другой возможности помимо молекулярного представления о наследственном веществе. Взгляды современной физики не оставляют других путей для понимания его постоянства. Если бы представления Дельбрюка оказались несостоятельными, нам пришлось бы оставить дальнейшие попытки» («Что такое жизнь с точки зрения физики». 1947, стр. 84, Разрядка моя. — Н. Н.).

Представления о физической основе строения наследственного вещества, развиваемые Дельбрюком, а вслед за ним многими генетиками, позднее подхваченные физиком Шредингером, удерживали в генетике автогенетические позиции, в какой-то мере ослабленные открытием возможности искусственного вызывания мутаций. Эти представления играли немалую роль в отрицании направленности процесса изменчивости и отстаивании принципа качественной независимости возникающих изменений от природы воздействия. В мутациях видели наиболее яркое подтверждение существования неопределенного, идущего во всех направлениях потока изменчивости. Любую попытку показа зависимости возникающих изменений от воздействующего фактора объявляли не только антинаучной, но и мистической. В итоге воздействия, приводящие к изменениям, многими генетиками (у нас Кольцов, Филипченко, Дубинин) рассматривались лишь как факторы, ускоряющие независимо от них идущий процесс изменчивости. Критика подобного рода воззрений была нами дана в 1950 году в работе, опубликованной в сборнике «Против реакционного менделизма-морганизма».

Шредингер напрасно искал опору для своих взглядов на наследственность в представлениях Дельбрюка. Достаточно указать, что сама основа, на которой строились эти представления, то есть «теория мишени», не выдержала последующей экспериментальной проверки. В настоящее время наука располагает большим количеством данных, которые не позволяют интерпретировать мутационный процесс, исходя из простых физических принципов, как результат прямого действия, например, ионизирующей радиации на молекулу гена. Мутации возникают не непосредственно под влиянием облучения, а через промежуточную ступень химических реакций. Эту особенность подчеркивают теперь Мёллер, Холден, Холлендер и другие авторы. Изменчивость, начавшаяся под влиянием облучения, не исчерпывается моментом облучения, но может продолжаться и в последующих поколениях (А. Сlack. «Nature», v. 177, 1956, p. 787). Целый ряд веществ может изменять ход мутационного процесса, протекающего под влиянием облучения. Большую роль играет физиологическое состояние облучаемых клеток, что с особой наглядностью продемонстрировано в работах шведских исследователей, показавших различия в протекании мутационного процесса в спермиях, облучаемых в семенном пузырьке самца дрозофилы и в семяприемнике самки, где они находятся после оплодотворения последней.

Исключительное значение для понимания природы наследственности имеют дан-

ные по получению определенных, направленных изменений под влиянием таких сильнодействующих факторов, как, например, ионизирующие излучения. Выше мы подчеркнули, что на наблюдениях мутационного процесса, идущего под воздействием ионизирующих излучений, базировались утверждения о случайном, неопределенном характере возникающих изменений. Сейчас и эта цитадель рухнула. Экспериментальный материал свидетельствует о зависимом характере наследственных изменений, возникающих под влиянием ионизирующих излучений и целого ряда веществ, так называемых мутагенов. Показано, что характер наследственных изменений зависит от типа химического вещества, действующего на клетку, плотности ионизации, физиологического состояния клетки, органа, организма.

Насколько прочно это входит в науку, можно судить по рекомендациям практического использования направленности мутационного процесса. Приведем как пример высказывания Веттштейна, который пишет: «До недавнего времени процесс мутирования считался совершенно случайным. Однако на ячмене можно показать возможность регулирования и управления мутационным процессом. Можно изменять спектр летальных и жизнеспособных мутаций, используя радиацию различной плотности. Даже мутации, высокоценные для агрономии, такие, как мутации эректоидного типа, могут быть продуцированы по желанию, используя радиацию высокой плотности. Что касается летальных хлорофильных мутаций, то изменения спектра можно добиться, изменяя физиологическую стадию у семян» (D. Wettstein. «Hereditas», v. 43, № 1—2, 1957).

Значимость такого рода фактов столь очевидна, что Н. П. Дубинин в одной из своих последних работ подчеркнул ошибочность воззрений на процесс изменчивости, согласно которым «воздействия, проникающие в клетку и вызывающие мутации, не оказывают никакого влияния на качественную сторону происходящих изменений, они лишь ускоряют спонтанный, принципиально недетерминированный процесс появления мутаций» («Вопросы философии» № 6 за 1957 год, стр. 152). В противоположность своим прежним представлениям он считает, что наследственные изменения зависят от качества воздействующих факторов: «Все эти факты отчетливо показывают, что концепция Дельбрюка, Шредингера и других о принципиальной случайности процессов появления мутаций должна быть заменена признанием принципиальной зависимости характера мутаций от качества воздействующих условий» (там же, стр. 153).

Вызывает удивление, почему автор приведенных выше высказываний подверг критике зарубежных генетиков, таких, как Блюм, Мёллер, Добжанский, Дельбрюк и другие, ни словом не обмолвившись о том, что и ему принадлежит немалая роль в распространении такого рода взглядов в нашей науке. Необходимость этого признания станет особенно очевидной, если вспомнить, что разбираемый вопрос относится к числу первостепенных в той дискуссии по генетике, которая продолжается и по сей день. Ведь вопреки всем тем фактам, которые привели Н. П. Дубинина к пересмотру его позиции на процесс изменчивости, не только отдельные авторы «Ботанического журнала», как Скрипчинский, Тахтаджян, Тимофеев-Рессовский и другие, но и редакция названного журнала продолжают оспаривать направленность наследственных изменений, их зависимость от характера воздействующего фактора и возводят неопределенную изменчивость в ведущий принцип изменчивости вообще, а следовательно, и эволюционного процесса. Невольно напрашивается вопрос: какие соображения заставили Н. П. Дубинина умолчать, что с первых дней дискуссии представители мичуринского направления в генетике выступали против индетерминированности явлений изменчивости, постоянно доказывая неразрывную связь возникающих изменений с вызывающими их факторами? Именно это оспаривал Н. П. Дубинин, когда на совещании по генетике, созванном в 1939 году редакцией журнала «Под знаменем марксизма», говорил: «Я считаю необходимым здесь сказать, что тот путь, на который встал акад. Т. Д. Лысенко, — получение адекватно направленных изменений через перевоспитание растений, — мы считаем неправильным, считаем ошибочным» («Под знаменем марксизма» № 11 за 1939 год). Элементарная научная объективность обязывала заявить обо всем этом и признать, что по одному из важнейших вопросов дискуссии представители классической генетики потерпели поражение и вынуждены отказываться от своих позиций.

Из трех разобранных нами примеров, служивших в свое время основными доказательствами учения о гене, два оказались несостоятельными. Столь же несостоятельно и третье. Достаточно указать, что явление расщепления наблюдается не только в потомстве половых гибридов, но и у вегетативных гибридов и в потомствах направленно измененных форм растений, а также у организмов, у которых нет ни хромосом, ни полового процесса (вирусы, фаги).

Все сказанное не означает, что факты, на которые опиралось учение о генах, были ошибочны. Совсем нет. Но эти факты были

неправильно истолкованы и использованы для обоснования представлений, которых они не могли обосновать. Итогом этого явился отказ от логически хорошо разработанной и, казалось, фактически обоснованной теории гена.

Нам хотелось бы специально подчеркнуть, что Гольдшмидт был первым, кто подметил несоответствие накапливаемых в формальной генетике фактов с представлением о гене как единице наследственности. В 1938 году (Goldschmidt. «Physiological genetics», 1938) он выступает с критикой теории гена и требованием отказа от представления о гене как единице наследственности. Правда, в своей критике Гольдшмидт ушел очень недалеко. Он попытался заменить ген как единицу наследственности хромосомой. И все же Гольдшмидт, по выражению Добжанского, «изумил своих коллег отрицанием гена» (Dobzhansky. «The American naturalist», v. 87, № 833, 1953). Было чему изумляться. Старейший генетик, автор количественной теории гена выступил против учения о гене. В 1942 году нами была опубликована статья «Проблема гена в современной науке о наследственности» («Журнал общей биологии», т. III, № 1—2), в которой были подвергнуты критическому анализу и «теория гена» и представления Гольдшмидта, попытавшегося на место гена поставить хромосому.

Последующее развитие генетики все больше и больше увеличивало пропасть между теоретической основой классической генетики и накапливаемыми ею результатами экспериментальных исследований. Хромосомные перестройки и связанные с ними так называемый эффект положения, явление псевдоаллелизма, эффект положения псевдоаллелей, проявление эффекта нехваток — все это подрывало те критерии, которые ранее служили основой для выделения гена в качестве единицы наследственности.

Создалось нетерпимое положение. О наличии того или иного гена обычно судили после того, как произошла мутация. Поэтому естественно, что утрата возможности отличать внутригенные изменения от внегенных заводи́ла всю проблему в тупик. К тому же большое количество из тех изменений, которые ранее были описаны как генные мутации, на основании чего были постулированы и соответствующие гены в хромосомах, оказались или хромосомными перестройками (эффект положения), или нехватками, или ген оказался сложным образованием, состоящим из серии псевдоаллелей, которые отделимы друг от друга путем перекреста.

К описанным затруднениям добавились новые. Все больше и больше возрастало ко-

личество случаев так называемой внехромосомной наследственности. К ранее известным случаям цитоплазматической наследственности, описанным в свое время Корренсом (C. Correns. «Berichte der deutschen botanischen Gesellschaft», Bd. 26-a, 1908, p. 686) у *Cirsium*, Родесом (M. Rhoades. «Journal of genetics», v. 27, № 1, 1933) у кукурузы, Михаэлисом (P. Michaelis. «Advances in genetics», v. 6, 1954, p. 287) у кипрея и т. п., добавился ряд случаев цитоплазматической наследственности особого типа. Для их объяснения пришлось постулировать способные самостоятельно размножаться цитоплазматические частицы, получившие различное наименование: геноидов, каппа-частиц, плазмогенов и т. п.

Не описывая подробно этих случаев, ограничимся лишь упоминанием некоторых из них. Сюда относится наследование чувствительности к CO_2 у дрозофилы, изученное Л'Эритье (P. L'Heritier. «Cold Spring Harbor Symposia on quantitative biology», v. 16, 1951, p. 99); мутации, лишенные цитохромоксидазы у дрожжей, природа которых подробно проанализирована Эфрусси и Слонимским (B. Ephrussi. «Nucleo-cytoplasmic relations in microorganisms», Oxford, 1953; П. Слонимский в сборнике «Адаптация у микроорганизмов». Издательство иностранной литературы. 1956); наследование каппа-частиц у инфузории, так детально исследованное Соннеборном (T. Sonneborn. «Genetics in XX th Century», N. Y. 1951).

Много было предложено гипотез для объяснения случаев, выходящих за пределы ядерной наследственности. В 1946 году Линдегрэн (C. Lindgren. «Proceedings of the National Academy of Sciences, USA», v. 72, № 3, 1946) выдвигает новую теорию строения гена, в основу которой кладется принцип двойственного гена, впервые предложенный Соннеборном. Согласно этой гипотезе, ген состоит из двух саморепродуцирующихся единиц: хромосомной единицы — хромогена — и цитоплазматической единицы — цитогена, — которая связывается с хромогеном. Цитоген размножается независимо от хромогена. Эта новая теория явилась попыткой перебросить мост между учением о гене и фактами, которые выходили за теоретические рамки этого учения.

Гипотезой Линдегрена не исчерпываются поиски объяснения природы внеядерной наследственности. На арене появляются представления о вирусах-генах, о симбиотических саморепродуцирующихся частицах клетки (Lederberg, 1952). Двойственная природа гена сохраняется, бактериофаги трактуются как свободно живущие гены бактерий, которые, попадая в бактериаль-

ную клетку, прикрепляются к соответствующему участку ее хромосомы. При различии спекулятивных построений итог во всех случаях одинаков: все завершается геном. Возьмем в качестве примера уже упоминавшийся случай с наследованием адаптивной цитохромоксидазы. По представлениям Эфрусси и Слонимского (B. Ephrussi et P. Slonimski. «Biochim. et Biophys. acta», v. 6, № 2, 1950), ген контролирует деятельность цитоплазматических единиц — плазмогенов, которые обеспечивают образование адаптивной цитохромоксидазы, но не сами, а под влиянием внешнего воздействия — специфического индуктора, в данном случае кислорода.

Несмотря на все эти дополнительные надстройки, противоречия между теорией гена и фактами экспериментальных исследований в различных областях биологии становились все более очевидными. Вот почему ведущие генетики, первоначально изумившиеся отказу Гольдшмидта от гена, присоединяются позднее все в большем и большем числе к его точке зрения (G. Stern. «The Yale journal of biology and medicine», v. 19, № 6, 1947; M. Demerec. «American naturalist», v. 89, № 844, 1955; L. Stadler. «Science», v. 120, № 3125, 1954 и др.).

Уже в 1953 году на IX Международном генетическом конгрессе стало очевидным, что существующее представление о гене не отвечает данным, накопленным экспериментальной генетикой. Подводя итог работы указанного конгресса, Лернер писал: «Наиболее знаменательной тенденцией конгресса в Беляджио был фактический отказ от классического понятия гена как предмета изучения» (J. Lerner. «Science», v. 118, № 3076, 1953, p. 709).

Нельзя не подчеркнуть, что «классическое понятие», которое так отстаивала морганистская генетика, Лернер объявляет наивным и упрощенным. В связи с этим невольно вспоминаются упреки в адрес мичуринцев за недооценку ими результатов, достигнутых классической генетикой. Еще совсем недавно в передовой статье журнала «Вопросы философии» указывалось как на пример нигилистического отношения к науке на то, что «выбрасывались за борт ценные достижения хромосомной теории наследственности» («Вопросы философии» № 3 за 1957 год, стр. 15).

Разве учение о гене, до последних лет отстаиваемое его сторонниками, не рассматривалось как важнейшее, центральное обобщение хромосомной теории наследственности? Нам кажется, правильное будет брошенный редакцией «Вопросов философии» упрек в нигилизме переадресо-

вать по назначению — в адрес формальной генетики, отказавшейся от своих представлений о гене и объявившей эти представления «наивными» и «детскими». Возможно, ошибка мичуринцев заключалась в том, что они, вскрыв, что учение о гене, как не отражающее объективных закономерностей природы, не может сохраниться в науке, не сумели убедить некоторых философов в неизбежности его крушения.

Трудно предугадать, как бы выглядела генетическая теория после отказа от представления о гене как единице наследственности, если бы не были достигнуты значительные успехи в других разделах биологической науки, а также в изучении химии ядра и химии нуклеиновых кислот. Можно думать, что, не будь этих успехов, пересмотр теории гена протекал бы значительно труднее, чем это имеет место.

Каковы же эти достижения, оказавшие столь существенное влияние, даже больше, явившиеся основанием для построения новой теории гена? Как на важнейшие укажем на следующие: 1) данные по трансформации у бактерий, наступающей в результате действия специфической дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК), трансдукции с помощью фага и репродукции вируса в бактериальной клетке; 2) результаты цитофизического и цитохимического изучения ДНК; 3) новые представления о структуре молекулы ДНК. Это, конечно, довольно грубая классификация, но она облегчает дальнейший анализ.

В 1928 году Гриффите (F. Griffith. «Journal of hygiene», v. 27, 1928, p. 113), в опытах *in vivo* в организме мышей изменил авирулентную R-форму II типа пневмококка в вирулентную S-форму III типа. Это изменение произошло под влиянием убитых клеток S-формы, введенных мышам вместе с живыми клетками R-формы. Вскоре Давсон и Сиа (M. Dawson and R. Sia. «Journal of experimental medicine», v. 54, № 5, 1931) установили возможность такого превращения *in vitro* при выращивании клеток R-формы на средах, содержащих анти-R сыворотку и убитые высокой температурой S-клетки III типа. После этого Элловей (J. L. Alloway. «Journal of experimental medicine», v. 55, № 1, 1932) показал, что стерильные вытяжки из S-клеток, лишённые форменных элементов, при добавлении их к среде оказались столь же активными, как и цельные клетки.

Эйвери, Маклеод и Маккарти (O. Avery, C. MacLeod and M. McCarty. «Journal of experimental medicine», v. 79, № 2, 1944) опубликовали работу, в которой не только подтверждался сам факт возможной трансформации, но был выделен и тщательно изучен трансформирующий агент, которым оказалась ДНК. Трансформирую-

щая активность последней исключительно велика. Разведение 1 : 600 000 000 оказалось достаточным для направленного, специфического превращения одного типа пневмококков в другой.

Позднее Буавен (A. Boivin. «Cold Spring Harbor. Symposia on quantitative biology», v. 12, 1947, p. 7), а затем Эфрусси — Тейлор и Хотчкисс (H. Ephrussi — Taylor. «Cold Spring Harbor Symposia on quantitative biology», v. 16, 1951, p. 445; R. Hotchkiss. Ibid. p. 457) показали специфичность действия ДНК, взятых из разных линий. Буавен высказал предположение, что каждому типу пневмококков (которых около ста), как и каждому типу кишечных бактерий (которых существуют сотни или тысячи типов), соответствует своя ДНК. И если в работе Эйвери и др. еще отмечалось как возможное, что трансформирующее начало может принадлежать не самой ДНК, а какому-то другому веществу, адсорбированному ею, то Буавен уже со всей определенностью подчеркивал, что в случаях трансформации чистая ДНК способна передавать наследственные особенности. Данные по трансформации стали оцениваться как прямое доказательство генетической роли ДНК, а ген рассматривается в качестве молекулы ДНК.

Приведенными примерами далеко не исчерпываются экспериментальные данные по трансформации и трансдукции. Явление трансформации не ограничивается только миром микроорганизмов. Многообещающие результаты получены, судя по сообщениям, во Франции профессором Бенуа и его сотрудниками (J. Benoit, P. Leroу и др. «Comptes rendus de l'Académie des sciences», 1957, v. 244, p. 2320; v. 245, p. 448). Им удалось в результате многократных инъекций уткам пекинской породы ДНК, выделенной из эритроцитов и семенников уток породы «Хаки», получить новую породу, названную «Белоснежка».

Независимо от истолкования природы явления трансформации уже сам факт его вскрытия представляет исключительный практический интерес. Однако результаты опытов по трансформации играют большую роль и в познании природы наследственности. Наука обогатилась новыми неоспоримыми фактами получения направленных изменений. Для мичуринской генетики подобные изменения не были неожиданными. Этим и объясняется тот факт, что появившаяся в 1944 году статья Эйвери с сотрудниками была переведена и опубликована в журнале «Агробриология». Нам не кажется случайным, что французские газеты, излагая опыты профессора Бенуа, нашли и адекватную им оценку. Так, газета «Монд» указывает, что этими опытами, вероятно, нанесен смертельный удар теории Моргана,

Менделя и Вейсмана (см. номер от 24 июля 1957 года). По заявлению еженедельника «Франс-Обсерватер», в связи с открытиями Бенуа Мичурин и Лысенко снова возведены на трон в ущерб Вейсману и некоторым другим классикам (см. номер от 1 августа 1957 года).

Большое значение данным по трансформации под влиянием ДНК придается и в классической генетике. Считается, что наконец-то обнаружено то наследственное вещество, о котором на протяжении ряда десятилетий писалось в генетической литературе. Особенно важно это сейчас, в момент, когда обнаружена несостоятельность основных положений классической генетики. Разве не выход из трудности: гена нет, и в то же время он есть — им является молекула ДНК. Это утверждение не оговорка, а мнение очень многих сторонников хромосомной теории наследственности. Хотчкисс и Мермар (R. Hotchkiss and J. Marmar. «Proceedings of National Academy of sciences, USA», v. 40, № 2, 1954), обнаружив, что в случае бактериальной трансформации один экстракт ДНК может трансформировать одновременно два генетических свойства, не смущаясь, сравнивают это с явлением сцепления генов.

Между тем пока нет никаких оснований не только строить генетическую карту ДНК, но и выдавать последнюю за наследственное вещество. В самой трансформации необходимо объяснить ряд явлений, прежде чем делать подобные обобщения. Отметим некоторые из этих явлений.

Прежде всего необходимо указать, что надежные результаты по трансформации пока получены лишь у немногих форм микроорганизмов. В большинстве же описанных случаев они или не были подтверждены другими исследователями, или трансформация носила незакономерный, редко воспроизводимый характер. Различия в ходе трансформации наблюдаются не только между разными группами микроорганизмов, но и в пределах одной группы. Например, среди сотни типов пневмококков трансформация удается лишь у нескольких, да и у них трансформируются отдельные, особо чувствительные, или, как их называют, «реактивные», клетки, число которых составляет десятки или сотые доли процента. В чем причина подобных различий, пока неизвестно. Браун (W. Braun. «Bacterial genetics». 1953) считает, что для трансформации необходим специфический генотип, который делает клетки доступными для трансформации. Следовательно, к наследственному веществу в форме ДНК необходимо еще присовокупить соответствующий генотип изменяемого организма.

Нельзя не подчеркнуть, что трансформировать удается пока лишь незначительное число свойств микробной клетки, в большинстве случаев как раз те, которые легко изменяются и под действием других влияющих на клетку факторов.

Далее, у некоторых микроорганизмов, как, например, у кишечной палочки, трансформация R-формы в S-форму под влиянием ДНК, выделенной из S-формы, происходит на обычной среде и даже может начаться на среде, не обеспечивающей размножения клеток (H. Alexander and G. Leidy. «Journal of experimental medicine», v. 93, № 1, 1951). Для превращения пневмококков необходим уже ряд условий, при наличии которых только и может идти процесс трансформации. В этом случае одна ДНК не в состоянии обеспечить трансформацию. Например, для превращения R-формы в S-форму требуются, помимо ДНК, R-антитела — диализирующийся фактор, присутствующий в плазме крови или серозной жидкости, который может быть заменен пирофосфатом — дополнительный фактор кровяной сыворотки, который можно восполнить добавлением альбуминовой фракции бычьей сыворотки.

Необходимо остановиться на вопросе специфичности самого воздействия. Не во всех случаях наблюдается столь строгая специфичность, какую можно было бы ожидать от ДНК как специфического генетического материала. Ваурека (A. Voreka. «Lancet», v. I, № 6489, 1948) показал, что некоторые штаммы стафилококков, устойчивые к пенициллину, становятся чувствительными при совместном их выращивании с другими микроорганизмами, и не только стафилококками, но и *Corynebacterium diphtheriae*, стрептококками и пневмококками.

Один и тот же эффект вызывает не только специфическая ДНК, но и другие факторы. Хотчкисс (R. Hotchkiss, 1951) показал, что устойчивость к пенициллину можно передавать с помощью ДНК, выделенной из устойчивых пневмококков. Но устойчивые к пенициллину формы пневмококков также легко возникают при выращивании чувствительных форм на среде, содержащей пенициллин. Чем отличаются эти две формы устойчивости, неизвестно. Правда, сторонники хромосомной теории одну форму связывают со специфическим влиянием ДНК, а другую — с отбором готовых мутаций, но это не объяснение.

Сходные результаты получили Хантер и Батлер (G. Hunter and J. Butler. «Biochim. et biophys. acta», v. 20, 1956, p. 405), по индуцированному синтезу β -галактозидазы у *Bacillus megaterium* при воспитании ее на среде, содержащей РНК,

выделенную из *Bacillus megaterium*, выращенных на среде с лактозой. Но такой же индуцированный синтез β -галактозидазы можно получить и без воздействия специфической РНК, а при выращивании микроорганизмов на среде, содержащей соответствующий сахар (Ryan, 1952).

Балаша (R. Balassa. «Die Nafurwissenschaften», v. 42, № 14, 1955; v. 43, № 6, 1956) под влиянием ДНК, извлеченной из клеток *Rhizobium meliloti*, изменил штаммы *Rhizobium Japonicum*, которые приобрели способность образовывать клубеньки на корнях люцерны. Н. А. Красильников (ДАН СССР, т. 31, № 1 за 1941 год; «Микробиология», т. 14, № 4 за 1945 год; «Успехи современной биологии», т. 40, № 2 за 1955 год) путем воспитания клубеньковых бактерий одного вида на среде, содержащей фильтрат направляющей культуры, изменял эти бактерии в сторону направляющей культуры. Это было сделано с рядом клубеньковых бактерий. Сходные явления получались иным путем. При повторном выращивании сои на опытных делянках или в сосудах, где в почве не было *Rhizobium sojae* (*japonicum*), по истечении 3—5 лет в почве появлялись бактерии сои. Автор считает, что в этом случае «индуктором», изменяющим почвенные бактерии, являются корневые выделения сои. Капокаччи (L. Caporassia. «Arch. Ital. Scien. med. trop. e di parassit.», v. 37, 1956, p. 392) обнаружил у четырех из двадцати трех штаммов салмонелл переход R-формы в S-форму при воспитании их на среде, содержащей не ДНК, а молоко и глицерин.

Наконец необходимо указать и на трудности, которые неизбежно возникают при попытке представить механизм проникновения в бактериальную клетку гигантской (молекулярный вес 5—6 миллионов) молекулы ДНК, которая в растворе представляет развернутый завиток объемом от 5000 до 10000 ангстрем в диаметре. Существующие в настоящее время представления о мембранной проницаемости не способствуют снятию этой трудности.

В качестве другого прямого свидетельства монопольной, по существу, роли ДНК в наследственности обычно приводятся результаты исследований Херши и Чейза (A. Hershey and M. Chase. «Journal of general physiology», v. 36, 1952, p. 39). Названные авторы заражали бактерии *Escherichia coli* фагом T₂, меченым радиоактивными изотопами фосфора и серы. Они показали, что в бактериальную клетку проникает только фосфор. Меченая сера, входящая в состав аминокислот, остается за пределами бактериальной клетки. Это позволило сделать заключение, что в бактериальную клетку при ее инфицировании

фагом проникает только нуклеиновая кислота последнего, в которую входит фосфор, тогда как белковая часть фага, содержащая серу, остается за пределами бактериальной клетки. Несмотря на это, проникшая внутрь бактериальной клетки ДНК обеспечивает синтез не только специфической для бактериофага ДНК, но и его белковой части. Тем самым демонстрировалась ведущая роль ДНК в синтетических процессах, обеспечивающая полностью построение фаговой корпускулы вместе с ее белковой частью.

Эти результаты произвели такое сильное впечатление, что некоторые генетики до сих пор приводят их как прямое доказательство генетической роли ДНК, несмотря на то, что Херши в 1955 году внес существенную поправку к ранее наблюдавшимся результатам. Анализ, выполненный в более строгих условиях, показал, что в бактериальную клетку проникает не только ДНК, но и меченный по сере и углероду белок фага, который Херши назвал «неосаждаемым». Попытка показать отсутствие связи этого белка с нуклеиновой кислотой пока не увенчалась успехом (A. Hershey. «Virology», v. 1, 1955, p. 108).

Нельзя не отметить и нерешенность вопроса о механизме инфицирования бактериальной клетки фагом. Опыты Херши и Чейза в их первом варианте заслуживают внимания только при допущении, что содержимое фага изливается через хвост, которым он прикрепляется к бактериальной клетке, а его оболочка остается снаружи, как это описывается рядом исследователей. Однако Крисс и Тихоненко («Успехи современной биологии», т. 44, вып. 1(4) за 1957 год) в результате проведенного ими электронно-микроскопического изучения строения корпускулы бактериофага оспаривают подобный механизм инфицирования.

Ограничиваясь только сказанным, можно видеть, что «прямые доказательства» генетической роли ДНК наталкиваются на ряд вопросов, требующих ответа, число которых уже сейчас достаточно велико. Не исключена возможность, что не только ДНК отвечает за эффект трансформации, на что указывалось еще в работе Эйвери с сотрудниками. Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время нет ясности и в этом важнейшем для решения проблемы вопросе. Так, Маалое считает, что в случаях трансформации «химическая чистота трансформирующего фактора настолько хорошо установлена, что можно считать несомненным, что трансформацию производят молекулы ДНК, содержащие в себе детерминанты специфических наследственных признаков» (сборник «Проблемы цитофизиологии», 1957, стр. 284). Мёллер, являясь сторонником признания за ДНК роли носителя наследственных детерминантов, считает все

же, что в случае трансформации отсутствуют прямые доказательства того, что трансформирующим агентом является чистая ДНК. Он пишет: «Таким образом, различные данные указывают, что именно ДНК является носителем наследственных факторов. Но является ли она единственным веществом, которое запечатлевает наследственные свойства? Прямое доказательство этого отсутствует...» («Химическая наука и промышленность», т. II, № 2, 1957, стр. 255).

Даже после работ Френкель-Конрата и Вильямса (H. Fraenkel-Conrat, R. Williams. «Proceedings of National Academy of Sciences, USA», v. 41, № 10, 1955) по ресинтезу вируса табачной мозаики, С. М. Гершензона («Доповіді АН УРСР» № 5 за 1956 год) по ресинтезу полиэдренного вируса, исследований Гирера, Шрамма и других (A. Gierer and G. Schramm. «Nature», v. 177, № 4511, 1956; H. Schuster, G. Schramm und W. Zillig. «Zeitschrift für Naturforschungen», Bd. 11^b, H. 6, 1956) по инфекционности чистой РНК, выделенной из вируса табачной мозаики, вопрос не стал яснее. При самой тщательной очистке РНК не удалось освободиться от белка. Хотя содержание его остается незначительным, всего лишь 0,25%, однако нельзя забывать о том, что очищенная РНК обладает всего лишь 2% инфекционности нативного вируса.

Френкель-Конрат и его соавторы Сингер и Вильямс в докладе на симпозиуме по проблеме происхождения жизни хотя и скромно, все же вынуждены были признать, что «белок, в конечном счете, может иметь какое-то небольшое влияние на процесс воспроизведения вируса» (сборник «Возникновение жизни на Земле», 1957, стр. 215). О роли белка в инфекционности вируса говорят и результаты исследования Липпинкотта и Коммонера (J. Lippscott and B. Commoner «Biochim. et biophys. acta», v. 19, № 1, 1956), которые показали, что белок и нуклеиновая кислота в отдельности обладают инфекционностью, хотя и низкой, в то время как полимеризованная их смесь в 3—10 раз более активна, чем каждый компонент в отдельности.

Если в работе Френкель-Конрата и Вильямса по ресинтезу вируса табачной мозаики и Гершензона по ресинтезу вируса желтухи шелкопряда показано, что ни белок, ни нуклеиновая кислота в отдельности не обладают свойством инфекционности, а в работе Гирера и Шрамма сделана экспериментальная попытка доказать, что инфекционностью обладает чистая РНК, то в опытах Липпинкотта и Коммонера показывается, что этой особенностью обладают в слабой степени в отдельности и белок и нуклеино-

вая кислота вируса. Не является ли все это лучшим свидетельством поспешности выводов об исключительной роли нуклеиновых кислот? Чаргафф был совершенно прав, заявляя: «Мы пока еще не владеем способом выделения полноценных белковых препаратов. Поэтому я не удивился бы, если бы в конце концов было найдено, что обе половины растительного вируса — РНК и белок — могут быть «инфекционными» (сборник «Возникновение жизни на Земле», стр. 194).

После всего сказанного невольно возникает вопрос, не слишком ли спешат сторонники хромосомной теории наследственности с новыми широкими обобщениями относительно нуклеиновых кислот как единственных, уникальных носителей наследственных особенностей организмов.

К подобному же выводу приходит и Заменхов (S. Zamenhof «Progress in biophysics and biophysical chemistry», v. 6, 1956, p. 85) в результате анализа материалов по трансформации. По его мнению, те данные по трансформации, которыми располагает в настоящее время наука, не дают оснований широко распространенному взгляду, что ДНК является единственным носителем генетических свойств клетки.

* * *

Помимо прямых доказательств, приводится ряд косвенных данных, которые также используются для обоснования генетической роли ДНК. Как мы отметили, в числе их можно назвать следующие: концентрацию ДНК преимущественно в хромосомах; постоянство количества ДНК и связь этого постоянства с плоидностью клеточного ядра; совпадение данных по наибольшей частоте возникновения мутаций при облучении ультрафиолетовым светом при длине волны 2600 Å с максимальной адсорбцией нуклеиновыми кислотами спектра с длиной волны 2600 Å и т. п.

При всей ценности такого рода данных они все же не являются достаточными для тех выводов, которые из них делаются.

Возьмем вопрос о количественном постоянстве ДНК. Гольдшмидт пишет: «Первой и главной поддержкой утверждения, что ДНК является исключительно генетическим материалом, служит ее количественное постоянство в ядрах клеток данного вида и ее абсолютная зависимость от числа хромосом в пределах вида» («Theoretical Genetics». 1955, p. 31). Но даже если бы факты неизменно подтверждали правильность этого положения, то и в этом случае еще нельзя делать вывода, что только ДНК принадлежит функция носителя наследственных особенностей. Однако и этого нет. Можно привести целый ряд данных, свидетельствующих как в пользу количественного посто-

яинства ДНК, так и против. Обширный материал по этому вопросу приведен в обзорной статье П. В. Макарова («Успехи современной биологии», т. 41, вып. 1 за 1956 год). В процессе развития организма количественное содержание ДНК может сильно меняться, вплоть до ее полного исчезновения, как это наблюдал Браше в неоплодотворенных яйцах морского ежа и Крупко и Динлей в ядре яйцеклетки и зрелом зародышевом мешке у *Aloe davyana* (S. Krupko and A. Denley. «Nature», v. 177, № 4498, 1956). Разбирая опыты Лизона и Пастилса, проследивших изменения содержания ДНК в ядрах клеток развивающегося морского ежа, Браше пишет: «Результаты этого исследования (которое нужно распространить и на другие виды) показывают также, что содержание ДНК в разных ядрах не обязательно кратно ее содержанию в сперматозоидах, как это предполагали раньше» (сборник «Современные проблемы цитологии», 1955, стр. 14).

Об этом же говорят и результаты исследований А. и Ц. Маршаков (A. Marshak and C. Marshak. «Experimental cell research», v. 5, 1953, p. 288; v. 8, 1955, p. 126; v. 10, 1956, p. 246). Используя радиоактивные изотопы, названные авторами произвели определение количественного содержания нуклеиновых кислот в яйцах и спермиях иглокожих *Arbacia punctulata*, *Astoria forbetii*, *Tripneustes ventriculus*. Было показано, что содержание ДНК в яйцах и спермиях различается в десятки и больше раз. Кроме того, зрелые неоплодотворенные яйца не содержат вовсе или содержат незначительное количество ДНК, так как показывают отрицательную фельгеновскую реакцию. В связи с этим названные авторы ставят под сомнение представление о ДНК как единственном или основном компоненте гена.

Бургас (M. Burgess. «Experimental cell research», v. 9, 1955, p. 360) выступил с критикой сообщений названных авторов, объясняя их результаты (отсутствие положительной фельгеновской реакции) чисто методическими причинами. Собственные эксперименты Бургаса, проведенные с измененной методикой, показали, что зрелые неоплодотворенные яйца *Arbacia punctulata* дают положительную фельгеновскую реакцию. Однако Маршаки в работе 1956 года отвергают критические замечания Бургаса, показывая, что наличие положительной фельгеновской реакции в его данных стимулировано присутствием плазмоля, чего не учитывал автор.

Интересные наблюдения были сделаны Демяновской и Белозерским («Биохимия», т. 19, 1954, стр. 688; Н. С. Демяновская. «Некоторые биохимические изменения в мицелии *Actinomyces globisporus*

streptomycini Kras в процессе его развития и в связи с антибиотической активностью». Автореферат диссертации. 1957; А. А. Прокофьева-Бельговская и Н. С. Демяновская. «Микробиология», т. 26, № 1 за 1957 год), которые показали, что на определенной стадии развития мицелия *Actinomyces globisporus streptomycini* ДНК исчезает, но появляется другая нуклеиновая кислота, у которой вместо тимина иное основание.

При выяснении роли ДНК большое значение придается специфике воздействия на мутационный процесс ультрафиолетовых лучей. Факты относительно большей частоты возникновения мутаций при облучении ультрафиолетовым светом с длиной волны 2600 Å, используются как доказательство связи процесса мутирования с ДНК. Последняя как раз и адсорбирует максимально эту длину волны. Однако необходимо подчеркнуть, что этот вывод сильно преувеличен. Достаточно напомнить данные Мак-Оли и Форда (A. McAulay and J. Ford. «Heredity», v. 1, 1947, p. 247) и Холлендера (A. Hollaender and C. Emmons. «Cold Spring Harbor Symposia on quantitative biology», v. 9, 1941, p. 179), чтобы убедиться в этом. Первые авторы показали, что наивысшая эффективность облучения *Chaetomium globosum* соответствует спектру поглощения белка. Холлендер нашел, что кривая частоты мутаций, вызванных ультрафиолетовым облучением, имеет два максимума: больший совпадает с длиной волны 2650 Å и меньший — 2280 Å. Даже максимум при 2650 Å Холлендер и Эмонс не связывают только с ДНК, хотя она и показывает наибольшую величину поглощения лучей этой длины. «Это не обязательно означает, — пишут они, — что нуклеиновая кислота является единственным компонентом клетки, ответственным за этот максимум. Белки и некоторые ферменты, присутствующие в очень низких концентрациях, могут содействовать получению максимума при этой длине волны» (стр. 182). Что касается второго максимума, то он, по мнению названных авторов, обусловлен адсорбцией ядерного белка.

Хотchkiss также не считает возможным рассматривать совпадение данных по поглощению и частоте мутаций как доказательство того, что наследственные изменения (мутации) обусловлены изменениями в молекуле ДНК, и не видит в этом доказательства генетической роли последней. Он пишет: «Однако специфичность этого поглощения недостаточна для того, чтобы считать полученные данные безусловным доказательством отсутствия эффективного поглощения также со стороны белка. И действительно, мутагенное действие в

области максимума для белков значительно». И далее: «Эти соображения, а также то обстоятельство, что добавленные вещества и факторы среды могут существенно изменить число мутаций, обнаруживаемых после облучения, заставляют подходить с осторожностью к данным о действии облучения и не делать на основании этих данных заключений о химической природе генов» («Нуклеиновые кислоты, химия и биология». М. 1957, стр. 358).

Выяснению физиологической роли нуклеиновых кислот за последние годы посвящено много исследований. Эти исследования, давшие исключительно ценные выводы относительно роли РНК в синтезе белковой молекулы, способствовавшие выяснению структуры ДНК, выдвинули и ряд новых проблем, ожидающих своего решения. Касперсон (Caspersson, 1941) впервые высказал предположение о том, что ядро является центром синтеза белка, связывая этот синтез с ролью ДНК. Однако прямые исследования биосинтеза в безъядерных фрагментах водоросли *Acetabularia*, выполненные Гемерлингом, а затем школой Браше и другими исследователями (J. Brachet and K. Jeener. «Enzymology», v. 11, № 3; T. Hultin. «Experimental cell research», v. 1, № 3, 1950; E. Keller. «Fed. Proceedings», v. 10, № 1, 1951; P. Siekevitz and P. Zamecnik. Ibid.), со всей определенностью показали, что цитоплазматические белки синтезируются в микросомах. Так, Гемерлинг и Штих (Hämmerling und Stich, 1956) установили, что скорость включения P^{32} в фрагменты *Acetabularia mediterranea*, содержащие ядро и лишенные такого, не отличается. Браше с сотрудниками изучали роль ядра в синтезе белка и РНК также у *Acetabularia* и установили, что синтез белка и РНК возможен и при отсутствии ядра, а включение меченых предшественников в белки и РНК в безъядерных фрагментах происходит в течение месяцев с нормальной скоростью. Браше считает, что «ядро контролирует синтез белка лишь косвенно» (сборник «Современные проблемы цитологии». 1955, стр. 28): Шпигельман с сотрудниками (L. Baron, S. Spiegelman, H. Quastler. «Journal of general physiology», v. 36, № 5, 1953) облучили бактерии летальными дозами X-лучей и нашли, что синтез ДНК нарушается сравнительно быстро, тогда как синтез протеина и РНК сохраняется.

Много еще неясного и в синтезе самих нуклеиновых кислот. Освещая работу III Международного биохимического конгресса, состоявшегося в 1955 году, Н. М. Сисакян пишет: «Оказалось, что ферменты, связанные с обменом РНК и ДНК, локализованы главным образом в мито-

хондриях. Эти факты явились неожиданными, поскольку сама ДНК локализована в ядре, а РНК хотя и присутствует во всех частях клетки, но главным образом сконцентрирована в микросомах» («Успехи современной биологии», т. 41, вып. 2 за 1956 год, стр. 135).

Следовательно, и примеры из области «косвенных доказательств» не дают оснований видеть в ДНК единственного универсального носителя наследственности.

Наконец укажем еще на один довод, который усиленно используется при обосновании взглядов на ДНК как на наследственный материал. За последние десять лет достигнуты большие успехи в установлении химической структуры нуклеиновых кислот. Исследованиями Гулланда, Лоринга, школы Чаргаффа и другими было показано несоответствие установленных фактов тетра-нуклеотидной теории строения нуклеиновых кислот. Результаты рентгеноструктурного анализа, выполненного рядом исследователей, позволили Уотсону и Крику (Watson and Crick. «Nature», v. 171, № 4361, 1953; «Cold Spring Harbor Symposia on quantitative biology», v. 18, 1953, p. 123) предложить новую модель строения молекулы ДНК.

Я не имею возможности изложить здесь химическую основу гипотезы Уотсона и Крика, как и тех новых вариантов, дополняющих или изменяющих эту гипотезу, которые предложены другими исследователями. В этом нет и необходимости, так как имеется обстоятельное изложение новых представлений о строении нуклеиновых кислот, сделанное А. Н. Белозерским и А. С. Спириным («Успехи современной биологии», т. 41, вып. 2 за 1956 год). Подчеркну лишь, что эти новые представления облегчили (но не решили) понимание ряда вопросов, таких, как проблема удвоения хромосомы с точным воспроизведением ее качественной дифференцировки, проблема генетической специфичности и ее неисчерпаемого многообразия и т. д. Молекула ДНК с ее специфическим расположением пуриновых и пиримидиновых мононуклеотидов в гигантской полинуклеиновой цепи рассматривается теперь в качестве матрицы, на которой осуществляется синтез белка.

При всем значении новой модели строения молекулы ДНК мы еще не располагаем достаточными данными, которые позволяли бы так широко использовать эту модель для обоснования представлений о природе наследственного вещества, как это делают сторонники хромосомной теории. Пока в этом вопросе все еще продолжает оставаться порочный круг, из которого необходимо найти выход. В самом деле, в своих построениях представители классической гене-

тики опираются теперь на модель, предложенную Д. Уотсоном и Ф. Криком, как на нечто окончательно доказанное. В то же самое время Уотсон и Крик для обоснования правильности предложенной ими модели ищут поддержки в данных генетики. Об этом свидетельствуют следующие заключительные строки одной из их работ. «Во всяком случае, — пишут названные авторы, — фактические данные, подтверждающие как предложенную нами модель, так и схему самовоспроизведения, будут значительно подкреплены, если удастся ясно показать, что генетическая специфичность обеспечивается одной лишь ДНК, и будет выяснено с молекулярной точки зрения, каким образом особенности структуры ДНК могут оказывать специфическое влияние на клетку» (сборник «Проблемы цитофизиологии», 1957, стр. 69). О последнем вообще в настоящее время ничего сказать нельзя. Что касается генетической роли ДНК, то мы привели достаточный материал, который не позволяет считать, что только ей одной присуща генетическая функция.

Несмотря на недостаточность оснований, итогом так называемых прямых и косвенных доказательств все же явился вывод о генетической функции ДНК. По представлениям сторонников хромосомной теории наследственности, в молекуле ДНК якобы сосредоточена генетическая информация. Как иллюстрацию этого приведем одно место из аннотации, предваряющей статью Мёллера «Биохимия наследственных факторов», перевод которой опубликован в журнале «Химическая наука и промышленность» (т. II, № 2, 1957). В аннотации говорится: «Дезоксирибонуклеиновая кислота (ДНК), по данным генетики, цитологии, химии и физики, является той структурой, через которую передается запись генетической информации от родителей потомству. Хромосомный аппарат ядра клетки, в котором локализуется ДНК, является основным организатором синтеза белка и регулятором индивидуального развития» (стр. 254).

Если раньше ген объявлялся основой живого, то теперь такие же свойства приписываются молекуле ДНК. Следовательно, отказавшись от гена в его классическом понимании как кусочка хромосомы, представители корпускулярной генетики перешли на новые позиции, выдвигая в качестве гена молекулу ДНК. В этой новой форме за геном сохраняется все та же его сущность. Если «классический» ген объявлялся «базисом жизни», «единицей жизни», то теперь в качестве такой «единицы жизни» выдвигается тот же ген, но уже в виде молекулы ДНК.

Необходимо подчеркнуть и еще один момент. Положив молекулу ДНК в основу жизни, ее, как и «классический» ген, вы-

ключают из обменных процессов — основы основ живого. За ней сохраняется лишь особенность «саморепродукции», которая происходит в отрыве от остальных процессов, протекающих в живой структуре. Штих, например, утверждает, что «ДНК можно рассматривать как стабильный компонент клетки, не подвергающийся или мало подвергающийся обновлению» (сборник «Проблемы цитофизиологии», 1957, стр. 48). По утверждению Синшеймера, «сейчас в основном все сходится на том, что в метаболическом отношении ДНК инертна». В этой инертности автор видит причину сохраняемости физической основы гена (Sinheimer R. «Science», v. 125, № 3258, 1957). Мёллер подчеркивает, что «сущность жизни заключается не в протоплазме или процессах, которые в ней происходят и которые в совокупности называются обменом веществ» (H. Muller. «Science», v. 121, № 3132, 1955, p. 3). По его мнению, сущность жизни заключается в способности гена удваивать свои изменения. Учитывая подобного рода настроения, Поллистер еще в 1952 году писал: «Этот взгляд логически приводит к заключению, что ДНК представляет собою относительно инертный компонент содержащего гены хроматина. Несколько вульгаризируя, можно сказать, что с этой точки зрения ДНК является компонентом огромного динамического генного «завода» и, участвуя в выработке разнообразных веществ, не истощается и не нуждается в восстановлении» (сборник «Современные проблемы цитологии», 1955, стр. 94).

Взгляды, близкие к только что изложенным, были распространены и при старой трактовке природы гена. В 1938 году Н. К. Кольцов в статье «Структура хромосом и обмен веществ в них» утверждал, что носительнице генов — геноме — не свойствен ни обмен веществ, ни окислительно-восстановительные процессы. Метаболические процессы в хромосоме протекают только в хроматиновом матриксе, окружающем геному (см. «Биологический журнал», т. VII, вып. 1). Близкие этим взгляды мы встречаем в уже упоминавшейся книжке Шредингера. Согласно последнему, наиболее существенная часть живой клетки — хромосома — не нуждается в обмене веществ и не подвергается воздействиям беспорядочного теплового движения. Шредингер считал «нелепостью, чтобы существенным был обмен веществ».

Выключение ДНК из метаболических процессов не является неожиданностью. Выключается не ДНК, а ген, свойства которого перенесли на молекулу ДНК, объявив ее элементарной частицей наследственного вещества. Консерватизм наследственности возможен только при наличии

исключительной стабильности, которой должны обладать носители наследственных свойств организма. При концепции двух плазм — сомы и вещества наследственности — такой стабильности можно достичь, лишь выключив вещество наследственности из обменных реакций, то есть лишив его основного свойства живого. Такой «участи» и подвергается ген независимо от того, как трактуется его физико-химическая природа, то есть рассматривается ли он в виде кусочка хромосомы, молекулы нуклеопотеида или молекулы ДНК. Разбираемый взгляд сохранится в генетике до тех пор, пока будет господствовать концепция двух плазм.

При анализе затронутого вопроса нельзя забывать о том, что представители классической генетики всегда отрывали наследственность от живого, наделяя наследственную плазму, или «вещество наследственности», качествами, несвойственными остальной живой системе, тем самым разрывая организм на две самостоятельные сущности. Эта идея, впервые высказанная Гальтоном, затем перешла к Вейсману, а от него в классическую генетику, где и обосновалась довольно прочно.

За длительный период развития науки о наследственности менялась лишь форма, но не существо разбираемой концепции. Гальтон метафорически изображал зародышевую плазму в виде непрерывно тянущегося корневидного отростка, порождающего смертные побеги — организмы. Вейсман, не прибегая к метафорам, попросту делил организм на две независимые плазмы — сому и зародышевую плазму, — отводя главенствующую роль последней. Несмотря на большие изменения, которые претерпела генетика со времен Вейсмана, эта тенденция в ней сохранилась и до наших дней. Мёллер рассматривал и продолжает рассматривать тело лишь как футляр, как побочный продукт, порождаемый генами. Этому взгляду он придерживается с конца двадцатых годов. В статье «Жизнь», опубликованной в 1955 году, Мёллер пишет: «Главным действующим лицом в великой драме, которая называется эволюция путем естественного отбора, является ген... Хотя гены составляют только маленькую часть клеточной массы, они через выделяемые ими первичные, вторичные и более отдаленные продукты управляют состоянием и устройством большинства или всех остальных веществ в клетке и, следовательно, тела в целом» («Science», v. 121, № 3132, 1955).

Представление о двух плазмах было распространено и в советской генетике. Считалось, что сома и зародышевая плазма генетически не связаны между собой; это две ветви, сосуществующие в одном организме и, как любые его органы, связанные

между собой лишь физиологически. К сожалению, это не пройденный этап и в нашей генетике. Недавно в журнале «Вопросы философии» Н. П. Дубинин выступил со статьей, в которой имеется следующее утверждение: «Таким образом, новые данные ясно показывают наличие связи материальных основ наследственности с организмом в целом и через него со всеми материальными условиями среды» (№ 6 за 1957 год, стр. 153). Разве это не та же концепция двух отдельных плазм, в обоснование которой кладутся последние достижения генетики?!

В связи со сказанным необходимо остановиться на следующем. В биологической литературе последнего времени стали появляться заявления о том, что некоторые генетики напрасно пытаются запугивать термином «ген». Как бы в подтверждение этого тут же приводится ссылка на И. В. Мичурину, который якобы не боялся пользоваться в своих работах понятием «ген». Мне представляется, что подобные рассуждения не столь безобидны, как это может показаться на первый взгляд. Они, во-первых, дезориентируют читателя, навязывая ему мысль о том, что мичуринцы по важнейшему вопросу генетической науки борются не за существо, а ведут никому не нужную терминологическую войну. Во-вторых, такие заявления скрывают от читателя ту метафизическую сущность, которая стоит за термином «ген». К чему все это может привести, можно видеть на примере авторов, выступающих с подобного рода заявлениями. Запутавшись в противоречиях, в которых бьется современный морганизм, они в качестве выхода предлагают возвратиться к старому, иогансеновскому понятию гена как абстракции, надеясь, вероятно, на то, что отказ от конкретизации снимет и те противоречия, которые возникли в учении о гене в последнее десятилетие.

Необходимо со всей категоричностью подчеркнуть, что наша критика новых, еще формирующихся представлений о гене как молекуле ДНК ни в какой мере не означает не только отрицания, но даже умаления роли последней в жизненных процессах, в том числе и в наследственности. Являясь важнейшим компонентом живого, ДНК не может не играть большой роли как в наследственной передаче, так и в становлении признаков организма. Но это далеко не означает, что в ней и только в ней зашифрован секрет наследственности и что она в конце концов является единицей жизни. А ведь именно это имеют в виду, когда говорят о генетической роли ДНК и приравнивают ее к роли гена. Мне кажется, нельзя не согласиться с Линдегренем, который, критикуя упоминаемые выше пред-

ставления Мёллера, пишет: «Сейчас трудно, если не невозможно, ссылаться на ген как на чисто химическое соединение и приписывать ему загадочную способность к саморепродукции. Кажется несомненным, что ни одно химическое вещество не обладает автономной способностью к репродукции, поскольку последнее зависит от окружающих это вещество компонентов, а синтез осуществляется энзимом» (C. Lindegren. «Nature», v. 176, № 4496, 1955, p. 1244).

Оценивая значение новых представлений о биохимии нуклеиновых кислот, Гольдшмидт высказал следующую интересную мысль: «Генетик, который с трепетом ожидает от биохимика объяснения некоторых из его трудностей, ухватится за эти новые идеи, хотя он редко подготовлен к тому, чтобы взвесить биохимические доказательства» («Teoretical Genetics», 1955, p. 40). Мне кажется, что именно это и произошло. И биохимики вынуждены предостерегать генетиков от ничем не оправданного увлечения. Эти предостережения мы находим в монографии А. И. Опарина «Возникновение жизни на Земле» (1957), а также в докладах на недавно прошедшем совещании по проблеме возникновения жизни. В докладе Чаргаффа об этом сказано со всей определенностью. «Если бы научные факты были подвергнуты голосованию, — пишет Чаргафф, — то мнением большинства нуклеиновые кислоты были бы, вероятно, помещены на вершину иерархии, в то время как белки поставлены следующими, то есть что-нибудь вроде:

ДНК → РНК → белок.

Но, по-моему, более честно признаться, что на самом деле мы знаем очень мало об этих вещах, и сказать, что дорогу в будущее не надо загромождать искусственно построенными, а часто и полностью безосновательными гипотезами» (сборник «Возникновение жизни на Земле», стр. 193).

К этому нет необходимости что-либо добавлять.

Мы рассмотрели одну из главных проблем, занимающую центральное место в формальной генетике. Представители названного направления сосредоточили основное внимание на теоретическом обосновании и экспериментальном доказательстве наличия в хромосомах ядра клетки элементарных носителей наследственности — генов. На протяжении четверти века мичуринцы подвергали критике подобные построения. Итогом, как мы видели, явился крах этих надуманных схем. Генетики сами отказались от установленных ими единиц наследственности.

Однако, отказавшись под напором фактических данных от представлений о гене как

кусочке хромосомы, сторонники хромосомной теории наследственности заменили эти кусочки молекулой ДНК. За последней они сохранили все те свойства, которые ранее приписывались гену в его «классической» форме, тем самым сохраняя и всю ту метафизику, которая была связана с учением о гене. Еще в 1950 году, анализируя состояние учения о гене в связи с новым экспериментальным материалом, мы писали: «...может возникнуть вопрос, не дошел ли морганизм в своем развитии до состояния, когда вскрытые им факты заставят его отбросить идеалистическое учение о гене и стать на правильные, материалистические позиции? Ответ на этот вопрос может быть только отрицательный» (Н. И. Н у ж д и н. Статья в сборнике «Против реакционного менделизма-морганизма», 1950, стр. 119—120).

Прошедшие годы подтвердили это. Меняя доказательства и аргументы, представители классической генетики отстаивают существо своих представлений о природе наследственности. Опасность увеличивается еще и потому, что некоторые авторы вместо критического анализа выдают все это за великую победу марксистского философского материализма. «Надо полагать, — пишет, например, Н. П. Дубинин, — что скоро эти открытия будут по достоинству оценены как основоположные среди естественноисторических обоснований марксистского философского материализма» («Бюллетень Московского общества испытателей природы». Отд. биологический, т. XII, вып. 2 за 1957 год, стр. 10). Как мы видим, читателю в качестве важнейшего завоевания навязывается подкупающая мысль о том, что теперь удалось материализовать наследственность. При этом умалчивается, что в том же духе и о том же самом писалось много лет назад.

Вот почему нам кажется, что, несмотря на все эти заявления, задача борьбы против метафизических построений, борьбы за материалистическое понимание природы наследственности и сегодня остается важнейшей в мичуринской генетике.

Заканчивая статью, необходимо коротко остановиться на состоянии другой, не менее важной проблемы наследственности. Я имею в виду проблему изменчивости, которая так же занимает центральное место в дискуссии по вопросам генетики, как и разобранный нами проблема материальных основ наследственности¹.

Хорошо известно, что дискуссия по генетике началась с практических вопросов селекции и, совершенно естественно, сразу же перешла и на вопросы, связанные с

¹ Подробно этот вопрос разобран в статье автора, опубликованной в журнале «Агробиология» № 1 за 1958 год.

проблемой изменчивости. Сторонники корпускулярной генетики полностью отрицали возможность управления природой (наследственностью) организмов, направленного их изменения в результате воздействия измененных условий развития. Отрицалась зависимость возникающих изменений от качества воздействующих условий (адекватный характер изменчивости), отстаивалась неопределенная изменчивость как общая форма изменения организмов, не зависящая от причин, обуславливающих эти изменения.

Хотя за последние годы дискуссия возобновилась с новой остротой и по тем же вопросам, уже сейчас очевиден ее научный исход. Под влиянием экспериментальных данных, накопленных в различных разделах биологии, представители классической генетики вынуждены отходить от тех позиций в вопросах изменчивости, которые они отстаивали в ходе дискуссии. Большую роль в этом пересмотре позиций сыграли данные по направленной изменчивости растений, накопленные мичуринцами, обширные материалы по изменчивости микроорганизмов (трансформация с помощью ДНК, данные по направленному изменению ферментативных свойств, материалы по привыканию к лекарственным препаратам и ядам и т. д.), а также данные по мутационной изменчивости, вызываемой ионизирующими излучениями и различными химикалиями. Вся эта масса фактов, накопленных биологами, подтверждала правильность теоретических положений мичуринской генетики, находясь в резком противоречии с представлениями классической генетики.

Следовательно, что двум основным проблемам генетической науки, по которым развернулась дискуссия, представители классической генетики вынуждены были отказаться от тех положений, которые они отстаивали в качестве важнейших завоеваний науки. Это несомненная и очевидная победа мичуринских идей, победа материалистической науки.

Поэтому выглядит странной та борьба, которую ведут с мичуринской генетикой

редакции «Ботанического журнала» и «Бюллетеня Московского общества испытателей природы». Отрицая основные положения мичуринского учения, такие, как направленная изменчивость, вегетативная гибридизация, адекватность наследственных изменений и т. п. (это называется борьбой с лысенкоизмом!), они не заметили, как очутились в хвосте, отстаивая те положения, от которых отказалась классическая генетика, защиту взглядов каковой взяли на себя редакции указанных журналов.

И еще одна сторона привлекает внимание. В октябрьском номере журнала «Discovery» за 1957 год помещена статья Мичи, посвященная работам Института генетики АН СССР. Разбирая исследования, выполненные в институте по вегетативной гибридизации, наследственным изменениям, вызванным переливанием крови у кур и др., и сравнивая их с результатами, полученными профессором Бенуа у уток в результате воздействия специфической ДНК, Мичи пишет: «Если вышесказанное подтвердится, то реакция генетиков по обе стороны рубежа может оказаться лишенной чувства собственного достоинства. Мичуринцы, уже десятилетиями печатающие такого рода данные, могут поднять крик: «Мы так вам и говорили!». Генетики Запада могут просто не признать за русскими и другими работниками лысенковской школы права на первое доказательство наличия этого явления» (D. Michie. «Discovery», v. 18, № 10, 1957).

Нужно сказать, что, к сожалению, названными мною выше журналами сознательно или нет, но объективно делается многое для того, чтобы лишить нашу науку «права на первое доказательство». Буквально третируя мичуринскую генетику, они одновременно публикуют работы, где приписывается морганистам честь тех открытий и теоретических обобщений, за которые боролась мичуринская биология в течение трех последних десятилетий.

**Член-корреспондент АН СССР
Н. И. НУЖДИН**

Некоторые особенности организмов как «систем» с точки зрения физики, кибернетики и биологии

В дискуссии, разгоревшейся у нас по вопросу о значении аналогий и различий между кибернетическими автоматами и живыми организмами, кибернетиков обычно упрекают за чрезмерный универсализм, а иногда также за недостаточное знание биологии. Однако их оппоненты часто указывают на недостаточно существенные отличия организмов или на такие отличитель-

ные их свойства, которые стали уже или могут стать свойствами кибернетических машин.

Настоящая статья представляет собой попытку биолога внести большую точность в постановку спорных вопросов и в определение отличий живых существ, рассматриваемых как материальные системы особых типов.

1. О каких организмах идет речь?

При обсуждении названных вопросов рассматриваются преимущественно те проекты автоматов или моделирующих систем, которые предназначены для повышения эффективности работы мозга или для ее исследования. Как правило, речь идет о нервной системе только человека и высших животных. Нетрудно убедиться, что это ограничение распространяется и на упомянутую дискуссию. Причины его понятны: ведь эти автоматы предназначаются для повышения производительности умственного труда.

Между тем вопрос о значении указанных аналогий часто ставится в самой общей форме. Например, так: можно ли признать кибернетические автоматы «живыми»? Биологи обычно не склонны допускать их в свои царства. Но можно ли правильно решить вопрос о понятии органической жизни вообще, если в качестве доказательств используются факты, относящиеся либо к обществу, то есть к другой форме бытия материи, либо только к самым высшим формам деятельности самых высших животных? Тогда в понятие «живое существо» не включаются низшие животные и те организмы, у которых нет никакой нервной системы, — все растения и большинство микробов.

В пределах органического мира, очевидно, существуют весьма глубокие качественные различия между самими организмами. Общеизвестно, что жизнь присуща только высокоорганизованным телам. Но естествоиспытатели не могут, конечно, довольствоваться общими положениями о высокой или низкой организации живых тел. Существует обширная литература, посвященная вопросам о том, какие основные уровни, ступени высоты организованности развились в органическом мире и за его пределами, какие особенности характерны для каждой такой ступени и почему одна ступень действительно «выше» или «ниже» другой. Однако до сих пор нет строго объективного критерия прогресса. Не останавливаясь на истории этих вопросов и не вдаваясь в негативную критику соответствующих теорий и терминологии, попытаемся прежде всего очень кратко определить важнейшие различия между основными типами материальных систем.

2. Основные типы материальных систем

Логико-математическая теория множеств исследует группировки любых предметов, явлений и понятий, в том числе и такие, объединенность которых может быть условной или абстрактной. В отличие от этой теории материальных систем рассматривают лишь реально существующие объ-

единения. Один из простейших типов объединений включает такие, как, например, еще недифференцированные газо-пылевые туманности или небольшие количества вещества в газообразном состоянии при «умеренных» температурах и давлениях, не охваченные вихревым движением или не находящиеся в состоянии потока. Уместно называть объединения такого типа неорганизованными системами, или хаотическими агрегатами.

Неправильно было бы думать, что в них нет вообще никакого единства, никакой целостности, что свойства хаотического агрегата как целого совершенно не отличаются от простой суммы или от простой физической результативности свойств его элементов. Вопреки распространенному среди зарубежных авторов мнению, абсолютно аддитивными в этом смысле не бывают вообще никакие материальные объединения. Простое наличие любого отношения между двумя предметами, изменениями создает то, чего не может быть ни в одном из них, взятом порознь. Однако в ряде важных сторон или при одностороннем рассмотрении свойства хаотического агрегата, действительно, могут не отличаться от простой суммы свойств элементов.

В хаотических агрегатах взаимосвязи между элементами сравнительно однообразны, и они особенно просты, если для самих элементов характерна относительная несложность организации. Природа элементов не изменяется, когда они включаются в такое целое или выходят из него. При значительных количествах элементов изменения хаотического целого зависят более всего от изменений не единичных элементов или их небольших групп, а от многих элементов. Совокупность его внутренних взаимосвязей и, следовательно, внутренняя причинная обусловленность изменений носит по преимуществу статистический, «вероятностный» характер. Не только в неорганической природе, но и в органической (и даже в обществе) существуют взаимосвязи такого типа; однако лишь для хаотических агрегатов они представляют собой ведущие взаимосвязи, главную основу наиболее существенных изменений целого (понятие главной основы или ведущего момента необходимо не смешивать с понятием исторически-первичной основы; к этому вопросу мы вернемся).

Множества могут принадлежать к классам разных ступеней. Класс каждой последующей ступени включает определенное множество классов предыдущей ступени в качестве своих членов. Это относится и к материальным системам. Надо отметить, что при исследованиях материальных объединений каждой данной ступени необходимо доводить анализ не до «последних эле-

ментов» (вопрос об их существовании оставляем в стороне), а только до определенного числа предшествующих ступеней сложности.

Это число не всегда одинаково. При исследовании хаотических агрегатов обыкновенно достаточно доводить анализ до элементов, представляющих собой предметы, изменения одной предшествующей ступени. Так, для исследования закономерностей изменений небольшого количества перегретого газа обычно достаточно доводить анализ до молекул, принимая их за «простые» частицы. Иначе обстоит дело при исследованиях материальных объединений других типов: чем больше развиты их внутренние и внешние взаимосвязи и чем сложнее частичные системы (подсистемы), образующие данные материальные объединения, тем больше целое зависит от единичных компонентов. Значит, тем глубже приходится проникать анализу, чтобы обнаруживать детали, значение которых существенно для познания целого.

Приняв во внимание эти неполные определения особенностей хаотических агрегатов, пойдем дальше. В отличие от хаотических агрегатов, организованным системам свойственны преимущественно упорядоченные, гораздо более разнообразные и глубокие внутренние взаимосвязи между элементами. Так как последние в этих системах находятся в иных отношениях и могут существенно видоизменяться, то вместо «элементов» лучше применять другой термин. В «общей теории систем», развиваемой ныне в США по инициативе Л. Берта-ланфи, системами называются только организованные объединения, а для их членов употребляется термин «предметы». Однако по ряду соображений предпочтительнее термин *компоненты* (образующие), давно используемый при описаниях физических систем и автоматов.

Чем разнообразнее и сложнее взаимосвязи между компонентами или подсистемами (группами компонентов) и сами компоненты или подсистемы, тем глубже изменяются в системах даже единичные компоненты (обычно только одной — двух ближайших предшествующих ступеней). Но они могут изменяться лишь в меру собственных способностей к изменениям. Например, атомы видоизменяются в молекулах, неорганические молекулы — в кристаллах, растворах и в клетках, однако гораздо сильнее изменяются крупные полимеризованные молекулы (макромолекулы) в клетках и клетки в многоклеточных организмах. Глубже всего изменяются многоклеточные животные в системах высших ступеней.

Более того, существенные черты компонентов могут не только изменяться, но и

заново создаваться под формообразующими влияниями системы (или подсистемы). Например, подавляющее большинство сложных органических веществ синтезируется только в органеллах клетки, в ее «подсистемах», под действием ферментов, расположенных и действующих в определенном порядке. Аналогичные примеры многочисленны и в неживой природе. Но в этих аналогиях необходимо видеть весьма важные различия, о них-то обычно и не заботятся или недостаточно заботятся авторы существующих теорий систем.

Большое внимание во многих разделах естественных наук, в кибернетике и в общей теории систем уделяется отношению систем к среде. Ниже будут очерчены тоже очень существенные различия в этом отношении, коренным образом изменяющие его природу на разных ступенях развития, а пока назовем лишь общее. В понятие среды включаются предметы, изменения, не входящие в данную материальную систему, но не всякие, а оказывающие на нее значительные влияния. Следует учитывать также те влияния, которые становятся довольно значительными не порознь, а в своей совокупности, — такие, например, как воздействия чрезвычайно отдаленных космических тел. В понятие среды включаются также все предметы, явления, которые сами испытывают на себе достаточно выраженные прямые (или не слишком отдаленно опосредованные) влияния со стороны данной системы.

По типу отношения к среде различают материальные системы — *изолированные, закрытые и открытые*. Абсолютно изолированные системы, конечно, можно выделять лишь абстрактно и условно. В изменениях закрытых систем обмен элементами и энергией со средой достаточно долго не играет существенно важной роли. Энтропия закрытой системы в общем только возрастает, а система как целое, не господствуя над средой и не обновляясь, неизбежно разрушается, притом без преемственности данной формы существования: после того, как системы такого типа, сколь бы ни были прочны их структуры, деградируют и распадаются, другие системы этого типа должны возникать как системы заново. Впрочем, и в неживой природе может иметь немалое значение преемственность «зачатков», например, «затравка» при кристаллизации.

Для *открытых систем*, напротив, характерен периодический или непрерывный обмен элементами и энергией со средой. Он может служить основой сохранения формы их существования и основой для уменьшения или относительного постоянства энтропии только в том случае, если они обладают определенными чертами

внутренней организации и упорядоченных взаимодействий со средой. Нет надобности пояснять, что тогда это — живые тела, которым присущи гораздо более упорядоченные внутренние взаимосвязи, объединяющие компоненты настолько тесно, что вся такая система становится, как говорят, «органическим целым». Это не обязательно означает присутствие в ее материале органических веществ, содержащих углерод или кремний. Во избежание путаницы лучше называть материальные системы этих типов иначе, например, *органичными*, включая в это понятие также и те открытые системы, которые определенно нельзя считать ни живыми, ни состоящими из органических веществ.

3. Отношения между ступенями развития организованности систем

Следуя довольно распространенной традиции, мы будем называть эти ступени *порядками* организованности материи. Отношение порядков организованности материи состоит в том, что органичные системы каждого последующего порядка включают системы предыдущего порядка как свои основные компоненты, но не непосредственно, а главным образом в составе, например, органелл клеток или органов многоклеточных, то есть в составе подсистем.

Здесь целое содержит части «под собою», как говорил Гегель. Оно больше суммы, но не больше организованной системы своих частей, во всех их связях и опосредованиях. В органическом мире эти последние чрезвычайно сложны. Известно, что во всяких сложных сплетениях взаимосвязей надо уметь выделять ведущее звено. Но для этого надо тщательно исследовать все их детали, имеющие существенное значение для всей системы. На сколько же ступеней должен опускаться биологический анализ в глубину здания материи? Заранее можно сказать, что больше, чем на одну, так как этого было бы достаточно лишь для хаотических агрегатов или только при одностороннем рассмотрении, например, популяций, или статистических закономерностей массовых размножений некоторых грызунов и насекомых и т. д. Но это не главные разделы биологии. Если исследуются главные, ведущие закономерности органической жизни, то обязательно надо учитывать положение о возрастании роли «мелких» движений при повышении организованности материи. Следовательно, такие науки, как цитология, биохимия и биофизика, необходимы не только для исследования микробов, но также и для исследования многоклеточных организмов. Недостаточно «признавать» эти науки, надо

как можно шире использовать их достижения и методы. Между тем, недооценка изучения деталей привела к заметному отставанию у нас цитологических и биофизических исследований. Это отставание необходимо быстрее преодолеть.

Те подсистемы (органы, системы органов), в которых воплощено ведущее звено формы существования данной живой системы, как правило, служат главными звеньями ее взаимосвязей со средой. Это объясняется, конечно, тем, что растения и животные господствуют лишь над второстепенными сферами своей среды (все более, однако, расширяющимися) и вынуждены по преимуществу приспосабливаться к среде. В особых условиях зародышевого развития это правило нарушается, и ведущую роль могут временно играть те подсистемы, которые на этих стадиях не выполняют функций взаимосвязей со средой; но это возможно только в той мере, в какой зародышевое развитие обеспечивается борьбой предыдущего поколения со средой, за счет накапливаемых им энергии и материалов.

Не только свойства, изменения органичной системы как целого, но и специфические свойства ее главных подсистем полностью отсутствуют в самостоятельно существующих телах типа единичных компонентов данной системы. Иное дело, когда тела такого типа объединяются, развиваясь в систему следующего порядка. По мере ее развития, как отмечалось выше, природа компонентов может приобретать существенный «отпечаток» природы целого и частично «воплощать» свойства целого. Поэтому для сравнений с системами последующих порядков необходимо выбирать не их компоненты, а порознь существующие тела типа этих компонентов. При сравнениях органичных систем одинаковых порядков первостепенное значение могут иметь отличия, приобретаемые этими системами в результате того, что они включены или заново образовались в системах более высоких порядков.

Отсюда следует, между прочим, что принадлежность животного и системы автоматов к одному и тому же типу органичных систем не означает действительно фундаментального сходства между ними. Кибернетическая машина может обладать многими существенными чертами животного, но она — один из создаваемых заново человеком (или автоматами, возможность чего показал Нейман) компонентов общества.

Развитые компоненты органичного целого всегда таят в себе нечто большее, чем они сами в своей непосредственной телесности, но не большее, чем данное целое и его среда, а также его история. Этого не учитывают те зарубеж-

ные кибернетики и в особенности философы, которые приходят к идеалистическим выводам на том основании, что информация, заключенная в изменениях, например, запоминающего устройства или канала связи, есть нечто несводимое ни к веществу, ни к энергии. Говорить, что информация поэтому есть нечто «нематериальное» вообще, — значит, ограничиваться «точкой зрения сюртука», воображившего, что только его ткань — материя, а общество с его внутренними и внешними отношениями — это не материя. Понятие материи нельзя сводить к понятию вещества в физико-химическом смысле слова, как это молчаливо принимается обычно вне сферы гносеологии.

Посмотрим теперь, как решаются на основании сказанного вопросы, поставленные в начале статьи: определим, во-первых, объективный критерий прогресса, во-вторых, относительное значение сходств и различий между живыми системами разных порядков организованности, как самых крупных ступеней развития в пределах органического мира.

В более полном изложении предварительно должно быть доказано, что ведущие свойства органических систем действительно превосходят на определенных стадиях развития ведомые свойства или подчиненные переменные (но господство не всегда означает превосходство) и что развитие способов и средств изменчивости дает организмам преимущества не в меньшей, а в большей мере, чем развитие динамической устойчивости, стабильности. Заметим, что кибернетики подчеркивают в теории значение ультраустойчивости и мультиустойчивости (явлений, открытых Эшби), но на практике заботятся также о достаточной изменчивости. Известно, что она служит одним из средств достижения устойчивости (стабилизирующая изменчивость); но, кроме того (для биологических систем это гораздо важнее), служит средством развития новых форм как устойчивости вида, так и самой изменчивости организмов (формообразующая изменчивость). Легко показать, что увеличение числа компонентов (пределы численности которых специфичны для каждого порядка, в зависимости от доступных средств интеграции и от условий среды), а также числа подсистем (например, многофазность) повышает изменчивость и имеет некоторые другие преимущества, о которых скажем в дальнейшем. По-видимому, существует явление «ультраизменчивости» (многократно и качественно повышенной способности к изменениям).

Учитывая эти предварительные схематические замечания и сказанное выше, можно с объективной достоверностью, хотя лишь в «качественной» форме, опреде-

лить следующие выводы относительно поставленных вопросов.

1) Одна органичная система поистине превосходит другую органичную систему, если: а) первая обладает каждым существенным свойством второй, но сверх отношения существенной аналогии или однотипности (не смешивать с отношением тождества) со второй обладает такими свойствами, которые, по существу, отсутствуют у второй, причем б) совокупность этих своеобразных свойств первой, с приматом одного из них, играет роль ведущих звеньев ее внутренних и внешних взаимосвязей, то есть относится к свойствам второй системы, как главное к второстепенному (и, в конечном счете, лучше обеспечивает сохранение и развитие).

Легко видеть, что именно в таком отношении находятся органичные системы каждого последующего порядка к системам каждого предыдущего порядка. Следовательно, органичная система каждого последующего порядка действительно превосходит систему каждого предыдущего порядка (при соблюдении ряда условий, которые необходимо было бы тоже определить в более полном изложении).

Органическая жизнь прошла по крайней мере три крупные ступени развития типа переходов к более высоким порядкам организованности (клетки, многоклеточные организмы, семейно-стадные группы). Поскольку отношение порядков организованности есть отношение прогресса, уже по одному этому нет оснований для отрицания прогрессивного развития в органическом мире (до сих пор находятся биологи и философы, отрицающие существование прогрессивного развития). Всякий прогресс относителен, связан с регрессом (Энгельс), но прогресс может относиться к ведущим свойствам, главным моментам формы существования, в то время как регресс может относиться к второстепенным моментам и подчиненным свойствам. Тогда при всей относительности прогресса развитие в целом оказывается прогрессивным. Истинный прогресс обогащает формы бытия.

Нам кажется, что разработка системы понятий, связанных с этим или каким-либо другим объективным критерием превосходства, может положить начало и счислению прогресса, то есть методике строго объективного и количественного определения степени истинной прогрессивности новых или проектируемых изменений.

2) При сравнениях органичных систем разных порядков выделение сходного приводит к исключению всего, что не принадлежит системам *ни з ш е г о* порядка. А отличия представляют собой именно главное из того, что надо знать о живых систе-

мах более высоких порядков, так как в этих отличиях заключены ведущие моменты форм их жизни. Таким образом, если сравниваются органичные системы разных порядков организованности, то различия имеют большее значение, чем сходства между ними.

Этим глубоким различиям между самыми крупными ступенями прогрессивного развития органической жизни соответствуют весьма существенные различия типов отношения живых тел к собственному существованию.

4. Формы обратных связей в живой природе

Самоотнесенность (в известном смысле ей соответствует «рефлексивное отношение» в теории множеств) у живых систем основывается, в частности, на прогрессивном развитии «обратных связей». Кибернетика привлекла внимание к роли обратных связей в организации живых тел, создав автоматы, моделирующие также и в этом отношении организмы высоких ступеней развития. Не обошлось без преувеличений. Даже человек стал представляться некоторым зарубежным кибернетикам «пакетом обратных связей» (Дюкро).

Физиология задолго до кибернетики изучала обратные связи, не преувеличивая их действительно важного значения. П. К. Анохин, работы которого сами явились большим вкладом, в частности, в исследование обратных связей нервной системы, справедливо отметил в статье «Физиология и кибернетика» (журнал «Вопросы философии» № 4 за 1957 г.) ограниченность этой точки зрения кибернетиков. Его необходимо дополнить прежде всего точкой зрения истории развития, исследованием возникновения и эволюции обратных связей.

В широком смысле этого термина обратные связи присущи не только организмам, обладающим нервной системой. Например, существуют «плюс — минус взаимодействия», изучавшиеся в особенности покойным М. М. Завадовским (то есть такие взаимосвязи между функциями органов, при которых усиленное функционирование одной группы органов вызывает повышение интенсивности функционирования тех органов, которые оказывают тормозящее влияние на деятельность первых). Они могут осуществляться не только посредством нервной системы, но также и посредством прямых биохимических взаимодействий между органами внутренней секреции, соединенных тоже «циклически» действующей системой кровообращения. Будучи относительно второстепенными в

развитом организме высшего животного, эти и другие биохимические или гуморальные и морфо-физиологические (в зародышевом развитии) обратные связи во многих случаях имеют практически важное значение, а на ранних стадиях онтогенеза и в организмах низших животных (нервная система которых еще не стала играть столь исключительную роль во внутренних взаимосвязях, как у высших) биохимические и морфо-генетические обратные связи остаются главными формами внутренних обратных связей. В клетках они более близки химическим формам обратных связей, в частности, принципу Ле-Шателье, согласно которому накопление продуктов обратимой реакции приводит к изменению преобладающего ее направления на противоположное.

Обратные связи могут быть не только внутренними для единичных живых тел. Не только в дополнение к внутренним обратным связям, но также и над ними существуют иные средства оценки результатов и, главное, их влияния на вводные, начальные изменения подсистем организма. Это весьма сложные процессы косвенных влияний не только неравной выживаемости, но и неравных темпов развития, размножения и (или) неравных коэффициентов использования элементов и энергии среды для отдельных действий на среду и для систем таких действий. Эти процессы влияют на группы особей, обитающих в одной местности и связанных общей преемственностью филогенеза и чаще всего также скрещиваниями филогенетических линий (популяции, группы популяций, виды). Словом, это — процессы естественной селекции (термин, гораздо более точно выражающий сущность идеи Дарвина, чем термин «естественный отбор», который не раз давал повод к пониманию отбора как простого отсеивания).

Кибернетические машины — продукты планомерной творческой деятельности людей — могут быть способны к самовоспроизведению. В этом они в значительной степени аналогичны живым телам. На современном уровне развития техники более целесообразно, видимо, создавать такие машины каждый раз заново в готовом виде. Но даже самовоспроизводящиеся автоматы, оставаясь компонентами общества, не должны будут, конечно, вести «борьбу за существование», как восставшие роботы в известной фантастической пьесе Карела Чапека. В обществе, развивающемся не стихийно, а планомерно (только так станет развиваться коммунистическое общество), будут создаваться и сохраняться лишь полезные обществу формы роботов. Поскольку их могут создавать заново, самостоятельная линия филогенетической

преимущества для них не обязательна, как для естественных живых систем. Но уже началось обсуждение проектов машин с длительным саморазмножением, например, таких, которые смогут плавать в море, извлекать из воды полезные человеку вещества, при этом сами размножаться, затем сами плыть к заводам, где их тела будут перерабатываться другими автоматами.

5. Об эволюции отношения организма и среды

Вопрос об отношении организма и среды, внутреннего и внешнего — один из центральных вопросов биологии. До сих пор проявляется стремление решать этот вопрос, основываясь на фактическом материале, относящемся лишь к немногим формам живых тел. Недостаточное внимание к необходимости дифференцированного и исторического подхода к данному вопросу характерно также для точки зрения основателей кибернетики, равно как и для «общей теории систем» Берталанфи.

В действительности и тут наиболее общее (сходное) оказывается простейшей и низшей формой рассматриваемых отношений. Они коренным образом изменяются на разных ступенях прогрессивного развития. Рассмотрим некоторые из важнейших особенностей отношения живой системы и среды на крупных ступенях прогрессивного развития.

Сколько высокого развития ни достигали бы формы самоотнесенности и активности, самостоятельности живых систем, только вселенная (природа и общество, но не субстанция в смысле строительного материала и субстрата) есть абсолютно полная «причина самой себя». Только она обладает абсолютно полным самодвижением. Для всех конечных материальных образований и в особенности для «открытых» систем существует отношение к среде, именно — взаимосвязь со средой, а следовательно, и взаимозависимость между каждой системой и средой.

В нашей печати уже отмечалось, что единство, взаимосвязь отнюдь не исключают относительного противопоставления. Бывают, однако, периоды, когда непосредственное единство живых систем со средой действительно существует. Это периоды их возникновения заново (без преемственной связи с готовыми системами) из более простых элементов, которые еще не успели стать органичными частями.

Так было, например, в эпоху первичного зарождения жизни на Земле. Органическая жизнь возникла в растворах, истинном царстве химии. Еще не выяснено, какие именно процессы играли ведущую роль в

этом зарождении: коацервация (Опарин), образование полужидких кристаллов (Леман), возникновение осмотических систем (недостаточно известно, насколько глубоким сходством с некоторыми формами живых тел обладали многие осмотические модели, полученные Стефаном Ледюком, вплоть до обмена веществ и развития), электростатические и электродинамические поля (Бастиян, Крайль, Лунд) или же некоторые из этих процессов, сплетенные в единый узел (это кажется нам наиболее вероятным). Но любой из этих процессов был бы достаточен для относительного обособления групп сложных и простых органических молекул, ранее рассеянных в растворе, вместе с частью водной среды, от остальной части раствора. Это происходило не в единственной капле, а в целой зоне первичного зарождения, — значит, не в одной-единственной форме.

Когда первичные живые тела так или иначе возникли, они выделились как части растворов, обладающие более упорядоченными и внутренними взаимосвязями, чем взаимосвязи между молекулами растворенных веществ и молекулами и «микрорекристаллами» воды в тех частях растворов, где такие системы отсутствовали. В возникшем таким образом отношении внутреннего и внешнего «внутреннее» первичных живых тел сразу начало все более превосходить ближайшее неживое «внешнее», по крайней мере, своей более высокой ступенью сложности, организации (тут применим описанный выше критерий превосходства).

Многие первичные живые тела, как подчеркивает А. И. Опарин, погибали и возникали заново; но были и такие, которые обладали способностью достаточно длительного непрерывного самовоспроизведения особи, а также целой цепи циклов индивидуального развития, филогенетической ветви, а потом и особой формы совокупности таких ветвей — вида. Именно они развивались быстрее. В первичных процессах естественной селекции возникла и прогрессировала многосторонняя внутренняя преемственность живых тел.

Таким образом, уже на самых первых этапах развития живые тела получили двойное превосходство над своей ближайшей неживой средой: превосходство организации и превосходство преемственности (Т. Д. Лысенко). А благодаря более развитой преемственности и относительно, но реальному обособлению «внутреннего» в живых телах стали избирательно накапливаться те или иные результаты взаимодействий с внешней средой. Избирательность процессов обмена веществ и самая ассимиляция, очевидно, более всего зави-

сят от уже накопленного «внутреннего». Выработав свое «внутреннее» за счет среды и под прошлыми ее влияниями, в каждый последующий период эволюции живые тела развиваются всегда во взаимосвязях со средой, но уже не в качестве совершенно пассивных объектов ее влияний. Они выступают тогда в качестве все более активных тел и сил природы, обладающих собственными потенциями формообразования, определяемыми особенностями все более высокой внутренней организации, не исключаяющей и «случайных», вероятностных процессов (необходимость которых для успешного приспособления систем автоматов доказана кибернетикой; этот ее вывод имеет очень широкое практическое значение).

Неживая среда осталась, как и была, сферой относительно более разрозненных, менее организованных изменений, движений материальных образований; напротив, в живых телах взаимосвязи приобретали характер все более сложенных цепей химических и физико-химических реакций. Каждое из достаточномягких внешних влияний, проходя через «внутреннее» живого тела, сразу становилось в положение подчиненного элемента более высокоорганизованной системы процессов. Нетрудно торжествовать победу над врагом, заманив небольшой или слабый отряд в лагерь целой армии. Но именно в таком благоприятном положении оказывается самое ничтожное живое тело перед лицом внешних условий, если внешнее воздействие (например, то или иное вещество, проникающее в него) не губит это относительное превосходство вместе с его обладателем. Попадая в новые, но не слишком резко отличающиеся условия среды, организм изменяется; но он продолжает сохранять свою избирательную активность по отношению к новым внешним условиям, поддаваясь влияниям среды лишь в меру своих собственных способностей изменяться.

Все более усложненными становились процессы обмена веществ и другие взаимосвязи организмов с внешней средой. У многоклеточных животных развились дифференцированные системы органов захвата пищи, переваривания, дыхания, внутреннего транспорта, функционирование которых все более зависело от объединяющей деятельности все более дифференцированной и концентрированной нервной системы. Под ее направляющее влияние подпадают даже внутриклеточные процессы обмена веществ почти во всех тканях организма (так называемое «трофическое» влияние нервной системы).

Мало того, питание высших многоклеточных животных с «активным» образом

жизни — это не столько поглощение, переваривание и ассимиляция, не столько деятельность органов «внутренней среды», сколько внешняя деятельность. Сами функции коры головного мозга развиваются преимущественно как средства обеспечения и отображения процессов активного приспособления к среде.

В развитых семейно-стадных группах основным посредствующим звеном их взаимосвязей со средой и, следовательно, ведущим звеном их внутренних взаимосвязей служит именно внешняя и «нервная» деятельность особей. Особи анатомически отделены друг от друга, но это мнимая самостоятельность. Одним из наиболее поразительных зоологических примеров глубокого подчинения обмена веществ многоклеточных организмов целому более высокого порядка может служить способность некоторых муравьев превращать часть членов группы в живые склады меда. У млекопитающих нет столь развитой анатомо-физиологической дифференциации в группах, как у семейных насекомых, но зато поведение особей и в зависимости в поведении достигают высшего зоологического уровня.

Будучи внешними по отношению к единичным особям, активные действия членов группы в среде оказываются в то же время внутренними для всей группы как целого, звеньями объединяющих ее сложных взаимосвязей. Отношение внешнего и внутреннего оказывается здесь не просто усложненным, но многоступенчатым. Внешняя среда пронизывает все живое целое такой группы и отчасти превращается в ее внутреннюю среду, оставаясь внешней для организмов членов группы.

В свою очередь, организмы «особей» в качестве многоклеточных обладают собственной внутренней средой — внешней по отношению к единичным клеткам и некоторым органам. Но и клетки в физическом и физиологическом смысле не монолитны, у них тоже есть своя внутренняя среда, тоже внешняя для их основных компонентов и подсистем (органелл). Следовательно, понятие об «отношении внутреннего и внешнего» должно быть дифференцировано в зависимости от порядка организованности данного живого целого.

При возникновении живых систем каждой такой крупной ступени часть внешней среды, вовлекаемая в развивающееся объединение живых тел, ранее живших в рассеянном состоянии, становится внутренней средой нового объединения как целого. Таким образом, в период возникновения живых систем каждого последующего порядка отношение внешнего и внутреннего снова, но по-новому приобретает характер непосредственного, простого

единства. Но действительно слитное единство живой системы и среды присуще этой системе *in statu nascendi* (в состоянии зарождения) только тогда, когда нет преемственной связи с готовыми системами того же порядка. Процессы зародышевого развития происходят у высших животных во все более тесных физиологических взаимосвязях с материнским организмом, которые дополняются затем преемственными взаимосвязями при выкармливании и зоологическом воспитании; все эти дополнения играют роль надклеточных, «надгенных» преемственных связей между поколениями и создают существенные отличия также в отношениях между организмом и средой. Пресловутые «каналы связи», передающие «генетическую информацию», у высших животных не ограничиваются узкими рамками «клеточных мостиков» между поколениями, как считают многие физики и кибернетики.

Проектирование кибернетических машин находится еще в самом начале своего развития. Но даже для простейших искусственных гомеостатов (систем, способных к самоподдержанию динамической устойчивости вопреки «возмущающим» воздействиям извне) нет того непосредственно слитного единства системы и среды, о котором говорит Эшби, повторяя в этом отношении ошибку ряда биологов. Часто смешивают понятие о необходимости тех или иных «переменных» среды, без которой не может существовать данная система, с понятием о ведущей роли внешнего или внутреннего. Кондиционализм обнаружил цепкую живучесть в биологии, проникнув также и в кибернетику.

Эволюционисты давно мучились над вопросом об эндогенетическом (при ведущей роли самостоятельной силы реакции организма, по выражению Энгельса) или эктогенетическом (при ведущей роли изменений среды) характере процессов эволюции; до сих пор в этом сложном вопросе нет достаточной ясности. Мы хотели подчеркнуть здесь необходимость исторического и дифференцированного подхода к вопросу об отношении внешнего и внутреннего. Но ясно, что это — лишь «начало дела».

Рассматривая более детально вопрос об отношении организма и среды, следовало бы показать также, что развитие отношения к среде не шло прямолинейно. Головной мозг развивался сначала как орган преимущественно внутренних взаимосвязей, затем преимущественно как орган взаимосвязей со средой. Это привело к усилению зависимости организма от гораздо более отдаленных и сложных собы-

тий в среде (при развитии органов восприятия, систем рецепторов). Мозг оказался троянским конем, с помощью которого внешняя среда проникает в самые недра ведущей подсистемы организма высшего животного, и оттуда, приняв вид определенных групп его собственных внутренних импульсов, направляет его внутреннюю и внешнюю деятельность. Таким образом, глубоко неправильно подчеркивать, как это делает, например, Дж. Хаксли, только возрастание «независимости» организма от среды. Оно сочетается с углублением и расширением опосредованной зависимости. Но в высшем развитии средств приспособления к среде заключалась необходимость также и противоположного процесса: развития все новых средств и способов борьбы со средой.

Господство человеческого общества над средой, конечно, не возникло «на пустом месте». Вопросы, связанные с «переходом от ведущей роли естественного отбора к ведущей роли труда», рассмотрены нами в другой статье (см. журнал «Успехи современной биологии», 1941).

Нам предстоит теперь последовать примеру физиков, решающих вопрос о том, что такое жизнь, и высказать несколько предположений о некоторых физических аспектах биологических систем, стремясь охарактеризовать и с этой точки зрения прежде всего их особенности.

6. О жизни с точки зрения физики

Те физики, которые в последние годы стали заниматься вопросами биологии, большое внимание уделяют идее «энтропизма» живых тел — способности в качестве открытых и организованных систем за счет веществ среды, богатых легко освобождаемой энергией, поддерживать неравномерности распределения (градиенты) концентраций веществ, процессы синтезов, обусловленные связыванием и в то же время рассеиванием энергии — словом, сохранять определенный уровень энтропии и даже понижать его (это выражают термином «отрицательная энтропия», или «негэнтропия»). Шредингер в своей книге «Что такое жизнь» придавал решающее значение наличию в клетке и участию в ее обмене веществ надмолекулярных структур типа твердого тела, в особенности «апериодических кристаллов» скелетных нитей хромосом. Эти сравнительно прочные структуры (теперь физико-химики больше говорят о значении систем макромолекул в протоплазме) не в такой мере, как менее крупные молекулы, подвержены случайностям беспорядочных движений в растворах и поэтому, благодаря своим влияниям на биохимические реакции, мо-

гут играть роль «демонов Максвелла», создавая порядок из беспорядка.

Но осмотические мембраны (целые системы которых открыты недавно в однородной на вид цитоплазме с помощью электронного микроскопа), действующие гораздо более сложными способами, чем ранее предполагалось, могут быть ничуть не менее достойными кандидатами в «демоны», а полужидкие кристаллы или границы фаз коллоидных растворов мало уступают им по своим способностям вносить упорядоченность в хаотическую пляску молекул растворов. Не будем останавливаться на устарелости тех генетических сведений, которыми располагал Шредингер; физику простительно не быть в курсе новых изменений в биологических теориях. Суть дела не в этом. Кажется вероятным, что никакие физические или физико-химические явления, взятые порознь, не могут служить достаточным объяснением процессов сохранения и уменьшения энтропии в органическом мире (и в кибернетических машинах, в которых осуществима возможность в о з р а с т а н и я количества информации, что представляет собою тоже одно из выражений возрастания отрицательной энтропии; кибернетики признают возможность увеличения количеств информации также и в естественных живых телах).

Не одни лишь свойства макроскопического твердого тела, а сочетание свойств нескольких агрегатных состояний вещества — жидкого, коллоидного, полужидких кристаллов, твердого и газообразного — вот что характерно в этом отношении для живых тел, как мы отмечали в рецензии на книгу Шредингера в 1948 году. Сложное сочетание разнородных свойств и процессов осуществляется в протоплазме на основе ее многофазности. Расчлененность, разделение на относительно обособленные подсистемы и компоненты, как мы упоминали, вообще имеет огромное значение для развития целостности организма и для всей его судьбы, — не только для обеспечения динамической устойчивости, но и для обеспечения достаточных темпов приспособительной изменчивости и дальнейшего саморазвития живых систем. Кроме того, расчлененность организма — одна из основ развития многосторонней централизации функций, сочетаемой с сохранением и развитием возможностей относительно свободных изменений индивидуальных компонентов. Содействуя увеличению неоднородности изменений и структур, многофазность живых систем — гораздо более важная основа возрастания негэнтропии, чем свойства аperiодических кристаллов.

Еще более важную роль играет другое

выражение эктропизма органической жизни — способность живого тела извлекать рассеянные в среде и, в частности, ни же организованные материалы и источники энергии (или разлагать высокоорганизованные тела на компоненты), чтобы преобразовывать и концентрировать их в себе, а затем использовать как собственные организованные материалы и силы для активной внутренней и внешней деятельности. Шредингер писал о значении «питания организмов отрицательной энтропией», но эта правильная мысль должна быть существенно дополнена.

Естественно, решающее практическое значение имеет степень биологической эффективности действий живых тел. Она включает физическую и «техническую» эффективность внутренних и внешних действий. Даже для определения их простой физической эффективности необходимо учитывать не столько действия единичной особи, сколько жизнь вида в условиях систем видов. Но сейчас ограничимся предварительной качественной формой описания физической эффективности действий единичного животного.

Биофизика до сих пор не выполнила, насколько нам известно, задачу исследования одного из замечательных свойств живых тел, которое послужило «естественной предпосылкой» таких явлений в человеческом обществе, как прибавочный труд, о значении которого нет надобности напоминать. Это — развитие способности выполнять большее общее количество внешней работы, чем затрачивается на порождение, развитие и воспроизведение организма. По отношению к отрицательной энтропии организма это есть процесс ее самовозрастания. С такой точки зрения жизнь есть самовозрастающая негэнтропия.

То количество внешней и внутренней работы, которое превышает биологические затраты на воспроизведение организма и вида, можно назвать прибавочной работой (в физическом смысле слова). Это понятие включает в качестве одного из своих органических компонентов понятие прибавочной энергии. Ясно, что оба они точнее отражают суть дела, чем понятие максимального потока энергии (А. Лотка, по Рашевскому), потому что биологическая эффективность может не повышаться, если увеличение и интенсификация потока энергии связаны со слишком большим повышением затрат энергии (при низком коэффициенте полезного действия). На существовании прибавочной внешней и внутренней работы организма основывается возможность расщипления самовоспроизведения популяций и вида, а в обществе — возможность использования домашних животных

вотных. Существенно аналогичная задача всегда ставится перед техникой, в частности и перед кибернетикой. Разумеется, никакая деятельность домашних животных и автоматов никогда не превратится в труд. Но внешнюю и внутреннюю для них работу, в физическом и более сложном техническом смысле этого термина, они выполняют.

Прибавочную работу можно измерять. Одним из важнейших измеримых показателей (параметров в обычном смысле этого слова; Эшби употреблял его в другом значении) может стать, нам кажется, коэффициент прибавочной работы.

В этот комплексный показатель входят менее сложные, такие, как физическая мощность действия и коэффициент полезного действия; в свою очередь, коэффициент прибавочной работы сам входит одним из подчиненных моментов в показатель общей биологической эффективности и прогрессивности (а в применении к техническим системам — в показатели их технической прогрессивности и общей экономичности).

В ходе прогрессивной эволюции животных возрастают количества и сложность тех внешних препятствий, которые приходится преодолевать, чтобы избежать действия все более удаленных в пространстве и времени непреодолимых препятствий, то есть чтобы избежать все более отдаленных внешних опасностей.

При этом, с точки зрения как физики, так и биологии, важно следующее обстоятельство. Каждый единичный акт нервной и внешней деятельности высшего животного, ничем не нарушая общие закономерности физики, выражает известный принцип наименьшего действия. Но при анализе достаточно больших (и обычно циклических) участков «линии поведения» (этот термин употребляется здесь просто в смысле совокупности единичных актов поведения) может обнаруживаться нечто принципиально иное: линия поведения в среднем для преуспевающей популяции в целом и для среднего цикла оказывается линией наибольшей из возможных общих сумм прибавочной работы.

По отношению к внешним телам каждое единичное действие животного всегда есть движение «по линии наименьшего сопротивления», по равнодействующей наличных внешних сил; но, обращая внимание только на соответствие с общими законами движения, физики издавна упускали из виду то, с чем вынуждена считаться кибернетика уже на первых стадиях своего развития: тот факт, что каждое единичное действие живой системы обладает, в сущности, тройственной природой.

В своей непосредственности оно есть движение, изменение данной материальной системы. В конкретных особенностях данного действия находит свое опосредствованное, закодированное отражение информация о прошлой истории вида и среды. Кроме того, в этих особенностях данного действия может быть выражено в какой-то мере его программирующее или «проспективное» значение для будущей истории особи и вида, а также и среды.

На основе не физических, а биологических закономерностей вырабатывается парадоксальное, с точки зрения физики, свойство — движение по линии наибольшей общей суммы прибавочной работы. Но кажется возможным доказать, что в нем заключено более высокое развитие того же общего физического принципа движения «по линии наименьшего сопротивления» — движение по линии наименьшей общей суммы внешних сопротивлений. Способность преодолевать все более трудные препятствия, идя наперекор внешней неблагоприятности все более широкой сферы условий среды, затрачивая на это сначала больше энергии, чем требовалось бы для пассивной защиты от вредных воздействий, — чтобы сократить общее количество затрат энергии и повысить вероятность победного исхода борьбы за жизнь, — эта способность приобретает все большее значение по мере прогрессивной эволюции животных.

Кажется несомненным, что и эту важную черту живых систем можно исследовать количественно и строго объективно, во взаимосвязи с «исчислением прогресса».

В. И. КРЕМЯНСКИЙ

О единстве социалистического содержания и национальной формы в советском искусстве

В последнее время на страницах журналов «Дружба народов», «Вопросы литературы», в книгах Г. Ломидзе «Единство и многообразие», К. Зелинского «Литература СССР» и в газетных статьях дискути-

руется вопрос о национально-своеобразном в искусстве. В статье А. Бочарова, напечатанной в журнале «Дружба народов» (№ 1 за 1957 год), положившей начало дискуссии, утверждается, что националь-

ной формы художественного творчества не существует, что эстетическая форма интернациональна, а национальное своеобразие выражается только в содержании. А. Бочаров отрицает правильность известной формулы, определяющей советское искусство как социалистическое по содержанию и национальное по форме.

В статье М. Кагана «К вопросу о национальном своеобразии искусства», напечатанной в дискуссионном порядке в журнале «Вопросы философии» (№ 1 за 1958 год), также выражается сомнение в правильности этой формулы. Но с точки зрения Кагана формула эта неприменима к искусству потому, что национальное он видит не только в форме, но и в содержании. П. Строков, выступивший в газете «Советская культура» с разносной по тону статьей по поводу статьи М. Кагана, мало помог выяснению вопроса, потому что в его собственной статье нет четкости: то он возмущается «откуда же могло появиться это более чем странное представление о том, что искусство национально только по форме», то заявляет, что «искусство может развиваться лишь в национальных формах, которые способны полнее всего воплотить социалистическое содержание».

Все это указывает на необходимость разработки глубоко научного понимания взаимосвязи национальной формы и социалистического содержания в советском искусстве. В формуле, определяющей советское искусство как социалистическое по содержанию и национальное по форме, в общем виде совершенно правильно выражена неразрывная взаимосвязь национального и социалистического в искусстве. Советские народы строят социализм, борются против пережитков старого, создают бесклассовое общество. Это то общее, что их объединяет узами братства и дружбы. Но в разных национальных республиках имеются свои национальные традиции, свое историческое прошлое, своя история культуры и художественного развития, отражающая условия жизни каждой данной нации на протяжении веков. В «Тихом Доне» Шолохова и в произведении туркменского писателя Берды Кербабая «Решающий шаг» воссоздан период первых лет борьбы за установление Советской власти. Жизненное, социальное содержание этих двух романов общее — борьба за Советскую власть, против врагов революции, но как многообразно это содержание! Оно охватывает различие в условиях жизни, быта, традиций, психического склада людей.

Поэтому слова «социальное содержание» следует понимать не однозначно-абстрактно, а как конкретную жизнь во всем своеобразии ее процессов. Освоение этих про-

цессов и изменений в идеях, чувствах, психологии людей под влиянием борьбы за социализм различно по национальным формам в литературе и искусстве. Социалистическое содержание выражается через определенные исторически сложившиеся формы.

Чтобы правильно раскрыть существо этой формулы советского искусства, решить вопросы, связанные с его дальнейшим развитием, необходимо ясно представить себе задачи советского искусства, отражающего строительство коммунизма социалистическими нациями, помогающего осуществлять это строительство. Нации складывались по-разному, а жизненные задачи коммунистического строительства едины; в процессе общего строительства коммунизма социалистические нации не теряют своего национального облика, а развивают лучшие из своих национальных традиций, своей национальной культуры, то есть традиции демократические и социалистические, которые в условиях победившего социализма обогащаются новым содержанием, укрепляющим дружбу между советскими народами. Этот сложный процесс диалектического единства и многообразия исследователи часто упускают из виду, пытаются раздельно рассматривать социалистическое содержание и национальную форму советского искусства. М. Каган, выражая сомнения в правильности принятой для советского искусства формулы, опирается главным образом на примеры досоциалистического искусства. Он сделал ряд правильных наблюдений относительно закономерностей выражения национального в реалистическом искусстве, но при этом нередко отождествлял форму и содержание и пришел к неверному выводу относительно связи национальной формы и содержания в советском социалистическом искусстве. Формула о социалистическом по содержанию и национальном по форме искусстве социалистического реализма правильна прежде всего потому, что она подтверждена жизнью, практикой, развитием и расцветом многонациональных литератур и искусств в СССР. Поэтому нет никаких оснований для того, чтобы брать под сомнение эту формулу. Если подойти к поставленному вопросу теоретически, то и тут эта формула обоснована марксистско-ленинским учением о нациях.

Верное решение вопроса о национальной специфике искусства невозможно без правильного понимания того, что такое нация. Марксизм учит рассматривать нацию как явление, сложившееся при определенных условиях, учит, что нация на первом этапе своего возникновения, развития и консолидации представляет собой некую противоречивую общность, которая потом при капи-

тализме раскалывается на антагонистические «две нации», внутри каждой нации, а в социалистическом обществе приходит к единству уже на новой, более высокой и принципиально иной основе.

В трудах классиков марксизма показано, что нации формировались как экономические общности в период борьбы нарождавшегося капитализма против феодализма. Преодолевая средневековую цеховую, общинную замкнутость, капитализм устанавливал более широкие национальные связи. Капиталистические нации формировались в борьбе с феодальной раздробленностью в результате широкого развития экономических связей и товарного обращения. Этот этап характеризуется пробуждением общенациональных идей, развитием национальных чувств, борьбой против национального гнета, созданием национальных государств. Такова первая историческая тенденция развивающегося капитализма в национальном вопросе. Вторая историческая тенденция характеризуется расширением связей между нациями, стремлением к созданию международного единства экономической жизни. Эти тенденции постоянно находятся в состоянии антагонистической борьбы. Капитализм стремится к единству экономической жизни наций, но лишь на основе порабощения одних наций другими, так же как единство каждой нации при капитализме основано на непримиримой борьбе классов внутри этой нации. При капитализме невозможно избавиться от национального гнета, потому что для этого необходимо ликвидировать паразитические классы, то есть уничтожить капитализм. Следовательно, национальное единство при капитализме — единство относительное, в то время как борьба классов — явление постоянное и абсолютное. Имея в виду буржуазное общество и его культуру, Ленин писал: «В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, **элементы** демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть тоже культура буржуазная... притом не в виде только «элементов», а в виде **господствующей** культуры. Поэтому «**национальная культура**» вообще **есть** культура помещиков, попов, буржуазии» (Соч., т. 20, стр. 8). Октябрьская революция, свергнувшая капитализм, уничтожила национальный гнет; победа социализма ликвидировала паразитические классы, обеспечила морально-политическое единство, полную консолидацию советских наций. Ликвидировав господствующий класс буржуазии, советский строй создал

безграничные возможности успешного развития тех элементов демократической и социалистической культуры, которые были под гнетом в условиях буржуазного общества. Октябрьская революция предоставила всем нациям, населяющим территорию России, равноправие, однако не все нации были в одинаковой степени способны воспользоваться этим правом, потому что стояли на различных ступенях экономического и культурного развития. Братская помощь социалистических наций друг другу способствовала преодолению этого фактического неравенства. В процессе социалистического строительства отсталые нации и народности получили все возможности для развития демократических элементов своей культуры, ликвидировали неграмотность, ввели обязательное обучение в средней школе, создали свои кадры интеллигенции, свою печать.

Национальное есть форма по отношению к социальному содержанию. В буржуазном обществе господствующей культурой является буржуазная по содержанию культура, имеющая свою национальную форму, в социалистическом обществе — социалистическая культура, национальная по форме. Разумеется, все эти грани подвижные, а не окостенелые. В буржуазном обществе есть элементы демократической культуры, связанной с жизнью народа, но не они являются господствующими. Социалистическое содержание не вливается в старые национальные формы. Хотя форма и отстает от содержания, но не представляет собой нечто застывшее, она также претерпевает изменения, проявляет активность, обладает относительной самостоятельностью развития; различные ее элементы изменяются и развиваются с различной активностью.

В условиях социализма развитие национальной культуры ведет не к изоляции и вражде ее с другими нациями, а к укреплению дружбы между народами, к развитию интернационализма. В то же время внутри наций устанавливается полное единство, возможное только при отсутствии антагонистических классов.

В условиях социализма происходит изменение социальной природы наций, которые становятся социалистическими нациями, связанными друг с другом братским сотрудничеством, единством цели, взаимной дружбой, основанной на общности социальных интересов и интересов свободного национального развития и развития национальных культур.

Как исторически сложившаяся общность людей, нация не представляет собой чего-то абсолютно неизменного; все элементы ее развиваются и изменяются в зависимости от общественных отношений, складываю-

щихся на данном этапе ее исторического развития.

Поэтому, говоря об основных признаках нации — общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, — мы должны рассматривать их диалектически, как признаки исторически сложившейся категории.

Общность территории сравнительно редко претерпевает изменения, а географическая среда, также опосредованно влияющая на национальное своеобразие народа, остается в большинстве случаев почти неизменной. Зато в непрерывном движении находится, подвергаясь революционным переворотам, экономическая жизнь. Развивается язык — орудие социального общения людей, создаваемое и совершенствуемое всеми слоями и классами нации. Сравнительной устойчивостью, а иногда и консервативностью отличаются национальные обычаи, отражающие исторические условия развития народа, причем нередко обычаи проникнуты религиозными мотивами. Но разная степень живучести, различный характер исторического развития и мера изменчивости национальных признаков не дают основания для недооценки одних из них и переоценки других, когда речь идет о совокупности тех исторически сложившихся признаков, без которых нельзя представить себе нации.

Так, например, национальный характер, то есть совокупность духовных черт или свойств, сложившихся исторически, не представляется чем-то неумовленным, некой абстракцией. Национальный характер выражается в осязаемых и видимых явлениях жизни данной нации. Представляя собой сгусток впечатлений, полученных людьми, составляющими нацию, за все время их социально-исторического развития, психический склад начинает формироваться задолго до того, как возникает буржуазное общество и происходит раскол нации на «две нации», на два класса. Однако в классовом обществе психический склад перестает быть единым у людей различных классов одной и той же нации. Национальный характер — столь же историческая категория, как и нация. На примере советских народов мы видим, как в национальных характерах постепенно исчезают черты, возникшие при феодальных и буржуазных отношениях, под влиянием религии, и выступают новые черты. Решающим при этом служит тот факт, что психический склад социалистических наций формируется и развивается в ходе строительства коммунистического общества, в совместной борьбе трудящихся под руководством марксистско-ленинской партии. Ясно, таким образом, что национальное своеобразие каждого народа — явление, исторически скла-

дывающееся и изменяющееся, но, тем не менее, в каждый данный период объективное. Это обстоятельство определяет наличие национальной специфики культуры, в частности искусства каждой нации, и его нельзя игнорировать. Что бы ни утверждали космополиты, для человечества на современном этапе его бытия характерно развитие наций, а не их упадок и исчезновение. Разумеется, колониализм, подавляя и эксплуатируя народы, задерживает формирование наций, тормозит развитие экономики и национальной культуры. Но век колониализма кончается: после второй мировой войны сбросили иго колониализма двадцать пять стран. Национальное самосознание народов этих стран и стран, борющихся за свое освобождение от колониального ига, растет, способствуя подъему национальной культуры этих народов. Особенно ярко и в наибольших масштабах это проявляется в результате достижения национального суверенитета и независимости государств при установлении народной власти. Перед нами убедительный и наглядный пример бурного роста социалистической культуры китайского народа, народов Северного Вьетнама, Северной Кореи. По-своему, при иной социальной системе развивает национальную культуру Индия; освободившись от колониального гнета, египетский народ также имеет возможность шире развивать свою национальную культуру. Империализм подавляет все национально самобытное у так называемых национальных меньшинств и наряду с ярым национализмом ведет проповедь космополитизма, обезличивающего культуру во имя «безнационального», безликого капитала. Свержение буржуазного строя дает новую жизнь всем народам и нациям.

Об этом ярко свидетельствует жизнь наций Советского Союза. В стране социализма возродились и развиваются на новых, социалистических основах такие древние народы, как грузины, азербайджанцы, узбеки, таджики, складываются новые нации. Даже великая русская нация, никогда не терявшая своей государственности, став социалистической, живет по-новому, переживая бурный рост социалистической по содержанию и национальной по форме культуры. Все нации и народности Советского Союза развиваются по-своему, обнаруживая новые творческие силы, новые источники жизненной энергии. И в то же время жизнь всех наций, входящих в дружную семью советских народов, проникнута единым социалистическим содержанием; все советские народы совместными усилиями строят коммунизм. И в этом смысле стремления их едины, интернациональны.

Из всех видов духовной культуры имен-

но искусство представляет собой тот вид, в котором национальное проявляется особенно многообразно, конкретно и ярко. В искусстве, этом своеобразном, по определению А. М. Горького, человековедении и народоведении, национально особенное каждого народа проявляется чувственно-конкретно. Однако формалистическое искусство всегда космополитично, чуждо национальному, потому что оно не имеет опоры ни в народной жизни, ни в народном творчестве. Формалистическое искусство хвастается своей «универсальностью», тем, что оно обращено якобы к «извечным» проблемам, под которыми понимаются биологические или даже физиологические эмоции, не имеющие у общественного человека вневременного или внеисторического выражения. В действительности формалистическая «универсальность» оказывается субъективистской узостью, которая низводит искусство до уровня магических символов или ребусов, иными словами, уничтожает искусство. Формалистическое искусство адресуется не народу, которому нет дела до субъективистской игры воображения художника, выражающего свои загадочные эмоции в хаотических линиях, пятнах, спиралях и т. д. Современный абстракционизм и прочие «беспредметные» формалистические «измы», противопоставляющие себя реализму, образному искусству, всеми силами стремятся подчеркнуть свой космополитический характер, проявляя тем самым не только равнодушие к действительности, но и полный отрыв от народа. Оторвавшись от проблем народной национальной жизни, художник неизбежно теряет связь с подлинным серьезным искусством, проникнутым ответственностью перед действительностью. А его заблуждения — хочет он того или нет — объективно служат на пользу империализму, заинтересованному в космополитизме, в проповеди национального нигилизма, в отрыве искусства от народа.

Основопологающим принципом реализма вообще, а социалистического реализма в особенности является верность жизненной правде, глубокая связь с народом. А жизнь народа особенно полно и ярко отражает исторически сложившиеся национальные формы. В силу этого реалистическое искусство не может быть космополитичным, национально неопределенным или безнациональным.

Подлинное лицо нации представляет народ. Поэтому верное художественное воплощение содержания социальной жизни народа включает и воспроизведение ее национальных особенностей. Буржуазная культура не едина. Поэтому, говоря о «галльском остроумии» французов, о «философской склонности» немцев или о «чув-

ствительности» итальянцев, надо всегда раскрывать конкретных носителей этих свойств. Галльское остроумие всегда было чертой демократического французского искусства; поэтому «галльское остроумие» Рабле, так же как и Вольтера, часто подвергалось преследованиям со стороны господствующих классов Франции. Что касается «философского характера» немцев, то там, где он порождал, хотя и в абстрактной форме, прогрессивные идеи, он встречал немедленно одергивание со стороны чиновников от науки, проникнутых казарменным духом прусского юнкерства. Это показывает, что характеристики, оторванные от классового содержания, лишаются всякого смысла. Подлинно высокое искусство — это такое искусство, которое отражает особенности жизни и стремлений основной массы нации, то есть народа, которое и говорит языком народа, выражая его социальное и национальное самосознание, его общечеловеческие идеалы. Так, великим итальянским национальным писателем является Данте, который оставил латынь и писал на языке народа о проблемах, волновавших народ. Творчество его проникнуто идеями гуманизма. Великий национальный писатель Англии Шекспир способствовал своим творчеством формированию национального самосознания английского народа. Но творчество и Данте и Шекспира дорого всем народам, потому что оно проникнуто гуманными идеями, близкими всему прогрессивному человечеству.

Советская культура едина по своему социальному содержанию. Но каждая нация и народность социалистического мира имеет свои исторически сложившиеся формы жизни; одни элементы этих форм меняются быстро, другие обладают большей устойчивостью. Поэтому советское искусство, будучи верно жизненной правде, воспроизводит народную жизнь в тех ее конкретных проявлениях, которые она имеет в силу условий исторического развития. Точнее будет сказать, что верное изображение народной жизни (социалистической действительности вообще) в лучших произведениях советского искусства непременно отражает и типические национальные особенности.

«Поднятая целина» М. Шолохова, «Глади Бигва» Л. Киачели и «Ацаван» Н. Зарьяна посвящены одной и той же теме — начальному периоду коллективизации в Советском Союзе. Эти произведения схожи не только по своему жизненному материалу, но и по основным социальным коллизиям, даже по некоторым характерам (дед Шукарь у Шолохова и Бигва у Киачели). Больше того, в произведениях Киачели и Зарьяна чувствуется влияние романа русского писателя. Проблема, получившая освещение в их произведениях, социали-

стическая и интернациональная. Эту проблему народной жизни решали все нации, входящие в Союз Советских Социалистических Республик. Все три писателя верно отразили один из великих этапов строительства социализма — переворот в судьбах миллионов крестьян трех народов. Произведения Шолохова, Киячели и Зарьяна написаны на основе метода социалистического реализма, отличаются глубиной мысли, коммунистической партийностью. Однако романы эти различны, и не только по широте охвата жизненных явлений, силе типизации, степени таланта и мастерства. Они различны по своему национальному характеру, по тому особенному, чем отличается жизнь одной социалистической нации от другой. В «Поднятой целине» великий перелом в жизни казачества происходил при одних формах быта, традициях, сословных пережитках и предрассудках, исторически сложившихся отношениях в семье и труде. Иными чертами национальной определенности отличается «Гвади Бигва» и иными — «Ацаван». Не говоря уже об особенностях быта и обычаев, описанных в них, даже драматические ситуации иногда обусловлены национальными особенностями, например ситуации, связанные с участием женщин, которые в Армении и Грузии были менее активны, чем казачки Шолохова. Социалистическое и национально-самобытное в этих произведениях получили правильное освещение с помощью метода социалистического реализма русского, грузинского и армянского писателей.

Советское искусство создало немало произведений исторического жанра, в которых отразились наиболее примечательные вехи истории народов Советского Союза. Среди этих произведений есть такие, которые воспроизводят картины далекого прошлого. Таковы, например, роман «Вардананк» Д. Демирчяна, рисующий битву армян с иноземными захватчиками в пятом веке, кантата «Александр Невский» С. Прокофьева и «На поле Куликовом» Ю. Шапорина, драма «Богдан Хмельницкий» А. Корнейчука (и одноименные фильм и опера), грузинский фильм «Георгий Саакадзе». Все эти произведения, созданные методом социалистического реализма, проникнутые духом коммунистической партийности, воспроизводят значительные события из истории борьбы братских народов за свое счастье и свободу. В этом смысле содержание этих произведений социалистическое и интернациональное, эти произведения воспитывают патриотизм и пролетарский интернационализм. И вместе с тем каждое из них глубоко национально.

Социальная действительность и национально-историческая жизнь народа

(страны) в искусстве социалистического реализма раскрываются через конкретные человеческие судьбы и характеры. Естественно, что и воспроизводимые искусством человеческие характеры воплощаются как национально определенные.

В картине С. Чуйкова «Дочь Советской Киргизии» художник на фоне широкой степи и голубого неба изобразил юную представительницу социалистической Киргизии. Она устремляется вперед, прижав к груди книжки. Открытое смуглое лицо с чуть раскосыми черными глазами, энергичный шаг и вся ее осанка говорят о том, что это человек нового духовного облика, имеющий свой, независимый взгляд на жизнь, имеющий в ней свое место. Эта девушка воспитана советским строем в сознании своих личных и общественных прав, она не будет по старому обычаю выражать покорность мужчине. Художник дал обобщенный образ нового поколения женщин одного из ранее угнетенных советских народов. Социалистическое в этой картине раскрывается как человеческая свобода, как осознанная интеллектуальность, как истинно прекрасное. Национальный костюм только резче подчеркивает то новое, что есть в этой женщине. Раньше этот костюм ассоциировался в сознании с приниженным, подчиненным положением женщины.

То же примерно явление социальной жизни, хотя и несколько иллюстративно, отражено в картине Е. Адамовой «Все-таки буду учиться». В полутемной юрте разыгралась драма: старик-туркмен разбросал книжки и, разрывая одну из них, гневно отчитывает молодую женщину, должно быть, дочь. Девушка, сохраняя решительную позу, с книгами в руках, твердо отвечает ему: «Все-таки буду учиться». На ковре прикорнула пожилая женщина, позади нее — молодая, а перед ними копошится малыш, и все с затаенным страхом смотрят на разбушевавшегося старика. Конфликт, изображенный Адамовой, выходит далеко за пределы полутемной кибитки; он показывает изменения в жизни женщины, порожденные социалистической действительностью. Но он типичен именно для Туркмении и некоторых других советских республик Средней Азии и Кавказа. Новое, социалистическое, интернациональное, выраженное в картине Адамовой, — это решимость девушки учиться, ее самостоятельность, сознание права на образование. Национально-своеобразное в этом произведении выразилось не только в этнических типах людей и бытовой обстановке, изображенной художником очень детализированно. Глубже это национальное сказалось и в форме разыгравшегося конфликта — в ярости старика, находящегося в плену патриархальных пережитков, свойственных еще

некоторым жителям далеких азиатских республик. В русской или украинской деревне, где женщина никогда не была так угнетена, как в Средней Азии, конфликт мог иметь другие формы.

Но именно потому, что проявление патриархального пережитка изображено правдиво, сущность нового начала, побеждающего, социалистического, в данном случае освобождения женщины, раскрыта в запоминающемся новом человеческом характере.

Образы, подобные только что рассмотренным, являются весьма распространенными в советском искусстве, и мы напомним о них лишь потому, что в них с особой ясностью видны перемены, происходящие в сознании советских людей, изменения в их национальных характерах. На этом примере легко проследить диалектику формы и содержания в искусстве, диалектику национального и социалистического, их единство и своеобразие. Конфликт выступает здесь в качестве формы, наилучшим образом выражающей новое содержание — свобода женщины в социалистическом обществе. Характер старика отражает патриархальное представление о праве старшего, мужчины, но содержание это ушло в прошлое, осталась лишь пережившая себя форма — то, что составляет национальный элемент в картине.

Покорность, робость, забитость и отсталость женщины — свойства, которые закреплялись в ней веками патриархально-феодалных отношений, — в условиях советского строя сменяются чувством независимости, свободы, активности, чувством человеческого достоинства женщины, равноправной с мужчинами.

Многообразны средства художественной типизации национального облика и характера человека, применяемые в советском искусстве. Художники используют решительно все средства, чтобы как можно конкретнее и живее нарисовать образы своих героев. Так возникли глубоко национальные образы советских людей в советском искусстве — Ивана Вихрова и его близких в романе «Русский лес» Л. Леонова, Андрея Соколова в рассказе «Судьба человека» М. Шолохова. А. Фадеев, показывая национальное в характере одного из героев «Молодой гвардии», Жоры Арутюнянца, не пошел по пути порчи русского языка этого армянина: Арутюнянец говорит на совершенно правильном русском языке, но его национальные черты проявляются в горячности, жестах, легко увлекающейся натуре, внешности и т. д. С. Смирнов в своей героической драме «Люди, которых я видел» пошел, к сожалению, иным путем. Один из его героев, татарин Муса Валиев, говорит таким языком: «— Ай, зачем ты глупый человек

слушал? Глупый человек татарский закон не знает, не понимает. Везде ходить будем — клуб, кино, гости ходить будем. Другой мужик говори, пожалуйста. Другой мужик гулять нельзя, говорить можно». Других национальных примет в Валиеве драматург не выделяет. Он как бы исходит из того, что национальная форма — это только язык.

В многообразии «национальной» типизации мы видим и огромные возможности реалистического метода советского искусства и разнообразие творческих индивидуальностей.

Решающим и закономерным для советских художников является то, что национальное в герое (в советском народе вообще) предстает как особенное, способствующее раскрытию социалистической сущности характера советских людей, их общественных отношений. Для советского искусства характерно также стремление именно в образах положительных героев выразить национальные чаяния данного народа.

Искусство отражает не только общественную жизнь, но и природу, которая является материальной средой существования человека, материалом приложения его труда. Эстетическое отношение к природе с давних времен имеет вполне самостоятельное значение и является важной сферой общественно-художественной практики. Природа часто предстает в искусстве предметом художественного познания и освоения, объектом любования — безотносительно к ее утилитарному значению. Можно указать на многие аспекты художественного воссоздания картин природы, но во всех случаях они связаны с национально-конкретным, особенным ее характером.

Познакомившись с картинами американского художника Рокуэлла Кента, мы получаем представление не только об особенностях суровой природы Гренландии и северных районов Америки, но и об ее обитателях, сильных, мужественных людях, осваивающих эту природу. В национальном характере картин художника отразилась прежде всего сама реальная действительность, но она отразилась благодаря реализму Кента, его связи с народной жизнью, его вере в простого человека, уважению к его трудолюбию, творческим силам. Все это придавало ясное оптимистическое звучание пейзажам суровых северных стран, созданным Р. Кентом.

В отношении к родной природе выражаются чувства и мысли народа. Удивительно, что эта сторона эстетического отражения действительности, ярко выражающая национальное своеобразие народа, обходится многими исследователями национальной специфики искусства. Это тем более уди-

вительно, что советское искусство и здесь выступает как новаторское: оно стремится показать активное вторжение человека в мир, его социалистические преобразования. В советской пейзажной живописи, в картинах природы, воссозданных нашей литературой и воспеваемых музыкой, находит отражение рост социалистической материальной и духовной культуры.

Чтобы наша мысль была ясна, напомним, что марксистско-ленинская эстетика рассматривает форму в широком и узком смысле. В широком понимании эстетическая форма есть художественно-образное воспроизведение действительности.

Образное воспроизведение действительности является определенным способом ее отражения, типизации и оценки. Вне художественного образа немислимо реалистическое искусство, разрушение образности ведет к деградации искусства. Не случайно абстрактное искусство не образное, а, значит, беспредметное и бессмысленное. Ясно, почему художественный образ рассматривается эстетикой как специфическая форма отражения реального мира.

М. Каган в своей статье фактически обходит этот вопрос и понятие национальной формы сводит к языку в литературе, «речевой» выразительности и физическим действиям в театре. Что же касается остальных видов искусства, то тов. Каган отделяется общей фразой, говоря о том, что их «язык» не нуждается в переводе, понятен и так. Трактовка М. Каганом понятия национальной формы неверна и тащит читателей назад, так как во многих работах (статьях, книгах и диссертациях) по данному вопросу совершенно правильно показано, что национальная форма шире понятия художественной формы, а тем более языка в литературе или каких-либо изобразительных средств в других видах искусства.

В национальной форме выражаются различные стороны народной жизни: и черты национального характера человека, и обычаи, и традиции, и бытовая обстановка, и национальная одежда, и обряд, и праздник, и бесконечное множество других предметов и явлений, которые в произведениях искусства служат выражению определенного содержания. Каждый из нас на любой декаде искусства братских народов в Москве имеет возможность видеть и почувствовать огромное разнообразие элементов национальной формы различных видов искусства. Но, разумеется, все явления национальной жизни — будь это формы быта или одежды, обычаи или традиции — воспроизводятся по законам искусства, то есть типизируются в конкретно-чувственный образ, иначе они не будут элементами художественной формы.

Что же касается собственно художественной формы, то следует отметить прежде всего: она неразрывна с системой образного мышления, присущего данному народу. Наиболее легко определяемым элементом этой формы и признаком национально-специфического в ней является язык в литературе, театре и кинематографии — со всем его словарным фондом, фонетикой, метафорами и другими сторонами поэтического языка, то есть языка конкретно изобразительного и выразительного. Эта выразительность достигается не только богатством словарного фонда и иными собственно языковыми средствами, но и той словесной символической, которая складывается в языке каждого народа, а также всем строем ассоциаций и традиций.

В живописи национальная форма проявляется и в колорите, и в характерах изображаемых людей, и в особенностях пейзажа, и в объектах натюрмортов; в музыке национальная форма проявляется в особенностях интонационного, мелодического и ладово-гармонического строя, ритма и т. д.

Каждый вид искусства имеет такие национально устоявшиеся изобразительные и выразительные средства, а значит, и формы конкретного образного мышления.

Большой интерес могло бы представлять исследование отражения советскими художниками иностранной жизни, например в «Девятом вале» И. Эренбурга, в зарубежных циклах стихов советских поэтов, в произведениях советских композиторов А. Хачатуряна, Д. Кабалевского, Л. Книппера, В. Мурадели и других.

Это помогло бы с большей ясностью раскрыть марксистско-ленинское понимание национальной формы, о которой мы говорили выше. Понятие национальной формы не сводится к собственно художественной форме. В свою очередь, художественная форма не сумма приемов и технических средств, не искусное умение скомпоновать какие-то внешние элементы действительности. Форма вырастает из содержания, им определяется.

Конечно, есть законы и даже изобразительные и выразительные средства, сложившиеся в процессе развития не одной какой-нибудь национальной культуры, а в результате художественного опыта всего человечества. И безусловно прав тов. Каган, говоря, что всякое техническое открытие в художественном творчестве становится достоянием общечеловеческим и приобретает интернациональный характер. Но это не снимает вопроса о национальном облике искусства, ибо в процессе художественного отображения жизни эти общие законы применяются к своеобразным и различным условиям жизни, психическому складу и художественным традициям разных наций

не механически, а перерабатываясь применительно к этим специфическим особенностям. Всеобщим законом является единство содержания и формы в искусстве при определяющей роли содержания. Отражая народную жизнь, человеческие характеры, воспроизводя картины природы или другие явления реальной действительности, художественная форма выражает определенное содержание. Не только форма в целом, но даже отдельные ее элементы, например, композиция в романе или драме, характер оркестровки в симфонии, различные конструктивные и декоративные решения в зодчестве и т. д., выступают как компоненты совершенно конкретного, национально и социально определенного искусства.

Так, столица Советской Армении Ереван, — по существу, совершенно новый город, созданный на месте захолустного городка, состоявшего наполовину из глинобитных хижин. Дореволюционный Ереван ничем не отличался от множества бедных и грязных восточных городков, лишенных воды и зелени. Национальное армянское зодчество сохранялось лишь в виде памятников старины, подобных знаменитому Эчмиадзину. Монолитные здания столицы Советской Армении, возродившие национальную архитектуру, свидетельствуют о новой, социалистической жизни армянского народа. Армяне имеют теперь свой университет, свою оперу, для которых выстроены великолепные здания в духе национальных традиций. Советская Армения имеет национальную Академию наук, институты которой размещаются в специально выстроенных зданиях; выросли здания детских садов, рабочих клубов, которых не было в старом Ереване. Вместо грязного восточного базара столицу украшает огромный крытый рынок, представляющий собой превосходный образец национальной архитектуры и вместе с тем современное торговое помещение, отвечающее всем требованиям удобств и гигиены. Ансамбли коттеджей и многоэтажных жилых домов чередуются с зелеными парками, площадями, фонтанами и правительственными зданиями. Планировка столицы основана на принципах социалистического градостроительства, и вместе с тем город имеет ярко выраженный национальный облик, определяемый традициями армянского зодчества, в основе которых лежат климат, тектонические условия, особенности строительного материала, быта и труда народа, нашедшие отражение и в ордерной системе и в орнаменте.

Национальный облик города говорит о его социалистической жизни, в которой нет угнетателей и угнетенных, нет искусственной замкнутости и стремления про-

тивопоставить свое зодчество зодчеству других наций — стремления, которое было столь свойственно буржуазным элементам нации. Нет того буржуазного национализма, который был присущ прежним эксплуататорским классам Армении и который накладывал свой отпечаток и на архитектуру.

Национальное развитие советской культуры является путем и средством укрепления интернационализма. Оно направлено как против национализма, так и против космополитизма — обоих этих антинародных течений в искусстве.

Чем многообразнее по своим видам и жанрам искусство данного народа, тем ярче может проявиться его национальная специфика, тем глубже и полнее отразится в нем жизнь народа. До советского строя народ Туркменистана обладал богатейшим устным творчеством, а в литературе только одним ее родом — поэзией. Туркмены не имели ни своей прозы, ни драматургии, ни театра. На протяжении многих столетий этот народ знал только одnogолосное национальное пение, исполнявшееся под аккомпанемент дугара или гиджака. В Туркмении не знали ансамблевого пения и танцев. Начиная с VIII столетия, то есть со времени арабского завоевания и принятия исламизма, туркмены были лишены возможности развивать свое изобразительное искусство. В настоящее время туркмены развивают все виды искусства, они обладают развитой сетью художественных учреждений и предприятий, творческими организациями писателей, композиторов, художников, и в поэзии, и в прозе, и в театре, и в живописи выражается социалистическая жизнь туркменского народа в национальных традиционных формах.

В прошлом кочевые народы, казахи и киргизы не знали зодчества. При Советской власти они перешли на оседлый образ жизни и начали градостроительство.

До Советской власти свыше сорока народов, входящих в состав Советского Союза, не имели письменности, они обладали только фольклором. Историческим достижением социализма в области культуры явилось создание письменности для этих народов и народностей, развивающих теперь все виды литературного творчества.

Эти примеры говорят о том, что в советском искусстве вместе с развитием его социалистического содержания все полнее и разностороннее раскрывается национально-особенное, совершенствуется его национальная форма.

Коммунистическая партийность советского искусства направлена на развитие эстетических возможностей всех наций и народов. Социалистическая природа Советского государства выражается и в том, что оно оказывает помощь и содействие народам и

нациям, история которых не дала им возможности развить национальное искусство.

Рост сети художественных учреждений, так же как и развитие видов и жанров искусства у ранее отсталых наций, — факт первостепенного значения, он свидетельствует о том, что Коммунистическая партия делает все для того, чтобы помочь развитию национального социалистического искусства и в полной мере удовлетворить эстетические запросы народных масс.

Большую роль в развитии национальных культур играет обогащение одних национальных искусств достижениями других, а также отмирание тех архаических и консервативных форм, которые были тесно связаны с националистическими устремлениями господствовавших эксплуататорских классов — помещиков и буржуазии. Плодотворно сказывается новое содержание социалистической жизни и на национальной форме искусства.

Так, поэтический язык наших восточных народов освобождается от традиционной стилизации и орнаментовки. Веками бытовавшие словесные образы «соловья» и «соловьиных трелей», мужчины-«богатыря», «тигра», «орла» и т. п. уступают место образам, более точно выражающим явления общественного бытия социалистических наций, мироощущения советских людей, новое качество их национального самосознания.

Другой, более частный, но также весьма примечательный факт. Узбекские народные музыкальные инструменты существуют много веков. Однако отсутствие у них темпированного строя и узость звукоряда затрудняли развитие оркестровой полифонической музыки, препятствовали пополнению репертуара национальных ансамблей более сложными произведениями мировой классической и современной музыки. Темперация и некоторые конструктивные изменения, произведенные в инструментах, позволили перейти на многоголосие и современное нотное письмо, исполнять не только национальные, но и инонациональные произведения. Опыт Узбекистана был перенят другими республиками Средней Азии и Казахстана. В частности, в Туркменистане малозвучному дутару был придан новый диапазон (до двух кварт), и он составил основу оркестра народных инструментов. Рядом с дутаром появились дутар-прима, секунда, альт, бас и контрабас. Все это расширило художественные возможности этих национальных оркестров и сделало их более понятными и для инонациональных слушателей.

В обогащении художественно-выразительных средств советского искусства сказывается общий рост духовной культуры социалистических наций.

21 марта 1958 года в газете «Правда» было опубликовано письмо индийского художника Барода Укила президенту Академии художеств СССР Б. Иогансону. Обеспокоенный судьбами мирового искусства, выдающийся художник Индии пишет о том, что современное искусство капиталистических стран, охваченное формалистическими тенденциями, деградирует, переживает упадок, не служит никаким человеческим целям. «Искусство каждой страны обязательно должно отличаться друг от друга по той причине, что жизнь народа и окружающая его среда различны». Провозгласив своим лозунгом космополитизм, формалистическое искусство оторвалось от жизни народа. Барода Укил считает, что советское искусство, социалистический реализм, движется в правильном направлении, вдохновляет людей на труд, воспитывает патриотизм, сближает людей, развивает их эстетические чувства. Он пишет: «Изумительный прогресс, сделанный деятелями искусства вашей страны в других сферах искусства, таких, как опера, балет, театр, побуждает меня думать, что подобное руководство в пластическом искусстве также должно исходить от Вас, поскольку Ваш народ, полный оптимизма и имеющий естественную склонность к творческим работам, может внести большой вклад в это критическое время».

Это письмо — наглядное свидетельство того уважения и признания, которое завоевало советское искусство, развивающее свое социалистическое содержание в национальных формах, среди передовых деятелей культуры зарубежных стран.

Взаимное обогащение разных национальных искусств, обмен опытом, усвоение и переработка ценностей, созданных различными нациями Советского Союза, ведут не к стиранию национальных особенностей искусств и культур, но к их развитию в условиях единого социалистического бытия народов и наций. Коммунистическая партийность национального искусства в Советском Союзе обеспечивает развитие искусства социалистического по содержанию и национального по форме, укрепляющего интернациональное единство советских наций. Как и при решении любого вопроса художественной культуры, здесь мы должны исходить из того, что определяющим является социалистическое содержание, народность и коммунистическая партийность нашего искусства. Знание жизни народа, творчество на основе метода социалистического реализма — неперемнное условие дальнейшего развития искусства братских народов Советского Союза, социалистического по содержанию и национального по форме.

Г. 3. АПРЕСЯН

Исторический материализм о взаимоотношении техники и экономики

Исторический материализм учит, что ключ к пониманию всей истории общества лежит в изучении истории развития труда, в изучении истории развития и смены способов материального производства на различных ступенях развития общества. В связи с этим основоположники материалистического понимания истории высоко ставили роль техники как одного из важнейших элементов процесса труда, то есть функционирующих производительных сил общества. Классики марксизма показали, что именно изменения и перевороты в развитии средств труда, техники ведут к преобразованиям в материальном производстве, а тем самым и в производственных отношениях людей, что без изучения уровня и характера техники на различных этапах развития производительных сил нельзя понять объективную необходимость замены одного способа производства другим.

Только опираясь на руководящие положения классиков марксизма, можно дать систематическую разработку проблемы взаимоотношения техники и экономики. Разработка этой проблемы будет способствовать конкретному раскрытию механизма взаимодействия производительных сил и производственных отношений, раскрытию коренного положения исторического материализма о том, что в системе производства производительные силы являются наиболее подвижным, революционным и определяющим элементом и что развитие производительных сил, в свою очередь, начинается с развития техники. Разработка этой проблемы будет также способствовать выяснению вопроса об источниках развития техники, производительных сил.

Техника есть совокупность технологических процессов и средств труда, посредством которых люди воздействуют на природу и преобразуют ее в системе исторически определенного общественного производства.

Технологические процессы — процессы, протекающие в действующих машинах, механизмах, агрегатах, расположенных в определенном порядке, работающих на определенном режиме, имеющих определенные параметры (скорости, давления, температуры), сюда же должны быть отнесены процессы резания,ковки, литья, штамповки и т. д. Вне технологических процессов различные средства труда — мертвый инвентарь.

Определяя технику как совокупность средств труда, мы указываем на то, что

отличает одну экономическую эпоху от другой, ибо, как отмечал Маркс, «экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда» («Капитал», т. I, 1950, стр. 187).

Основной частью техники являются механические средства труда, которые составляют «костную и мускульную систему» общественного производства и представляют наиболее характерные признаки определенных экономических эпох. Основной отличительной особенностью средств труда является то, что в процессе труда они выполняют функцию проводника преобразующей деятельности людей и служат орудием подчинения сил природы власти человека.

Техника функционирует и развивается всегда только в системе исторически определенного способа производства. Это значит, что техника, будучи элементом производительных сил, выполняя функцию проводника преобразующей деятельности людей в процессе труда, в то же время является материальной формой функционирования определенных экономических отношений. «Современное применение машин есть одно из отношений нашего современного экономического строя...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1952, стр. 426).

Это делает более ясной зависимость развития техники от экономических законов, действие которых определяет темпы, характер, закономерности технического прогресса, а также и то, каким классам и каким целям служит техника в условиях определенных экономических отношений.

Буржуазные социологи утверждают, что якобы точного определения цели техники не существует и вряд ли оно может быть дано. Действительно, цель техники не может быть определена, если брать технику вне определенного способа производства, если искать эту цель в самой технике.

Буржуазные социологи определяют технику то как «всякое активное преобразование материи, служащее для удовлетворения какой-либо потребности или цели» (К. Eisler «Wörterbuch der philosophischen Begriffe». В. 3, 1930, S. 215), то как совокупность приемов, навыков, знаний, умений и т. п., «направленных к достижению какой-либо цели» (Большая Энциклопедия. Под ред. Южакова, т. 18. СПб., 1904, стр. 398), то как форму реализации человеческого духа, то как предметную сферу культуры и т. д.

Все эти определения крайне абстрактны и, по существу, носят идеалистический характер, поскольку в первых двух обходится материальная сторона, а в двух последних техника выступает как производная функция человеческого духа, духовной культуры. Стремление рассматривать технику вне определенного способа производства неизбежно приводит к ее абсолютизации и фетишизации, к абстрактно-метафизическому противопоставлению техники и общества, к игнорированию взаимодействия техники и экономики.

Об относительной самостоятельности развития техники

Без рассмотрения вопроса об относительной самостоятельности развития техники нельзя понять механизм влияния техники на развитие экономики и обратного влияния экономики на развитие техники. Кроме того, рассмотрение этого вопроса необходимо потому, что одним влиянием экономики нельзя объяснить сложный, многообразный и противоречивый процесс развития техники. Само собой разумеется, что речь идет об относительной самостоятельности развития техники по отношению к экономике.

Относительная самостоятельность развития техники выражается в следующем: в преемственности развития техники, производительных сил; в противоречивом взаимодействии предметов труда и техники (механических средств труда главным образом), техники и людей в процессе труда; в противоречивом взаимодействии различных элементов, звеньев и отраслей самой техники; в общих закономерностях развития техники.

В развитии техники, производительных сил в целом существует преемственность. Данный уровень развития техники является продуктом предшествующей деятельности людей. Каждое новое поколение застает и использует имеющиеся в готовом виде производительные силы для нового производства и тем самым обеспечивает существование и развитие общества. Каждый новый тип экономических отношений возникает на основе уже достигнутого в рамках предшествующей общественно-экономической формации уровня развития техники, производительных сил. Можно считать законом то, что материальные условия последующей общественной формы создаются в предыдущей и как технологические условия и как экономическая структура производства. Игнорировать эту преемственность в развитии производительных сил было бы большой ошибкой.

Процесс труда имеет место при наличии

и взаимодействии трех элементов: людей с их целеполагающей деятельностью, техники и предметов труда. Отношения людей к природе конкретизируются и выражаются в двоякого рода противоречиях: а) между объектом труда и механическими средствами труда; б) между механическими средствами труда и людьми, применяющими их в процессе материального производства.

В процессе труда люди пользуются действием сил природы, поскольку они познали их, применяя орудия, машины и т. д. Люди изменяют форму того, что дано природой. Но и сама техника, как отмечал Ленин, потому и служит целям человека, «что ее характер (суть) состоит в определении ее внешними условиями (законами природы)» («Философские тетради», стр. 162).

Предметы и материалы труда обладают многообразными свойствами, имеют различную природу. Для преодоления сопротивления материалов труда, для преобразования их природы и придания им определенной формы, соответствующей нашим потребностям, необходимы различные средства труда, с различными конструктивными формами. Чем разнообразнее материалы труда и их свойства, чем разнообразнее продукты труда, производимые из имеющихся материалов, тем многообразнее способы и средства труда, тем больше дифференциация и специализация их. С другой стороны, недостаток или истощение запасов известных материалов труда вызывает необходимость совершенствования и развития техники, что дает возможность наиболее эффективно использовать данные материалы и предметы труда, а также расширить круг используемых материалов или создать новые, неизвестные в природе. Необходимо отметить, что в этом противоречивом взаимоотношении техники и предметов труда решающая роль принадлежит технике, ибо только она обеспечивает освоение и преобразование предметов труда, ибо только изменение и развитие техники обеспечивают расширение сферы управляемого и масштабов используемого людьми в природе.

Взаимодействие между средствами труда и людьми также носит противоречивый характер. Определенный уровень развития техники требует определенного культурно-технического уровня производителей: чем выше уровень развития техники, тем выше должен быть и культурно-технический уровень людей, и наоборот. Это общая историческая закономерная тенденция развития техники и знаний людей. От степени развития техники зависит и степень господства человека над природой, но и, в свою очередь, возможности развития тех-

ники зависят от уровня развития знаний людей.

Характер развития техники определяется не только противоречивым взаимодействием предметов труда и техники, техники и людей, но и противоречивым взаимодействием между различными элементами, звеньями и отраслями техники.

Так, например, в процессе механизации подземных работ в угольных шахтах применение угольного комбайна привело к несоответствию, противоречию между производственной мощностью комбайна и мощностью прежних средств транспортировки угля. Преодоление этого противоречия является необходимым условием повышения экономической эффективности механизмов, их развития и производительности труда людей, применяющих эти механизмы. Или другой пример: для производства мощных шагающих экскаваторов необходимы станки определенных габаритов и мощности; для обеспечения бесперебойной работы и полного использования мощности шагающих экскаваторов требуются самосвалы с большой грузоподъемностью и т. д. Все это реальные противоречия внутреннего развития техники, возникающие в процессе развития материального производства.

Характеристика относительной самостоятельности развития техники (имеется в виду техника машинного производства)¹ была бы неполной, если бы мы не остановились на рассмотрении некоторых общих закономерностей техники, присущих объективному ходу ее развития и определяемых действием законов механики, физики и т. д.

1. Усовершенствование и развитие техники осуществляются через дифференциацию, то есть образование различных по форме средств труда, и специализацию их, то есть приспособление к особому употреблению, к особой операции. Приспособление орудия к одной операции повышает его экономическую эффективность. Дифференциация и специализация средств труда включают их упрощение, то есть средства труда превращаются в средства выполнения простых, однотипных, повторяющихся операций. Дифференциация, специализация и упрощение — условия создания отдельных машин, а также систем однородных, а затем и разнородных машин. Эти

три момента являются необходимым условием также и комплексной механизации и автоматизации. Чем глубже осуществляется специализация, тем легче проводить автоматизацию, которая имеет место там, где операции носят характер однотипных, повторяющихся процессов или их групп.

2. Между производственными процессами в одном предприятии и в одной отрасли, между смежными и различными отраслями производства имеют место тесная связь, взаимодействие и взаимообусловленность их развития. В связи с этим техническое преобразование в одном из этих звеньев вызывает технические преобразования в других. Машинное прядение вызвало к жизни машинное ткачество, то и другое вызвали механико-химическую революцию в белильном, ситцепечатном и красильном производствах и т. д. Чем выше уровень техники материального производства, тем сильнее проявляется эта закономерная связь и взаимообусловленность в развитии техники.

3. Закономерным является также и то, что развитие техники неизбежно ведет ко все большему возрастанию массы техники в производстве и к систематической замене ручного труда механизированным. Причем закономерный ход развития техники определяет и закономерную смену функций человеческого труда.

В ходе развития машин сначала рабочей машине передается от производителя исполнительная функция по непосредственной обработке предметов труда, затем в результате создания механического двигателя машине передается двигательная функция, и, наконец, с созданием автоматических двигателей человек передает машине и системе машин и функцию управления. Об этом усложнении функций машин писал еще Маркс: «Когда рабочая машина выполняет все движения, необходимые для обработки сырого материала без содействия человека, и нуждается лишь в контроле со стороны рабочего, мы имеем перед собой автоматическую систему машин, которая, однако, поддается дальнейшему усовершенствованию в деталях» («Капитал», т. I, стр. 387). Сама логика развития техники делает необходимостью вытеснение ручного труда. Многоинструментальные, многопозиционные, агрегированные станки с их сложными функциями, большими скоростями, непрерывностью и одновременностью действий и с высокой точностью нуждаются в автоматическом управлении.

4. Данная Марксом схема развития машин выражает сложный, объективный, закономерный процесс развития техники материального производства: «Простые орудия, накопление орудий, сложные орудия; приведение в действие сложного орудия од-

¹ Мы не имеем возможности в рамках данной статьи рассмотреть закономерности развития техники на всех этапах развития общественного производства, поэтому ограничиваемся рассмотрением закономерностей развития техники машинного производства. Технический базис всех докапиталистических эпох был по природе своей консервативным; технический базис машинной индустрии по своей природе революционен.

ним двигателем — руками человека, приведение этих инструментов в действие силами природы; машина; система машин, имеющая один двигатель; система машин, имеющая автоматически действующий двигатель, — вот ход развития машин» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4. Изд. 2-е, стр. 156). Здесь нашли свое выражение: а) объективная последовательность этапов развития техники материального производства; б) закономерная преемственная связь этих этапов; в) общий ход смены функций человеческого труда в связи с развитием техники; г) общая специфическая закономерность развития техники по пути автоматизации производственных процессов.

5. Определенной закономерностью в развитии техники является общая тенденция, выражающаяся в том, что переход к новой технике, к новым техническим принципам осуществляется, как правило, после того, как старая техника достигнет потолка своего развития, когда дальнейшие усовершенствования приносят лишь незначительный экономический эффект в сравнении с эффектом от применения новой техники, новых технических принципов.

Для полноты характеристики сложности и относительной самостоятельности развития техники, производительных сил необходимо учитывать и то обстоятельство, что на развитие техники оказывают определенное влияние географическая среда, численность населения, потребности рынка, различные конкретно-исторические условия развития той или иной страны и т. д. Примером может служить возникшая недавно в нашей стране техническая задача: на могучих реках нашей страны построены и строятся крупные гидроэлектростанции. Поскольку эти гидроэлектростанции должны снабжать энергией промышленные центры, удаленные от них на сотни километров, возникла потребность развития техники электропередач на далекие расстояния. Конечно, эта задача была у нас решена в короткие сроки благодаря социалистическому способу производства, но экономическими отношениями нельзя объяснить сам факт возникновения такой технической задачи.

Как отмечал Карл Маркс, до 1825 года — эпохи первого всеобщего кризиса — «нужды потребления вообще росли быстрее, чем производство, и развитие машин было неизбежным последствием потребностей рынка» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, стр. 426). Что касается Северной Америки; то там введение машин было вызвано не только конкуренцией с другими странами, но и недостатком рабочих рук, «несоответствием между промышленными по-

требностями Северной Америки и ее населением» (там же).

Сделаем некоторые выводы: а) объективному ходу развития техники присущи многообразные противоречивые связи и отношения; по мере дальнейшего развития и усложнения техники эти противоречивые связи и отношения становятся все более многосторонними, и действие их усиливается; б) развитие техники в каждый данный момент всегда связано с разрешением определенных конкретных противоречий, которые постоянно возникают и требуют своего решения в процессе развития общественного производства; в) на базе этих реальных противоречий возникают определенные технические задачи, для решения которых необходимо наличие технических возможностей, то есть определенного уровня развития техники, научно-теоретической разработки технических вопросов, производственно-технического опыта людей и т. д.; г) действие на развитие техники различных сопутствующих причин, вытекающих из особенностей географической среды, земных недр, из специфики конкретно-исторических условий развития той или иной страны и т. д., лишь модифицирует формы и характер проявления закономерного, объективного развития техники; д) само по себе выяснение относительной самостоятельности развития техники дает возможность ответить на вопрос: как происходит развитие техники? Вопрос же об имманентном источнике развития техники и экономики можно решить лишь на пути выяснения существа диалектического взаимодействия техники и экономики, производительных сил и производственных отношений.

Сущность взаимодействия техники и экономики

В статье «О противоречиях в развитии производительных сил» (см. «Вопросы философии» № 4 за 1957 год) А. И. Крылов поднял вопрос о противоречиях в развитии производительных сил, пытаясь тем самым преодолеть ту ограниченную точку зрения, согласно которой развитие производительных сил объясняется только односторонним влиянием экономической формы. Но, осуществляя эту задачу, Крылов впал в другую крайность, пытаясь путем абстрактного рассмотрения противоречий процесса труда вообще, противоречий между обществом и природой, объяснить коренные причины развития производительных сил, техники. Несмотря на неоднократные оговорки, Крылов фактически низводит экономические отношения до роли более или менее благоприятных условий развития техники, производительных сил, дви-

жимых внутренними силами. Вот его конечный вывод: «Итак, сам процесс труда, процесс активного воздействия людей на природу, процесс борьбы, является основным, хотя далеко не единственным источником развития производства, таящимся в самих производительных силах» (стр. 184).

Выходит, что экономические отношения — лишь один из многих факторов наряду с основным фактором развития производительных сил, который таится в них самих¹.

Попытка отыскать основной источник развития техники, производительных сил в самом по себе факте существования внутренних противоречий развития техники, производительных сил содержит объективную тенденцию рассматривать причины развития производительных сил вне взаимодействия с определенными экономическими отношениями, вне деятельности определенных социальных групп и классов. Это, конечно, не значит, что содержание экономических интересов различных социальных групп и классов не зависит от объективной логики развития техники, производительных сил, то есть от уровня развития производительных сил, от степени познания закономерностей развития техники, от характера и требований противоречий развития техники, производительных сил. Более того, развитие техники порождает новые общественные потребности и т. д.

Для объяснения того, что производительные силы являются наиболее революционным и определяющим элементом способа производства, что развитие самих производительных сил начинается с орудий производства, средств труда, нет необходимости рассматривать вопрос с точки зрения самих по себе производительных сил, решать его без учета диалектического взаимодействия производительных сил с производственными отношениями.

Если на основе противоречий производства возникает техническая задача, но нет технических возможностей ее реализации, то противоречие не будет разрешено, хотя существующие производственные отношения будут способствовать разрешению задач производства. Так было с паровой машиной Дж. Уатта. В течение целого ряда

лет нельзя было осуществить широкое промышленное применение его машины из-за невозможности организовать производство цельных поршневых цилиндров, без которых паровая машина не могла работать с достаточной экономической эффективностью.

С другой стороны, если существуют необходимые технические возможности производства тех или иных машин, механизмов, но экономические отношения не способствуют их производству и широкому применению, то, несмотря на практическое решение назревшего противоречия, уже созданная машина не пойдет в производство, а потому не сможет дать толчок его развитию, не породит новых противоречий в развитии техники (паровая машина Ползунова и паровая машина Дж. Уатта).

Вот эта-то противоречивая динамика развития техники, производительных сил, которая имеет место при постоянном взаимодействии с определенными экономическими отношениями, определяет тот факт, что техника, производительные силы являются наиболее подвижным и наиболее революционным элементом способа производства. В результате возникновения и разрешения противоречий развития техники, производительных сил изменяются их уровень и характер, что приводит к необходимости изменения и тех экономических отношений, с которыми взаимодействуют производительные силы.

Таким образом, мы всегда должны иметь в виду единство производительных сил и производственных отношений. Производительные силы выступают как определяющий элемент способа производства, потому что в результате возникновения объективных противоречий в развитии техники, производительных сил и разрешения этих противоречий под действием экономических отношений изменяются уровень и характер техники, производительных сил, требующих и соответствующей формы экономических отношений. Экономические отношения, действие которых на развитие производительных сил осуществляется через разрешение объективных противоречий в развитии техники, производительных сил, являются решающим элементом способа производства в диалектическом взаимодействии техники и экономики, производительных сил и производственных отношений.

Влияние экономических отношений капитализма и социализма на развитие техники

Коренная противоположность природы экономических отношений капитализма и социализма определяет различные темпы, средства и способы разрешения противоре-

¹ Фактически ту же самую точку зрения проводит Г. М. Андреева в своей статье «О взаимоотношении формы и содержания в процессе развития», где она заявляет, что развитие содержания «определяется прежде всего развитием имманентных ему противоречий. Но в том случае, когда форма соответствует содержанию, его движение получает дополнительные импульсы» («Вестник Московского университета» № 3 за 1957 год, стр. 99).

чий технического развития и производительных сил в целом, а также своеобразие экономических закономерностей технического прогресса, целей и последствий развития и применения техники.

Господство частной, капиталистической формы собственности служит огромным препятствием на пути технического прогресса. Внутри отдельных предприятий, фирм и компаний капиталисты рационализируют, организуют и упорядочивают труд с целью усиления эксплуатации, выколачивания прибыли. В то же время во всем общественном производстве там господствуют анархия и ожесточенная конкурентная борьба. Все это исключает сотрудничество и планирование в развитии техники и производства. «Американские компании обычно не показывают своих проектов на будущее и не обсуждают их», — говорится в отчете Британского совета по производительности (см. «Вопросы организации производства в США», 1956, стр. 41).

Существование многочисленных частных фирм сдерживает создание условий для автоматизации, поставленной в порядок дня современным развитием техники. Так, например, число видов карманных и наручных часов, производимых частными фирмами Западной Германии, достигает 3 тысяч, число различных типов лопастей — 6 тысяч, стиральных машин — 130, тахометров — 200 и т. д. (Leo Brandt «Die zweite industrielle Revolution». «Die Zukunft», Н. 8, 1956, S. 209).

Это препятствует осуществлению широкой рационализации, специализации и кооперирования, типизации технологических процессов и нормирования, то есть созданию необходимых условий быстрого развития современной техники.

В условиях социалистических производственных отношений при наличии общественной собственности и плановой организации всего общественного производства подобные тормозящие факторы на пути технического прогресса не имеют места. В условиях социализма существует неограниченная возможность широкой рационализации, нормирования и типизации, осуществления специализации промышленности и кооперирования между СССР и другими странами социалистического лагеря.

Производственные отношения капитализма и производственные отношения социализма ставят различные экономические границы внедрения новой техники. Капиталист оплачивает не применяемый труд, а стоимость рабочей силы, поэтому экономической границей внедрения новой техники при капитализме является не разница между количеством заменяемого труда и трудом, вложенным в новую машину, как это

имеет место при социализме, а разница между стоимостью вытесняемой рабочей силы и стоимостью внедряемой машины, что ограничивает возможности внедрения новой техники, суживает сферу и масштабы ее применения. Применить ли автопогрузчик, простую грузовую машину или ручную вагонетку — вопрос решается только в зависимости от того, что принесет наибольшую прибыль. Для капиталистов, руководствующихся единственной целью получения наибольшей прибыли при наибольшей эксплуатации рабочих, проблема механизации тяжелых работ, облегчения условий труда и обеспечения его безопасности посредством техники встает лишь под давлением рабочего класса, профсоюзов, борющихся за создание нормальных условий труда, за утверждение и соблюдение законодательства о труде. В условиях социализма механизация тяжелых и трудоемких работ является одним из важнейших направлений технического прогресса. Вот характерный пример: монтаж 200-метровых радиомачт в СССР и в США решался совершенно по-разному. В США эта задача была решена посредством применения труда негров. В СССР работа по монтажу этих мачт осуществлялась при помощи самоподъемного крана, сконструированного советскими инженерами, ставившими при этом своей задачей обеспечение полной безопасности монтажных работ. Так возник в СССР особый тип крана, который затем был применен при строительстве высотных зданий (см. «Архив Института истории естествознания и техники», д. № 69; из выступления Ковельмана).

Необходимо, однако, отметить, что некоторые руководители промышленных предприятий, проявляя консерватизм и не заботясь о механизации тяжелых и трудоемких процессов, привлекали на такие работы низкооплачиваемых рабочих. Партия осудила эту практику и признала необходимым принять меры для всесторонней механизации тяжелых и трудоемких процессов, чтобы облегчить труд рабочих, сделать его более производительным, а стало быть, и более высокооплачиваемым.

Погоня за максимальной прибылью и страх перед обесценением вложенных капиталов служат огромным тормозом в деле реализации и дальнейшего усовершенствования новых технических открытий в странах капитала. Поскольку промышленное применение атомной энергии не сулит в настоящее время непосредственно наибольших прибылей для капиталистов и, кроме того, грозит обесценением капиталов, вложенных в угольную или нефтяную промышленность, постольку монополии США всячески препятствуют промышлен-

ному применению атомной энергии и направляют свои капиталы в производство атомной энергии в военных целях, получая от этого баснословные прибыли. Капиталисты хотят обеспечения гарантированной прибыли до того, как они осуществят капитальные вложения в то или иное техническое мероприятие.

В обстановке экономического соревнования социалистической и капиталистической систем развитие техники имеет не только экономическое, но и большое политическое значение. Это соревнование служит известным стимулом к развитию техники и в странах капитала. Ведущая, прогрессивная роль в этом соревновании принадлежит социалистической системе. Так, наша страна прокладывает пути в деле мирного использования атомной энергии, реактивной техники и т. п. В СССР построена первая в мире атомная электростанция и разработана программа строительства атомных электростанций в шестой пятилетке. Социалистические производственные отношения создают большие возможности для реализации новых технических открытий и дальнейшего их усовершенствования. Это, конечно, не значит, что в условиях социализма не возникают частичные и временные трудности на пути внедрения новой техники.

Нередко устаревший порядок финансирования, а в других случаях нежелание или боязнь некоторых руководителей предприятий идти на ломку установившихся форм организации производства в связи с внедрением новой техники и т. п. служат большим препятствием в деле промышленного использования новых изобретений и усовершенствований.

В условиях господства частной собственности любая монополия порождает тенденцию к застою. Поскольку устанавливаются монопольные цены, появляется экономическая возможность задерживать технический прогресс, и эта тенденция, как отмечал Ленин, берет верх в отдельных отраслях, в отдельных странах и на известный срок над тенденцией к техническим изменениям, к которым прибегают монополии с целью снижения издержек производства, для обеспечения успеха в конкурентной борьбе.

Тенденцию к задержке технического прогресса порождает и монопольное обладание колониями, возможность получения огромных прибылей за счет жестокой эксплуатации монополиями населения колониальных стран. Так, например, англо-американские компании в Африке работы по проходке вертикальных шахтных стволов полностью осуществляют ручным способом, за счет нещадной эксплуатации самых крепких мужчин из племени белви-

нов, в то время как существуют технические возможности механизации этих работ. В СССР эти работы механизированы, и советские проходчики при облегченном труде добиваются рекордных темпов проходки вертикальных шахтных стволов.

Экономические отношения капитализма обуславливают стихийный характер развития производства, развитие через насильственное нарушение и насильственное восстановление пропорций общественного производства. Неравномерность, непропорциональность развития техники являются закономерностью технического прогресса при капитализме. Периоды процветания сменяются периодами разрушительных кризисов и глубоких экономических спадов, бурное развитие одной отрасли сопровождается отставанием и упадком другой, погоня за прибылью делает «модной» то одну, то другую отрасль техники и т. д. Эта закономерность проявляется также и в однобоком, милитаристском направлении развития современной капиталистической техники.

Напротив, из основного экономического закона социализма — обеспечение удовлетворения растущих материальных и культурных потребностей трудящихся масс путем непрерывного развития и расширения производства на базе высшей техники — вытекает закономерность технического прогресса в условиях социализма, состоящая в непрерывном и ускоренном развитии техники социалистического производства. Сознательное применение и использование действия закона планомерного, пропорционального развития социалистического производства создают условия для равномерного и более пропорционального развития техники при социализме. Но в деле использования возможностей и преимуществ социалистических производственных отношений для ускоренного развития техники по пути комплексной механизации и автоматизации у нас наблюдались до сих пор большие недостатки. Имевшие место параллелизм, самотек и разобщенность в работах по механизации и автоматизации мешали осуществлять типизацию проектов, стандартизовать элементы средств автоматизации. Одной из причин отставания комплексной механизации и автоматизации от экономических потребностей страны являлось недостаточное внимание к этому делу хозяйственных руководителей на местах.

Закономерным в развитии техники в условиях капитализма является также невозможность осуществления полной автоматизации производства. Полная автоматизация предполагает непрерывное массовое поточное производство и соответствующий массовый стабильный рынок. Но этих предпосылок капитализм не может соз-

дать. По свидетельству английской бригады специалистов, в ведущей стране современного капитализма, в США, для полной автоматизации потребовалось бы еще несколько десятилетий. Но уже сейчас в США наблюдаются огромная недогрузка производственных мощностей, экономический кризис, огромная безработица. •

В странах капитала с развитием техники и производства неизбежно связано углубление пропасти между уровнем производства и уровнем платежеспособного спроса населения. Механизация и автоматизация ведут к росту армии безработных, к снижению заработной платы занятой части рабочих и тем самым к падению платежеспособного спроса населения. Автоматизация всей промышленности США привела бы к уменьшению числа занятых рабочих более чем в 10 раз, что породило бы депрессию в экономике страны.

Только социалистическое преобразование современного капиталистического общества может избавить трудящиеся массы от всех противоречий и социальных бедствий, порождаемых капиталистическим развитием и применением современной техники. Только в условиях социализма возможно осуществление полной автоматизации, ибо при социализме развитие техники не сопровождается противоречиями, раздирающими капиталистическое общество. Механизация и автоматизация производства в условиях социалистического строя не порождают и никогда не породят безработицу, поскольку будет осуществляться непрерывное расширение производства, сокращение рабочего дня при росте заработной платы, сокращение сроков производственного стажа, необходимого для пенсионного обеспечения, непрерывное улучшение условий быта и отдыха трудящихся. Непрерывно расширяющееся производство всегда найдет платежеспособный спрос населения, поскольку положение трудящихся масс непрерывно улучшается и уровень потребления непрерывно возрастает.

Буржуазные социологи, окончательно запутавшиеся в противоречиях современного капитализма, становятся на путь фетишизации техники, что заводит их в безысходный тупик. Так, английский социолог П. Клиэйтор в своей книге «Эра роботов» рисует картину «мирного» и «бескровного» пути замены человеческого общества обществом механических роботов. «С течением времени дела человечества все меньше и меньше будут управляться в результате решений выборных представителей номинально автономных сообществ, а все больше и больше верховным авторитетом постепенно узурпирующих власть механизмов» (Р. Cleator

«The Robot Era». 1955, p. 146). Он предлагает человечеству сознательно стать на путь самоуничтожения посредством проведения мер по сокращению рождаемости, предлагает все больше и больше применять эти меры соответственно росту числа саморегулирующихся механизмов, которые воплотят в себе творческую силу людей и сменяют их навсегда.

В условиях капитализма техника, функционируя как капитал, подавляет человека, усиливает зависимость наемного труда от капитала, ведет к удлинению рабочего дня, к громадному росту интенсивности труда и т. п. В Англии на более механизированных предприятиях рабочий день больше, чем на менее механизированных. В Англии, Франции, Западной Германии и других капиталистических странах в периоды относительного подъема производства рабочие систематически работают на сверхурочных работах, чтобы улучшить свое материальное положение. Это удлинение рабочего дня при чрезмерной интенсификации труда выматывает физические силы, истощает организм рабочего. Затем периоды чрезмерного напряжения сменяются безработицей, которая лишает рабочих средств существования. В Западной Германии ежегодно в результате чрезмерной интенсификации труда 250 тысяч рабочих преждевременно становятся инвалидами. В 1957 году число официально зарегистрированных больных профессиональными болезнями в Западной Германии повысилось по сравнению с 1928 годом в 12 раз.

В условиях господства капитала все методы и нововведения, имеющие целью повышение производительной силы труда, являются методами повышения производства прибыли. Всякое повышение производительности труда посредством внедрения новой техники ведет к усилению безработицы и к дальнейшему порабощению рабочих капиталом. Поэтому рабочие в условиях капитализма смотрят на все нововведения и развитие техники как на чуждое и враждебное им дело. Американские рабочие испытывают «застенчивость» и проявляют «сдержанность» в деле внесения рационализаторских предложений. Более того, в США приходится «убеждать» и психологически подготавливать рабочих к техническим нововведениям. Страх перед «технологической» безработицей служит большим препятствием к осуществлению нововведений и улучшению методов производства. Социальные бедствия, порождаемые капиталистическим применением техники, толкают рабочий класс капиталистических стран на борьбу за обеспечение гарантированной работой, против безработицы, вызываемой механизацией и автома-

тизацией в условиях капитализма. Эта борьба приобретает все более широкий размах. Вот почему «неотъемлемой частью любой технической проблемы является вопрос о взаимоотношениях с рабочими» («Вопросы организации производства в США», стр. 121). Но поскольку капиталистическое применение и развитие техники неизбежно углубляют социальные бедствия трудящихся масс, мечта буржуазных апологетов об установлении «сотрудничества» между рабочим классом и буржуазией так и останется бесплодной мечтой.

Совершенно иначе обстоит дело в условиях социализма. Внедрение новой техники и являющееся его результатом повышение производительности труда ведут к облегчению труда и улучшению материального положения трудящихся. Вот почему у нас движение рационализаторов и изобретателей стало всенародным делом. Только за четыре последних года было внедрено в производство почти четыре с половиной миллиона рационализаторских предложений и изобретений. Массовое движение рационализаторов и изобретателей, порожденное социализмом, превращается в могучую движущую силу технического прогресса.

Закономерностью развития и применения техники при капитализме является также и то, что по мере дальнейшего развития и повышения уровня техники усиливается отставание культурно-технического уровня рабочих, отрыв науки от непосредственного труда, углубляется противоположность между умственным и физическим трудом. Все это находит свое отражение в так называемом «культурном» пессимизме в работах буржуазных социологов, в общем лозунге о «дегуманизации», обезчеловечивании человека посредством техники. Практика американских фирм красноречиво свидетельствует о действии указанной закономерности. Фирмы стараются заготавливать чертежи не только деталей, но и отдельных операций, что дает возможность «применять труд менее квалифицированных рабочих» («Вопросы организации производства в США», стр. 92). Внедряя более совершенные и эффективные инструменты, фирмы ставят перед собой «основную задачу» — организовать работу так, чтобы ее по возможности могли выполнять неквалифицированные рабочие (см. там же, стр. 78). С точки зрения предпринимателей США, «неспециалист» должен выработать способность к анализу и быть психологически подготовлен к изменениям методов производства, но вовсе не должен обладать техническими навыками.

Напротив, закономерностью технического прогресса при социализме является непрерывный рост культурно-технического уровня трудящихся в соответствии с ростом уровня техники производства. Наше производство получает каждый год сотни тысяч молодых рабочих, обладающих высоким общеобразовательным уровнем и большой политехнической подготовкой. Сотрудничество инженерно-технического персонала и рабочих производства, сотрудничество работников науки и производства — специфическая, закономерная черта научно-технического прогресса в нашей стране. Коллективное научно-техническое творчество ученых, инженеров, техников и рабочих производства становится у нас массовым явлением, что отвечает потребностям ускоренного прогресса науки и техники.

Под руководством КПСС советский народ успешно преодолевает трудности и реальные противоречия развития техники нашего производства. За последнее время проведены крупные мероприятия по обеспечению ускоренного технического прогресса: меры по ликвидации несоответствия между устаревшими тарифными ставками, нормами выработки и уровнем и потребностями развития техники, реорганизация МТС и др. На современном этапе развития техники одним из важнейших условий технического прогресса являются специализация и кооперирование. Но сложившиеся производственные связи и обмен деятельностью между различными предприятиями и отраслями нашей промышленности в силу наличия министерских и ведомственных барьеров не способствовали осуществлению глубокой специализации и широкого кооперирования в той мере, как этого требовало развитие нашего производства. Противоречие это было разрешено путем реорганизации управления промышленностью и строительством. Гибкое сочетание централизованного планирования с демократическими методами руководства позволит наиболее полно использовать преимущества социалистического способа производства.

Великие преимущества социалистического строя нашли свое яркое выражение в могучем развитии Советского Союза, неслыханных темпах роста народного хозяйства, науки и техники в нашей стране. За двадцать два года мирного развития социалистический строй позволил нашему народу во главе с Коммунистической партией Советского Союза превратить отсталую Россию в передовую страну мира, обладающую могучей индустрией и занимающую ведущую позицию в ряде важнейших отраслей современной науки и техники.

В. И. БЕЛОЗЕРЦЕВ

О предмете марксистской социологии

I

Имеет ли социология свой предмет, свои законы, отличные от других общественных наук?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо коснуться проблемы разграничения и классификации наук. Энгельс указывал, что каждая наука анализирует отдельную форму движения или ряд связанных между собою и переходящих друг в друга форм движения (см. «Диалектику природы», 1955, стр. 200). Среди многообразных форм движения материи мы выделяем неорганические формы движения — предмет точных наук, органическое движение — предмет биологии и, наконец, общественное движение — предмет гуманитарных наук. Гуманитарные науки изучают те или иные стороны общественного движения: политэкономия — экономический базис общества, право — его политическую и юридическую надстройку, философия, этика, эстетика и т. д. — формы общественного сознания. Однако, помимо отдельных сторон и составных частей общественного движения, необходимо исследовать наиболее общие законы этого движения в целом.

Общественное движение в целом — предмет исторического материализма, то есть марксистской социологии, марксистской науки об обществе, изучающей наиболее общие законы общественного развития. Эти наиболее общие законы не что иное, как законы диалектического материализма в их конкретном проявлении в определенной (общественной) форме движения. Законы и категории исторического материализма — снимки этого общественного движения.

История как наука (гражданская история) изучает последовательность фактов, событий, политических схваток и битв. Право, философия, этика и т. д. имеют дело с идеологическим отражением классовых отношений. Политэкономия охватывает основу общественного движения — развитие экономической структуры общества, развитие производственных отношений. Но исследование должно идти от явления к сущности, от сущности I порядка к сущности II порядка. Поэтому оно в конечном счете приводит к наиболее общим социологическим законам, которые обуславливают все развитие общества в целом, развитие производительных сил, базиса, надстройки и других общественных явлений. Такими социологическими законами являются законы исторического материализма. Среди них надо различать общие законы, характерные для всей истории общества в целом,

и специфические законы, характерные для одной или нескольких общественно-экономических формаций.

Социологические законы являются объективными законами развития материальной и духовной жизни общества. Учет и использование этих законов — жизненная основа практической деятельности марксистско-ленинских коммунистических партий.

Сама обширность исторического материализма (который есть и марксистская наука об обществе и метод его исследования) заставляет различать его общие и отдельные области. Материалистическое понимание истории изучает наиболее общие законы и категории общественного движения. Здесь необходима значительная степень абстракции, отход от конкретного материала и многообразия фактов, обобщение главного, устойчивого, типичного в общественном движении. Другая область исторического материализма — это изучение конкретно-исторического материала, изучение специфики отдельных формаций, отдельных общественных явлений в строго определенных, ограниченных исторических периоды. Это изучение ведется на основе методологии исторического материализма. Оно должно не ограничиваться внешней, фактической стороной явлений, а вскрывать наиболее глубокие закономерности, которые обусловили развитие и изменение изучаемого предмета. Эта область конкретного исследования есть необходимая область марксистской социологии. Задача марксистской социологии — изучение общества в целом, неразрывно связанное с изучением его составных частей, отдельных классов, отдельных общественных явлений на данном, исторически определенном этапе их развития.

Если исторический материализм как наука охватывает все общественное движение за весь период его существования, то особая область исторического материализма прослеживает конкретные экономические, политические, идеологические условия, в которых живет и развивается общество в каждой данной формации и при переходе от одной формации к другой.

Различение указанных областей исторического материализма условно и относительно. Это две сферы одной науки, между которыми нет и не должно быть непроходимых границ, сферы, которые, наоборот, обуславливают и дополняют, взаимодействуют и обогащают друг друга.

Маркс в послесловии к «Капиталу» говорит о двух стадиях исследовательской работы и о соотношении конкретного и аб-

страктного, исторического и логического в этой работе: «Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение» («Капитал», т. I, 1951, стр. 19).

В работах классиков марксизма-ленинизма мы видим сочетание взаимообусловленных сторон исторического материализма. Конкретное, детальное, точное изучение фактов и событий с позиций материалистического понимания истории приводит к обнаружению важнейших социологических законов, которые движут обществом.

II

Вопрос о предмете марксистской социологии и ее законах нуждается в деловом обсуждении. Здесь необходима научная дискуссия, которая приведет к выработке единой, правильной, марксистской точки зрения на разбираемый вопрос.

В этой связи хотелось бы остановиться на положениях статьи Юргена Кучинского, «Социологические законы» («Вопросы философии» № 5 за 1957 год), которые, по нашему мнению, не могут быть признаны правильными.

Стремясь выделить социологию как самостоятельную науку, имеющую собственный предмет и свои законы, Ю. Кучинский встал на позицию разграничения и противопоставления законов исторического материализма и социологических законов. Он различает три больших сферы: природу, общество и мышление. Отношение сферы общества в целом и сфер природы и мышления подчинено законам исторического материализма. Отношения между частями общественной сферы и одной из двух других сфер или же отношения между различными частями общественной сферы он относит к законам социологическим. В качестве примера законов исторического материализма Кучинский называет закон о примате общественного бытия над сознанием. В качестве социологических законов Кучинский называет закон, определяющий «общие отношения между общественным сознанием и мышлением», закон, регулирующий отношения между естественным ростом населения и развитием производительных сил, а также законы, которые раскрывают соотношение между производительными силами, производственными отношениями и надстройкой — в первую очередь закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил (см. стр. 96).

Позиция Ю. Кучинского в данном вопро-

се крайне неубедительна. В самом деле, принесет ли пользу социологическому исследованию подобное искусственное разграничение сфер и частей общества и их отношений к природе и мышлению? Например, возможно ли какое-либо самостоятельное, отдельное отношение производительных сил либо надстройки к природе и мышлению вне связи со всей общественно-экономической формацией в целом? Разумеется, нет. Отношение человека и общества к природе всегда опосредовано исторически определенным способом производства. Между обществом и природой вырастает вторая природа, созданная человеком, — техника, — вырастает в рамках определенных, от воли и сознания человека и человечества независимых производственных отношений, развивающихся с естественноисторической необходимостью.

Если из этой генетически зависимой, исторически развившейся системы связей и отношений мы искусственно выделим отношение «производительные силы — природа», то сами производительные силы утратят свой общественный характер, социальную значимость, они станут простой суммой орудий, механизмов и технологических приемов для обработки природных материалов, всего, что является предметом исследования уже не социолога, а историка техники и технологии.

Далее, если мы вычленим отношение «общественное сознание — мышление» (Ю. Кучинский, вероятно, разумеет под мышлением индивидуальное сознание, субъективный мир человека), возникнет вопрос: какие особые социологические законы регулируют это отношение? Сознание не может быть не чем иным, как сознанным бытием. Это в равной степени относится и к общественному и к индивидуальному сознанию. Но сознание индивида всегда опосредовано его местом в исторической системе производственных отношений, его классовой принадлежностью, его материальным бытием. С позиций своей общественной практики индивид воспринимает воздействие общественного сознания, надстройки, идеологии и т. д. Таким образом, и это отношение не есть самостоятельное, а подчиняется общему закону примата общественного бытия над сознанием, тому закону, который Кучинский называет одним из основных законов исторического материализма.

Отношения между тремя плоскостями развития общества — производительные силы, производственные отношения и надстройка — Ю. Кучинский также относит к особым социологическим законам, отличным от законов исторического материализма. Но что является наиболее типичным для отношений между этими тремя состав-

ными частями всей общественной структуры? Это, как известно, первичная и определяющая роль материального производства во всем общественном развитии, далее, соотношение производственных отношений характеру и уровню производительных сил, наконец, доминирующая роль производственных отношений как основы всех остальных общественных отношений и всего здания общества. Здесь мы в действительности имеем дело с законами, которые говорят о первичности общественного бытия по отношению к общественному сознанию, материального производства по отношению к политической и идеологической жизни общества. Каждый из этих законов действует на всем протяжении жизни общества и относится к общим социологическим законам. Но каждый общий социологический закон есть не что иное, как закон исторического материализма, ибо он вытекает непосредственно из материалистического понимания истории, из применения материалистического решения основного вопроса философии к области общественного развития.

Ленин подчеркивал, что только материалистическое понимание истории создало возможность н а у ч н о й социологии. «Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов... и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс» (В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 124—125).

Материалистическое понимание истории (исторический материализм) есть, говоря словами Ленина, «твердое основание» научной социологии. Разграничение этих областей и их законов означает шаг назад в науке об обществе.

III

Отличение социологических законов от законов исторического материализма приводит к более узкому и ограниченному пониманию самого социологического закона. Это ясно сказывается в решении Ю. Кучинским вопроса об отношении между экономическими и социологическими законами. Он пишет: «Особенность процесса развития общества состоит в том, что его в конечном счете определяют два рода закономерностей... экономические законы по своей действительной силе имеют преимущество по сравнению с социологическими законами» (стр. 96).

Коренная ошибка Ю. Кучинского состоит в том, что он обособляет и отгораживает

одни социальные закономерности от других. При этом социологические законы становятся второстепенными по сравнению с экономическими и играют известную роль только в переходные периоды смены формаций. Ю. Кучинский абсолютизирует различия между теми и другими законами и фактически отрывает их друг от друга. Между тем вопрос об отношении социологических и экономических законов следует решать иначе.

Имеются характерные отличия между общими социологическими и экономическими законами. Эти отличия касаются сферы действия тех и других законов.

Экономические законы распространяются только на сферу общественного производства и распределения. Было бы вульгаризацией, если бы мы стали объяснять все без исключения общественные явления действием одних лишь экономических законов. Иначе обстоит дело с общими социологическими законами. Они охватывают и направляют движение всего общества в целом, то есть производительных сил, базиса и надстройки. Частные закономерности развития каждой из этих трех сфер (а эти закономерности существуют и требуют своего исследования) подчиняются общим социологическим законам. Так, например, закономерности развития производственных отношений определяются в конечном счете общим социологическим законом соответствия производственных отношений характеру и уровню производительных сил. Соблюдение или нарушение этого общего социологического закона обуславливает нормальный или кризисный характер самой экономики, восходящую или нисходящую, прогрессивную или реакционную стадию данной общественно-экономической формации.

Несколько иначе обстоит дело со специфическими социологическими законами. Они ограничены во времени и преходящи. Например, законы классовой борьбы действуют в классовом, антагонистическом обществе и прекращаются в бесклассовом, социалистическом. Законы классовой борьбы коренятся в расколе общества на антагонистические классы, то есть, в конечном счете, в отношениях частной собственности на средства производства. Но, вырастая из этих отношений, законы классовой борьбы идут значительно дальше экономических законов: они пронизывают всю политику и идеологию общества, обуславливают классовое применение «нейтральных» по отношению к классам научно-технических открытий и изобретений. Вырастая из экономики, классовая борьба становится движущей силой антагонистического общества и решающим средством перехода от одной общественной формации к другой.

Все сказанное приводит к следующим выводам:

1. Нельзя противопоставлять и отделять законы исторического материализма и социологические законы. Здесь поистине не надо двух слов, двух понятий, ибо они тождественны. От тесной связи со своей теоретической базой — материалистическим пониманием истории — социология как наука не умаляется, а лишь укрепляется.

2. Следует различать наиболее общие социологические законы, характерные для всего общественного движения в целом, и специфические (частные) социологические законы, характерные для нескольких или одной общественно-экономической формации.

3. Между социологическими и экономическими законами нет непроходимой пропасти. Социологические законы определяют весь естественноисторический процесс развития общества, а экономические законы — основу этого процесса, материальное производство. За спецификой этих законов нельзя не видеть их диалектическую связь и взаимообусловленность.

IV

Перед марксистами, изучающими общественные явления и закономерности, сейчас с особой необходимостью встает вопрос об основных направлениях и методах социологического исследования. Мы живем в особую эпоху, которая является кульминационной во всей истории человеческого общества, — эпоху перехода от классового, эксплуататорского общества к коммунистическому обществу без классов и эксплуатации. Ответственность социолога-марксиста в эту эпоху необычайно велика — он должен дать точную научную картину небывалых всемирно-исторических сдвигов, проследить и объяснить все важнейшие общественные изменения и раскрыть движущие силы и закономерности перехода общества от капитализма к коммунизму. Такая работа не самоцель, а необходимый вклад в общую борьбу за коммунизм, она призвана служить революционной практике авангарда человечества — рабочего класса и его коммунистических партий.

Основной задачей социологии является изучение общественного развития, общественного прогресса. Марксизм-ленинизм с научной точностью вскрыл объективную необходимость и неизбежность революционного развития общества от монополистического капитализма к социализму и коммунизму. Задача марксистской социологии — проследить это развитие, раскрыть его условия, предпосылки и причины во всех важнейших областях общественной жизни.

Здесь в первую очередь необходимо исследовать развитие производительных сил, производственных отношений и надстройки общества (политический, культурный, нравственный прогресс). Рождение и победа нового, коммунистического общества — процесс сложный, трудный, процесс столкновения и борьбы непримиримых общественных противоположностей, процесс наступлений и отступлений, в которых выковывается грядущая победа.

Когда марксистская социология охватит все звенья этого процесса, учтет всю его сложность и противоречивость, вскроет его законы и неодолимые тенденции, только тогда она даст исчерпывающий ответ на вопрос об общественном прогрессе в эпоху перехода от капитализма к коммунизму.

Особое значение приобретает детальное и систематическое изучение отдельных сторон и явлений жизни общества. Можно назвать следующие проблемы, которые представляют большой интерес для социологии: роль и место техники в общественном развитии; влияние войны на общественное развитие; народные массы, нация, семья в общественном развитии. Общепризнано обратное воздействие надстройки на материальную жизнь общества, однако еще далеко не достаточно выяснено влияние таких форм общественного сознания, как мораль, философия, наука, искусство.

Но самой центральной задачей для марксистской социологии был и остается вопрос об общественных классах и классовой борьбе. Только изучение этого вопроса дает ключ к пониманию движущих сил прогресса в нашу эпоху, причин различных общественных явлений и их идеологических отражений. В первую очередь необходимо систематическое исследование главных классов современного капиталистического общества — буржуазии и пролетариата. Социология должна иметь точную и конкретную картину соотношения монополистической буржуазии, средней и мелкой буржуазии, буржуазной интеллигенции, пролетариата и крестьянства в каждой значительной капиталистической стране. Социология должна проследивать процесс поляризации буржуазного общества, развития финансовой олигархии, сдвигов и изменений в рабочем классе. Такого рода исследования призваны вооружить коммунистические партии в их борьбе против правосоциалистических и ревизионистских теорий. В качестве примеров таких полезных исследований следует назвать работы С. Аароновича, Г. Стейна, Г. Аптекера, Уильяма Фостера, Виктора Перло. Советские социологи, к сожалению, все еще недостаточно разрабатывают вопрос о классовых процессах буржуазного общества.

Следует отметить, что советские социоло-

логи дали ряд ценных трудов о рабочем классе, крестьянстве и интеллигенции при социализме. Но наряду с этим опубликовано довольно много работ, которые носят слишком общий, неконкретный характер. Цифровой и фактический материал зачастую используется не для анализа и серьезных социологических выводов, а лишь как иллюстрация. Нашей социологической продукции недостает конкретной исследовательской работы по областям и районам страны, по заводам и колхозам, по отдельным профессиям. В результате наши выводы недостаточно опираются на факты, а факты, как известно, — это воздух учебного.

Сейчас советские люди с особой любовью и вниманием вспоминают о первых шагах нашего общества. Ни одно завоевание, ни один героический подвиг нашего народа, нашей партии не должны быть забыты. Советская общественность вновь ставит вопрос о том, что необходимо написать историю заводов и фабрик, историю городов и сел, историю колхозов и совхозов — вы-

полнить задачу, впервые выдвинутую А. М. Горьким. В каждой области и районе у нас имеется немало квалифицированных и способных кадров партийных и советских работников, преподавателей и лекторов, работников газет и журналов, которые с большой энергией возьмутся за это дело. Задача советских философов и историков — выработать и предложить правильную методику такого широкого исследования. Результатом этого будет труд огромной социологической важности: мы будем иметь картину социальных изменений как в масштабе всей страны, так и в каждом отдельном звене. Именно такая коллективная, охватывающая десятки и сотни исследователей работа даст нам совокупность всех, без единого исключения фактов о строительстве первого в мире коммунистического общества. Это неизмеримо увеличит силу и действенность аргументов марксистской социологии в ее борьбе против реакционных идей буржуазного общества.

В. В. КОЛБАНОВСКИЙ

Об основном противоречии и основном экономическом законе формации

В опубликованных журналом «Вопросы философии» статьях П. А. Степаняна (№ 2 за 1955 год) и Р. П. Корниевского (№ 2 за 1958 год) по вопросу о противоречиях при социализме прослеживается связь между основным экономическим законом и основным противоречием формации. Основное противоречие экономической формации представляет собой внутреннее противоречие основного экономического закона и является источником движения общественного производства данной формации.

Авторы указанных статей ограничиваются выводами, касающимися социалистического способа производства. Однако, поскольку категория основного экономического закона, как закона, отражающего цель общественного производства и средства для ее достижения, присуща всем способам производства, то и категория основного противоречия, как внутреннего противоречия основного экономического закона, должна существовать во всех экономических формациях. Единый подход к определению основного экономического закона требует такого же подхода и к категории основного экономического противоречия формации.

При социализме уничтожены классовые ограничения, стеснявшие развитие потреб-

ления общества, снят барьер между производством и потреблением. Фактический уровень потребления идет в ногу с развитием производительных сил. Следовательно, при социализме уничтожено антагонистическое противоречие между производством и потреблением. Но здесь существует противоречие между производством и потребностями, поскольку создание научных и технических предпосылок для возникновения новых потребностей идет быстрее, чем создание производственных предпосылок для их удовлетворения.

В настоящее время определились основные аргументы, выдвигаемые против признания противоречия между производством и потребностями основным противоречием формации.

Первое возражение заключается в том, что пытаются представить противоречие между производством и потребностями хотя и существующим, но каким-то абстрактным, бесплотным, ничего не могущим дать для характеристики данной общественной формации. Так, Я. А. Кронрод пишет: «Маркс... рассматривает противоречие между производством и потребностями в качестве общего противоречия всякого общественного воспроизводства на любой ступени его исторического развития... уже в силу одного этого данное общее противо-

речие не может быть и не является специфическим противоречием какого-либо одного способа производства, в том числе и социалистического» («Вопросы философии» № 2 за 1956 год, стр. 176).

Однако Маркс, указывая на наличие общих, абстрактных категорий, присущих всем способам производства, считал, что эти категории в каждой формации наполняются каждый раз конкретным экономическим, классовым содержанием, неразрывно связанным со спецификой данных производственных отношений. Так, категория пропорциональности производства, основанного на общественном разделении труда, присущая многим общественным формациям, по своему экономическому содержанию коренным образом различна в разных формациях. На нынешнем уровне развития науки, когда открыта категория основного экономического закона, установлено, что именно конкретное экономическое содержание цели производства и средств ее достижения определяет специфику каждой формации, несмотря на то, что абстрактное определение категории основного экономического закона является общим для всех формаций.

Так же обстоит дело и с общим определением категории противоречия между производством и потребностями. Абстрактное противоречие между производством и потребностями, будучи опосредовано всей системой экономических отношений определенного способа производства, приобретает специфическую конкретную форму, наполняется свойственным данной формации конкретным содержанием. Таким образом, аргумент о том, что противоречия между производством и потребностями не могут выражать специфику определенного способа производства, отпадает.

Второе возражение против признания рассматриваемого противоречия основным противоречием формации заключается в том, что для капитализма противоречие между производством и потребностями определенно не является основным экономическим противоречием.

Как известно, при капитализме основным противоречием является противоречие между общественным характером производства (сторона противоречия, характеризующая производительные силы) и частнокапиталистической формой присвоения продукта (сжатая характеристика производственных отношений).

Тот факт, что при капитализме противоречие между производством и потребностями не является основным противоречием, объясняется особыми чертами этого общественного строя, в определенном отношении выделяющими его из ряда существовавших способов производства. Эта специ-

фика капитализма заключается в том, что он впервые и единственный раз в истории антагонистических формаций делает непосредственной целью производства не потребление прибавочного продукта эксплуататорским классом, а производство и присвоение прибавочной стоимости. Конечная цель производства — потребление — является общей для всех способов производства. Однако в эксплуататорских формациях производство объективно подчинено достижению определенной промежуточной цели, которая и при рабовладении и при феодализме выступает как удовлетворение потребностей эксплуататоров. Потребление же всего общества, трудящихся масс является служебным, опосредствующим элементом в процессе достижения этой цели.

Капитализм представляет собой формацию, стоящую на грани коренного перелома в жизни общества. Крупная промышленность, развивающаяся при капитализме, по своей природе предназначена для производства массовой продукции, рассчитанной на потребление всего общества. В то же время вследствие существования частной капиталистической собственности удовлетворение потребностей общества не может стать целью производства. Поэтому при капитализме целью производства не может быть ни потребление эксплуататорской части общества, ни потребление всего общества. Это значит, что основное противоречие капитализма, как внутреннее противоречие основного экономического закона, не может быть противоречием между производством и потреблением.

Развитие эксплуататорских формаций исчерпало себя, и это проявляется в отрыве производства от потребления при капитализме. Для капитализма характерно положение, когда производство уже не может существовать для удовлетворения лишь потребностей эксплуататоров и еще не может существовать для удовлетворения потребностей общества. Такой перелом в развитии производства может происходить только один раз в истории общества. Он знаменует собой завершение предыстории человечества и начало подлинной его истории.

Таким образом, поскольку потребление в различной экономической форме так или иначе фигурирует в качестве непосредственной цели производства во всех формациях, кроме капитализма, мы не можем согласиться с утверждением Р. П. Корниевского о том, что противоречие между производством и потребностями выступает в качестве основного только при социализме, так как приобретение этим противоречием «роли основного противоречия вытекает из специфики социалистических производственных отношений» (стр. 132).

Нам необходимо также остановиться на роли противоречия между производством и потребностями в развитии общественного производства каждой формации и осветить вопрос, почему основное противоречие в досоциалистических формациях приводило к взрыву производственных отношений, а при социализме и коммунизме не может привести к нему.

Данный уровень развития производительных сил обуславливает определенный уровень или, образно выражаясь, горизонт потребностей. С развитием производительных сил этот горизонт непрерывно расширяется, увеличиваются возможности удовлетворения существующих потребностей, создаются условия для возникновения новых. Однако потребности общества как производное от уровня производительных сил обязательно преломляются сквозь призму производственных отношений каждой формации, выступают как потребности определенных классов, удовлетворяемые через специфические формы распределения.

Горизонт возможностей производства может не совпадать с рамками развития потребления, обуславливаемыми существующими производственными отношениями, так как производительные силы обладают возможностями развиваться непрерывно, а эксплуататорские производственные отношения не позволяют потреблению увеличиваться с такой быстротой. Раскрывая скобки в положении о том, что производственные отношения являются двигателем или тормозом развития производительных сил, заметим, что производственные отношения играют роль двигателя до тех пор, пока горизонт развития потребностей на данном уровне развития производительных сил совпадает с возможностями потребления, предоставляемыми существующей системой производственных отношений. Когда производительные силы перерастают эти возможности расширения потребления, начинается постепенное торможение производственными отношениями развития производительных сил. Таким образом, до поры до времени развитие потребностей общества в определенной классовой форме толкает производство вперед, а затем начинает сказываться несоответствие между непрерывным развитием производительных сил и более или менее стабильным уровнем потребления в рамках данной системы производственных отношений.

Каждая из существовавших формаций в начале своего развития давала возможность значительного роста потребления общества в целом (имея, конечно, в виду, что непосредственной целью производства являлось удовлетворение притязаний гос-

подствующего класса). В условиях первобытнообщинного строя уровень потребления всех членов общества колебался в зависимости от различных природных условий вокруг нижней границы физического минимума. Причем только наличие уравнительного распределения спасало общество от гибели. Тогда существовала прямая связь между производством и потреблением. Производство велось коллективом для потребления всего коллектива. Необходимость хотя бы минимального удовлетворения потребностей настоятельно требовала развития и совершенствования примитивных производительных сил. Здесь мы отчетливо видим и основной экономический закон, указывающий направление и характер производства, и противоречие между производством и потребностями общества, являющееся одновременно основным противоречием и внутренним противоречием основного экономического закона.

В случае сохранения первобытных производственных отношений путь к дальнейшему росту производительных сил был бы отрезан, так как если бы рост потребностей происходил на базе первобытных отношений, то вследствие низкого уровня развития производительных сил скольконибудь заметное увеличение потребления всего общества могло произойти только через огромный промежуток времени, наступил бы застой в развитии. На это указывал Энгельс, когда говорил, что без античного рабства не было бы современного социализма.

Поэтому дальнейшее расширение потребления могло идти не в масштабе всего общества, а как расширение потребления и потребностей эксплуататорского меньшинства общества. Развитие производительных сил, культуры, науки в рабовладельческом обществе явилось следствием того, что возможность роста потребностей была сконцентрирована на определенном ограниченном участке, что выражало собою образование антагонистических классов.

С течением времени неизбежно проявляется историческая ограниченность рабовладельческого общества, заключающаяся в противоречии между ростом производительных сил и скованностью роста потребления, определявшейся эксплуататорской природой рабовладельческого строя. Уровень потребления рабов не может быть поднят в целом выше физического минимума. Без этого условия рабство перестало бы быть рабством.

Феодальные производственные отношения означают рост потребностей общества за счет появления у крепостного крестьянина заинтересованности в производительности своего труда, за счет роста городов и городского населения, развития торгов-

ли и т. д. В то же время вследствие эксплуататорского характера этих отношений им присуща та же ограниченность, какая наблюдалась и при рабовладельческом строе.

Таким образом, на примере каждой из докапиталистических формаций можно проследить, что противоречие между производством и потребностями как внутреннее противоречие основного экономического закона и как выражение противоречия между производственными отношениями и производительными силами обуславливало все фазы движения каждой формации: зарождение, расцвет и гибель.

При социализме производственные отношения обеспечивают непрерывный рост потребления общества по мере развития производительных сил. Это означает, что отпадает основа для взрыва социалистических производственных отношений, так как этот взрыв происходит лишь тогда, когда производственные отношения ограничивают потребление общества, рост его производительных сил. При социализме рост потребления обеспечивает возможность непрерывного и безграничного развития производства. Основное экономическое противоречие социализма заключается в противоречии между достигнутым в каждый момент уровнем развития производительных сил и растущими потребностями общества.

Состояние потребления общества как производное от характера существующих производственных отношений и соотношение с ним уровня развития производительных сил можно сравнить с вырастанием человека из старой одежды, которая раньше была ему впору, но затем стала узкой, стесняющей движения. Такую одежду нужно сбросить и заменить ее новой. Однако если мы представим себе такой костюм, который растет по мере роста самого человека, то у нас отпадает необходимость в отбрасывании и замене этого костюма.

Так эксплуататорские производственные отношения подлежат взрыву и ликвидации, поскольку они не могут обеспечить рост потребления в объеме новых потребностей, порождаемых ростом производительных сил. Иное дело при социализме и коммунизме, когда по самой природе этого общества потребности его растут непрерывно, а рост потребления ограничен только рамками развития производства.

В настоящее время, когда существует социализм и идет строительство коммунистического общества, когда для третьей части населения земли закончилась предыстория человечества, мы можем смело рассматривать взаимосвязь производства и потребления за весь период суще-

ствования общества в целом. Развитие производительных сил первобытного строя привело к отрицанию прямой связи производства и потребления всего общества. Дальнейшее движение этого процесса привело к отрыву производства от потребления при капитализме. Однако причина, обусловившая этот отрыв — развитие производительных сил, — содержала в себе предпосылку и объективное требование соединения производства и потребления на новой основе, на основе общественной собственности на средства производства. Этот процесс отражает действие диалектического закона отрицания отрицания в истории общества.

Рассмотрение вопроса об основном противоречии социализма требует уточнения некоторых положений об основном экономическом законе. Так, Я. А. Кронрод в упоминавшейся нами статье пишет, что основной экономический закон социализма является отражением «целой системы неантагонистических противоречий, которые и образуют в совокупности специфически исторический источник движения, развития экономики социализма» (стр. 177). Это вытекает из утверждения Кронрода о том, что основной экономический закон социализма отражает всю систему социалистических производственных отношений. Р. П. Корниевский считает, что основным экономический закон отражает все главные черты социализма.

Если принять эти утверждения гг. Корниевского и Кронрода, то мы вынуждены будем признать своеобразное «дублирование» законов. Сначала процесс отражается частным, «рядовым» экономическим законом, а затем он же отражается основным экономическим законом. На этой почве возникло часто встречающееся неправильное положение о мистическом «подчинении» всех экономических законов основному экономическому закону. В некоторых работах переоценка и неправильное понимание основного экономического закона привели к тезису о том, что все экономические законы будто бы «вытекают» из основного, хотя такое утверждение противоречит элементарному марксистскому положению о возникновении всех экономических законов, в том числе и основного, на базе определенной формы собственности на средства производства.

В действительности ни один экономический закон не в состоянии выразить сущность всех сторон производственных отношений. Принятие рассмотренного нами неверного утверждения фактически приводит в конечном счете к выводу о второстепенности и ненужности всех экономических законов формации, кроме

основного, поскольку сущность тех процессов, которые они призваны отражать, якобы заключена уже в основном экономическом законе.

Разбираемые нами положения представляют неправильное истолкование объективно существующей ведущей роли основного экономического закона в системе всех экономических законов формации.

Нам кажется, что необходимо четкое определение экономического процесса, отражаемого основным экономическим законом. Этот закон показывает объективную цель производства, определяет средства для достижения ее и, таким образом, дает направление движению и развитию данной формации, направление, по которому развиваются все экономические процессы. Каждый экономический закон отражает определенный экономический процесс, определенную сторону производственных отношений, но все процессы и стороны последних развиваются в направлении, которое указано основным экономическим законом. Так мы освобождаемся от несуществующего «дублирования» законов и в то же время можем понять причину ведущей роли основного закона среди других экономических законов. Мы видим, что основной экономический закон осуществляется через движение его внутреннего противоречия, которое является основным противоречием формации, выражением наиболее общего экономического противоречия — противоречия между производительными силами и производственными отношениями.

Исходя из понимания основного противоречия социализма, как противоречия внутри основного экономического закона, а также учитывая изложенные нами ограничения понятия этого закона, мы не можем согласиться с положениями той части статьи О. Г. Юровицкого (см. «Вопросы

философии» № 6 за 1957 год, стр. 120), где он дает определение нескольких внутренних противоречий основного экономического закона социализма. Сформулированные автором статьи и реально существующие противоречия между необходимостью осуществления одновременно наивысшего роста производства и потребления, с одной стороны, и ограниченностью имеющихся производительных сил (лучше сказать, материальных и трудовых ресурсов общества) — с другой, являются внутренним противоречием закона преимущественного роста производства средств производства по сравнению с ростом предметов потребления. Противоречие между необходимостью всемерного удовлетворения личных потребностей в каждый момент и необходимостью максимального накопления является противоречием закона социалистического накопления. То же можно сказать и о других противоречиях, разбираемых в статье. Основой ошибки О. Г. Юровицкого является то, что он принял взаимосвязанные и взаимозависимые экономические процессы за один процесс. Тов. Юровицкий невольно распространил основной экономический закон на всю сферу производственных отношений социализма. Однако каждый процесс, каждая сторона производственных отношений имеет свою специфику, свои законы развития, свои противоречия.

Вскрытие и изучение антагонистических противоречий капиталистического общества показывают его историческую обреченность, неизбежность его гибели. Раскрытие и исследование противоречий социализма вследствие их особого, неантагонистического характера являются ключом к пониманию огромных жизненных сил и величественных перспектив развития социализма.

В. И. МАРЦИНКЕВИЧ (Ростов-на-Дону)

О противоречиях социалистического общества

Внутренние противоречия — источник развития социалистического общества

Е. Т. Лукина в статье, озаглавленной «Не противоречия, а преодоление их движет вперед» («Вопросы философии» № 3 за 1957 год), одним росчерком пера «уничтожает» общеизвестную истину марксизма о том, что противоречия являются источником развития. Но чем же она аргументирует? Ничем! Все «доказательства», приведенные ею в статье, подтверждают, что именно противоречия являются источником развития.

Под противоречием марксизм понимает взаимодействие, борьбу противоположностей в едином. Эта борьба есть процесс преодоления единства, завершающийся переходом в свою противоположность. Противоречие содержит в себе свое собственное преодоление. Вся история классовой борьбы пролетариата есть история ее собственного преодоления и включает в себе свой неизбежный результат — ликвидацию капитализма. Нельзя отрывать пре-

одоление противоречия от самого противоречия, поскольку оно немислимо без борьбы за его преодоление.

Тезис «не противоречия, а их преодоление движет вперед» допускает существование противоречия без преодоления, рассматривает противоречие не как борьбу, действие, а как «равное самому себе состояние» покоя, требующее вмешательства внешней силы для своего преодоления. Следовательно, этот тезис фактически отрицает внутренний источник самодвижения и переносит его вовне.

* * *

Другая, близкая к этой точка зрения весьма рельефно изложена в статье В. П. Рожина и В. П. Тугаринова «О противоречиях и движущих силах» («Вопросы философии» № 3 за 1957 год). Вся статья пронизана духом отрицания противоречия как источника развития. Авторы статьи прежде всего сообщают, что «классики марксизма-ленинизма отнюдь не утверждали, что развитие чего бы то ни было осуществляется на основе одних лишь противоречий» (стр. 136). После чего они ограничивают «сферу действия» или совсем освобождаются «от одних противоречий, ослабляют действие других, предотвращают третьи» (стр. 137). И наконец заключают: «Нам думается, что нельзя признать правильным взгляд, возводящий противоречия в развитии социалистического общества в ранг движущих сил» (стр. 138).

Рассмотрим эти «аргументы» против тезиса о противоречии как источнике развития.

Во-первых, ссылка на классиков марксизма-ленинизма неправильна, ибо классики с научной неопровержимостью доказывали всеобщий характер противоречий, подчеркивали, что развитие происходит именно на основе противоречий и иначе происходить не может. Но не будем голословными, лучше послушаем самих классиков.

«Существование двух взаимно-противоречащих сторон, — утверждает К. Маркс, — их борьба и их слияние в новую категорию составляют сущность диалектического движения. Тот, кто ставит себе задачу устранения дурной стороны, уже одним этим сразу кладет конец диалектическому движению» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, 2-е изд., стр. 136).

«Движение, — подчеркивает Энгельс, — само есть противоречие... Если уже простое механическое перемещение содержит в себе противоречие, то тем более содержат его высшие формы движения материи...» («Анти-Дюринг», 1950, стр. 113, 114). «Истинное, естественное, историче-

ское и диалектическое отрицание... и есть именно движущее начало всякого развития — разделение на противоположности, их борьба и разрешение...» (там же, стр. 328).

Подтверждение той же мысли мы находим во многих высказываниях Ленина: «...Признание (открытие) противоречивых, взаимноисключающих, противоположных тенденций во всех явлениях и процессах природы (и духа и общества в том числе)... Развитие есть «борьба» противоположностей» («Философские тетради». 1947, стр. 327).

«В собственном смысле диалектика есть изучение противоречия в самой сущности предметов...» (там же, стр. 237). «Борьба взаимноисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение» (там же, стр. 328).

Можно было бы привести еще множество высказываний Маркса, Энгельса, Ленина о том, что внутренняя противоречивость предметов есть источник движения, развития, что развитие возможно только на основе противоречий и невозможно без них. У классиков марксизма нет даже и намек на то, что развитие может протекать без борьбы противоположностей, без противоречий.

Во-вторых, если авторы статьи намерены «ограничивать сферы действия», «или совсем освободиться» от противоречий, или «предотвращать» их и т. д., то не значит ли это, что они отрицают объективный характер противоречий? Далее, не значит ли это, что они допускают существование непротиворечивого явления? Конечно, в абстракции можно допускать все, что угодно. Но если речь идет о действительных явлениях, то их сущность как раз есть их внутренняя противоречивость. Нет и не может быть единого, которое не раздваивалось бы на противоположные стороны. Допускать единое без его раздвоения — значит увековечивать его, возводить в абсолют, то есть отрицать развитие.

Именно к этому авторы статьи приходят и другим путем. Они считают характерным для социалистического общества не борьбу противоположностей, а единство, то есть приближаются к мысли о том, что при социализме абсолютна не борьба противоположностей, а единство. При этом они пытаются обосновать свой тезис ссылкой на движущие силы нашего общества, понятые ими, кстати сказать, также метафизически.

Верно, что великими движущими силами нашего общества являются морально-политическое единство, дружба народов, советский патриотизм и т. д. Но, во-первых, эти движущие силы не лишены своих внутренних противоречий, своей диа-

лектики развития. Разве в них не происходит борьба между новым и старым? Разве их развитие, совершенствование не есть противоречивый процесс?

Конечно, эти силы — великое завоевание социализма, они движут его семимильными шагами вперед. Но, чтобы быть таковыми, они должны представлять собой непрерывно развивающийся процесс. И, напротив, они перестанут выполнять роль движущих сил, как только прекратится их развитие.

Великой движущей силой нашего общества является союз рабочего класса и крестьянства. Но он есть противоречивый процесс. Конечно, этот союз свободен от антагонизма, так как интересы и рабочего класса и крестьянства лежат на одной линии развития к коммунизму. Однако он не свободен от неантагонистических противоречий, доказательством чего может служить борьба нашей партии за укрепление этого союза. Достаточно вспомнить ряд таких важных мероприятий последних лет, как повышение заготовительных цен на сельхозтовары, борьба с нарушением принципа материальной заинтересованности колхозников и т. п., чтобы убедиться в том, что партия вскрывает одно противоречие за другим и принимает меры к их ликвидации, добиваясь непрерывного совершенствования и укрепления этого союза.

Великой движущей силой развития нашего общества является его морально-политическое единство. Но и оно есть противоречивый процесс. Например, оно не свободно от противоречий между личными и общественными интересами, противоречий, вытекающих из неизбежного при социализме фактического экономического неравенства членов общества, из принципа материальной заинтересованности и т. д. Внутри этого единства происходит борьба против пережитков прошлого в сознании людей, между новым и старым, и т. д., и т. п. Отрицать внутренние противоречия движущих сил нашего общества — значит уподобляться страусу, прячущему голову под крыло.

С другой стороны, движущие силы нашего общества — это не голые абстракции, а реальные действия членов общества, направленные на преодоление вполне реальных противоречий в развитии общественной жизни. Иными словами, они являются борющейся стороной противоречия. Следовательно, и с этой точки зрения противоречия выступают как источник развития.

Таким образом, движущие силы нашего общества развиваются на основе своих внутренних противоречий, их действие направлено на преодоление определенных противоречий. Именно поэтому они и называются движущими силами.

Преимущества социализма перед капитализмом не в том, что социализм будто бы свободен от противоречий или что при социализме противоречия не являются источником развития, как думают некоторые авторы, — законы диалектики — общие законы и не посят конъюнктурного характера, — а в том, что противоречия социализма в отличие от капитализма носят неантагонистический характер, так как в социалистическом обществе нет антагонистических классов. «Антагонизм и противоречие совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется при социализме» (Ленинский сборник XI, 1931, стр. 357).

Одно из преимуществ социализма состоит в том, что общество здесь по своей объективной природе имеет возможность своевременно обнаруживать, вскрывать возникающие в процессе развития противоречия и, не доводя дело до конфликта, преодолевать их, обеспечивая тем самым развитие социалистического строя. Ликвидация возникающих противоречий при социализме не приводит к гибели общественного строя, как это имеет место при капитализме, а совпадает с его развитием, точнее, ликвидация возникающих противоречий и есть развитие социализма.

Наше продвижение вперед происходит диалектически, то есть в порядке непрерывного процесса раскрытия и ликвидации столь же непрерывно возникающих противоречий.

Яркой иллюстрацией этого могут служить недавние решения партии по вопросам сельского хозяйства. В этих решениях ЦК КПСС отметил, что МТС сыграли громадную роль в укреплении и развитии колхозного строя. Однако, когда колхозы выросли, обогатились кадрами и опытом, назрело противоречие между двумя хозяевами на одной земле. Партия и Советское правительство своевременно вскрыли это противоречие и приняли меры к его преодолению, к созданию условий, обеспечивающих развитие социализма в деревне.

Противоречия социализма включают в себя свое собственное преодоление и являются глубоким источником развития к коммунизму.

* * *

Некоторые авторы сначала создают в абстракции основное противоречие, а затем ищут его в жизни. «Можно спорить о том, — пишет, например, Ф. Т. Криворучко, — что представляет собой основное противоречие при социализме, но отрицать его наличие нельзя. Однако возникает вопрос: где искать это противоречие?» («Вопросы философии» № 4 за 1957 год, стр. 173). Да, действительно, «где искать?». И вот уж несколько лет как продолжают «поиски» основного противоречия... Но

оказывается, что и искать его, собственно, не надо было. Оно существует в обществе со времени его возникновения. Это — противоречие между уровнем производства и потребностями общества.

Что такое противоречие действительно имеет место, никто не спорит, это очевидно. Для того, чтобы обществу существовать, развиваться, нужно потреблять материальные и духовные блага, а для этого производить их. Люди не могут существовать без потребления так же, как и без производства. Противоречие между потребностями и производством есть иное выражение противоречия между обществом и природой, которое является постоянным, непрерывным источником обмена веществ между обществом и природой.

И вот это противоречие объявляют основным противоречием социализма. Во-первых, это противоречие хотя и проявляется по-разному, в разной форме в зависимости от уровня развития производительных сил и характера производственных отношений, но имеет место на всех этапах развития общества. Во-вторых, допустим, что мы его назвали основным противоречием социализма. Что же дает это людям? Ничего! Говоря об этом противоречии, мы просто напоминаем: чтобы существовать, надо потреблять, чтобы потреблять, надо производить. Но разве люди когда-либо забывают об этом?

Авторы, считающие противоречие между производством и потребностями основным противоречием социализма, аргументируют тем, что объявляют его внутренним противоречием социалистического способа производства. Но это натяжка. С этим согласиться нельзя. Это противоречие не есть внутреннее противоречие способа производства, а внешнее по отношению к не-

му. Конечно, производство, потребление, потребности и т. д. неразрывно связаны между собой. Но нельзя смешивать разные связи.

Внутренние противоречия способа производства — это противоречия между производственными отношениями и производительными силами, то есть их диалектика, являющаяся главной, основной двигательной силой развития производства. Поскольку эта диалектика есть постоянный процесс, поскольку внутренние противоречия способа производства по мере роста производительных сил непрерывно возникают и разрешаются, то нет оснований считать то или иное противоречие при всех условиях основным. Оно может быть главным, основным, но не всегда, не постоянно, а лишь на данном этапе, в данных условиях, в данном отношении. И это понятно. Природа социалистических производственных отношений такова, что она дает возможность обществу вскрывать и ликвидировать возникающие противоречия в способе производства и обеспечивать его непрерывное развитие. Следовательно, в социалистическом способе производства нет раз навсегда данного или всегда, постоянно существующего, к тому же основного, противоречия, и незачем искать его там.

Что же касается противоречия между способом производства и потребностями, то это, как сказано выше, есть внешнее по отношению к способу производства противоречие. Это внешнее противоречие существует действительно постоянно. Но нельзя же объявить внешнее противоречие основным, главным, к тому же постоянным противоречием в развитии социалистического общества.

А. М. МИНАСЯН (Ростов-на-Дону)

Об основном противоречии при социализме и о роли противоречий в развитии социалистического общества

Задавшись целью доказать, что никакого основного противоречия в социалистическом обществе быть не может, Я. А. Кронрод в статье «К вопросу об экономических противоречиях при социализме» («Вопросы философии» № 2 за 1956 год) обращается к категории основного противоречия капитализма, выдвинутой К. Марксом. Поставленная тов. Кронродом цель достигается сравнительно просто: путем неправильного обращения с марксистской методологией. Берется основное противоречие капитализма, выделяются все важнейшие его признаки, а затем все эти признаки без учета того, являются ли они признаками единичного, особенного или общего, сравниваются с социалистической действительностью. Разумеется, совпадения не

происходит, и в результате автор приходит к выводу, что категория основного противоречия, «как ее понимали основоположники марксизма, вскрывает незакономерность конструирования некоего основного противоречия социализма» (стр. 175).

Я. А. Кронрод отмечает, что с методологической стороны основное противоречие капитализма — «противоречие между общественным производством и частнокапиталистическим присвоением» — характеризуется рядом следующих признаков. Данное противоречие есть: «а) отражение antagonистичности данного способа производства; б) условие неизбежного развития на этой базе коренного несоответствия производительных сил и производственных отношений»; для данно-

го противоречия характерно: в) проникновение «во все существенные стороны господствующей системы производственных отношений; г) вытекающее отсюда выражение этого основного противоречия через все другие противоречия этого способа производства»; данное противоречие есть «д) условие неизбежности революционного взрыва капиталистических отношений как исторически преходящей экономической оболочки, революционной замены их социалистическими отношениями» (там же).

Но ведь не все отмеченные здесь признаки, характеризующие то специфичное, что свойственно единичному — основному противоречию капитализма, — содержат в себе черты особенного и общего.

Нетрудно видеть, что из приведенных пунктов пункт «д» содержит сугубо частный признак, выражает только то, что принадлежит единичному — основному противоречию капитализма. Пункты «а» и «б» позволяют уже подняться к особенному, так как в них заключены признаки, которые относятся к основным противоречиям всех антагонистических формаций. Наконец, лишь в пунктах «в» и «г» содержатся такие признаки, которые как раз и могут являться выражением того общего, что присуще основному противоречию любого, в том числе и социалистического, общества.

Понимая решающее методологическое значение этих двух последних признаков, Я. А. Кронрод пытается доказать, что они не находят своего отражения в противоречиях социалистической действительности, что здесь нет такого противоречия, которое бы проникало во все стороны производственных отношений и выражалось во всех других противоречиях, что, следовательно, здесь нет основного противоречия. Однако аргументацию Я. А. Кронрод ищет не в анализе самих противоречивых отношений социалистической экономики, а в том, что в условиях социализма теряют свою силу многие признаки основного противоречия капитализма. Как ни странно, Я. А. Кронрод отрицает существование основного противоречия социализма на том основании, что здесь нет антагонистических отношений, нет коренного несоответствия между двумя сторонами способа производства, нет такого противоречия, которое требовало бы для своего разрешения революционного взрыва всей системы экономических отношений. Каждому ясно, что отсутствие этих моментов не дает оснований отрицать здесь противоречие, проникающее во все экономические формы, противоречие, которое определяло бы другие противоречия, проявлялось через них.

Таким образом, возражение Я. А. Кронрода против постановки вопроса об основном

противоречии социализма является несостоятельным. Вопреки диалектике он возводит частные признаки капитализма в ранг общего и механически сравнивает их с противоречиями социалистического общества.

Помимо методологических возражений, имеющих целью доказать, что никакого основного противоречия при социализме быть не может, Я. А. Кронрод и некоторые другие участники дискуссии отбрасывают или критикуют ту формулу основного противоречия социализма, которая дана в статье Ц. А. Степаняна. Там сказано, что «основным противоречием при социализме является противоречие между безгранично растущими потребностями всего народа и достигнутым в каждое данное время уровнем развития производства материальных и культурных благ» («Вопросы философии» № 2 за 1955 год, стр. 82).

Критики этой формулы главный упор делают на то, что данное противоречие является общим, социологическим и уже поэтому не может быть признано специфическим противоречием социализма.

Действительно, материальное и духовное производство не только удовлетворяет людские потребности, но обуславливает их рост и развитие, опережающие достигнутый уровень производства. Отсюда и возникает постоянно воспроизводимое и разрешаемое во всех формациях противоречие, в котором выражена специфика общественной жизни вообще, постоянный источник ее развития.

Однако то обстоятельство, что рассматриваемое нами противоречие является общеисторическим, социологическим, что оно есть, в сущности, основное противоречие всего общественного развития, не исключает того, что данное противоречие является основным противоречием коммунистической формации в целом, социализма в частности. Дело в том, что в условиях коммунистической формации объективная цель производства — удовлетворение потребностей людей — выступает непосредственно. Также непосредственно выступает здесь противоречие между потребностями людей и достигнутым в каждый данный момент уровнем материального и духовного производства. Все это находит проявление в основном экономическом законе социализма, который выражает не только совокупность всех противоречивых связей социалистической экономики, как считает Я. А. Кронрод, но и то существенное, основное, общее, что имеется в противоречивых связях и отношениях экономической жизни. Так же и в основном экономическом законе капитализма находят выражение не только многообразные противоречия капиталистической экономики, но прежде всего его основное противоречие, пронизывающее все другие.

Таким образом, при коммунизме общее основное противоречие человеческой истории, вполне сохраняя свою силу и действие, выступает открыто, непосредственно, становясь основным противоречием данной формации. Это обусловлено господством общественной собственности, всей совокупностью производственных отношений коммунистической формации.

* * *

Другой вопрос, на котором хотелось бы остановиться, — это вопрос о роли противоречий в развитии социалистического общества.

В. П. Рожин и В. П. Тугаринов в статье «О противоречиях и движущих силах» («Вопросы философии» № 3 за 1957 год) прямо ставят перед собой цель «подвергнуть критике кажущуюся многим авторам бесспорной и безапелляционной мысль о том, что одни лишь противоречия являются источником и движущей силой всякого развития...» (стр. 136).

Отметим с самого начала то обстоятельство, что сами авторы статьи далеко не твердо и не слишком последовательно стоят на позициях отрицания противоречий как источника всякого развития. В той же статье можно, например, прочитать: «Было бы действительным отступлением от марксизма отрицать наличие и движущее значение противоречий в развитии социалистического, в частности советского, общества» (там же). А если обратиться к совсем недавно вышедшей книге В. П. Рожина, редакторами которой являются В. П. Тугаринов и М. Ф. Воробьев («Марксистско-ленинская диалектика как философская наука». 1957), то в ней во многих местах и даже со ссылками на классиков марксизма совершенно определенно доказывается, что именно противоречия есть источник всякого развития. На стр. 40 этой книги говорится: «В противоречиях Ленин усматривает источник «всякой деятельности» и в этом видит суть диалектики». Несколько дальше, на стр. 49, написано: «Итак, противоречия необходимо присущи вещам, процессам, составляют их объективную природу». Наконец, на следующей странице читаем: «Противоречие не есть какая-то аномалия, встречающаяся лишь кое-где. Напротив, оно есть принцип всякого самодвижения материи. Нечто жизненно лишь постольку, поскольку оно содержит в себе противоречие. Противоречия есть принцип всякой природной и духовной жизненности». Правда, в книге есть положения, целиком совпадающие с направлением статьи, но это не говорит о последовательности ее автора и редакторов.

Исходные посылки критики, направленной против признания противоречий источником всякого развития, сводятся к следующему: а) закон единства и борьбы противоположностей, будучи всеобщим законом развития, прежде всего представляет собой «теоретический аналог, обобщение и сколок с противоречий капиталистического общества»; б) развитие повсеместно, в том числе и при социализме, осуществляется не на основе одних противоречий, а «на основе действия всех законов диалектики», в) закон единства и борьбы противоположностей «включает в себя момент единства противоположностей, их соответствие, а не только их борьбу и взаимоисключение». Этот момент «приобретает особое значение в развитии социалистического общества» («Вопросы философии» № 3 за 1957 год, стр. 136).

Первая посылка не раскрывается в статье и не обосновывается. Но выдвинута она далеко не случайно. Нетрудно увидеть, что, объявив закон единства и борьбы противоположностей прежде всего аналогом, обобщением противоречий капитализма, авторы статьи стремятся исподволь привести читателя к мысли, что этот закон теряет свое решающее значение при социализме. Однако есть ли основания ставить под вопрос всеобщий характер закона единства и борьбы противоположностей и фактически исключать его из числа наиболее общих законов диалектики? Маркс и Энгельс, а также и Ленин жили в капиталистическом мире, раздираемом острейшими противоречиями. Конечно, это нашло свое отражение и при разработке ими закона единства и борьбы противоположностей. Но от этого данный закон не перестал быть всеобщим, не перестал быть обобщением всей противоречивой действительности, начиная от природы и кончая всей историей общественного развития. Другое дело, что в различных условиях он проявляется по-разному: при капитализме преимущественно в форме антагонистических противоречий, при социализме иначе.

Подкреплением первой посылки призвана служить вторая посылка, утверждающая, что не одни противоречия, а все законы диалектики являются основой развития. Это утверждение совершенно справедливо, но оно не относится к вопросу об источнике развития и несколько не подкрепляет позиции авторов статьи. Ведь никакие ссылки на все законы диалектики не могут опровергнуть того бесспорного факта, что только закон единства и борьбы противоположностей выражает источник всякого развития. Остальные законы диалектики характеризуют иные общие стороны процесса развития, а не его источник.

Наконец, когда сам собой возникает вопрос: если не противоречия, так что же другое является источником развития при социализме? — ответ дается третьей посылкой, подробно рассматриваемой в статье. В условиях социализма, по мнению авторов статьи, наряду с противоречиями и раньше их источником и движущей силой развития служат гармония и единство этого общества. Причем главный аргумент состоит в том, что якобы в социалистическом обществе особое значение приобретает момент единства — одна из сторон закона единства и борьбы противоположностей.

Искусственна, недиалектична здесь сама постановка вопроса о единстве и противоречии. Они отрываются друг от друга или, точнее, ставятся в какую-то обратно пропорциональную зависимость: когда выдвигается на первый план единство, то отрицается противоречие. Единство здесь омертвляется, превращается в какое-то чистое единство, абсолютную гармонию, лишённую жизни, самодвижения. В действительности категория единства обозначает определенную сторону основного закона диалектики, которая не может существовать без другой стороны — борьбы, взаимодействия противоположностей. Единство — это и есть единство различного, противоположного, действующего друг на друга. Только такое противоречивое единство дает появление нового, служит источником развития.

Ошибочность позиции Рожина и Тугаринова проявляется особенно ясно в тех примерах, которые приводятся в статье. Авторы статьи, например, спрашивают: «Разве дружно, без внутренних противоречий работающий коллектив работников в любой отрасли советской жизни менее способен к развитию, чем раздираемый противоречиями и неполадками?» (там же). Вопрос, следовательно, стоит прямо: либо противоречия, либо единство. Разумеется, коллектив, раздираемый противоречиями и неполадками, заведомо плох. Но хорош ли тот идеальный коллектив, к которому адресуются авторы статьи и в котором тишь да гладь, нет внутренних жизненных противоречий? Такой коллектив не может быть не чем иным, как воплощением косности и рутинерства, самоуспокоенности и ложного благополучия. Он по своей природе чужд социалистическому строю. Ведь там, где бьется живая, творческая мысль, где люди ищут, борются, создают новое, там неизбежны противоречия. Эти противоречия свойственны любому здоровому коллективу, они его не раздирают, а сплачивают, обеспечивают дружную работу на высоком уровне, являются постоянным источником его развития.

Коренная причина ошибочных представлений об источнике развития при социализме связана, по-видимому, с тем, что в статье отождествлены две различные по содержанию, но одинаковые по названию категории. Категория единства, обозначающая одну из сторон закона единства и борьбы противоположностей, то есть закона марксистской философии, употребляется также и в социологическом смысле, для обозначения общности интересов, взглядов и действий людей в области политики, морали и т. п. Все сказанное в статье о борьбе за мир и социализм, о морально-политическом единстве советского общества и дружбе народов Советского Союза, о единстве партии, по сути дела, относится к тому значению категории единства, которое подразумевает общность интересов и действий людей. Это единство, общность, гармония составляют огромное преимущество социализма перед капитализмом. Но они не исключают противоречий и не свидетельствуют о том, что при социализме на первый план в законе единства и борьбы противоположностей выдвигается момент единства, соответствия. Единство и гармония советского общества являются показателем специфики имеющихся здесь противоречий, их неантагонистического характера, необходимости применения своеобразных способов их разрешения. В то же время они представляют собой условие успешного преодоления противоречий социализма, и в этом смысле силы гармонии и единства являются движущими силами развития социалистического общества.

Мы можем найти немало примеров этого, вглядываясь в нашу социалистическую действительность.

Так, например, когда наша партия вскрыла противоречие между МТС и теми колхозами, которые превратились в крепкие хозяйства, советские люди во всенародном обсуждении этого вопроса помогли партии и Советской власти определить окончательно те меры, которые призваны быстрыми шагами двинуть вперед развитие колхозного строя. Морально-политическое единство советского общества выступило здесь еще раз как активная сторона в борьбе за преодоление противоречия, возникшего в процессе развития социализма в нашей стране.

Итак, в социалистическом обществе, как и везде, источником всякого развития являются противоречия. Единство и гармония выступают в социалистическом обществе как движущие силы развития, так как они позволяют успешно преодолевать многочисленные противоречия, возникающие в ходе коммунистического строительства.

Ю. С. МЕЛЕЩЕНКО (Ленинград)

Против неправильного понимания противоречий при социализме

В статье «О противоречиях и движущих силах» («Вопросы философии» № 3 за 1957 год) В. П. Рожин и В. П. Тугаринов ставят под сомнение основное положение диалектики о противоречии как источнике и движущей силе всякого развития.

Чтобы лучше разобраться в позиции авторов, последуем за ходом их рассуждений. Капиталистический строй, пишут они, развивается на основе внутренних противоречий. Но к социализму это не относится. Почему? Потому что его общее преимущество — гармонический характер — обусловлено появлением других движущих сил: единства, общности интересов людей во всех сферах жизни. Движущими силами нашего общества, продолжают авторы, являются: морально-политическое единство (а не противоречия между советскими людьми в политических и моральных вопросах), дружба народов (а не национальная вражда и борьба), советский патриотизм (а не разлагающее действие буржуазного национализма).

Нетрудно заметить, что тут противоречия и «силы гармонии» понимаются как совершенно обособленные явления. При капитализме только противоречия являются движущими силами, а «силы гармонии» отсутствуют. При социализме последние появляются «наряду» с противоречиями и становятся более значительными движущими силами общества, чем противоречия. Верно ли это? Разве в капиталистическом обществе не существует таких «гармонических сил», как единство пролетариата в борьбе против эксплуататоров или солидарность буржуазии в эксплуатации пролетариата и т. д.? Этим фактом авторы попросту пренебрегли. Но и из этого факта никак не следует вывод, что наряду с противоречиями движущими силами являются и эти «силы гармонии». Почему? Потому что противоречия в обществе включают в качестве своих сторон гармонию, единство, общность людей и т. д. Эти последние существуют не вне или наряду с противоречиями, а в них самих. Противоречия пронизывают все вещи и явления.

Когда авторы статьи спрашивают: «Разве дружно, без внутренних противоречий работающий коллектив работников в любой отрасли советской жизни менее способен к развитию, чем раздираемый противоречиями и неполадками?» (стр. 136), — то в этом вопросе ясно выступает мысль, что развитие возможно и без противоречий. Но ведь единство данного коллектива достигается в процессе непрестанной борьбы за

преодоление определенных противоречий внутри коллектива. В социалистическом обществе достигнуто морально-политическое единство трудящихся, но это единство углубляется и расширяется на основе борьбы за разрешение существующих противоречий. Нет единства без противоречия. Существование и развитие нашей партии обеспечивается борьбой за единство и сплоченность ее рядов, за высокий идейно-теоретический уровень ее членов, за морально-политическое единство народа.

Слабость критики положения о всеобщем характере противоречий проявляется особенно ярко, когда авторы заявляют, что при социализме нет противоречия между городом и деревней, потому что «объективно развитие нашего города и деревни идет по пути коммунизма» (стр. 138). Развитие города и деревни и при капитализме объективно ведет к социализму. Но никто не делает из этого вывода, что между городом и деревней при капитализме нет противоречия.

Позиция Рожина и Тугаринова фактически означает возврат к старой, принесшей немало вреда «теории» бесконфликтного развития социалистического общества. Причина возникновения подобной «теории» кроется в непонимании различия между двумя типами противоречий — антагонистических и неантагонистических, — в отождествлении понятий «антагонизм» и «противоречие».

Антагонистические противоречия приводят к социальному конфликту, к острой классовой борьбе, в то время как неантагонистические противоречия не приводят к такому конфликту. Антагонистические противоречия неразрешимы в рамках породившего их общественного строя, в то время как неантагонистические противоречия разрешаются на базе породившего их социалистического строя. Неодинаковый характер противоречий обуславливает различные методы их разрешения. Антагонистические противоречия разрешаются в острой классовой борьбе, революции. Неантагонистические противоречия — демократическими методами: критикой, обсуждением, убеждением, воспитанием и т. д. Антагонистические противоречия присущи формациям с враждебными классами. Неантагонистические — характерны для строя, где нет эксплуатации человека человеком. Смазывание различий между типами противоречий ведет к отрицанию роли противоречий при социализме.

Н. НИКОЛОВ (Болгария)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Эстетическое наследие К. Маркса и Ф. Энгельса

«Маркс и Энгельс об искусстве», в 2 томах. Составитель — Мих. Лифшиц.
Изд. «Искусство». М. 1958.

140-летие со дня рождения К. Маркса советская эстетическая наука отметила выпуском нового сборника — «Маркс и Энгельс об искусстве». Предыдущий сборник, изданный двадцать лет тому назад, доступен сейчас широкому читателю только в библиотеках. Необходимость переиздания высказываний основоположников научного коммунизма по вопросам художественной культуры назрела давно, и нет сомнения, что вышедший сборник станет настольной книгой для каждого, кто работает в области искусства и литературы, и всех интересующихся вопросами эстетики. Выход нового сборника — важное событие в области марксистско-ленинского искусствоведения и литературоведения. Тем более, что двадцатипятилетняя история сборника «Маркс и Энгельс об искусстве» дает полное право говорить о его международном значении для развития марксистской эстетики и борьбы за идейно-эстетические основы пролетарского искусства и литературы.

Значение величайшего революционного переворота, совершенного Марксом и Энгельсом, не ограничивается рамками философии. Вряд ли есть такая область общественной науки, где бы энциклопедическое богатство их мысли не оставило глубокого следа. Создав диалектический и исторический материализм, Маркс и Энгельс дали научную основу для развития всех отраслей человеческого знания, в том числе и для разрешения вопросов искусства и литературы. В самих трудах основоположников научного коммунизма, в их многочисленных письмах уделено немало внимания непосредственно вопросам искусства и литературы. И это не отдельные высказывания, выражающие личное отношение Маркса и Энгельса к тем или иным явлениям или вопросам духовной культуры, а стройное учение, которое последовательно вытекает из самого существа их революционного мировоззрения. Когда-то юный Маркс мечтал о том, чтобы «смело проникнуть в мир знания, овладеть песнею и искусством». Маркс и Энгельс не только овладели искусством, но и создали его теорию — марксистскую эстетику, которая наряду с философией, политической экономией и научным социа-

лизмом входит составной и неотъемлемой частью в сокровищницу марксизма как могучее оружие пролетариата, революционно преобразующего действительность.

Основоположники марксистской эстетики не оставили специального сочинения, в котором были бы систематизированы и сведены воедино их воззрения по вопросам искусства и литературы. Это обстоятельство, в свое время значительно облегчавшее буржуазным — да и не только буржуазным — искусствоведам и критикам отрицание наличия в трудах Маркса и Энгельса эстетической концепции, ставит перед исследователем-марксистом трудную и ответственную задачу. Необходимо, проникнув в самый дух марксизма, раскрыть эту теорию в различных высказываниях Маркса и Энгельса, не имеющих подчас прямого отношения к эстетике. Во фрагментарных, рассыпанных по многим работам и письмам, включенных в контекст различных произведений высказываниях по вопросам искусства и литературы надо суметь открыть их единство, строгую организованность и внутреннюю связь, увидеть целостную концепцию и, правильно поняв ее существо, верно оценить значение новых фрагментов и суждений. От частного — к целому, от целого — к частному. Это, по нашему мнению, единственно правильный метод освоения марксистского эстетического наследия, лучшим подтверждением научной плодотворности которого является вышедший сборник.

В основу рецензируемого сборника в известной степени — и текстуально и композиционно — положен сборник 1938 года. Но вышедший в 1958 году сборник не просто расширенное издание предыдущего, а новая работа — итог многолетнего изучения наследия Маркса и Энгельса в нашей стране, плодотворный результат живого движения исследовательской мысли. Уже такой внешний признак, как объем нового сборника, говорит о значительности работы, проделанной составителем, стремившимся представить эстетическое наследие Маркса и Энгельса во всем его богатстве и полноте. Существенное изменение внесено и в композицию сборника, что убедительно свидетельствует о продолжающихся поисках наи-

более правильного метода изложения взглядов Маркса и Энгельса на искусство и литературу.

Методом систематизации материала сборника явилось единство логического и исторического. Составитель отмечает во вступительной статье, что при расположении отрывков он руководствовался прежде всего их содержанием, принимая также во внимание хронологическую последовательность как самих явлений, о которых идет речь, так и высказываний Маркса и Энгельса. Расположение материала по разделам идет от общего к частному, от общеметодологических вопросов эстетической теории к отдельным суждениям Маркса и Энгельса по истории искусства и литературы. Вот структура первого тома: «Общие вопросы художественного творчества», «Материалистическое понимание истории культуры», «Искусство в классовом обществе», «Искусство и коммунизм», «История искусства и литературы в отдельных замечаниях Маркса и Энгельса».

Первый том открывается разделом, посвященным общеметодологическим вопросам художественного творчества. В этом наиболее важное композиционно-логическое отличие нового сборника от сборника 1938 года. Далее, «Общие вопросы художественного творчества» в предыдущем сборнике были представлены не как самостоятельный раздел, а только как глава раздела «История искусства и литературы...» Этот новый раздел сборника значительно отличается также и по своему содержанию и по структуре. Так, переписка Маркса и Энгельса с Лассалем по поводу его трагедии «Франц фон Зикинген» в новом сборнике идет непосредственно за письмами Энгельса к М. Каутской и М. Гаркнесс, что, бесспорно, дает более цельное представление о понимании Марксом и Энгельсом вопросов реализма, идейности и тенденциозности искусства и литературы и т. д. Кроме того, это позволило составителю начать изложение взглядов Маркса и Энгельса на трагическое с революционного понимания ими данной проблемы («Проблема революционной трагедии». «Трагическое и комическое в реальной истории». «Идеалистическое понимание трагического»). Раздел значительно расширен за счет введения в него нового материала. Так, глава «Трагическое и комическое в реальной истории» фактически сделана заново: к единственному фрагменту, которым она была ранее представлена, в новом сборнике добавлено 20 отрывков из различных работ и писем Маркса и Энгельса. «Эстетика Гегеля», представленная в старом сборнике одним высказыванием Энгельса, разработана ныне в отдельную главу. В главы «О значении литературного стиля» и «О переводе» включено по пять новых отрывков. Уже на примере только этого раздела можно судить о той «эволюции», которую проделал сборник с 1938 года.

В разделе «Искусство в классовом обществе» появились главы «Личные способности и общественные условия», «Поэзия первобытных нравов и проза буржуазной цивилизации», «Пролетарская революция и

вандализм буржуазии»; многие главы, например «Историческая миссия рабочего класса», дополнены новыми фрагментами. В раздел «История искусства и литературы...» включено много новых глав и имен. Например, в главе «Семнадцатый век» — Мильтон, Бернье, П. Бейль. Сюда же перенесена и пополнена новым материалом глава о Вико. В главу «Эпоха Просвещения» включены главы «Предшественники французского просвещения в Англии», «Материализм просветителей XVIII века», «Просвещение и диалектика» и другие, а также новые имена — Свифт, Мандевиль, Берк, Вольтер и др.; ряд глав расширен за счет введения новых высказываний Маркса и Энгельса. В главе «Романтизм» даны новые главы: «Кризис идеалов эпохи Просвещения», «Писатели Реставрации», имена — Шлегель, Арндт, Уланд, Беранже и др.; значительно увеличены отдельные главы (например, глава «Виктор Гюго» дополнена семью новыми отрывками). Благодаря введению новых фрагментов и перенесению материала из «Дополнения» сборника 1938 года значительно полнее представлена глава «Русская литература», в частности, включены новые главы: «Революционная роль Чернышевского», «Н. Флеровский» и др. Немало новых суждений Маркса и Энгельса приведено в главе «Революционная народная песня, политическая поэзия, памфлет» и «Различные замечания об искусстве и литературе XIX века» (в последней — отрывок «Американские писатели и развитие капиталистических монополий в США»).

Второй том сборника открывается критическим разбором романа Э. Сю «Парижские тайны», сделанным Марксом в «Святом семействе». Основной материал, собранный в предыдущем сборнике под рубрикой «Немецкий филистер в стихах и прозе», в сборнике значительно расширен и получил свою четкую систематизацию в новых разделах второго тома: «Немецкий «истинный» социализм в стихах и прозе», «Литература вульгарной демократии», «Маркс и Энгельс против буржуазной пошлости и реакционных идей». Новыми во втором томе являются также разделы «Партия рабочего класса и буржуазные нравы в литературе», где собраны главным образом отрывки из писем Энгельса, и «Английские писатели-социалисты Эвелинг, Моррис, Шоу». Почти без изменений оставлен раздел «Маркс и Энгельс в их отношениях с поэтами Гейне, Гервегом, Фрейлигратом, Веертом и Зибелем». Хрестоматийный материал сборника, как и в издании 1938 года, завершается разделом, в котором представлены произведения и письма молодых Маркса и Энгельса. Ранний период их деятельности в новом сборнике получил более полное освещение в результате включения таких работ, как «Дебаты о свободе печати» Маркса, «Реквием для немецкой «Adelszeitung», «Социальное движение и немецкая живопись», и других произведений Энгельса. Вторым том завершается разделом «Литература в жизни Маркса и Энгельса», где наряду с некоторыми отрывками из их писем помещены — в том числе и новые —

воспоминания современников о художественных склонностях и вкусах основоположников марксистской эстетики. Сборник снабжен обстоятельным научно-справочным аппаратом, анализ и оценка которого заслуживают особого рассмотрения.

Таким образом, при внимательном ознакомлении с новым сборником «Маркс и Энгельс об искусстве» становится очевидным, что он выгодно отличается от предыдущего и обилием материала и характером его внутреннего построения. Это, конечно, не означает, что в сборнике исчерпывающе представлено эстетическое наследие Маркса и Энгельса или что его композиция не может быть улучшена. Но ясно одно: книга будет иметь большое значение в связи с борьбой коммунистических и рабочих партий против буржуазной идеологии, ревизионизма и догматизма.

* * *

Известно, сколь яростным нападкам со стороны буржуазной идеологии подвергались и подвергаются марксистско-ленинская эстетика, искусство и литература социалистического реализма по таким кардинальным вопросам, как партийность искусства, реализм, социалистический реализм, свобода творчества и т. д. Одним из проявлений буржуазной идеологии в коммунистическом и рабочем движении является ревизионизм, который, пытаясь опорочить великое учение марксизма-ленинизма, объявляет его устаревшим и якобы утратившим ныне свое значение для общественно-исторического прогресса.

Ревизионизм ведет наступление и на основополагающие принципы марксистско-ленинской эстетики, подвергает пересмотру или просто-напросто объявляет отжившим принцип партийности искусства, отрицает жизненно важную необходимость партийного руководства художественным процессом. Обходя молчанием принадлежность художника к определенному классу, его объективно-партийные позиции, ревизионисты тщатся «доказать», что искусство и литература стали «надклассовыми», «беспартийными», демагогически разглагольствуют об «абсолютной», «неограниченной» свободе творчества, утверждая, что «истинная» свобода художника не только несовместима с партийностью, но что она только и возможна вне ее. Отсюда проповедь анархизма, субъективистского произвола в художественной практике. Борьба с ревизионизмом, как и вообще с буржуазной идеологией, — важнейшая задача марксистско-ленинской эстетики. И здесь неопенимую роль играет наследие классиков марксизма.

Маркс и Энгельс решительно выступали против анархистски-буржуазной «свободы» публициста или художника от общества и классовых отношений. Они сурово критиковали субъективистски-идеалистическое игнорирование реальной действительности младогегельянцами (Б. Бауэр, М. Штирнер и др.), их аристократическое стремление встать выше общества, партийной борьбы. Для Маркса и Энгельса отношение худож-

ника к общественным явлениям всегда было классовым. Поэтому, разоблачая индивидуалистический подход младогегельянцев к общественной жизни, Маркс указывал, что быть членом общества и «отделять себя от всего» — «абсолютная бессмыслица», ибо общественное «одиночество» — это одиночество только в абстракции, а в действительности отнюдь не свободное от общества, «от которого оно абстрагирует». «Критически мыслящие» младогегельянцы, именовавшие себя «свободными», любопытствовали: «Может ли критик жить в том обществе, которое он подвергает критике?» Маркс иронически замечал, что у «свободных» критик живет «совершенно вне общества», а «следовало бы спросить наоборот: разве он не должен жить в этом обществе, разве не должен сам быть проявлением жизни этого общества?» Младогегельянцы хотели «возвыситься» над обществом и классовыми интересами, в действительности же они занимали вполне определенную позицию по отношению к насущным задачам освободительного движения масс. «Свободные» мнили себя стоящими «над партиями», объективно же они скатывались «ниже партийной точки зрения, противопоставляя себя, как партию, всему остальному человечеству».

Маркс и Энгельс подвергли критике представителя «истинного социализма» Ф. Г. Земмига, который объяснял деятельность людей «своеобразием человека» вместо того, чтобы понять своеобразие людей как следствие их деятельности. Под «свободной деятельностью» он разумел деятельность, которая «не определяется вещами вне нас» и есть «безусловная, свободная от предпосылок свобода». Вся эта болтовня от свободной от внешних условий деятельности служила «истинным социалистам», по словам Маркса и Энгельса, «лишь для прикрытия своего незнакомства с действительным производством», в том числе и с процессом художественного производства.

И, говоря о буржуазно-индивидуалистической тенденции в общественной жизни, Маркс и Энгельс отмечали, что под маркой «свободы» или «индивидуализма», враждебных всяким авторитетам, ведется проповедь разнузданного анархизма и субъективистского своеволия, которое, перефразируя слова Маркса, «властвует над всякой вещью и подчиняется только самому себе».

В противовес буржуазно-анархистствующему индивидуализму в литературе и искусстве Маркс и Энгельс требовали, чтобы художник и публицист занимали определенную классовую и партийную позицию. В письме к М. Каутской Энгельс говорил о том, что писатель обязан становиться «явно на чью-либо сторону». Маркс, разоблачая двойственность близкого ему и Энгельсу в 40—50-х годах поэта Ф. Фрейлиграта, когда тот в конце 50 — начале 60-х годов начал сползать на буржуазно-либеральные позиции, говорил: «Втайне смотрит на нас как на друзей, публично же идет нога в ногу с нашими врагами». Маркс и Энгельс подвергли Фрейлиграта критике за измену революционной поэзии, когда, за-

быв о своей партийной принадлежности, он увлекся погоней за дешевым успехом и газетной рекламой. Коммунисты, писал Энгельс, непригодны для организации всего этого и вообще питают отвращение к популярности. «И если такому поэту именно поэтому не по себе в такой партии, то это только служит доказательством его большой ограниченности». В связи с непартийным поведением поэта Маркс и Энгельс в своей переписке отмечали, что дальнейшие партийные отношения с ним вряд ли возможны.

Отрицая всякий догматизм и примитивизм в понимании взаимоотношений класса с его «политическими и литературными представителями» («Не следует думать,— предупреждал Маркс,— что все демократические представители — лавочники или поклонники лавочников»), основоположники научного коммунизма на основе практики политической борьбы и конкретного анализа художественных произведений доказали, что художник не может быть свободным от окружающих условий, не может объективно не стоять на позициях определенного класса или партии. Опираясь на творчество Эсхила и Аристофана, Данте и Сервантеса, Шиллера и Бальзака, учитывая опыт литературы критического реализма и революционного творчества Гейне, Гервега и других поэтов и художников, Маркс и Энгельс выдвинули в качестве важнейшего критерия художественно-эстетического достоинства искусства и литературы принцип их идейно-политической тенденциозности. Эстетические достоинства, глубину содержания произведения они связывали с мировоззрением, идейными позициями его создателя.

Причину отсутствия в работах младеггелянцев «самостоятельного и глубокого содержания», скрытого под «необузданной формой» в виде расплывчатых рассуждений и громких фраз, Маркс усматривал в том, что они слабо знали конкретную действительность, не имели ясных и четких идейных позиций. Маркс считал недопустимым и даже безнравственным «вводить контрабандой коммунистические и социалистические положения, т. е. новое мировоззрение, в случайные театральные рецензии и пр.». Низкий уровень художественных произведений «истинных социалистов», убожество содержания и формы их «творений» были обусловлены, по мнению Энгельса, мещанской ограниченностью, идейной беспринципностью, беспочвенно-идеалистическим фантазерством их создателей. Всем им, отмечал Энгельс, «как прозаикам, так и поэтам, не хватает необходимого для рассказчика таланта, что связано с неопределенностью всего их мировоззрения». Оценивая художественно-эстетически героев романа М. Каутской «Старые и новые» — «несколько идеализированную» Эльзе Барр и «растворенного в принципе» Арнольда Рейнталя,— Энгельс тонко заметил, что корни этого недостатка в способе изображения заложены в самом романе, то есть в мелкобуржуазной просветительской концепции его содержания, в потребности автора публично заявить через сво-

их «идеальных» героев о своих убеждениях, продиктованных в конечном счете слабостью, расплывчатостью социалистического мировоззрения писательницы. Именно из-за отсутствия прочного мировоззрения Каутской ее роман «Елена» был позднее оценен Энгельсом как скверный перепев бульварных романов. Разногласия между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Лассалем, с другой, по вопросу о его трагедии «Франц фон Зикинген» были прежде всего идейно-эстетическими, разногласиями между материалистическим, пролетарским, и идеалистическим, мелкобуржуазным, мировоззрениями. За субъективным, абстрактно-морализирующим художественным методом писателя Маркс и Энгельс видели идеалистически-буржуазное мировоззрение. Идейно-художественные срывы в поэзии Фрейлигера они ставили в прямую зависимость от того, что поэт сомкнулся с мелкобуржуазным либерализмом, отошел от революционной борьбы пролетариата.

Передовое мировоззрение, жизненный и политический опыт — неперемненные условия создания реалистического искусства, дающего художественно-правдивое отражение действительности. Построенный на этой прочной основе, талант дает художнику возможность «видеть несколько дальше своего непосредственного окружения, не упускать из виду общей связи мировых событий и не впасть в ту самодовольную «объективность», которая не видит дальше собственного носа и именно поэтому является самой узколобой субъективностью, хотя бы она и разделялась тысячами таких субъектов». Как актуально, по-партийному злободневно звучат эти слова Энгельса в связи с некоторыми явлениями советской литературы и искусства, имевшими место в недалеком прошлом!

В понимании Маркса и Энгельса реализм как художественный метод познания и отражения действительности не имеет ничего общего ни с эмпирическим, мелко-травчатым, искажающим действительность объективизмом, ни с субъективизмом, который в творчестве художника выступает часто как обратная сторона такого рода созерцательного объективизма, как его изнанка. Реалистическое отражение объективного мира Маркс и Энгельс считали важнейшим достоинством искусства, которое должно глубоко и верно выражать существо изображаемого, воспроизводить, по словам Маркса, всю правду в целом. Маркс и Энгельс связывали реализм в искусстве с верной передачей типических характеров в типических обстоятельствах. Это широко известное определение реализма принадлежит Энгельсу, но его следует рассматривать как определенный итог совместного развития философско-эстетических взглядов Маркса и Энгельса.

Раскрывая связь положения (обстоятельств) и характера, Маркс писал: «Положение и характер! Характер так непосредственно следует за положением, что кажется даже, будто он целиком вытекает из положения». Качества характера, говорил Маркс, не могут существовать отдельно от положения, они обусловлены им и

проявляются через него. Применяя эту диалектику характера и обстоятельств к анализу романа Э. Сю «Парижские тайны», Маркс писал: «В притонах преступников и в их языке отражается характер преступника, они составляют неотъемлемую часть его повседневного бытия, их изображение необходимо входит в изображение преступника точно так же, как изображение домика для тайных свиданий входит в изображение женщины легких нравов».

Исходя из данного понимания соотношения характера и обстоятельств, Маркс связывал серьезные эстетические погрешности Лассалю в создании характеров с существеннейшим недостатком его трагедии «Франц фон Зикинген» — непониманием смысла исторической коллизии, за изображение которой он взялся в своей пьесе, и в связи с этим с отказом от создания типических обстоятельств. Не дворянские представители революции, а представители крестьян и революционных элементов в городах должны были составить существеннейший фон (обстоятельства) трагедии. Плебейско-мюнцеровскую оппозицию следовало поставить выше лютеранско-рыцарской, то есть сделать народ главным героем произведения. Это соответствовало бы и исторической и художественной правде, и в этом случае Лассалю, отмечает Маркс, само собой пришлось бы создавать реалистические характеры.

Современная реакционная буржуазная эстетика противопоставляет искусство как некую непознавательную деятельность реальной жизни. Стараясь «теоретически» обосновать абстракционизм или крайний символизм, представители этой эстетики отрицают реальный характер содержания искусства, объективную истину в художественных произведениях.

Конкретным анализом ряда художественных произведений Маркс и Энгельс показали, что, правдиво отражая и выражая действительность, искусство и литература дают богатейший материал для познания различных сторон и явлений объективного мира. Так, революционная песня силезских ткачей «Кровавая расправа», по словам Маркса, хорошо выражает сущность пролетариата, ибо в ней рабочий класс «резко, без церемоний и властно заявляет во всеуслышание, что он противостоит обществу частной собственности». Высокую оценку Маркс дал английской школе романистов (Диккенс, Теккерей, Бронте, Гаскелл), которая «изобразила все слои буржуазии» и раскрыла «миру больше политических и социальных истин, чем это сделали политики, публицисты и моралисты, вместе взятые». Маркс отмечал, что в «Тимоне Афинском» Шекспир превосходно изображает сущность денег. По словам Энгельса, замечательная реалистическая история французского общества, которую дал Бальзак в своей «Человеческой комедии», помогла ему узнать больше экономических деталей, чем многие специальные исследования.

Идеологи реакционной буржуазии тщатся доказать, что партийная позиция «связывает» художника, «мешает» развитию

его индивидуальности, «ограничивает» возможности таланта. Как клевета и невежество, означающее полное незнание исторических фактов, звучит их демагогическое утверждение, что партийное руководство не считается, мол, с творческой индивидуальностью художника и «насилует» специфику искусства и литературы.

Требование четкой политической линии в революционной пролетарской поэзии и личное влияние на творчество ряда поэтов связывались у Маркса и Энгельса с глубоким пониманием специфики искусства. Маркс, который подсказывал революционным поэтам не только содержание отдельных произведений, но и рекомендовал тот или иной жанр поэзии, указывал на погрешности формы, рифмы и т. п., всегда учитывал своеобразие творческой индивидуальности художника и искусства в целом. Он предостерегал от «ереси» в отношении законов искусства, требовал признания того, что литература «имеет свои внутренние законы, которых она не может и не должна по произволу лишаться».

Маркс и Энгельс рассматривали искусство как одну из практически-духовных форм сознания, как его художественную форму, специфической функцией которой является художественно-эстетическое познание: освоение, воспроизведение и оценка явлений действительности. Маркс говорил, что определенный характер отношения человека к действительности обуславливает и определенную форму, в которой это отношение выражается. Конкретизируя это положение применительно к художественно-эстетическому отражению действительности, Маркс связывал его особенность с единичным, то есть, по его словам, с чувственным, осязаемым, что находит свое выражение в форме художественного образа. Если историк, писал Маркс, отображая бедственное положение народа, займется историей создавшегося положения, а экономист рассмотрит средства, необходимые для его уничтожения, то эмоциональный человек (художник) даст описание (изображение) самой нужды.

Одним из законов искусства Маркс и Энгельс считали его идейно-политическую направленность (партийность), которая должна наличествовать в художественном произведении не как нечто внешнее, «навязанное» художнику, как толкует ныне принцип партийности социалистического искусства реакционная эстетика, не как превращение персонажей в рупоры духа времени, в носителей авторских намерений и идей, а как обусловленное самим ходом действия, художественно-образной структурой произведения, всем его содержанием внутренне присущее ему качество. Исходя из глубокого понимания специфики искусства, Маркс и Энгельс говорили о необходимости слияния в произведениях литературы идейного содержания с шекспировской живостью и богатством действия. Наличие полнокровных, живых, индивидуализированных характеров они считали одним из решающих признаков художественного достоинства искусства, условием

эмоциональной силы произведения, воплощающего образы людей. Чтобы увидеть в искусстве идею, отмечал Маркс, надо создать образ, а для того, чтобы добиться воздействия образа не только на сознание, но и на чувства людей, надо сделать его многогранным, обладающим не одним каким-то качеством («это скучно», отмечал Маркс), а совокупностью «характерных черт».

В своем анализе сущности «поэтической индивидуальности», как назвал Маркс индивидуальный характер, Маркс и Энгельс блестяще раскрыли всю глубину и сложность диалектики художественного образа. Энгельс указывал, что реалистический характер в искусстве — это не только тип, выражающий общезначимое, существенное в жизни, но вместе с тем и вполне определенная, конкретная, индивидуализированная личность. В то же время, требуя живости, неповторимости в изображении типа-характера, Маркс и Энгельс были противниками дурной индивидуализации, которая за «живостью» характера упускает из виду социальную значимость типа, превращается в «мелочное умничание» и забывает, что главные действующие лица должны быть представителями «определенных классов и направлений, а стало быть и определенных идей своего времени». Таким образом, в понимании Маркса и Энгельса художественный образ как категория искусства есть диалектическое единство единичного и всеобщего, эмоционального и рационального, конкретно-чувственного и социально-значимого, формы и содержания.

Художественно-реалистическую, идейно-эстетическую ценность искусства, его специфику Маркс и Энгельс видели не только в том, как оно отражает жизнь, но и в том, что художник выбрал объектом своего творения, то есть не только в форме, но и в предмете изображения (выражения) искусства. Действительность, неоднократно указывали Маркс и Энгельс, — предмет искусства, как и любой формы человеческого познания. Но объективный мир, отмечал Маркс, отражается в человеческом сознании отчасти в качестве объектов естествознания, отчасти в качестве объектов искусства. Другими словами: искусство и наука отражают одни и те же объекты, которые, однако, выступают специфическим предметом искусства или науки не в своей целостности, а «отчасти» в каком-то своеобразии: своих сторон. На основании ряда высказываний Маркса и Энгельса можно заключить, что это «стчасти», которое выступает как специфический предмет искусства, является эстетическим (поэтическим, по выражению Энгельса) своеобразием объективной действительности. Отражение эстетических сторон действительности, создание поэтического содержания Маркс и Энгельс связывали с одной из важнейших функций искусства — эмоциональным воздействием на человека через соответствующую художественную форму, которая, по словам Маркса, должна доставлять радость и наслаждение.

Насколько глубоко Маркс и Энгельс понимали, «чувствовали» специфику художе-

ственного творчества, наглядно показывает их оценка творчества Бальзака, который, будучи по политическим симпатиям легитимистом, мог силой таланта художника подниматься выше своего классового горизонта и давать реалистические, художественно-правдивые картины и характеры буржуазного общества. Ставя во главу угла художественного процесса мировоззрение художника, его классовые позиции, Маркс и Энгельс на примере творчества Бальзака доказали, что в понимании взаимоотношения и связи мировоззрения с объективным идейно-эстетическим звучанием произведения не может быть места вульгарному догматизму, схематизму, упрощенчеству. Нужны большой талант, художественное мастерство, чтобы с помощью передового мировоззрения создать подлинно эстетическое творение, — таков вывод из эстетических воззрений Маркса и Энгельса.

Известно, какое благотворное влияние, признаваемое даже некоторыми буржуазными исследователями, оказывали Маркс и Энгельс на творчество революционных поэтов. Расцвет поэзии того же Фрейлиграта, который был сотрудником основанной Марксом «Новой Рейнской газеты» и членом созданного Марксом и Энгельсом «Союза коммунистов», самым непосредственным образом связан с влиянием на поэта основоположников научного коммунизма, с их практической деятельностью. Не случайно вершиной его творчества являются произведения 40-х годов, позволившие ему именовать себя «революционным поэтом 48 года». Отход же Фрейлиграта в конце 50 — начале 60-х годов от партии Маркса — Энгельса ознаменовал идейное, художественно-эстетическое измельчение его поэзии, стоявшей, по его мнению, вне «политических программ и партий», а в действительности мелкобуржуазной, с привкусом немецкого национализма.

Глубоким пониманием сущности искусства определяется признание основоположниками марксистской эстетики творческой индивидуальности и своеобразия личности художника, который, по словам Маркса, должен творить «в своем собственном стиле», а не «в каком-то другом». Когда А. Руге в разговоре с Марксом нападал на Гервега за его равнодушие и сибаритство, Маркс, защищая поэта, говорил, что он гениален и ему принадлежит будущее.

О Фрейлиграте он писал И. Вейдемейеру: «Поэт — каков бы он ни был как человек, нуждается в одобрении и преклонении. Я думаю, что это свойство самой породы». На этом же понимании особенностей поэтической «породы» основывалось снисходительное отношение Маркса к некоторым недостаткам Гейне, к отдельным партийным и человеческим изъянам Фрейлиграта. Сам Маркс признавался, имея в виду последнего, что «многим весьма дельным людям из нашей партии кажется, что я к своим старым личным и партийным друзьям отношусь чересчур снисходительно».

Однако ни Маркс, ни Энгельс не были снисходительны, когда дело касалось принципиальных партийных вопросов, в частности политической направленности поэзии

того же Фрейлиграта. Несмотря на то, что Маркс считал поэта «настоящим революционером и вполне честным человеком» и относился к нему как к своему другу, он вместе с Энгельсом подверг его беспощадной критике, когда Фрейлиграт стал сползать в болото мелкобуржуазного либерализма. «Какое дело литературе до того,— спрашивал Энгельс,— что у того или иного писателя имеется крупица таланта... если все его направление, его литературный облик, все его творчество в целом ничего не стоят? В литературе всякий ценен не сам по себе, а лишь в своем взаимоотношении с целым».

В эпоху ожесточенных классовых битв пролетариата с буржуазией основоположники научного коммунизма связывали судьбы искусства с судьбой прогрессивных социальных тенденций, в первую очередь с революционной борьбой трудящихся масс. Они считали, что искусство и печать должны быть выражением мыслей и чувств народа, жить в народе, честно делить с ним его надежды и тревоги, его любовь и ненависть, его радости и горести и произносить над жизненными явлениями свой приговор с точки зрения интересов народа. Интерес к отечественным делам и национальное чувство Маркс назвал теми элементами, которые, по его словам, являются не только творческими силами настоящего искусства, но и единственными предпосылками, на основе которых оно может «развернуть свою деятельность и заслужить признание народа». Это признание, отмечал Маркс, составляет ту жизненную атмосферу искусства, без которой оно обречено на полное захирение.

Буржуазные идеологи, клеветая на лагерь социализма, пытаются обмануть миллионные массы людей, изображают капиталистический мир как землю «обетованную» для художника, где искусство имеет якобы «безграничные» возможности для своего расцвета. Маркс и Энгельс, подвергнув глубокой и всесторонней критике буржуазное общество, показали, что капиталистическое производство враждебно искусству и поэзии, что в капиталистическом обществе, господствующим принципом которого является прибыль, так называемая свобода индивидуума «представляет его завершенное рабство и полную противоположность человечности». Капитализм подчиняет художника господству денег, уничтожает радость творчества, превращает свободу художника в свободу купли-продажи его дарования, а произведения искусства — в товары, сводя на нет их индивидуально-специфические особенности и тем самым убивая природу искусства. Буржуазия, писали Маркс и Энгельс, превратила художника, поэта, артиста в своих наемных работников, труд которых только тогда «производителен», когда они работают на своего хозяина «на фабричный манер». Подобная «свобода» представляет собой нечеловеческую форму свободы, ибо когда художник продает свое дарование, его искусство выступает как творчество, не принадлежащее ему, и сам он в процессе труда принадлежит не себе, а своему

хозяину. Презрение к теории, искусству, презрение к человеку есть, по словам Маркса, действительная, сознательная точка зрения денежного человека, его добродетель.

Основоположники научного коммунизма считали, что только социалистическое общество способно обеспечить подлинный расцвет реалистического, принадлежащего народу искусства и создать широчайшие возможности для развития художественных талантов. С революцией пролетариата кончается предыстория человеческого общества. «Всякий прогресс духа был до сих пор прогрессом в ущерб массе человечества, которая попадала во все более и более бесчеловечное положение». Человечество делает революционный скачок из царства необходимости в царство свободы — в социализм, который обеспечивает действительный расцвет всех духовных и физических сил миллионных масс трудящихся, создавая условия, при которых «каждый, в ком сидит Рафаэль, должен иметь возможность беспрепятственно развиваться». И сорок лет социалистического строительства в нашей стране являются лучшим подтверждением и воплощением предсказанного Марксом и Энгельсом.

* * *

Новый сборник «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве» — результат большого труда. Однако нет сомнения, что работа над его совершенствованием еще далеко не закончена. В связи с этим и хотелось бы высказать свои соображения и пожелания на будущее.

Нам представляется, что сборник может быть еще пополнен как за счет отдельных замечаний и суждений Маркса и Энгельса, так и за счет целых фрагментов из их различных работ. В новый сборник могли бы войти некоторые высказывания основоположников марксистской эстетики о свободе творчества (из «Святого семейства», «Немецкой идеологии», известные мысли Энгельса из «Анти-Дюринга»), а также замечательное суждение Энгельса о мнимой объективности (письмо к Бернштейну от 25 января 1882 года) и мысли Маркса о «внутренних законах» искусства («Запрещение» «*Leipziger Allgemeine Zeitung*»), Все эти высказывания Маркса и Энгельса, думается, обогатили бы раздел об общетодологических вопросах художественного творчества.

В разделе «Искусство и коммунизм» и в главе «Противоречия буржуазной цивилизации» (раздел «Искусство в классовом обществе», т. I) следовало бы дать известное положение из «Манифеста Коммунистической партии» о том, что буржуазия превратила поэта в своего наемного работника. Мысль Маркса о враждебности капиталистического производства искусству и поэзии хорошо дополняется отсутствующим в сборнике и приведенным выше положением о презрении к искусству как действительной точке зрения денежного человека («К еврейскому вопросу»). Пониманию положения искусства в системе капиталистического производства помогли

бы и некоторые отрывки из «Капитала», а также фрагменты из «Экономическо-философских рукописей» Маркса и из работ Энгельса «Положение Англии. Томас Карлейль «Прошлое и настоящее», «Наброски к критике политической экономии», «Положение рабочего класса в Англии» и других.

Раздел «Искусство и коммунизм», по нашему мнению, может быть пополнен отрывками из работ Энгельса «Эльберфельдские речи», «Празднество наций в Лондоне», «Анти-Дюринг» и других.

Спорным представляется нам то, что составитель не дал раздела, посвященного борьбе Маркса и Энгельса с младогегельянцами. Сюда могли бы войти некоторые места из «Святого семейства», письма Маркса к Руге от 9 июля и 30 ноября 1842 года. В частности, в последнем письме Маркс говорит о своем понимании объективного критерия свободного творчества — наличие самостоятельного и глубокого содержания произведения — и выдвигает имеющее огромное значение для практики художественного творчества требование: «побольше определенности, побольше внимания к конкретной действительности, побольше знания дела».

Таковы некоторые наши соображения по фактическому материалу. Нет сомнения, что от всех этих дополнений сборник мог бы улучшиться и в познавательном плане, и в своей универсальности, и в своей идейно-партийной значимости.

Несколько слов о логике и композиции сборника. Думается, что и здесь следовало бы кое-что изменить, перенести некоторые отрывки в другие разделы. Например, маленький отрывок из письма Маркса Фрейлиграту от 26 января 1852 года, в котором Маркс говорит, что строфа стихотворения «художественно выражает сущест-

во дела» (подчеркнуто мной.— З. З.). Надо ли говорить о теоретической важности этих нескольких слов, хотя и высказанных Марксом по частному, конкретному вопросу? Это положение не имеет существенного значения для понимания взаимоотношений Маркса с Фрейлигратом, но имеет важнейшее общеметодологическое значение. В данном разделе оно теряется в общем тексте. Подобные места, а их немало в материале, представленном в сборнике, следовало бы специально выделить в первом разделе хрестоматии.

Во вступительной статье М. А. Лифшиц указывает, что в главах о Шекспире и Бальзаке приведены некоторые мелочи, не лишённые значения. Это очень хорошо, ибо мы мечтаем о сборнике, дающем исчерпывающее представление об эстетическом наследии Маркса и Энгельса. Поэтому хотелось бы, чтобы этот принцип был распространён составителем не только на отдельные имена, но и на общеэстетические положения, которые имеют не меньшее значение, чем упоминание имен МанDEVИЛЯ или УЛАНДА. Тогда бы в сборнике появились краткие высказывания Маркса о том, что индивидуальный характер есть поэтическая индивидуальность, что хорошая трагедия не должна кончаться бесцветной развязкой, что форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания, и т. д., и т. п.

Хочется пожелать, чтобы следующий сборник был максимально исчерпывающим в отношении эстетического наследия Маркса и Энгельса, которое нам необходимо очень хорошо знать во всей его полноте для успешной борьбы за партийные, идейно-эстетические, художественные принципы искусства социалистического реализма.

З. Г. ЗОРЬАНОВ

Активизировать научно-атеистическую пропаганду

«Наука и религия». Сборник стенограмм лекций, прочитанных на Всесоюзном совещании-семинаре по научно-атеистическим вопросам. Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Москва. 1957. 431 стр.

Выпущенный в конце 1957 года сборник статей под названием «Наука и религия» призван восполнить недостаток атеистической литературы, который образовался в нашей стране в послевоенный период.

После известного постановления ЦК КПСС от 10 ноября 1954 года «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» научно-атеистическая пропаганда несколько улучшилась. Многие партийные организации стали уделять этому делу больше внимания, газеты и журналы стали чаще печатать статьи, издательства стали выпускать больше литературы, а организации Общества по распространению политических и научных знаний стали больше проводить лекций на антирелигиозные темы. Во мно-

гих союзных республиках, а также в областях и краях стали проводить семинары и курсы для подготовки и повышения квалификации пропагандистов и лекторов, выступающих на научно-атеистические темы.

Однако постановка научно-атеистической пропаганды продолжает и сейчас в целом оставаться неудовлетворительной как с точки зрения количественного ее размаха, так и в смысле качественного содержания, богатства и разнообразия доводов и аргументов, которые в ней используются, конкретности и степени воздействия ее на верующих. Нередко в этой пропаганде, как устной, так и печатной, допускаются и серьезные ошибки теоретического и политического порядка.

В таких условиях вооружение лекторов и пропагандистов печатными пособиями, которые показывали бы, как вести научно-атеистическую пропаганду, какие вопросы в ней поднимать, как их трактовать, какие доказательства против религии привлекать из самых различных областей науки,— все это представляется делом исключительно важным и неотложным. Это тем более важно, что во всех областях нашей жизни — в культурном облике советских людей, в том числе и верующих, в поведении и деятельности религиозных организаций — произошли за последние годы серьезные перемены. Они требуют того, чтобы их по-настоящему осмыслить, сделать из них необходимые выводы для повышения уровня научно-атеистической пропаганды.

Сборник статей «Наука и религия», рецензируемый нами,— это стенограммы лекций, которые были прочитаны в мае 1957 года на Всесоюзном совещании-семинаре по вопросам научно-атеистической пропаганды, созванном в Москве правлением Общества по распространению политических и научных знаний.

В сборнике напечатано двадцать статей. Тематически они делятся на три основных раздела. Первый раздел трактует о содержании и задачах научно-атеистической пропаганды в современных условиях, о ее формах и методах. Второй — освещает темы социологического порядка: о корнях религии, о причинах существования религиозных пережитков в СССР, о происхождении и ранних формах религиозных верований, о различных формах современных религий. Третий посвящен естественнонаучным вопросам: новейшим данным науки о строении Вселенной, современному состоянию проблемы происхождения жизни, борьбе материализма и идеализма в современной физике, борьбе против идеализма в современной биологии, основным проблемам учения Павлова. В качестве авторов в сборнике выступают квалифицированные ученые: академики, члены-корреспонденты, доктора, кандидаты наук,— а также специалисты-антирелигиозники.

Содержание сборника в основном отвечает предъявляемым к научно-атеистической пропаганде требованиям. Авторы подчеркивают актуальные вопросы, которые должны быть в центре внимания антирелигиозников-пропагандистов, показывают, как использовать новейшие данные науки в целях разоблачения религиозных предрассудков и суеверий, стараются связывать теоретические положения с практическими задачами переделки природы, строительства социализма.

Во вступительной статье, написанной академиком М. Б. Митиным, «О содержании и задачах научно-атеистической пропаганды в современных условиях» совершенно правильно подчеркивается особенность научно-атеистической пропаганды на современном этапе: в новых условиях она должна быть прежде всего идеологической борьбой научного мировоззрения против религиозного, антинаучного мировоззрения.

С этой точки зрения, как правильно пишет автор, научно-атеистическая пропаган-

да проигрывает оттого, что в ней все еще немало догматизма, что не всегда разоблачаются новые попытки поповщины использовать последние достижения науки в целях подкрепления религии, примирения ее с наукой.

Автор подчеркивает также, что сейчас происходят в стране два противоположных процесса: с одной стороны, продолжается упадок религии в народе, рост атеизма — и это является главным; с другой же стороны, в силу целого ряда причин имеет место частичное оживление религии. Все это обязывает нас усилить научно-атеистическую пропаганду.

В статьях Н. И. Губанова и И. А. Крывелова рассматриваются вопросы о причинах существования религиозных пережитков в СССР, о социальных и гносеологических корнях религии.

Как известно, сформулированное В. И. Лениным положение о гносеологических корнях религии остается и сейчас одним из самых неразработанных в научно-атеистической литературе.

И. А. Крывелов указывает на такие, например, особенности нашего познания, питающие религию, как возможность отлета фантазии от жизни, способность к абстрактному мышлению, оперирование понятиями и идеями, стремление к олицетворению, пользование ассоциациями, эмоциональность нашего мышления, несовершенства логического мышления и т. д. Однако нельзя согласиться с автором, когда он утверждает, что любознательность, то есть «стремление к объяснению сущности и причин явлений, оказывается одним из гносеологических корней религии» (стр. 47). Не любознательность, а отсутствие достаточных знаний, чтобы удовлетворить эту любознательность,— вот что скорее является гносеологическим корнем религии.

Правильное положение выдвигает Н. И. Губанов, требуя учитывать при выяснении причин существования религиозных пережитков в советском обществе конкретные формы этих пережитков, их проявления у разных народов Советского Союза, в различных областях, районах, у людей различных исповеданий. Но наряду с этим, конечно, было бы неправильно отрицать законность анализа этой проблемы и в ее общем виде, что, кстати сказать, сам тов. Губанов в своей статье и делает.

Причины живучести религии у нас — это прежде всего отставание сознания от бытия, влияние капиталистического мира, известная зависимость людей от стихийных сил природы, трудности, житейские невзгоды, остатки старого в быту, деятельность религиозных организаций, ослабление и ошибки научно-атеистической пропаганды. Глубокое понимание причин существования религиозных пережитков имеет большое практическое значение; оно необходимо для того, чтобы лучше и правильнее вести научно-атеистическую работу, быстрее преодолевать остатки религии.

Хотелось бы указать на неясность в трактовке вопроса о социальных корнях

религии. Н. И. Губанов (см. стр. 56) не относит гнет природы к явлениям социального порядка. Тов. же Кривелев на стр. 49 пишет, что «влияние неблагоприятных сил природы» — это «обстоятельство социального порядка». Читатель имеет полное право недоумевать.

Солидное место (примерно около $\frac{1}{4}$ объема сборника) занимают статьи на естественнонаучные темы.

К этому разделу должны быть предъявлены особо строгие требования: он должен показать армии наших физиков, химиков, биологов, агрономов, астрономов, как им — каждому в своей области — использовать научные знания для научно-атеистической пропаганды.

Наиболее удачными статьями этого раздела, на наш взгляд, являются статьи академика А. И. Опарина «Современное состояние проблемы происхождения жизни», члена-корреспондента Академии медицинских наук СССР Д. А. Бирюкова «Основные вопросы учения И. П. Павлова в атеистической пропаганде» и доктора философских наук Г. В. Платонова «Борьба против идеализма в современной биологии».

Статья Опарина представляет собой образец того, как сложную в научном отношении тему можно изложить просто и убедительно, в доступной для рядового читателя форме.

Вопросы учения Дарвина и учения Павлова Платонов и Бирюков рассматривают с привлечением большого фактического материала, новейших данных науки и результатов практики в этих областях.

Авторы в своих статьях удачно разоблачают псевдонаучные теории виталистов, вейсманистов-морганистов, апологетов религии, вскрывают материалистическую природу таких «непонятных» явлений, часто питающих суеверные представления, как сновидения, «вещие сны», обмороки, гипноз, телепатия, спиритизм, лунатизм, летаргия и т. п.

Ценны для антирелигиозников и некоторые методические указания, приводимые в статье Бирюкова. Например, он пишет: «Совершенно неправы лекторы, выступающие в аудитории, где есть и религиозные лица, которые говорят, что нет никакой души. Люди прекрасно знают, что душа есть, весь вопрос только в том, как ее толковать» (стр. 158).

Автор совершенно правильно хочет подчеркнуть этим, что в научно-атеистической пропаганде надо не отвергать «с порога» некоторые явления, а стараться разъяснять их, вскрывать их материальную основу.

Статьи члена-корреспондента Академии педагогических наук РСФСР Б. А. Воронцова-Вельяминова и академика АН УССР М. Э. Омеляновского не содержат каких-либо неправильных положений, но авторы их просто не учли специфических задач сборника. Так, в статье тов. Омеляновского очень важные методологические, мировоззренческие проблемы и философские категории — материя, движение, пространство, время, форма, теория относительности, вечность,

атом, закон природы — трактуются таким образом, как будто они абсолютно никакого отношения к религии не имеют. А между тем все эти проблемы представляют собой арену самой острой, самой непримиримой борьбы между материализмом и идеализмом, между наукой и религией. Как же можно умолчать об этом, если иметь в виду, что статьями будут пользоваться пропагандисты-антирелигиозники для практических целей научно-атеистической пропаганды? Тов. Воронцов-Вельяминов ставит в своей статье очень серьезный вопрос. «От пропагандистов, — пишет он, — часто требуют, чтобы они по всем самым сложным вопросам естествознания сказали совершенно четко и определенно самое окончательное слово науки, сказали его непрерываемо, чтобы догмам религии были противопоставлены какие-то догмы науки. И надо сказать, что некоторые лекторы стремятся идти по этому пути. Конечно, из этого ничего хорошего не выходит, так как по многим сложным вопросам в науке еще нет окончательных выводов» (стр. 68). Как же быть? Выдумывать ответы или выдавать гипотезы за окончательные решения вопросов? Это было бы, конечно, и неправильно и вредно. Когда гипотетические положения выдаются за истину, а затем слушатели вдруг узнают о существовании иных взглядов в науке, то от этого выигрывает только религия. Антирелигиозник должен твердо знать, что наука, какие бы трудности в решении отдельных проблем перед ней ни стояли, располагает уже и сейчас огромным запасом совершенно бесспорных данных, которыми можно с успехом бить по религиозным догмам, сокрушать религию, заставляя ее отступать все дальше и дальше. Огромные достижения науки особенно очевидны в нашу эпоху, эпоху новых колоссальных открытий как в области макромира, так и в сфере микромира. Все эти открытия вновь и вновь блестяще подтверждают диалектический материализм и опровергают религию и идеализм, дают новые аргументы в руки атеистов.

Статья Воронцова-Вельяминова страдает как раз тем недостатком, что в ней забыто это правило, из нее можно скорее почерпнуть то, чего пока что наука еще не знает, в чем она слаба, чем то, что ею уже достигнуто и в чем состоит ее бесспорная сила. Так писать статьи для атеистического сборника методически неправильно.

В разделе, посвященном социологическим проблемам, содержатся статьи по вопросам возникновения религии, ее социальной роли, о методах и формах борьбы с ней. Авторы рассматривают эти вопросы на широком историческом фоне, используя и материалы современной действительности.

Ценной является статья доктора исторических наук С. А. Токарева, в которой он совершенно правильно отмечает, что работы, выпускавшиеся у нас за последнее время на тему о происхождении религии, не соответствуют современному

уровню мировой этнографической науки. Брошюры В. А. Малинина «О происхождении религии» (М. 1955), В. И. Прокофьева «Возникновение религии и веры в бога» (М. 1955), И. Н. Никифорова «Как возникла религия и в чем ее сущность» (М. 1955) опираются на материал, заимствованный у Спенсера, Тейлора, Липперта, у буржуазных школ — натурмифологической, анимистической, эволюционистской, социологической. Между тем наука накопила сейчас много новых фактов.

В свете этих фактов бесполезно пытаться, например, ставить вопрос о единой древнейшей форме религии, ибо едва ли можно думать, что была какая-то одна зародышевая форма религии, из которой потом развились все другие формы. Даже на ранних ступенях могут сосуществовать и сосуществуют одновременно различные формы религиозных представлений: и тотемизм, и магия, и олицетворение сил природы, и т. д.

Остро и злободневно написана статья проф. Н. Н. Розенталя, посвященная проблеме возникновения христианства и его эволюции. Автор разоблачает на богатом историческом материале миф о реальном существовании Христа, показывает социальные корни христианства. Актуальны замечания автора и по поводу первоначального христианства, его демократически-революционного духа (см. В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 392). Это положение Ленина некоторые толкуют чересчур расширительно, иногда вплоть до того, что считают Христа чуть ли не первым коммунистом, отождествляют христианство с коммунизмом, называют коммунизм религией и т. д. Автор пишет: «Принципиальная непримиримость всех форм христианской (как и всякой другой) религии и научно-коммунистического мировоззрения была исчерпывающе раскрыта К. Марксом еще в первой половине прошлого столетия. Эта непримиримость обусловлена прежде всего тем, что коммунизм добивается построения счастливой жизни человечества в реальной действительности, на земле, тогда как всякая религия, и в особенности христианская, исходит из ложного утверждения, будто подлинно счастливая жизнь может наступить для людей только после их смерти» (стр. 221). Автор с полным основанием приводит слова французского историка религии Шарля Эншлена о том, что Христос победил потому, что потерпел поражение Спартак.

Целых три статьи сборника посвящены анализу католической религии. В этих статьях — М. М. Шейнмана «Католицизм как разновидность христианства», М. С. Возчикова «Современный Ватикан, его идеология и политика» и Б. Э. Быховского «Неотомизм — современная философия католицизма» — дается всесторонняя характеристика возникновения и основных этапов развития католицизма, его догматов и обрядов, его социальной реакционной роли, его борьбы с наукой. Авторы показывают, что современная католическая церковь служит монополисти-

ческому капиталу, прежде всего американскому, и активно участвует в сколачивании единого фронта империалистических держав против Советского Союза, против коммунизма, что Ватикан всегда поддерживал самые реакционные, антинародные режимы: Франко в Испании, Салазара в Португалии, Гитлера в Германии, Муссолини в Италии и т. д.

Полезную роль в деле идеологического вооружения пропагандистских кадров для борьбы против католической реакции могла бы сыграть и статья Б. Э. Быховского, посвященная неотомизму. Тем более, что и в нашей стране, особенно в западных республиках — Литве, Латвии, Эстонии, — а также в Западной Белоруссии и на Украине, немало католиков. К сожалению, исключительно трудный слог статьи делает ее для рядового пропагандиста малодоступной.

Анализу христианской религии посвящена в сборнике также статья А. Н. Чанышева «Некоторые вопросы идеологии протестантизма в США». Как известно, протестантские церкви баптистов, методистов, евангелистов, лютеран, пресвитериан, конгрегационалистов и т. д. существуют не только в США, но и в разных странах мира. Теологи протестантизма, так же как и католицизма, обеспокоенные ныне резким обострением классовой борьбы, ростом влияния идей социализма и атеизма, пытаются спасти буржуазный строй. Они сеют всяческие иллюзии о возможности «улучшения» капитализма на путях нравственных, религиозных. Статья дает фактический материал для разоблачения этой демагогии.

Помимо христианства, в сборнике уделено внимание и другим религиям — мусульманству (статья проф. Л. И. Климовича), иудаизму (статья М. И. Шахновича), а также сектантству (статьи А. И. Клибанова и И. Н. Узкова).

Завершается сборник статьей Н. К. Амосова «О формах и методах научно-атеистической пропаганды в современных условиях». Написанная со знанием дела, эта небольшая статья, однако, страдает существенным недостатком: говоря о научно-атеистической пропаганде, автор перечисляет такие формы, как лекции, беседы, вечера вопросов и ответов, индивидуальную работу, но, как это ни странно, совершенно забывает о такой основной форме пропаганды, как печать, которой, как известно, В. И. Ленин всегда придавал наиболее важное значение. Ведь любая лекция в лучшем случае обслуживает сотню — другую людей, а печать — миллионы и миллионы читателей. Большую роль в антирелигиозной пропаганде могут сыграть радио и телевидение.

В целом рецензируемый нами сборник при всех отмеченных недостатках является ценным пособием для пропагандистов и лекторов-атеистов. Он содержит много интересного и свежего материала, ценных мыслей и положений, много методологических и методических указаний.

Хотелось бы, чтобы при последующих из-

даниях сборника в него были внесены некоторые дополнения, которые его улучшат.

Сборник сыграл бы большую роль, если бы в нем была добротная обобщающая статья на тему «Наука и религия», построенная на естественнонаучном материале с глубоким философским анализом.

Надо устранить непропорциональное расположение материала. Почему, например, католицизму отведены три статьи, а православию — наиболее распространенной

у нас религии — одна, да и та рассматривает вопрос вскользь?

Полезно было бы также осветить ряд таких тем, которые практически всегда имеют большое значение в научно-атеистической пропаганде: религия и нравственность, религиозный и безрелигиозный быт, религиозные и революционные праздники, социализм и атеизм, религии Востока, преодоление религии в странах народной демократии.

Ф. Н. ОЛЕЩУК

Учебное пособие по историческому материализму на грузинском языке

Исторический материализм. Изд. Тбилисского государственного университета имени И. В. Сталина. Тбилиси. 1957, 322 стр.

Существующие учебники по диалектическому и историческому материализму наряду с известными достоинствами обладают и значительными недостатками, что не раз отмечалось в нашей прессе. Улучшению положения дела, безусловно, будут способствовать попытки создания учебников коллективами преподавателей философии высших учебных заведений страны. В этом отношении полезную работу провели философские кафедры Тбилисского государственного университета имени И. В. Сталина. В 1955 году они подготовили и издали учебное пособие «Вопросы диалектического материализма», получившее положительную оценку в печати. Вышедшая в прошлом году работа «Исторический материализм» также заслуживает внимания. В научной и учебной жизни республики она представляет, бесспорно, значительное явление. Это ясно хотя бы из того, что до сих пор на грузинском языке не было соответствующего учебника, что серьезно затрудняло преподавание исторического материализма.

Рецензируемая книга является коллективным трудом¹. Следует приветствовать, что в его создании вместе с опытными учеными приняли участие и молодые научные работники.

Книга следует учебной программе высшей школы, в ней рассмотрены основные вопросы исторического материализма: исторический материализм как наука; материальное производство — основа общественного развития; закономерности развития производительных сил и производственных отношений; базис и надстройка;

классы и классовая борьба; государство и революция; диктатура пролетариата и ее формы; теория нации и национального вопроса; общественное сознание и его формы; народные массы — решающая сила общественного развития; роль личности в истории.

«Исторический материализм» написан с основательным знанием марксистско-ленинской философии и учетом соответствующих педагогических требований.

Следует отметить хорошо написанные параграфы первой главы («Исторический материализм как наука»): 1—4 (автор — профессор К. С. Бакрадзе) и 5—7 (автор — доктор философских наук С. Б. Церетели), — в которых рассмотрены вопросы о предмете исторического материализма, специфике законов развития общества, о взаимоотношении общественных законов, о свободе и необходимости. В ходе рассмотрения этих вопросов излагаются и критикуются различные немарксистские социологические теории: механистическое понимание истории (Ламетри, Гельвеций, и др.); биологическое направление в социологии (Спенсер) и его разновидность — социал-дарвинизм (Аммон), неокантианство (Риккерт, Вебер). Содержание этих теорий изложено кратко, но достаточно четко и понятно. Теории эти подвергнуты убедительной критике. Эта часть книги вместе со своей основной задачей (определение предмета исторического материализма) хорошо выполняет и роль исторического введения.

В преподавательской практике приходится иногда встречаться с разноречием в понимании предмета исторического материализма. В рецензируемой книге дается, на наш взгляд, правильное определение предмета этой науки. В первой главе (автор — проф. К. С. Бакрадзе) говорится, что исторический материализм изучает общие законы развития общества. Различные стороны общественной жизни изучаются разными научными общественными дисциплинами. Предметом исторического материализма

¹ Состав авторского коллектива: К. С. Бакрадзе, С. Б. Церетели, В. И. Каландаришвили, Б. И. Лутидзе, Л. Г. Есаишвили, П. Г. Гуджабидзе, Б. И. Картозия, А. М. Гонашвили, Г. П. Асатиани, А. А. Гелашвили, Г. З. Инчикирвели, Ш. И. Бицадзе, С. И. Сахаров, Ш. В. Габилая, Г. Д. Бачулашвили, Д. М. Кебурия; главный редактор — П. Г. Гуджабидзе.

является не какая-нибудь сторона общественной жизни, а общество в его целостности, взаимосвязь и взаимодействие различных сторон общества. И гражданская история изучает процесс развития общества: «История как наука изучает все стороны общественной жизни в их взаимосвязях, развитии, но она изучает исторический процесс человечества в его конкретных формах» (стр. 6). Исторический материализм не заменяет и не может заменить историю как науку. «Исторический материализм открывает общие законы развития общества, которые в одной стране проявляются по-одному, а в другой стране — по-другому. Исторический материализм учит нас, каким законам подчиняется общественное развитие вообще, каким законам подчиняется развитие общественно-экономических формаций, переход одной формации в другую и т. д. Но как, в каких условиях совершалось разрушение устоев феодализма в Англии, в Германии, во Франции и т. д., в каких условиях и как конкретно развивались буржуазные революции в Англии, в Голландии, во Франции и т. д. — это изучает история как наука» (стр. 6—7). Исторический материализм не только мировоззрение; он вместе с тем является и методологией общественных наук. Общественные науки пользуются категориями, которые установлены и проанализированы историческим материализмом на основе изучения общественных явлений и обобщения данных конкретных общественных наук. Исторический материализм — философская наука. Основным вопросом исторического материализма является вопрос об отношении общественного сознания к общественному бытию.

К сожалению, в книге не дается определения понятий общественного бытия и общественного сознания. Между тем дать определение этих понятий было тем более необходимо, что в работах некоторых советских философов имеется неправильная их трактовка, неточно определяются и взаимоотношения этих понятий с такими понятиями, как условия материальной жизни общества, базис, способ производства.

Не во всех разделах книги авторам удалось добиться единства и цельности изложения. Это особенно относится к той части работы, в которой рассматриваются формы общественного сознания. В книге дается характеристика науки, искусства, религии, морали и права. Однако рассмотрению этих форм общественного сознания недостает научного подхода именно в аспекте исторического материализма. Много в этих параграфах не имеет прямого отношения к историческому материализму, который рассматривает все формы общественного сознания под определенным углом — с точки зрения их места и роли в общественной жизни — и для решения своей задачи использует и данные специальных наук. Но это не значит, что исторический материализм занимается исследованием таких, например, вопросов, как классификация наук или соотношение формы и содержания в искусстве, как это

имеет место в рецензируемой работе. В результате такого подхода в книге не показаны взаимосвязь, взаимодействие форм общественного сознания.

С некоторыми соображениями, высказанными авторами по этим вопросам, трудно согласиться. Например, неубедительным выглядит высказывание Г. Инцикирвели о правовых учреждениях. Автор пишет: «В нашей философской литературе достаточно распространено ошибочное соображение о том, что якобы правовыми учреждениями являлись такие органы, как, например, суд и прокуратура. В действительности же суд, прокуратура и т. д. являются не правовыми, а политическими учреждениями, особыми органами государства. Что же касается правовых учреждений, таковыми следует считать правовые нормы, само право, как совокупность правил (норм) поведения, обеспечиваемых государственным принуждением, а также отдельные правовые институты, как совокупности правовых норм, регулирующих однородные общественные отношения (например, институт права социалистической собственности, институт права наследования по закону и по завещанию, институт усыновления и множество других)» (стр. 240).

Исключение суда и прокуратуры из числа правовых учреждений на том основании, что они являются органами государства, неосновательно. Эти учреждения являются именно правовыми органами государства.

Неточно следующее положение доц. Ш. Бицадзе о морали: «Мораль также является формой общественного сознания, и постольку она также имеет отдельный, собственный объект отражения в общественном бытии, — непосредственно в экономической структуре или базисе» (стр. 241). Нельзя признать правильным ограничение объекта отражения морали базисом. Мораль отражает не только экономические, но и политические, национальные, семейные, бытовые отношения.

Вообще о сущности морали в книге сказано очень мало. Автор излагает принципы коммунистической морали, но почему это должно мешать изложению общей теории морали? Наоборот, освещение вопроса о сущности морали как формы общественного сознания содействовало бы более глубокому и обоснованному изложению принципов коммунистической морали. То же можно сказать и о параграфе, в котором говорится о патриотизме. И здесь автор (А. Гонашвили) мало внимания уделяет общей стороне вопроса и, в сущности, ограничивается характеристикой советского патриотизма.

Недостатком рецензируемой работы является и то, что в ней при рассмотрении вопроса об отношении науки к надстройке нет единой точки зрения (ср. стр. 101 и 288). Противоречивые суждения высказываются и о философии. Она объявляется одной из форм общественного сознания (стр. 227, 289), но как таковая не рассматривается. В этом отношении авторы следовали новой программе. Доводом в

пользу этого для авторов как программы, так и рецензируемой книги является, вероятно, то, что философия — наука и рассмотрение последней как формы общественного сознания должно включать и рассмотрение философии. Но тогда непонятно, почему как в программе, так и в книге вообще ставится вопрос о соотношении философии и науки. Ясно, что когда говорят о философии как науке, имеется в виду ее специфика, однако в книге она не учитывается.

Неудовлетворительно, слишком поверхностно рассматривается в книге современный капитализм. Известно, что современные буржуазные социологи много пишут о том, что современный капитализм якобы стал «народным», «бесклассовым» строем и т. д. Утверждают даже, что в современном капитализме нет буржуазии и пролетариата. Однако серьезного анализа изменений в общественных явлениях современного капитализма в книге нет; она слабо вооружает читателя в борьбе против современных попыток оправдания капитализма, в борьбе против оппортунизма и ревизионизма.

Ценность и актуальность рецензируемой книги значительно снижается тем, что в ней нет критики современной буржуазной социологии. Она не свободна и от некоторых неточных положений. Например, на стр. 179 читаем: «Первую формулировку идеи диктатуры пролетариата встречаем в труде Маркса и Энгельса «Манифест Коммунистической партии». Для точности следовало указать, что идея диктатуры пролетариата впервые была намечена Марксом и Энгельсом раньше, а именно в «Немецкой идеологии» (1845—1846 гг.).»

В главе о роли личности и народных масс в истории сказано: «Впервые марксизмом-ленинизмом были признаны решающая роль и сила трудящихся людей, народных масс, впервые марксизм-ленинизм признал народ подлинным творцом истории» (стр. 304). Идея о решающей роли народных масс в истории не была чужда и некоторым домарксовским мыслителям. Например, революционные демократы XIX столетия в России (Чернышевский, Добролюбов и другие), И. Чавчавадзе в Грузии были того мнения, что историю создают не великие личности, а народные массы и что поэтому история должна быть историей трудящихся масс, а не царей. Еще раньше эту же мысль развивали французские историки Гизо, Минье, Тьерри, а в Германии — Бюхнер. Но дело в том, что этот правильный тезис не был ими до конца научно обоснован. Эти мыслители не смогли преодолеть идеализм в понимании истории. Только марксизм-ленинизм благодаря открытию и научному обоснованию положения о способе производства как определяющей силе исторического развития впервые научно обосновал положение о решающей роли народных масс в истории.

Несмотря на отмеченные недостатки, рецензируемую книгу следует считать положительным явлением в советской философской литературе. Она будет способствовать усвоению студенчеством и широкой общественностью республики марксистско-ленинского учения о закономерностях развития общества.

**О. М. БАКУРАДЗЕ, В. М. КВАЧАХИЯ,
Н. З. ЧАВЧАВАДЗЕ (Тбилиси)**

Марксистский гуманизм

ROGER GARAUDY. *Humanisme marxiste. Cinq essais polémiques.* Editions sociales. Paris. 1957. 315p.

Французские коммунисты вместе с передовыми представителями французской интеллигенции ведут упорную борьбу против наступления реакции в области идеологии. Они активно участвуют в борьбе против ревизионизма, публикуя на страницах журналов «Нувель критик», «Пансе», «Кайе дю коммунизм» статьи, разоблачающие не только фальсификаторские маневры сознательных врагов марксизма, но и истерические настроения, сомнения и колебания тех «марксистов», которые, не обладая принципиальной стойкостью, потеряли под ногами почву и под флагом борьбы против догматизма стали подвергать сомнению непреложные истины марксизма.

В борьбе против фальсификаторов марксизма большую помощь может оказать книга французского философа Роже Гароди «Марксистский гуманизм», вышедшая в конце 1957 года.

Она содержит пять полемических очерков, внешне не связанных между собой, однако книга имеет свою внутреннюю логику и четкую структуру. Роже Гароди разоблачает в ней попытки врагов марксизма фальсифицировать марксистскую материалистическую теорию, марксистскую диалектику и теорию научного коммунизма. Автор отражает атаки на марксизм со стороны современных представителей объективного и субъективного идеализма и характеризует гносеологические и социальные корни современных идеалистических течений. Книга направлена против позитивизма в науке и формализма в искусстве, против тех идеалистических теорий, которые служат благодатной почвой для ревизионизма.

В небольшом введении, озаглавленном «Почему я стал марксистом», Роже Гароди с подкупающей искренностью расска-

зывает о тех колебаниях и шатаниях, которые он испытал на пути к марксизму. Страстной убежденностью проникнуты заключительные строки этого введения, где он говорит о неразрывной связи философского материализма с революционным действием. «Философия и социальная революция,— пишет Гароди,— имеют одну общую цель — положить конец отчуждению, которое делает человека бесчеловечным, а его мысль иллюзорной» (р. 16).

В первом полемическом очерке Роже Гароди, анализируя труды Маркса, в которых глубоко вскрыта бесчеловечная сущность капиталистической действительности и научно обоснована неизбежность гибели капиталистического строя, убедительно показывает несостоятельность попыток католического патера Биго отрицать научный характер марксизма. Критике фальсификаторских попыток Биго Роже Гароди посвятил также статью, опубликованную в сборнике «*Les marxistes répondent à leurs critiques catholiques*» (Paris, 1957).¹ Если в указанной статье Роже Гароди главное внимание уделял полемике с фальсификаторами марксизма, то в своей книге он, развивая высказанные в полемике положения, дал глубокий позитивный анализ категории «отчуждения»².

Второй очерк («Диалектика природы и материализм») направлен против попыток о. Кальвеса путем различных манипуляций с вырванными из контекста цитатами Маркса фальсифицировать марксистскую диалектику и доказать, будто Маркс никогда не признавал диалектики в природе и указывал лишь на диалектический характер науки о природе (см. Calvez «*La Pensée de Karl Marx*», 1956, р. 360).

Кальвес утверждает, что природе без субъекта не свойственно движение, что это хаос, недифференцированная и индифферентная материя, в конечном счете ничто. «Диалектика в природе существует, если существует бог как двигатель материи»,— утверждает Кальвес. Его коллега Кожев полагает, что «диалектика существует только там, где человек сопредсуществует природе». Иначе говоря, диалектику вносит в природу субъект. Существует бесконечная субстанция Анаксимандра «апейрон» и в дополнение к ней — «нус» Анаксагора — нематериальное начало, мировой дух; сочетание этих двух начал дает материю в движении. Совсем как в библии: вначале был хаос, потом явился дух, который все привел в порядок.

Как замечает Гароди, Кальвес «вызывает» субъекта, чтобы «вызвать» движение материи, подобно тому, как спириты «вызывают» духов, чтобы они двигали стол.

Итак, без субъекта, который сам являет-

ся частью материи, не существует движения материи. Абсурдность этого вывода очевидна. Вся аргументация против марксизма у Кальвеса и его соратников сводится к старым, идеалистическим аргументам против материализма. Католики, пишет Гароди, пытаются опереться на Канта, чтобы выдвинуть утверждение: «Нет объекта без субъекта» (хотя Кант признавал существование «вещей в себе», независимых от субъекта); на положение Фихте: «Вещь в себе» есть излишняя посылка; наконец, они пытаются опереться на Гегеля, выдвигая утверждение, что не существует диалектики вне мысли человека и его действий. Последовательно и убедительно показывает Гароди научную несостоятельность этих идеалистических положений.

Несомненная заслуга Канта состояла в том, что он выдвинул верную идею об активности субъекта, человека. Однако, будучи идеалистом, Кант неправильно истолковал эту активность как деятельность разума, диктующего природе свои законы. В действительности человек познает законы природы и на основе все более глубокого познания этих законов преобразует мир.

Гароди показывает, что Маркс, подвергнув критике ограниченность эмпиризма и присущие ему черты наивного реализма, выступил и против идеалистического понимания диалектики у Гегеля. Переворот, который совершил Маркс в понимании диалектики, заключается в том, что он рассматривал ее не как саморазвитие идеи, а как диалектику объективного мира, получающую отражение в сознании.

Дальнейшим развитием марксистской диалектики явилась ленинская теория отражения. В. И. Ленин рассматривал ощущение как субъективный образ объективного мира. Он показал, что познание не сводится ни к ощущению, ни к комплексу ощущений. Роже Гароди разъясняет далее, чем отличается теория познания диалектического материализма от наивного реализма и вульгарного материализма.

Познание человека есть диалектическое отражение объективной диалектики, господствующей в природе и обществе. Попытки фальсификаторов марксизма доказать, что Маркс не признавал диалектики в природе, вытекают из их стремления отрицать существование диалектических закономерностей в развитии человеческого общества, обуславливающих неизбежность краха капиталистической формации. Марксизм-ленинизм учит, что изучение объективной диалектики открывает человеку пути от рабства к свободе.

«Диалектика и свобода» — так озаглавлен третий, центральный раздел книги Роже Гароди. Этот очерк направлен против извращения идеи свободы в различных буржуазных концепциях, в частности в экзистенциализме Сартра.

Эти концепции исходят из предпосылки, что признание существования диалектических закономерностей в объективной действительности якобы лишает человека свободы. Марксизм предстает в этих концеп-

¹ Рецензия Н. Садовского на этот сборник опубликована в № 1 журнала «Вопросы философии» за 1958 год.

² Статья Роже Гароди на эту тему будет опубликована в одном из ближайших номеров журнала «Вопросы философии».

циях как механический материализм, который, как и фатализм, не оставляет места для человеческой свободы. Мерло-Понти — теоретик авантюризма и антикоммунизма — на этом ложном постулате строит все свое опровержение марксизма. В действительности диалектический материализм не отрицает свободы и не противопоставляет свободу необходимости, как это делают метафизики-идеалисты.

Сартр утверждает, что экзистенциализм не враждебен марксизму и не направлен против марксизма; экзистенциализм-де находит обоснование своего существования в «несостоятельности современного марксизма». Для доказательства того положения, что «современный марксизм» якобы «болен склерозом», используются все антимарксистские клеветнические выпады от Каутского, Леона Блюма и Троцкого до современных фальсификаторов марксизма включительно.

Р. П. Шамбр, как и Мерло-Понти, выступая «в защиту диалектики», утверждает, что диалектика в Советском Союзе умерла, потому что в СССР нет более антагонистических противоречий и борьбы классов, а это означает конец истории. Но конец классового антагонизма означает лишь смерть капитализма, и нет никаких оснований утверждать, что движущими силами развития общества должны быть обязательно антагонистические противоречия, возражает Гароди.

Присоединяя свой голос к хору «опровергателей» марксизма, Сартр также выступает против «современного марксизма».

Какие же обвинения предъявляет марксизму Сартр? Отрыв теории от практики, механистический материализм и волюнтаристический идеализм, крайний схематизм, ограниченность, презрение к опыту, к конкретному, стремление игнорировать частное, определяя все частное как случайное. Гароди показывает, что все эти обвинения совершенно несостоятельны. Концепция Сартра непоследовательна и полна противоречий. Раньше он определял свободу как чистое отрицание «данной ситуации», провозглашая полную свободу выбора. Его концепция свободы основывалась на полном иррационализме. Действия человека, по Сартру, не обусловлены причинно, не опираются на прошлое и не обусловлены окружающей средой: они есть результат свободного выбора проекта, цели, поставленной конкретной личностью.

Однако позиции Сартра шатки и неустойчивы. Он пишет в то же время, что «схема» борьбы классов помогает правильному пониманию политических событий; он претендует на то, что его концепция ставит своей целью вскрыть диалектику всеобщего и частного, он даже признает, что «противоречия поведения человека обусловлены противоречиями объективной ситуации».

Он утверждает, что «предметом экзистенциализма, в восполнение марксизма, является единичный человек в социальной среде, в среде своего класса, среди коллек-

тивных объектов» («Les temps modernes», oct. 1957, p. 669).

Если раньше Сартр утверждал, что человек является «центром неограниченной индетерминации» («Situation», vol. II, p. 26), то в 1957 году он уже считает, что поле деятельности человека необходимо рассматривать не «как зону индетерминации», а, напротив, как «зону структурно организованную, которая зависит от истории в целом и разворачивает свои собственные противоречия» («Les temps modernes», 1957, p. 404). Свобода личности заключается в том, чтобы «преодолеть ситуацию». Но один субъект, «брошенный в бесчеловечный и жестокий мир», не в состоянии этого осуществить; в этом трагизм человеческого существования, отражающий трагедию буржуазного индивидуализма. Этот трагизм получает наиболее яркое философское выражение в экзистенциализме.

Согласно концепции Сартра, все противоречия неразрешимы. Нет противоречий в вещах, в объективной действительности, они существуют в сознании. Для Сартра, как и для других последователей экзистенциализма, противоречия существуют не в объективной действительности, а между индивидуумом и объективной действительностью. Марксистов, утверждающих, что эти противоречия могут быть преодолены в процессе борьбы, Сартр обвиняет в идеалистическом волюнтаризме.

Между тем для марксистов очевидна та истина, что противоречия кажутся непреодолимыми, и они действительно непреодолимы в рамках буржуазного индивидуализма. Рабочий класс, организованный в монолитную партию, руководствуясь научной, марксистской теорией, знанием законов развития природы и общества, успешно ведет борьбу за преобразование действительности, за построение бесклассового общества, основанного на принципах подлинного гуманизма, и в этой борьбе человек обретает свободу.

Марксизм не пренебрегает конкретным, не отрицает необходимости частных социологических исследований, а также изучения психологии индивидуума, как полагает Сартр, но он учит видеть за частным главное, за случайным закономерное, ибо только познание закономерностей и их использование в интересах человека открывают путь к истинной свободе, а не к той иллюзорной свободе, которая, по признанию самих экзистенциалистов, есть «чистое отрицание», уход в «ничто», в «небытие».

В четвертом очерке («Об интеллигенции») Гароди характеризует противоречивое положение интеллигенции в классовом обществе, социальные и гносеологические корни идеалистических течений, широко распространенных среди буржуазной интеллигенции и оказывающих свое влияние и на прогрессивные слои, вскрывает источник индивидуализма и субъективизма интеллигенции. Гароди характеризует те проблемы, которые волнуют современную интеллигенцию, в частности, вопрос об отношении к культурным ценностям прошлого и о путях развития социалистического реализма. Все

эти проблемы получают в книге Гароди научное, марксистское освещение.

Опираясь на труды Маркса — Энгельса — Ленина, Роже Гароди пишет, что положение интеллигенции в капиталистическом обществе как промежуточной прослойки между буржуазией и пролетариатом порождает шатания и колебания в ее среде, индивидуализм и различные иллюзии, в частности, иллюзию независимости абстрактного мышления и творческой умственной деятельности от материальных условий.

Однако в действительности интеллигенция в капиталистическом обществе, как показывает Роже Гароди в своей книге, становится все более зависимой от буржуазии, а умственный труд все более утрачивает свое достоинство, становится продажным¹. Путь к свободе и достойной человека жизни лежит не в уходе в область иллюзий, не в индивидуализме, а в тесном единении с рабочим классом, борющимся за освобождение всех трудящихся от капиталистической эксплуатации, за построение бесклассового общества.

Как отмечалось на XIV съезде Коммунистической партии Франции, все большее число интеллигентов вступает в ряды коммунистической партии, чтобы вместе с рабочим классом бороться за свое освобождение. Интеллигенция все больше осознает, что, только став на позиции рабочего класса, борющегося под руководством коммунистической партии против капиталистической эксплуатации, она может обрести действительную свободу творческой деятельности.

Как показала практика, в области науки не позитивизм, а диалектический материализм открывает широкие возможности для научного исследования. В области искусства такие возможности открывает социалистический реализм, являющийся дальнейшим развитием и углублением лучших национальных традиций.

В заключительной главе («Что представляет собой рабочая революционная партия») Роже Гароди подвергает критике прудонистские идеи, которые питают современный ревизионизм: «Претензии построить социализм без рабочей социалистической партии и без диктатуры пролетариата, и сейчас еще слишком часто провозглашаемые, свидетельствуют о том, что мар-

ксистская критика прудонизма ни в коей мере не утратила своей актуальности» (р. 294).

Партия рабочего класса, руководствующая в своей деятельности теорией марксизма-ленинизма, опирающаяся на принципы демократического централизма, не отвергает свободы критики, но эта критика должна помогать партии исправлять ошибки и преодолевать трудности. Такая критика не имеет ничего общего с ликвидаторскими тенденциями, с попытками отрицать руководящую роль партии и противопоставить марксизму «вечные ценности», которые в действительности, как пишет Гароди, «оказываются постулатами буржуазной системы».

Книга Роже Гароди охватывает ряд важных, актуальных проблем, она дает бой врагам марксизма по основным направлениям, по которым они пытаются фальсифицировать марксизм. При этом Роже Гароди не ограничивается полемикой, но дает и позитивное изложение рассматриваемых в книге проблем с марксистских позиций.

Нам кажется, однако, что книге недостает обобщающего заключения, в котором была бы раскрыта диалектика классового и общечеловеческого в самом понятии гуманизм.

На протяжении всей истории классового общества трудящиеся массы и выразители их чаяний — передовые, прогрессивные мыслители и общественные деятели — мечтали о таком социальном строе, при котором не будет угнетения человека человеком, не будет расовой и национальной розни, мечтали о свободной и счастливой жизни для всех людей. Но идеи гуманизма в классовом обществе всегда были классовыми, они нередко были облечены в религиозную оболочку и приобретали извращенный, фантастический характер. Так было в эпоху раннего христианства, которое, по словам Энгельса, заставило «зазвучать струну» в сердцах людей, выразило чаяния народных масс, их мечты о равенстве, братстве и справедливости и именно потому, пишет Энгельс, стало одной из трех мировых религий. Идеи утопического коммунизма вдохновляли таборитов, последователей Томаса Мюнцера и Яна Гуса, а также некоторые течения в русском сектантстве.

Но домарксистский гуманизм выступал не только в религиозной оболочке. Идеи гуманизма развивали французские материалисты, представители восходящего класса — буржуазии, а также утопические социалисты Сен-Симон, Фурье, Оуэн. Однако их мечты о социализме носили утопический характер. Только в марксизме идеи гуманизма получили научную основу. Марксизм указал реальный путь к осуществлению на земле идеалов гуманизма. Марксистский гуманизм, будучи классовым, в то же время воплощает чаяния всего прогрессивного человечества, потому что ставит своей целью построение бесклассового человеческого общества. Марксистский гуманизм в силу этого лишен классовой ограниченности. Идеи коммунизма, будучи идеями подлинного гуманизма, встречают горячий отклик у

¹ Глубокий анализ положения интеллигенции в капиталистическом обществе и кризиса современной буржуазной культуры дан в первом томе капитального двухтомного труда французского философа-марксиста Жана Канапа «Критика культуры». Во втором томе Канапа характеризует итоги культурной революции в СССР и в других странах социализма, процесс демократизации культуры в этих странах и показывает, что само понятие культуры в условиях социализма получает новое, более глубокое содержание (см. Jean Capra «Critique de la culture». Vol. I «Situation de l'intellectuel»; vol. II «Socialisme et culture». Paris. 1957).

трудящихся во всем мире. Могучее движение народов за мир, демократические свободы и национальную независимость растет и крепнет.

В этом движении правящие круги империалистических стран видят реальную угрозу тому бесчеловечному социальному строю, который они стремятся увековечить, угрозу колониализму и режиму капиталистической эксплуатации. Вот почему они используют любые средства — печать, радио, кино, литературу и искусство, — чтобы представить в ложном свете идеи коммунизма, фальсифицировать марксизм, оклеветать страны социализма и противопоставить социали-

стическому гуманизму буржуазный гуманизм.

Против этих попыток фальсификации марксизма направлена книга Роже Гароди. Она проникнута глубокой убежденностью автора в правоте марксизма-ленинизма, дает широкую картину острой идеологической борьбы, развернувшейся во Франции, и представляет поэтому несомненный интерес для широких кругов советской интеллигенции. Книга может оказать помощь в борьбе против субъективного идеализма и ревизионизма. Желательно поэтому, чтобы она была издана на русском языке.

Н. В. ЗАВАДСКАЯ

Мексиканский философский ежегодник «Dianoia» за 1955—1956 годы

Рецензируемый журнал выпускается Институтом философии Мексиканского университета. Его задачей является объединение исследовательской работы всех философов Мексики на базе единого журнала, создание собственной философской школы, совместимой с наличием в ней различных течений, в том числе и марксистского. Кроме того, журнал, стремясь к широкому обмену мнениями, предоставляет возможность опубликовывать в нем свои статьи и представителям философской мысли других стран мира. Само название журнала подчеркивает его характер и назначение. «Dianoia» — по-гречески означает дискурсивное мышление.

Журнал состоит из трех отделов. В первом отделе публикуются теоретические работы Института философии и философского факультета Мексиканского университета. Во втором отделе — монографии различных философских направлений. Третий отдел содержит обзоры, рецензии, библиографию.

В рецензируемом двухтомнике привлекают внимание статьи известного мексиканского философа-материалиста Эли де Гортари «Дедуктивная фаза диалектико-материалистического метода» («Dianoia», 1955 г., стр. 69—103) и «Операции диалектической логики» («Dianoia», 1956 г., стр. 109—139), посвященные вопросам диалектической логики. Здесь важна уже сама проблематика, поставленная автором в центр рассмотрения.

Известно, что в марксистской философии проблемы диалектической логики занимают одно из центральных мест. Поскольку Эли де Гортари излагает и популяризирует идеи материалистической диалектики, он делает большое и полезное дело.

В своих статьях Эли де Гортари выявляет некоторые новые виды отношений между элементами суждений, пополняет типы суждений общей логики некоторыми формулами логики математической. Все это свидетельствует о стремлении автора содействовать приведению логики в соответствие

с новыми требованиями современного уровня развития естественных наук. Но при этом логика отношений, в особенности математических, понимается автором как «дедуктивная фаза» диалектико-материалистического метода. Такое включение категорий математической логики в содержание диалектической логики осуществлено автором без достаточного теоретического обоснования. Фактически же это включение привело к стиранию грани между категориями формальной логики и диалектики. Следует также отметить, что своеобразие единства индукции и дедукции в марксистском диалектическом методе не учтено автором как важнейшая теоретическая предпосылка при рассмотрении вопроса об «операциях диалектической логики». Вследствие этого дедуктивный способ (по терминологии автора, «дедуктивная фаза») не показан как один из моментов общего диалектического подхода к действительности и рассматривается вне связи с диалектико-материалистическим методом в целом.

Исследованию ряда вопросов приложения формальной логики к юриспруденции посвящены работы Эдуардо Гарсия Майнеса «Логика юридического суждения» («Dianoia», 1955 г., стр. 3—23), «Классификация юридических понятий» («Dianoia», 1956 г., стр. 3—23) и работа Франциско Миро Кэсада «Теория юридической дедукции» («Dianoia», 1955 г., стр. 261—290).

Обе работы Майнеса представляют собой изложение результатов исследования структуры юридических норм как суждений. Автор характеризует логику юридических наук как дополнение к логике предикативных суждений. Исходя из этого основного положения, он доказывает, что, во-первых, юридические нормы — тоже суждения, но императивного характера, во-вторых, суждения юридических норм отличаются от обычных суждений, изучаемых формальной логикой, своей принадлежностью к области правоотношений, в-третьих, признак обыч-

ных суждений — быть ложными или истинными — не является главным признаком юридических суждений. Последние характеризуются признаком ценности или бесценности. В связи с последним положением автор критикует утверждение Ульриха Клуга — автора книги «Юридическая логика» — о том, что юридическая логика есть простое применение аристотелевско-томистской логики в юридической области.

Вторая статья Э. Г. Майнеса посвящена некоторым вопросам классификации юридических понятий.

Франциско М. Кэсада считает, что предметом юридической логики является логическая структура дедуктивных процессов, имеющих место в правовой практике. Он на конкретном материале излагает те основные положения, из коих складывается, по его мнению, теория юридической дедукции.

От рассмотренных статей по своему характеру отличается работа Луиса Рекансенса Сичеса «Логос разумного как основа юридического истолкования» («*Dianoia*», 1956 г., стр. 24—54). Автор различает в современной философии права два основных направления (академическое и неакадемическое), характеризующиеся различным отношением к формальной логике. Главное внимание автор уделяет неакадемической школе, к сторонникам которой он причисляет Бентама, Дьюи, Германа Конторовича, Хуакина Дуальдо, Карлоса Коссио и других правоведов.

Несмотря на то, что каждая из доктрин упомянутых правоведов имеет свои отличия, автор находит у них одну общую черту. Все они считают, что неправомерно рассматривать применение правовых норм как осуществление силлогизмов, в которых большая посылка представляет собой юридическую норму, меньшая — интересующий юриста факт, а заключение — приговор.

Сам автор, не присоединяясь полностью к какой-либо из этих доктрин, выступает в поддержку основного тезиса неакадемического направления. При этом он подчеркивает, что не ставит перед собой цели опровергнуть положительные достижения тех авторов, которые исследуют применения формальной логики в юридической области (например, Майнеса), а лишь стремится решить вопрос о том, достаточно ли истолкование юридических фактов при помощи традиционной силлогистической логики, или необходимо в этом деле использовать другие, отличные от этой логики методы. И он приходит к выводу: «Мы нуждаемся в логике другого типа, которая также будет логикой, но отличной от традиционной. Нуждаемся в логике человеческого, в логике разумного, в отличие от логики рационального» («*Dianoia*», 1956 г., стр. 36). Это высказывание свидетельствует о стремлении автора преодолеть узкие рамки формально-логических принципов, применяемых современными буржуазными правоведами в юридической науке и практике. Однако предложенный автором метод также не может разрешить те вопросы, которые стоят перед юридической логикой, поскольку он не основывается на научном, диалектико-материалистическом подходе к явлениям.

С указанной позиции Сичес критикует понимание естественного и позитивного права просветителями, в особенности французскими. Он считает, что не могут существовать априорные правовые нормы, ибо «правовые нормы, содержащиеся в положительных законах, представляют собой акт воли законодателя, навеяны существующими в данное время социальными потребностями и имеют своей задачей обеспечить выполнение определенных целей, выдвинутых эпохой» («*Dianoia*», 1956 г., стр. 99).

Судя по постановке вопроса, а также по критической части статьи, следовало ожидать, что автор на основе анализа международной юридической практики сделает известные обобщения и предложит свой путь решения затронутой проблемы. К сожалению, он не раскрывает сути правил и законов той новой логики, которая, по его мнению, должна применяться в юридической сфере. Автор лишь указывает на то, что он считает главным в такой логике: новая логика, исходя из многообразия единичного случая, должна давать не формально-логическое, а человечески-разумное решение.

В связи с этим Сичес поднимает вопрос о способах юридического доказательства. Он выступает против навязывания юристу того или иного метода, считая, что решение о выборе метода должно приниматься самим юристом на основе конкретного и тщательного ознакомления с фактами и учета особенностей данной ситуации.

Интересна статья Эдуардо Никола «Понятие времени и пространства в греческой философии» («*Dianoia*», 1955 г., стр. 137—180). Эта работа состоит из двух частей; первая носит общетеоретический характер и рассматривает причины, которые вызывают необходимость исследования этой темы. Во второй части, носящей историко-философский характер, приводятся и анализируются тексты древнегреческих мыслителей, в которых содержатся высказывания о времени и пространстве.

Необходимость разработки такой темы вызвана, по мнению автора, тем, что некоторые современные философы, и в первую очередь Хайдеггер, не сумели показать и раскрыть, в какой степени связаны историческое становление бытия человека с формированием и развитием его сознания. Иными словами, не сумели исследовать вопрос об образовании и развитии основных онтологических понятий. Для конкретного исследования этого вопроса, по мнению автора, лучше всего рассмотреть такие понятия, как время и пространство. Ибо понятия времени и пространства «обладают специфическим свойством выражать соответствующие основные черты самого человека — пространственность и временность» («*Dianoia*», 1955 г., стр. 140).

Хотя не подлежит сомнению, что исследование процесса становления понятий «временности» и «пространственности» имеет существенное философское значение, следует отметить, что оно далеко не исчерпывает вопроса о социально-исторической сущности человека. В игнорировании этого кроется одна из причин ограниченности

подхода автора к рассматриваемому вопросу.

Другой важный вопрос, который, по мнению автора, необходимо исследовать, заключается в следующем. Так как «инструментом, с помощью которого человек создает свои теории о бытии, о времени и пространстве и о себе самом, является разум» (стр. 140), то «как можно объяснить тот факт, что разум, будучи атрибутом временного и исторического бытия, смог в своей теоретической деятельности рассматривать самого себя внеисторически, а бытие вне времени?» (стр. 140). Ответ на этот вопрос, пишет Эдуардо Никол, может дать лишь историко-онтологический анализ развития самого интеллекта, который позволит найти в разных логико-исторических системах ключ для понимания коренной и постоянной функции разума.

Большое внимание уделяет автор рассмотрению вопроса о движении человеческой мысли от конкретного к абстрактному в процессе образования понятий. При этом автор придерживается метода анализа мышления как имманентно развивающегося процесса.

Согласно Эдуардо Николу, абстрактность понятий достигается за счет потери конкретности их предметного содержания. Такой процесс не однозначен и не прямолинеен, а скачкообразен и противоречив. Удаление от конкретности создает известные теоретико-познавательные трудности. Чтобы их преодолеть, «мышление снова создает конкретные формы символического отражения...» («Dianoia», 1955 г., стр. 145). Однако это не есть процесс простого возврата к конкретному, не есть также процесс растворения абстрактного в конкретном. В результате такого зигзагообразного процесса движения мысли понятия выступают как синтез конкретных и абстрактных элементов, который, оставаясь в определенной степени абстрактным, отнюдь не лишен конкретности по своей внутренней сущности.

Автор старается выявить диалектические особенности развития понятий как форм познания объективной реальности путем анализа основных этапов эволюции древнегреческой мифологии и философской мысли.

Например, евклидова геометрия, несмотря на свою абстрактность, «оказалась настолько адекватным, идеальным отражением реальной протяженности, что уже в то время физики (Аристотель, Архимед, Птоломей и другие) пользовались ею для изучения действительности» («Dianoia», 1955 г., стр. 145). Последующее развитие понятий о пространстве привело к обнаружению новых противоречий мышления, которые, по мнению Никола, нашли свое разрешение в так называемой неевклидовой геометрии. Правда, автор не раскрывает способа преодоления этих противоречий на конкретных примерах. Сравнивая раннюю греческую философию с мифологией, автор показывает, что космогонические и теогонические мифы представляют собой совокупность символов, аллегорически обозначающих реальные вещи в абстрактной форме.

Философия же зиждется на системе более или менее точных и общезначимых прямых отражений действительности. Остановившись на особенностях античной философской мысли по сравнению с мифологией, Никол указывает, что по способу символизации она является более понятийной, чем образной. Поэтому ее представления и кажутся более абстрактными, нежели космогоническая поэзия. Так, например, понятия «добра» и «зла» у Эмпедокла (символически обозначающие первичные космические силы), сохраняя еще некоторый поверхностный мифологический налет, в абстрактной форме отражают реальное явление притяжения и отталкивания.

Рассмотрение автором вопроса о соотношении между древнегреческой мифологией и философской мыслью подводит читателя прямо к выводу о том, что понятия о времени и пространстве древнегреческое мышление получает из конкретного созерцания объективного бытия. Действительно, Никол показывает, что всеобщность времени схвачена, хотя и в аллегорической форме, еще теогонией Гесиода. Древнегреческая же философия уже понятийным способом представляла время в виде какого-то закономерного порядка бытия. Постепенная эволюция понятия о времени, пройдя через определенные этапы символического абстрагирования, привела философию к формулированию положения, отражавшего объективность времени.

В развитии древнегреческого понятия о пространстве автор отмечает две основные ступени. В космогонической поэзии Гесиода выявляются те символические абстракции, с которых начинается познание объективности пространства. Согласно Николу, понятие «хаос» обозначало бытие, но лишненное положительно чувственных качеств. Переход от этой чисто символической абстракции к философскому представлению о пространстве автор усматривает у Анаксимандра. «Первоначальная неопределенность,— пишет Никол,— теряет тот туманный характер, который придает ей аллегорическая поэзия Гесиода, и превращается у Анаксимандра в первооснову всеобщего бытия...» («Dianoia», 1955 г., стр. 153).

Именно в учении этого древнегреческого материалиста, по мнению автора, совершается возврат мысли к конкретности отражения, но на более высокой ступени. На этой ступени начинается исторический процесс познания пространства в единстве с чувственным бытием.

Итак, Эдуардо Никол показал в общих чертах, что движение мысли происходит в форме разрешения противоречий. Однако он не доходит до материалистического объяснения, до понимания того, что противоречия, возникающие в мышлении, являются отражением противоречий, действительно существующих в мире, что способ их преодоления тесным образом связан с практическим овладением предметным миром со стороны познающего субъекта.

Философии Эмпедокла посвящена статья Адольфо Гарсиа Диаса («Dianoia», 1956 г., стр. 167—180). Автор делает по-

пытку показать, что у Эмпедокла имеется достаточно высказываний, позволяющих говорить о его метафизике. Сравнивая философское учение Эмпедокла с учением Парменида, Гарсиа Диас приходит к выводу, что Эмпедокл выгодно отличается от Парменида тем, что признает большое значение чувственных данных в процессе познания.

За последние годы ряд представителей буржуазной философии все явственнее выступает в защиту национальных культур, против засилья империалистической идеологии США. К числу таких относится известный мексиканский философ Леопольдо Зеа, исследователь истории латиноамериканской философской и социологической мысли.

В «Dianoia» он опубликовал две работы: «Пуританизм в североамериканском сознании» («Dianoia», 1955 г., стр. 46—68) и «Католицизм и модернизм в ибероамериканском сознании» («Dianoia», 1956 г., стр. 76—108). В этих работах с идеалистических позиций рассматриваются пути и особенности формирования на американском континенте двух различных очагов культуры: англосаксонской, охватывающей Северную Америку, и романской, охватывающей Центральную и Южную Америку.

Автор видит основные идеологические истоки североамериканского и латиноамериканского сознания в различных религиозных мировоззрениях колонизаторов — протестантизме в Северной Америке и католицизме в Южной. Леопольдо Зеа стремится показать, как в результате столкновения и взаимодействия этих двух культур с культурой племен, населявших Новый Свет, сформировалось общественное сознание североамериканца и ибероамериканца.

Л. Зеа показывает, как с целью оправдания капиталистических методов колонизации Северной Америки и уничтожения туземцев колонизаторы выдвинули идею о том, что такое уничтожение было исторической необходимостью вследствие противоположности религиозного мировоззрения колонизаторов-протестантов и первобытных верований американских туземцев. Колонизаторы объявили пришельца европейца-протестанта носителем высшей культуры, морали и религии, а американского туземца — дикарем, неспособным к человеческому прогрессу. Зеа осуждает антигуманные методы колонизации Северной Америки и показывает, каким образом возникла у североамериканских колонизаторов идея «избранных наций», идея, при помощи которой они и сейчас стремятся оправдать свою экспансионистскую политику. Леопольдо Зеа пишет, что южноамериканцы испытывают двойственное чувство по отношению к североамериканской культуре, осуждая, с одной стороны, идею об «избранных нациях» и стремясь использовать, с другой стороны, лучшие достижения американской культуры.

Рассматривая особенности формирования сознания латиноамериканцев, автор анализирует идейные истоки, более всего повлиявшие на них, и в первую очередь культуру Иберийского полуострова. Поддержи-

вая распространенную среди некоторых буржуазных социологов концепцию, автор считает, что на латиноамериканцев сильно повлиял ряд «особенностей испанского характера». К этим «особенностям» автор относит «культ личности», «анархию», «презрение к труду», которые связаны с тем, что испанцы якобы считают себя призванными совершать более высокие подвиги и что будто бы испанцы чужды общественным идеалам современного мира, предпочитая им кровное родство или приятельские отношения. Однако, по мнению автора, не все наследство испанцев было отрицательным, есть одна положительная черта — это огромная любовь к свободе.

Рассматривая вопрос о причинах, побудивших испанцев стремиться к мировому господству, он утверждает, что основная причина состоит в стремлении распространить католическую веру на весь мир (см. «Dianoia», 1955 г., стр. 89).

Подробно рассмотрев политику испанских королей в связи с распространением идей католицизма, в чем испанцы оказались «более папистами, чем сам папа» («Dianoia», 1956 г., стр. 101), Зеа показывает, как с развитием буржуазных отношений эти идеи потерпели крах.

Теоретическому изучению умственных качеств человека с этической точки зрения посвящены работы Гомеса Робледо «Очерки об интеллектуальных достоинствах» («Dianoia», 1956 г., стр. 25—45), «Наука как интеллектуальная способность». Кроме того, в связи с 700-летием со дня рождения св. Августина им написана специальная статья — «Этика св. Августина» («Dianoia», 1955 г., стр. 236—260).

Первая работа представляет собой изложение этического учения Аристотеля о достоинстве вообще и тех изменений, которые внесли в него св. Августин и Фома Аквинский.

Во второй работе автор останавливается на определении науки как познания сущности. Здесь он следует Аристотелю. Однако в понимании характера и роли естественных наук он стоит на томистской позиции. Автор выступает в защиту схоластического толкования силлогистического метода как единственного метода научного доказательства. Он предлагает восходящую еще к Ф. Аквинскому схему классификации наук. Основным принцип этой классификации он выражает словами: «Чем меньше материи, тем больше науки». С его точки зрения, физика имеет дело с материей, математика — с интеллигибельной материей, метафизика — с нематериальными сущностями.

Автор излагает некоторые принципы схоластического понимания сущности и содержания понятий и, с точки зрения религиозно-идеалистического понимания детерминизма, критикует индетерминизм некоторых современных естествоиспытателей.

В философской идеалистической литературе распространено утверждение о том, что в истории западноевропейской философии и культуры виднейшую роль сыграло творчество св. Августина. Гомес Робледо в статье «Этика св. Августина» защищает эту точку зрения. Автор пытается доказать,

например, что философия Декарта имеет свои истоки в воззрениях св. Августина. Более того, он считает, что влияние св. Августина распространилось и на естественные науки.

Мигель Буэно в статье «Вклад в теорию и аксиологию истории» («Dianoia», 1956 г.) пытается с неокантианских позиций исследовать закономерности исторического прогресса.

Августин Б. Фернандес дел Валье в своей статье «Темы и проблемы метафизической антропологии» («Dianoia», 1955 г., стр. 350—371) выступает против научно-материалистического подхода к раскрытию сущности человека. Новой наукой о человеке должна быть «Антропософия». Ее предмет — исследование первооснов человеческой сущности. «Антропософия» подчиняет себе все остальные науки в силу того, что ее принципы являются самыми высшими и общезначимыми.

Христиан Брунет, автор статьи «Отношения Гуссерля и Сартра к проблеме познания» («Dianoia», 1955 г., стр. 331—349) полностью солидарен с феноменологической трактовкой мира и его познания, которая дается в учении Гуссерля. Он объявляет ее «основой современной философии» («Dianoia», 1955 г., стр. 332). Опираясь на

концепцию Гуссерля и Сартра, автор рассматривает следующие вопросы: 1) феноменология как метод, 2) что такое *Cogito* по Гуссерлю, 3) в каком смысле можно говорить об объективной реальности, согласно Гуссерлю и Сартру.

Феноменологической точки зрения придерживается и Умберто П. Лера, который в статье «Относительно реальной возможности философии» рассматривает предмет философии («Dianoia», 1955 г., стр. 292—311).

Кроме того, в журнале напечатаны статьи ряда иностранных авторов, среди которых Арнольд Тойнби, Роберт С. Гартшам, Раймонд Бойер и другие. В третьем разделе содержатся подробные отзывы Хосе Гаоса на две вышедшие в Латинской Америке книги Ф. Ромеро «Теория человека» и Гарсиа Майнеса «Логика юридического суждения». Философ-марксист А. Санчес Васкес поместил положительный отзыв на книгу покойного советского ученого А. С. Ахманова «Логическое учение Аристотеля». В этом же разделе Луис Рекасен Сичес опубликовал большой некролог, посвященный испанскому философу Хосе Ортега-и-Гассету.

Р. БУРГЕТЕ, Р. МАТИНЕС

Против иезуитской фальсификации диалектического материализма

GEORG KLAUS. Jesuiten, Gott, Materie. Des Jesuitenpaters Wetter Revolte wider Vernunft und Wissenschaft. Berlin. 1957. 351 S.

Труд немецкого марксиста профессора Клауса «Иезуиты, бог, материя» направлен против католического философа иезуита Веттера, автора нашумевшей в свое время и популярной донныне среди некоторых слоев буржуазной интеллигенции книги (Gustav Wetter, «Der dialektische Materialismus. Seine Geschichte und sein System in der Sowjetunion». Freiburg, 1956). Эта книга, по словам Клауса, стала «реакционной философской энциклопедией в миниатюре».

Работа Клауса написана в боевом духе и содержит интересный анализ поставленных вопросов. Клаус стремится творчески осмыслить отдельные положения марксистской философии. Эрудиция, научная смелость автора, простой язык — все это делает книгу интересной и не может не привлечь внимания читателя. Не удивительно, что за сравнительно короткий срок она завоевала большие симпатии и получила ряд положительных отзывов (см. «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», 1957, № 6; «Einheit», 1957, № 9; «Tagebuch», Wien, 1957, № 9; «Neues Deutschland», 18 Sept. 1957; «Forum», 30. Okt. 1957).

В первых разделах книги автор выявляет реакционную роль философской теории и

политической деятельности ордена иезуитов. Книга Веттера, пишет Клаус, выражает новую линию Ватикана в борьбе с наукой и революционной пролетарской идеологией. Сторонники этой линии объявляют, что религия не посягает на самостоятельность философии и других наук, а, наоборот, способствует научному исследованию. Это, по словам Клауса, «успокоительно действует на широкие слои буржуазной интеллигенции, которым представляется, что указан путь возможного объединения веры с наукой» (стр. 24), хотя в действительности эта «новая линия» отцов церкви лишь в новой форме возрождает давнее стремление Фомы Аквинского примирить науку и религию, знание и веру.

Далее в книге раскрывается несостоятельность попыток Веттера извратить вопрос об источниках марксизма, о его месте в истории философии.

Веттер представляет философию Маркса как несамостоятельное учение, сложившееся из гегелевской диалектики, фейербаховского материализма и французского позитивизма (см. G. Wetter, a. a. O., S. 5—17).

Опровергая веттеровскую фальсификацию, Клаус прежде всего отмечает, что марксистская философия возникла на осно-

ве критической переработки философских идей Гегеля, Фейербаха и французских материалистов. Такая переработка стала возможной лишь с классовых позиций пролетариата. Клаус доказывает нелепость утверждения Веттера об идейной близости марксизма и позитивизма, разбирает вопрос о принципиальном различии взглядов К. Маркса и О. Конта.

Затем автор переходит к анализу систематической части книги Веттера.

Веттер утверждает, что марксизм, как и позитивизм, считает философию излишней, растворяет ее в отдельных науках (см там же, стр. 16).

Клаус отклоняет эти ложные обвинения и дает обстоятельное изложение затронутого Веттером вопроса. Комментируя искаженное отцом-иезуитом известное положение Энгельса о том, что «из всей прежней философии самостоятельное значение сохраняет еще учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика» («Анти-Дюринг», М. 1957, стр. 25), Клаус пишет: здесь Энгельс говорит об отношении диалектического материализма к предшествующим философским учениям, о том, что марксизм преодолевает умозрительный спекулятивный характер старых натурфилософских систем, перестает быть философией лишь в старом смысле слова.

Рассматривая вопрос о взаимоотношении философии и естествознания, автор замечает: «Марксистская философия имеет свой собственный предмет и не исчерпывает себя в конкретных науках... Согласно диалектическому материализму, философия не растворяется в конкретных науках, не стоит над ними или около них» (стр. 73). Конкретные науки изучают особые формы движения материи; напротив, диалектический материализм является наукой о наиболее общих законах движения материи. Предмет и метод диалектического материализма относятся к предметам и методам конкретных наук так же, как всеобщее относится к особенному.

Специальную главу Клаус посвящает вопросу партийности в философии. Веттер извращает марксистский принцип партийности, представляет его как догматический принцип «пролетарского субъективизма», подавляющий свободу мысли, несовместимый с научностью (см. G. Wetter, a. a. O., S. 284—285, 295—297).

Клаус решительно выступает против этой фальсификации. Он прежде всего разоблачает мнимую «беспартийность» отца-иезуита, его претензию выступить в роли «свободного искателя истины». Клаус показывает, что в основе буржуазной партийности, с одной стороны, лежит субъективизм, идеалистическое отрицание реальности мира, его познаваемости, оспаривание закономерности исторического развития, с другой стороны, — желание увековечить частную собственность и другие атрибуты капиталистического мира. Излагая сущность пролетарской партийности, ее отличие от партийности буржуазной, автор раскрывает единство пролетарской партийности и научности. При этом он критикует вульгар-

но-социологическую формулу: «Материализм — прогресс — мировоззрение эксплуатируемых и идеализм — реакция — мировоззрение эксплуататоров» (стр. 104). На ряде примеров из истории философии он показывает возможность ценных открытий (в том числе и в философии) в рамках идеалистического мировоззрения.

Наиболее интересной в книге является 5-я глава («Иезуит Веттер и марксистское понятие материи»), в которой Клаус защищает от нападок Веттера положения марксистского философского материализма.

Основная критика отца-иезуита направлена против марксистско-ленинского учения о материи. Веттер обвиняет современных марксистов в смешении понятий «материализм» и «реализм» и оспаривает правильность разделения философии на два противоположных направления — материалистическое и идеалистическое, отстаивая третье направление — так называемый «реализм», который-де стоит вне противоположности материализма и идеализма.

Основной смысл «реализма», по Веттеру, заключается в признании внешнего материального мира лишь частью более широкого, более общего «бытия», в котором еще остается место для другой реальности — бога. По Веттеру, основу материального составляют духовные сущности. Высшей духовной сущностью является бог. Лишь благодаря установленному богом идеальному единству мира возможно познание человеком внешней действительности. Такое толкование единства мира, по мнению Веттера, устраняет «неизбежное противоречие» всякого материализма (в том числе и диалектического), который-де при решении основного вопроса философии, с одной стороны, «разрывает», «противопоставляет» материю и сознание, а с другой стороны, «соединяет» их, настаивает на их единстве, неразрывности (см. G. Wetter, a. a. O., S. 310—322).

С целью опровержения этих критических домыслов Клаус формулирует основной вопрос философии как вопрос об отношении материи и сознания. Такое определение, по мнению автора, исключает всякий идеализм, в том числе и неотомистский реализм Веттера, раскрывает его истинный смысл как философии объективного идеализма. Клаус отмечает, что Веттер совершает неправомерное перенесение томистских понятий бытия и сознания в марксистскую философию. «Если понятия бытия и сознания правильно определены, то диалектический материализм, — пишет Клаус, — не имеет ничего общего с томистским реализмом, и поэтому утверждение Веттера о том, что марксисты постоянно смешивают реализм и материализм, является беспочвенным» (стр. 136).

Клаус правильно отмечает, что основной вопрос философии и признание единства мира, нераздельности материи и сознания не только не противоречат друг другу, а, наоборот, неразрывно связаны. Трудности, которые встают перед исследователем при постановке вопроса об отношении материи и сознания и которые всячески исполь-

зуются противниками марксизма, по мнению автора, состоят в различных, разнородных связях материи и сознания. Эти связи, взятые в гносеологическом и онтологическом плане, противоречат друг другу лишь по видимости. Для того, чтобы не впасть в идеализм, а также избежать ошибок вульгарно-материалистического характера, необходимо правильно объяснить эти связи, всесторонне решить вопрос о природе сознания. Все трудности в этом деле, по мнению Клауса, сразу снимаются после определения сознания как «материального свойства материи».

На наш взгляд, Клаус здесь допускает неточность, которая имеет не только терминологический характер. Он, по сути дела, подчеркивает онтологическую характеристику сознания в ущерб гносеологической характеристике, тогда как последняя является решающей для определения специфики, идеальной сущности сознания, его относительной самостоятельности. Признание сознания «материальным» не учитывает своеобразия этого особого свойства высокоорганизованной материи по сравнению с другими материальными свойствами материи (движение, протяженность и др.).

Положение о «материальности» сознания автор обосновывает следующим образом: «Законы логики принуждают нас считать сознание материальным, так как иначе утверждение, что дух, мышление и т. д. является свойством особой высокоорганизованной материи, теряет свой смысл» (стр. 144). Здесь, на наш взгляд, автор смешивает вопрос о происхождении сознания с вопросом о характеристике его своеобразной природы и вопреки своему правильному требованию различать предмет и его свойства подводит материальный субстрат (мозг) под одно определение с его свойством (сознанием). При подобном решении рассматриваемой проблемы недооценивается та относительная противоположность материи и сознания, которая все же сохраняется и вне рамок основного гносеологического вопроса. Поэтому утверждение Клауса о том, что сознание является «материальным», ошибочно, и именно в вульгарно-материалистическом смысле.

В 5-й главе интересна также критика автором попытки Веттера опровергнуть марксистское учение о связи материи и движения.

Веттер выступает против марксистского тезиса о вечности материи и движения, об их неразрывном единстве. Его критические аргументы сводятся к «принятому» в идеалистической философии доказательству превращения материи в энергию. Веттер заявляет, будто не только религия, но и наука отрицают вечность движения, будто и наука признает сущностью мира не изменение, развитие, а постоянство, неизменчивость (см. G. Wetter, a. a. O., S. 376—377).

Клаус разоблачает эти утверждения католического философа. Он рассматривает современное учение о «тепловой смерти» Вселенной, «теорию расширяющейся Все-

ленной». Научный анализ достижений современного естествознания лишний раз подтверждает правильность принципов диалектического материализма о вечности и материи и движения, об их неразрывном единстве. Отрицание этого принципа, утверждает Клаус, в конечном счете имеет целью внушить людям мысль о чуде, о начале и конце мира, доказать необходимость мирового перво двигателя, то есть бога.

В 6-й главе («Об объективной диалектике») автор опровергает критические выпады Веттера против марксистской материалистической диалектики.

Веттер считает положения марксистской диалектики банальными, очевидными для всех истинами (см. G. Wetter, a. a. O., S. 388). Он признает, что мир развивается. Но как типичный представитель неотомистской философии он ограничивает развитие периодом между сотворением и гибелью мира; он признает существование взаимосвязей мира, но отрицает наличие их между такими качественно различными состояниями материи, как неорганическая и органическая природа, животный мир и человеческое общество и т. д.

Раскрывая противоречивость взглядов Веттера, ненаучность его аргументации, Клаус сосредоточивает внимание на доказательстве всеобщего характера принципов материалистической диалектики. Автор считает необходимым рассматривать законы диалектики не только в историческом плане (как законы развития вещей и явлений), но и в плане систематическом, структурном (как законы, выражающие структурные связи мира). Клаус обстоятельно обосновывает правомерность и обязательность подобного толкования положений диалектики.

Так, по его мнению, закон перехода количественных изменений в качественные должен быть отнесен не только к процессам, но и к структуре мира, то есть этот закон, определяя характер движения, развития предметов и явлений мира, выражает также и их структурную связь. «Действительность закона перехода количества в качество,— пишет Клаус,— касается не только процессов развития. Имеются реальные связи, которые нельзя характеризовать как процессы развития, но которые структурно все же подчиняются 3-й черте диалектики» (стр. 277)¹.

Следует сказать, что этим заявлением Клаус невольно обосновывает тезис о двух равноправных сферах действия законов диалектики, а именно: движении и структуре мира. Такое разграничение «сфер влияния», признание их равноценными, строго говоря, не является правильным. Ведь, например, закон перехода количества в качество и обратно в первую очередь выражает характер движения, развития предметов и явлений, а не свойства

¹ Нечто подобное, указывает Клаус, можно утверждать о законе единства и борьбы противоположностей, который вскрывает причины универсальных взаимосвязей мира.

их статичного, застывшего расположения друг около друга. Если мы и можем проследить превращение количества в качество именно в структуре мира, то это соотношение будет производным, отраженным проявлением имевшего место реального процесса. Это хорошо подтверждают и факты, которые приводит Клаус. Периодический закон химических элементов в той форме, в какой он был открыт Менделеевым, является вторичным, ограниченным в сравнении с фундаментальным, более точным законом, который устанавливает периодичность свойств в зависимости не от атомного веса элемента, а от его порядкового числа.

Наука еще не установила определенной последовательности в генетическом переходе от одних химических элементов к другим. Однако можно предполагать, что известная последовательность в процессе развития материи имела место. Возможно, что периодическая система химических элементов, хотя бы в малой степени, отражает этот общий, протекавший с доисторических времен процесс развития материи (не исключено, что он продолжается и в настоящее время). В силу этого процесса периодический закон Менделеева выражает свойства современной структуры мира.

В 7-й (заключительной) главе Клаус показывает несостоятельность учения томизма о причинности.

Веттер не отрицает причинности вообще, а оспаривает лишь тезис об определяющей роли внутренних причин. Он выступает против основного закона марксистской диалектики о внутренних противоречиях как причине, источнике развивающейся материи. «Ошибка диалектико-материалистического тезиса о «противоречии» как источнике самодвижения состоит в том, что формальное содержание движения (переход от небытия к бытию) смешивается с источником движения» (см. G. Wetter, а. а. О., S. 484). Борьбу противоречий католический философ считает выражением рода и способа движения, усматривая движущие силы развития в так называемых целевых, внешних причинах (а. а. О., S. 481). Причины развития, по мнению Веттера, находятся не в самих вещах, а вне их, не в самой природе, а вне ее, в боге, который и есть «первопричина» развития.

Критику указанных положений Веттера Клаус сочетает с подробным разбором основных вопросов, связанных с философской категорией причинности. Он рассматривает соотношение причины и условия, причинности и взаимодействия, причинности и целесообразности.

Для опровержения томистского понимания причинных связей автор использует по-

ложение Энгельса о наличии во Вселенной универсального взаимодействия, о том, что отношения причины и следствия являются лишь моментами всемирной связи. Развитие бесконечной Вселенной, пишет Клаус, основано на сочетании закона универсального взаимодействия и действия внутренних условий системы, внутренних противоречий вещи. Такое общее объяснение причин движения материи, по его мнению, опровергает томистское доказательство существования бога как первопричины, как мирового перводвигателя.

Такого же рода объяснение дается по вопросу о соотношении причинности и целесообразности. Томисты утверждают, что цель первична по отношению к причине, целевая причина выше производящей. Это утверждение ведет к доказательству существования бога как высшего существа, ставящего цели бессознательной природе. Опровержение этого тезиса томистской философии сделано Клаусом убедительно, хотя и несколько в общей форме.

В заключение укажем на отдельные недостатки книги. Так, автор занимает крайне отрицательную позицию в оценке гегелевской диалектики (2-я глава): «Революционного метода у Гегеля даже не существует,— пишет Клаус.— Диалектика Гегеля состояла в отказе от мысли о развитии...» (стр. 39). Автор главным образом подчеркивает замкнутость, метафизичность системы Гегеля, реакционность его философии истории, политических взглядов, хотя и делает оговорки в духе признания рационального содержания гегелевской философии, ее прогрессивной роли в развитии философской мысли. Но в целом такое толкование Гегеля не является объективным.

Следует также сказать, что, как правило, подкрепляя свою аргументацию богатым естественнонаучным материалом, автор иногда проводит анализ и доказательство тех или иных принципов лишь в формально-логическом плане (см., например, разделы о противоречиях и причинности).

Резюмируя сказанное, необходимо еще раз подчеркнуть своевременность появления работы Клауса. Известно, что в настоящее время книжный рынок капиталистических стран наводнен всевозможной антимарксистской литературой. Своей книгой автор вносит ценный вклад в борьбу с идейными врагами марксизма.

Книга Клауса, в которой органически сочетается разоблачение фальсификаций иезуита Веттера с творческой разработкой ряда философских проблем, несомненно, представит большой интерес и для советского читателя. Поэтому следует пожелать, чтобы она в ближайшее время была переведена на русский язык.

Л. И. ГРЕКОВ

Коротко о книгах

Книга о роли народных масс и личности в истории

Б. ФЕДОРЕНКО. Про роль народних мас і особи в історії. Київ, Держполітвидав УРСР, 1957. 168 стор.

За последние годы вышел целый ряд работ советских философов, посвященных одному из актуальнейших вопросов исторического материализма — вопросу о роли народных масс и личности в истории. Однако всесторонних, глубоких исследований по этому вопросу издано у нас очень мало. Поэтому привлекает к себе внимание книга Б. Федоренко «О роли народных масс и личности в истории», выпущенная в свет Государственным издательством политической литературы Украинской ССР на украинском языке.

Раздел первый книги озаглавлен «Понимание роли народных масс и личности в истории домарксовскими и современными буржуазными социологами».

В разделе подчеркивается, что вопрос о том, кто является двигателем исторического прогресса, кому принадлежит решающая роль в общественной жизни, — один из наиболее важных вопросов общественного развития. Этот вопрос, глубоко затрагивающий коренные интересы всех классов общества, всегда привлекал внимание философов, которые решали его по-разному, в зависимости от того, интересы каких классов эти философы отражали.

Освещая вопрос о взглядах буржуазных философов на роль народных масс в истории, Б. Федоренко отмечает, что в домарксистский период к правильному пониманию социальных процессов приближались французские историки эпохи Реставрации — Тьерри, Гизо и Минье, высказавшие мысль о том, что истинная история — это не нагромождение случайных фактов или деяний великих людей, полководцев, законодателей и т. д., а история народов, история граждан. Однако историки эпохи Реставрации не в состоянии были понять причину возникновения классов и выступили ярыми защитниками буржуазных порядков.

Особое внимание уделяет автор критике субъективно-идеалистических взглядов на роль народных масс и личности в истории, высказанных русскими субъективными идеалистами-народниками — П. Л. Лавровым, Н. К. Михайловским и их идейными последователями — эсерами, украинскими народниками-либералами (например М. А. Антоновичем), а также критике философии фатализма великого русского писателя и мыслителя Л. Н. Толстого. Особенно излагая взгляды революционеро-демократов по вопросу исследования, Б. Федоренко указывает, что Белинский, Герцен, Чернышевский и Добролюбов подошли очень близко к марксистскому пониманию роли народных масс и личности в истории. Они считали народные массы движущими

силами общественной жизни, но в то же время отмечали и роль выдающихся личностей, правильно отражающих «дух времени» и настроение народа. Русские революционные демократы пропагандировали идею крестьянской революции, призывали народ к борьбе против крепостничества.

Автор показывает, что научное объяснение роли народных масс и личности в истории пытались дать в целом ряде своих произведений и украинские революционные демократы — Т. Г. Шевченко, И. Я. Франко, М. М. Коцюбинский, Леся Украинка, — которые, так же, как и русские революционеры-демократы, считали народные массы великой силой, способной разбить оковы эксплуатации, и призывали народ к борьбе за новую жизнь.

Заключительные страницы первого раздела посвящены разоблачению идеалистических взглядов на роль личности в истории, проповедуемых современными буржуазными социологами, представителями персонализма, прагматизма, экзистенциализма и других реакционных философских течений эпохи империализма. Пытаясь отвлечь народные массы от революционной борьбы за свое освобождение и увековечить капиталистическое рабство, агрессивная империалистическая буржуазия через своих глашатаев — философов — старается духовно обезоружить народ. Реакционные буржуазные философы отрицают закономерности общественного развития, значение народных масс как двигателя истории и их творческую роль в создании материальных и духовных ценностей. Критика субъективно-идеалистических и объективно-фаталистических взглядов буржуазных реакционных философов в современных условиях крайне необходима, поскольку буржуазия использует для пропаганды этих реакционных взглядов не только научную, но и художественную литературу, кино, радио и т. п. Однако этому вопросу в рецензируемой книге уделяется слишком мало внимания. Вместо обстоятельного критического разбора идеалистических философских теорий по рассматриваемому вопросу в книге содержатся лишь довольно краткие, а в некоторых случаях и поверхностные сведения об указанных выше философских школах. Критика же буржуазных идеалистических течений, содержащаяся в этом разделе, в основном касается течений прошлого.

Во втором разделе («Народные массы — творцы истории, материальных и духовных благ общества») Б. Федоренко излагает сущность марксистско-ленинского решения вопроса о роли народных масс в истории. Автор показывает, что вопрос о роли на-

родных масс в истории человечества впервые получил научное решение в трудах основоположников марксизма-ленинизма. В подтверждение марксистско-ленинского положения о решающей роли народных масс в истории автор книги приводит факты, свидетельствующие о том, что народ, трудящиеся классы на протяжении всей своей многовековой истории были и остаются единственными творцами всех материальных и духовных благ, необходимых для человечества.

Приведенный автором материал ярко свидетельствует о том, что трудящиеся массы всегда выступали главной и решающей силой всех революций и социальных переворотов.

Однако данный раздел не лишен и ряда пробелов. Так, необходимо было показать, как с победой, утверждением в обществе новых, более прогрессивных общественно-экономических формаций усиливалась, возрастала и роль трудящихся классов как движущей силы истории, что особенно ярко проявилось с возникновением рабочего класса как ведущего класса в нынешней истории. Недостаточно показана руководящая роль рабочего класса в социалистическом строительстве, в управлении народным хозяйством нашей страны. Касаясь вопроса о Коммунистической партии как вожде и организаторе рабочего класса, всех трудящихся в их борьбе за лучшее будущее, автор недостаточно конкретно осветил руководящую роль партии в борьбе пролетариата за освобождение от капиталистического рабства и роль Коммунистической партии как организатора творческих сил народа в строительстве социалистического общества. Не нашел отражения в книге вопрос о роли народных масс в строительстве новой жизни в странах народной демократии.

Не показана возрастающая роль народных масс в борьбе за мир, в предотвращении войн в современную эпоху. Кроме того, автор мало уделил внимания раскрытию роли народных масс в созидании духовной культуры, особенно в социалистическом обществе. Недостаточно показано в книге, какую роль в общественном развитии, особенно в борьбе народа за уничтожение капиталистических порядков и построение социализма и коммунизма, играет союз рабочего класса и трудового крестьянства — созидателей материальных и духовных благ.

Лучше написан третий раздел книги, освещающий с точки зрения марксистско-ленинской науки вопрос о роли личности в истории. Автор разъясняет, что положение марксизма-ленинизма о решающей роли народных масс в истории отнюдь не означает отрицания деятельности выдающихся личностей в общественной жизни. «Чем более активное участие принимают народные массы в исторических событиях,— говорится в книге,— тем больше нужно опытных руководителей и организаторов» (стр. 95). Это положение автор подкрепляет фактами из истории различных стран и народов, свидетельствующими о том, что каждая общественная эпоха тре-

бует своих выдающихся людей и находит их. Так, пишет Е. Федоренко, в XIII веке русский народ, ощущая острую необходимость в организации обороны от нашествия немецких псов-рыцарей, выдвинул из своей среды такого знаменитого государственного деятеля, полководца и дипломата, как Александр Невский (стр. 97), а в XVII столетии, когда Украина накануне освободительной войны нуждалась в организаторе и руководителе, украинский народ выдвинул государственного деятеля и полководца Богдана Хмельницкого, который возглавил героическую борьбу за освобождение Украины от гнета польской шляхты, за воссоединение Украины с Россией (стр. 98), и т. д., и т. п. Интересны факты, приводимые автором из истории Соединенных Штатов Америки, Китая, Индии, народы которых в различные исторические эпохи выдвинули таких выдающихся государственных и политических деятелей, как Томас Джефферсон и Томас Пейн, Сунь Ят-сен, Махатма Ганди и Джавахарлал Неру (см. стр. 101—106).

Опираясь на положения марксизма-ленинизма и на исторические факты, Е. Федоренко показывает, что личность может сыграть прогрессивную роль в истории, может ускорить решение назревших задач общественного развития, но только при том условии и тогда, когда она исходит в своей деятельности из этих назревших потребностей общественного развития, когда она связывает свою деятельность с борьбой передовых классов общества, когда она выражает интересы народа.

Таковыми великими деятелями, которые больше других способствовали решению великих общественных задач, явились и гении человечества, вожди мирового пролетариата К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, которых выдвинуло самое могущественное и наиболее прогрессивное из всех движений — освободительное антикапиталистическое движение промышленного пролетариата, борющегося за ликвидацию всякой эксплуатации и построение коммунистического общества. Значению деятельности основателей марксизма, их гениальных творений для освободительной борьбы всемирного пролетариата отведено в третьем разделе книги значительное место. Как справедливо отмечает Е. Федоренко, великие вожди рабочего класса Маркс, Энгельс, Ленин отличаются от всех прежних выдающихся личностей прежде всего глубиной предвидения. «Они быстро схватывали и разгадывали,— пишет он,— внутренний смысл будущих событий, видели в перспективе развитие общественной жизни. Поэтому события никогда не заставляли их врасплох» (стр. 133).

Раздел проникнут мыслью о том, что появление выдающихся личностей в истории, их выдвижение определенными классами не случайность, а историческая необходимость. Это полностью отвечает высказанному В. И. Лениным положению о том, что «ни один класс в истории не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, способных организовать движе-

ние и руководить им» (В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 345).

Третьему разделу рецензируемой книги также присущи некоторые недостатки. Так, содержащуюся здесь критику буржуазных идеалистических теорий о роли личности в истории лучше всего было бы дать в первом разделе, где идет речь о понимании роли народных масс и личности в истории домарксовскими и современными буржуазными философами, сосредоточив в разделе третьем главное внимание лишь на изложении марксистско-ленинского понимания роли личности в истории, что способствовало бы большей логической последовательности и стройности изложения.

Недостатком раздела является также и то, что в нем слабо освещен вопрос о взаимоотношении личности и коллектива и о том, как выдающиеся личности достигают связи и контакта с теми классами общества, представителями которых они являются, с широкими массами трудящихся. Раздел значительно выиграл бы, если бы изложение материала подкрепить фактами из истории Советского Союза и других стран.

В последние годы, особенно после XX съезда КПСС, Коммунистическая партия Советского Союза ведет решительную борьбу против враждебного марксизму-ленинизму культа личности, в частности культа личности И. В. Сталина. В связи с этим целиком правомерным и обоснованным является наличие в книге отдельного раздела, посвященного указанному вопросу. Это раздел четвертый — «Борьба революционных марксистов против культа личности».

Подробно, с умелым и удачным применением фактического материала Е. Федоренко рассказывает о том, как боролись

против попыток окружить божественным ореолом их деятельность вожди пролетариата Маркс и Энгельс, как непримирим был к попыткам возвеличения партийных руководителей В. И. Ленин, как решительно выступал Владимир Ильич против непомерного возвеличения его личности.

Делая далее попытку проанализировать, какие положительные последствия имеет борьба партии и народа против культа личности для развития нашей страны по пути коммунизма, неплохо показав, какое значение для руководства страной имеет восстановление выработанных Лениным норм партийной жизни, восстановление принципа коллективного руководства в партии, автор, однако, уделил недостаточно внимания возрастанию творческой активности народных масс в наши дни в СССР и странах народной демократии.

Таковы в основном положительные стороны и недостатки рецензируемой книги. Конечно, монография Е. Федоренко не решает исследуемой проблемы полностью, ибо, как указывалось выше, многие стороны вопроса освещены в ней далеко не в достаточной мере.

Но эти недостатки в значительной мере объясняются сложностью и обширностью проблемы, которая нуждается в более детальной и конкретной разработке. Нужны специальные труды о роли народных масс в различных областях общественной жизни, в национально-освободительной борьбе, в создании материальных и духовных ценностей, в развитии техники и т. д. на основе обобщения богатейшего материала современной действительности.

В. А. ЛИВЕНЦОВ (Киев)

ЗА РУБЕЖОМ

Краткие заметки

БУРЖУАЗНАЯ СОЦИОЛОГИЯ В ТУПИКЕ

(Признание бразильского социолога)

За последние годы буржуазная социология получила весьма широкое распространение в странах Латинской Америки. Она преподается во многих университетах, особенно на философских факультетах и в педагогических институтах; все больше публикуется монографий по вопросам социологии, проводятся многочисленные социологические исследования, издаются специальные социологические журналы.

Из 20 стран Латинской Америки первое место по уровню развития социологических учений и исследований занимает Бразилия — самая крупная страна Латинской Америки и по территории и по численности населения. О состоянии социологии в Бразилии можно судить по выступлению председателя Бразильского социологического общества Фернандо де Азеведо на состоявшемся в 1954 году в г. Сан-Пауло 1-м бразильском конгрессе социологии. Бразилия, заявил он, по широте распространения социологии обогнала даже Францию. В Бразилии, где социологию начали преподавать лишь четверть века назад, насчитывается 150 кафедр социологии, тогда как во Франции в официальных вузах их только 5 или 6 (см. «Anhembi», São Paulo, 1954, № 48, p. 506).

По инициативе ЮНЕСКО в марте 1956 года в столице Бразилии Рио-де-Жанейро состоялся I Южноамериканский семинар преподавателей социальных наук. Комментируя работу семинара, известный бразильский социолог Л. А. Коста-Пинто отмечал, что на семинаре «речь шла не только о развитии социальных наук, но и о том, чтобы использовать их как средство решения конкретных и неотложных проблем, с которыми встречаются латиноамериканские народы на той ступени развития, на которой они находятся» (L. A. Costa Pinto. As ciências sociais na America do Sul, in «Educação e Ciências Sociais», Rio de Janeiro. Ano I, vol. I, № 2, março de 1956, p. 175).

Участники семинара решили содействовать изучению социальных наук и подготовке кадров в специальных вузах; ввести преподавание социальных наук во всех остальных вузах, а также в средних школах «с целью развивать у всех профессиональных групп необходимое чувство общественной ответственности за их деятельность» (p. 178).

Кроме того, они решили создать по линии ЮНЕСКО два больших центра социологии в Южной Америке: Центр преподавания социальных наук в Чили для образования и усовершенствования специалистов по социальным наукам и Центр научных исследований в Бразилии по социальным проблемам Южной Америки в целом.

Чем обусловлено это бурное увлечение социологией в странах Латинской Америки и в других капиталистических странах? Оно объясняется прежде всего кризисом самого буржуазного общества, ростом политического сознания народных масс, коммунистического движения и, следовательно, ростом противоречий между народом и господствующими классами. Правители капиталистических стран расходуют огромные суммы на исследования в области прикладной социологии с целью выяснения общественного мнения и настроения народных масс. Без объективных данных об экономическом, политическом и социальном положении страны невозможно эффективно управлять государством, подчинять народные массы интересам господствующих классов. Поэтому буржуазные государственные деятели заинтересованы в том, чтобы иметь точные данные о положении широких масс трудящихся, о профсоюзном и коммунистическом движении в стране. Совершенно другой вопрос, как буржуазные ученые истолковывают получаемые ими данные и какие решения они предлагают. В этом ярко проявляются их партийность и тенденциозность. Все они, без исключения, опровергают необходимость революционных социальных преобразований и стремятся спасти буржуазное общество путем мелких реформ, не подрывая основ капиталистического строя. Поэтому они и являются идеологами буржуазии.

Тем не менее надо различать две основные тенденции в современной буржуазной социологии, отражающие классовые интересы различных групп буржуазии: первая тенденция присуща идеологам ультрареакционной империалистической буржуазии, заинтересованной в эксплуатации трудящихся масс данной страны и жестоком ограблении народов отсталых стран; вторая тенденция свойственна идеологам более про-

грессивных слоев буржуазии, отличающихся антиимпериалистическими и (более или менее) антифеодальными настроениями, отражающими интересы национальной буржуазии отсталых стран (колониальных, зависимых и слаборазвитых), заинтересованной в самостоятельном капиталистическом развитии этих стран. Если представители первой тенденции всячески борются против научной социологии и конструируют самые реакционные социологические теории, то прогрессивные буржуазные социологи ведут определенную борьбу против крайне реакционной социологии и стремятся создать научно-объективную социологию; но вследствие их классовой ограниченности, идеалистического мировоззрения и метафизической методологии они не в состоянии осуществить это.

Современная буржуазная социология является ареной довольно острой борьбы между этими двумя тенденциями. Критикуя друг друга, их представители раскрывают классовую сущность современного капиталистического общества и буржуазной социологии. Даже беглое рассмотрение борьбы между ними дает много интересного материала, иллюстрирующего кризис современной буржуазной социологии, отражающий кризис буржуазного общества.

Наглядным примером этой борьбы является последняя работа известного бразильского социолога профессора университета в Рио-де-Жанейро Л. А. Коста-Пинто «Социальные науки в Бразилии». В качестве приложения к книге опубликован отчет социолога Э. Карнейро о состоянии социальных наук в некоторых штатах Бразилии (см. L. A. Costa Pinto e Edison Carneiro «As ciências sociais no Brasil», Serie Estudos e Ensaios da CAPES. Rio de Janeiro, 1955).

По своим социологическим взглядам Коста-Пинто примыкает к прогрессивному крылу бразильских ученых, отражающих классовые интересы и стремления национальной буржуазии, которая в условиях слаборазвитых стран, таких, как Бразилия, занимает относительно прогрессивные позиции (антифашистские и антиимпериалистические), хотя ее взгляды не всегда и не во всем последовательны. Надо отметить, что Коста-Пинто отнюдь не симпатизирует коммунизму, и его политические и философские взгляды очень далеки от марксистской философии и социологии. Однако сделанный им анализ причин безвыходного положения, в котором находятся общественные науки в современном буржуазном обществе, вызывает определенный интерес.

Работа Коста-Пинто является итогом исследований, проведенных автором в 1954 году по заказу бразильского правительственного учреждения «Национальная компания по усовершенствованию кадров высшего образования». «Цель работы,— как пишет Коста-Пинто,— дать пояснительный анализ практических вопросов и конкретных культурных и профессиональных перспектив, с которыми встречаются бразильские социологи, указать некоторые пути устранения основных препятствий с целью ускорить дальнейшее развитие социальных наук в Бразилии».

В этой стране социальные науки получили широкое распространение после так называемой «Либеральной революции» октября 1930 года и классовой борьбы рабочих и крестьян Бразилии в период мирового экономического кризиса 1929—1933 годов, в результате чего были завоеваны более широкие буржуазные демократические свободы и открылась дверь для более интенсивного развития производительных сил молодой полufeодальной, полукапиталистической страны. «Социальные науки,— отмечает Коста-Пинто,— являются продуктом общественной жизни, особенно в период кризиса». Поэтому, утверждает он, именно с помощью социальных наук «общество познает само себя». Коста-Пинто указывает, что развитие и распространение социальных наук объясняются потребностью в теоретическом оправдании и обосновании политического фундамента бразильского буржуазного государства. Новое буржуазное государство остро нуждалось в идеологических кадрах. В стране создалась атмосфера горячего интереса к социологии, возникло стремление развивать и распространять социальные науки, появилась потребность в социологах, «способных применять общественные науки как оружие социального прогресса и, наконец, находить в научном изучении социальных явлений основы национальной интеграции и средства для дальнейшего развития страны» (р. 15).

Одним из событий, раскрывающих классовую сущность интереса молодой бразильской буржуазии к социальным наукам, является создание в 1933 году в самом индустриальном центре страны — г. Сан-Пауло — независимого Института социологии и политики. В манифесте, подписанном группой промышленников, торговцев, преподавателей, журналистов и видных ученых, деятелей культуры, провозглашалось, что великий урок политического движения 1930 года заключается в том, что руководящая элита не может больше обойтись без технических кадров, специализированных в социальных науках, и именно с целью их подготовки создается этот институт.

Бразильская реформа образования, проведенная в 1931 году (также плод политического движения 1930 года), поставила профессию социолога в один ряд с профессиями врача, инженера и юриста и объявила социальные науки, особенно социологию, обязательным предметом в средних школах. Это обстоятельство, пишет Коста-Пинто, «придало этим наукам значение основы нового мировоззрения, основы нового гуманизма — существенный элемент приспособления современного человека к современному обществу» (р. 18).

Нельзя не согласиться с мыслью автора, проходящей красной нитью через всю

его работу, о том, что социология как наука об обществе — это критическое самосознание общества, что социология приобретает особое значение в условиях кризиса старого общества. «Дальнейшее развитие социальных наук в Бразилии, — пишет автор, — с первых шагов до наших дней это — история того, как бразильские социологи выполняли задачу, намеченную самим бразильским обществом: анализировать, понимать и, таким образом, изменять его» (р. 21—22).

Во второй части своего исследования Коста-Пинто подробно останавливается на важнейшем вопросе современной буржуазной социологии, а именно, на вопросе о противоречии между существующим капиталистическим строем и возможностью объективной научной социологии.

Как честный ученый, он понимает необходимость создания объективной научной социологии и социологических исследований, которые помогли бы выявлению многочисленных язв бразильского общества. Цель социологов он усматривает в лечении социальных болезней и бедствий общества. Тем не менее Коста-Пинто отнюдь не революционер, он просто горячий сторонник мелких и крупных реформ, изменяющих ту или иную отрицательную сторону общественной жизни, но не затрагивающих основ капитализма. Он убежден, что посредством изучения социологии и проведения объективных социальных исследований, касающихся рабочего класса, можно в рамках буржуазного общества разрешить так называемый рабочий вопрос путем социальных реформ и т. д.

Вместе с тем следует отметить, что Коста-Пинто смело выступает против фашизма. Он открыто говорит о том, что постепенная фашизация Бразилии в 1935—1937 годах привела к уничтожению самых элементарных буржуазно-демократических свобод, завоеванных в предыдущие годы. Объективное и научное изучение социальной действительности превратилось в опасное оружие, направленное против господствующих классов, и они приложили все усилия, чтобы извратить научный, объективный, революционный характер социологии и социальных исследований.

Приведя высказывание выдающегося шведского социолога Гуннара Мюрдаля о том, что «наука — это критицизм, социальная наука — это критическое отношение к обществу», Коста-Пинто указывает, что реакционные классы боятся самоанализа, самопознания. Поэтому они объявляют войну научной социологии, запрещают ее изучение в школах, фальсифицируют революционное содержание понятия «социальное», вкладывая в него реакционное и иррациональное содержание. Автор показывает, что в последнее время в капиталистическом мире господствующие классы мечутся между «неограниченным энтузиазмом» и «паническим страхом перед социальными науками». Дело в том, справедливо отмечает Коста-Пинто, что «если отсутствие социальных наук означало проблему, то их распространение могло вызывать другую столь же опасную проблему» (р. 29). «Страх перед проблемой, а также перед ее решением» — вот, по мнению автора, характерный «признак поведения бразильских элит в последнее время» (р. 29).

Интересные факты, показывающие, как господствующие классы страны всячески борются против «революционной» стороны социальных наук и как они стараются дать этим наукам полицейскую направленность, приводит во второй части книги известный бразильский социолог Эдисон Карнейро, посвятивший свое исследование изучению состояния социальных наук в Бразилии. Так, например, в 1950 году в городе Бело-Оризонте был основан Институт социальных исследований с целью «изучать условия жизни в штате Минас-Жерайс с тем, чтобы помочь устранению социальных беспорядков и повышать моральный и культурный уровень человека». «Эта организация, — разъясняет Э. Карнейро, — посредством социальных наук предназначена помогать полиции, защищать порядок» (р. 90). Комментарии, как говорится, излишни. К тому же руководит Институтом социальных исследований не кто иной, как подполковник полиции города М. Алмейда.

Исходя из этих фактов, Коста-Пинто делает совершенно правильный вывод о наличии противоречия между существующим социальным капиталистическим порядком и подлинной объективной наукой об обществе. Пытаясь раскрыть классовые корни этого противоречия, автор пишет: «В самом деле, умножение и обострение нерешенных вопросов порождает возрастающую необходимость думать о них рационально и искать перспективы и решения. С другой стороны, хорошо известно, что не все группы, сосуществующие в обществе, одинаково ощущают необходимость поисков рационального решения социальных вопросов, так как для исторического существования некоторых из этих групп необходимо именно непризнание, нерешенность, постоянное наличие этих вопросов. Следовательно, ничего удивительного нет в том, что социальные науки подвергаются контрмаршам именно в те моменты, когда от них больше ожидают и больше всего нуждаются в них» (р. 30).

Коста-Пинто ошибочно считает, что противоречия между существующим общественным порядком и наукой об обществе — «это вечная проблема социальной науки, проблема, родившаяся с ней и внутренне присущая ей». Он не понимает того, что это противоречие, как и многие другие антагонистические противоречия, свойственно только классовому обществу, и поэтому даже не подозревает, что оно может исчезнуть и исчезнет в новом, бесклассовом обществе — при коммунизме. Но, несмотря на наличие этого антагонистического противоречия, Коста-Пинто, как настоящий ученый, ищет выхода из него. Он утверждает, что при определенных условиях можно преодолеть

это противоречие в рамках капиталистического общества. Поэтому он призывает социологов к героическим подвигам, к самопожертвованию, к самоотверженной работе.

Поясняя свою мысль, автор пишет, что «развитие социальных наук, происходящее параллельно и одновременно с развитием социального кризиса, ставит перед учеными вопросы, которые выходят за пределы чисто научных проблем и для своего решения, кроме общей осведомленности и специальных знаний, требуют от ученого еще и особых моральных качеств: храбрости, самопожертвования, интеллектуального мужества, сопротивления цинизму,— чтобы продолжать быть именно ученым!» (р. 30—31).

Разоблачая миф о «свободе мнений» для ученых в США, автор пишет, что «большинство американских социологов, чьи труды явились значительным вкладом в борьбу против расовой дискриминации, прекрасно знает, что выводы их исследований являются прямой противоположностью господствующим взглядам их собственного общества», и, несмотря на угрозу потерять работу, они продолжают свою деятельность. Автор приводит в качестве примера американского социолога Росса, «потерявшего свое место в университете, потому что он защищал идеи, противоположные интересам финансовых групп, поддерживающих данное учреждение» (р. 42).

Коста-Пинто, правда, очень осторожно, говорит о том, что свободная научная творческая деятельность в области общественных наук в капиталистическом мире возможна только вне и независимо от государственных учреждений. «Для того, чтобы развернуть творческую деятельность и принести пользу обществу, социологи отнюдь не должны ожидать официальных привилегий, чтобы осознать всю свою ответственность как ученых...» «Здесь же, среди нас,— с огорчением отмечает бразильский социолог,— много социологов, чьи труды имели огромное влияние на национальную культуру и которые, однако, превратились в бездушные статуи, когда получили государственные политические или административные должности» (р. 42).

Коста-Пинто призывает бразильских социологов работать честно, объективно, добросовестно и серьезно, несмотря ни на что, не заботясь об успехе своего научного труда, не боясь расхождений с господствующими взглядами, не стремясь к государственными должностям, и приводит в качестве примера замечательную, самоотверженную научную деятельность Карла Маркса, который «никогда не был государственным чиновником» (р. 42).

Коста-Пинто заканчивает свою работу краткими выводами. Отмечая, что состояние социальных наук в Бразилии «отражает то, что мы действительно представляем из себя как общественная и национальная организация», автор смело выступает против вмешательства господствующих реакционных классов в науку. Первая мысль, которую надо запомнить, подчеркивает Коста-Пинто,— это то, что крайне нежелательна любая попытка, открытая или скрытая, навязывать сверху и помимо науки доктринерские или методологические направления. «В этом смысле,— продолжает он,— лучшими практическими мерами, стимулирующими развитие, будут те, которые материально и морально обеспечат социологам условия самой широкой свободы творчества в их профессиональной и культурной деятельности» (р. 68—69).

Пожелания Коста-Пинто совершенно справедливы и необходимы для расцвета общественных наук. Но было бы утопией ждать такой помощи от капиталистического общества. Во всех классовых обществах как прошлого, так и настоящего господствующие классы никогда не поддерживали ни материально, ни морально тех ученых, чьи научные исследования шли вразрез с их интересами. Наоборот, они всячески старались препятствовать им. Факты о состоянии социальных наук в современной Бразилии, приведенные в исследовании Коста-Пинто, хочет или не хочет этого автор, убедительно подтверждают марксистское положение о том, что в условиях капиталистического общества невозможен расцвет подлинно объективных общественных наук, потому что там невозможно устранить антагонистические противоречия, существующие между общественным строем и наукой об обществе. Настоящий расцвет общественных наук возможен только в социалистическом обществе, где господствующие классы — пролетариат и крестьянство — не боятся последовательного применения результатов социальных исследований; наоборот, они являются самыми горячими сторонниками использования плодов науки не только для познания мира, но и для его изменения.

Вместе с тем некоторые вопросы методологии, постановка отдельных проблем, огромный фактический материал, содержащийся в буржуазных социальных исследованиях, заслуживают глубокого и внимательного отношения к ним со стороны социологов-марксистов. Их изучение позволит получить более полное представление о состоянии современного буржуазного общества. При этом марксисты должны дать свою научную разработку тех проблем, которые буржуазная социология либо не в состоянии решить, либо намеренно извращает.

Ж. БАЗАРЯН

«ГОЛОС» ПАЦИФИСТОВ

«Каков, по вашему мнению, лучший способ осуществить мир и добрую волю на земле? Не является ли правильным шагом в этом направлении обращение к духовному опыту людей всех рас и убеждений? Не порадовало ли бы вас, если бы ваши собратья во всех странах мира признали бы одного бога и единую человеческую семью?» — спрашивают издатели ежеквартальной газеты «Голос» в одном из номеров («The voice»

№ 20, р. 9), присланных в журнал «Вопросы философии», и просят высказать отношение к деятельности этой газеты.

Газета «Голос» — орган, объединяющий вокруг себя различные религиозные группы и секты, которые, опираясь на специфическое толкование библейских и прочих преданий, выступают с проповедью всеобщего мира и братства людей всех рас и национальностей и стремятся найти точки соприкосновения между различными религиями: христианством, буддизмом, иудаизмом, мусульманством и т. п. Эту газету, издаваемую в Англии с 1952 года, читают верующие, сторонники мира во всех частях света: в Европе, Америке, Азии и Африке. На ее страницах можно также встретить письма из Польши, ГДР, Югославии. Словом, «Голос» — широко известная газета.

Проповедь «братства» всех верующих, какую бы религию они ни исповедовали, имеет в современных условиях двойной смысл. С одной стороны, это проповедь идеологической терпимости, свободы совести и уважения религиозных убеждений людей самых различных вероисповеданий. Именно это обстоятельство привлекает к «Голосу» внимание тех верующих, которые искренне стремятся жить в дружбе со всеми народами и сохранить мир на земле. С другой стороны, эта проповедь объективно противопоставляет верующих атеистам. Как указывается в «Голосе», для объединения всех верующих необходимо найти в различных религиях такие «правила жизни, с помощью которых можно было бы отличить человека, посвятившего себя богу, от материалиста, чьи надежды всецело связаны с существующим миром» (№ 19, стр. 2). В этом проявляется не только узость и ограниченность проповеди «братства всех верующих», но и ее определенная реакционная направленность. Не случайно к группе, занимающейся филантропической деятельностью по объединению верующих различных религий, примкнул и государственный секретарь США Даллес, известный своим враждебным отношением к мирному сосуществованию стран с различными социальными системами. По сообщению «Голоса», Даллес в своем религиозном рвении взял на себя обязанности попечителя над даром в один миллион долларов, пожертвованным на «создание взаимопонимания и сотрудничества между великими религиями мира» (№ 25, стр. 10). Редакция «Голоса» призывает своих читателей «аплодировать» этому «величественному труду». Однако есть все основания сомневаться в том, что эта деятельность Даллеса будет способствовать укреплению мира, в том числе и коренным интересам миллионов верующих, стремящихся к предотвращению войны.

Реакционная империалистическая буржуазия постоянно подчеркивает, что основной причиной современной международной напряженности являются идеологические различия. Она стремится искусственно разжечь религиозные страсти, чтобы отвлечь внимание масс от важнейших политических вопросов современности; пытается всячески разобщить силы людей доброй воли, выступающих за мир и дружбу между народами, противопоставляя деление людей на верующих и атеистов их политическому отношению к коренной проблеме современности — к вопросу об обеспечении мира.

Вопрос о религиозных убеждениях того или иного человека — дело его личной совести; в общей борьбе народов за мир этот вопрос не имеет практического и политического значения. В интересах счастливого будущего человечества необходимо обеспечить единство действий всех людей доброй воли, в том числе и последователей различных религий, под знаменем мира и дружбы народов. В вопросе об обеспечении мира следует стоять выше идеологических различий. Однако это отнюдь не означает, будто коммунисты, марксисты могут безучастно относиться к пропаганде религиозных взглядов, ибо религия в любой своей форме мешает правильному пониманию объективных процессов действительности, обедняет духовную жизнь масс. Поэтому следует отличать деятельность верующих в пользу мира от их деятельности в защиту религии.

Помещаемые в «Голосе» материалы свидетельствуют о глубоком духовном брожении, происходящем в капиталистических странах. Страдания и мучения, перенесенные народами во второй мировой войне, обстановка страха и неуверенности, порожденная угрозой атомно-водородной войны, содействовали некоторому оживлению религиозной идеологии; определенные слои — в основном мелкобуржуазные — стали прислушиваться к религиозно-морализирующим проповедям.

Нельзя не учитывать, что для значительной части верующих в капиталистических странах идеи мира доступны главным образом в религиозном облачении. В религии они находят моральную опору для своей деятельности в борьбе против войн.

Именно этот идеологический процесс отражается на страницах «Голоса». Проповедь идей мира идет здесь рука об руку с пропагандой религиозного мирозерцания. Дух времени заставляет религию освобождаться от того балласта, который дискредитирует ее в научном и политическом отношениях. Ныне религия все более склоняется к тому, чтобы «признать» научные открытия и достижения, не прекращая, однако, своих попыток «примирить» науку с религией. «Голос» в этом отношении не составляет исключения. На его страницах также делаются попытки «примирить» фидеизм и науку на основе идеалистической философии, допускающей существование «нефизической реальности» (№ 20, стр. 2). В вопросах мира и войны «Голос» стоит на позициях пацифизма, то есть по религиозно-этическим мотивам он отвергает всякое насилие ради любой цели и под каким бы то ни было предлогом.

Одним из важнейших вопросов современности является прекращение испытаний атомных и водородных бомб. С требованием прекратить испытания ядерного оружия

выступают ныне самые широкие слои общества во всех странах мира. Поддержка «Голосом» этого требования несколько своеобразна, что обусловлено его религиозной позицией. Однако он не только осуждает продолжение испытаний, но и призывает к действию: «Пусть каждый сознающий свою ответственность человек ...со всей силой и мудростью возвысит свой голос против продолжения испытаний водородных бомб, обратившись устно и письменно ко всем ответственным лицам: к руководителям государства и церкви, политическим деятелям, просветителям, редакторам газет и радиовещания в своей стране. Пусть все, как один человек, поднимутся и потребуют у своих руководителей прекращения в дальнейшем всех испытаний атомных и водородных бомб и предложат им употребить все свои мысли, инициативу и энергию для полного уничтожения насилия на нашей планете» (№ 22, стр. 2).

На своих страницах «Голос» освещает деятельность в пользу мира различных религиозно-пацифистских организаций и отдельных лиц. «Братство примирения», объединяющее около 17 тысяч английских христиан, заявляет о несовместимости войны с «учением Христа» и осуждает гонку вооружений и «холодную войну». «Антиатомная лига в защиту жизни» призывает все религиозные и нецерковные организации включиться в борьбу за прекращение экспериментальных взрывов атомных бомб. «Война — наш единственный враг, а не жители любой страны и их дети!», — пишет в письме из Дании Эмиль Ден, осуждая политику гонки вооружений и отвергая лживые утверждения империалистов о том, что накопление оружия может «гарантировать мир» (№ 25, стр. 11). Персидский студент заявляет, что заключение таких пактов, как НАТО в Европе и Багдадский пакт в Азии, усилило международную напряженность и противоречит целям ООН (см. № 25, стр. 9). Видная английская общественная деятельница и ученый, член общества квакеров К. Лонсдейл осуждает политику западных держав в отношении Китая, обличает лицемерие и фарисейство ряда государственных деятелей Запада. «Мы на Западе, — язвительно замечает она, — воображаем, что нам подобает быть мировым жандармом, судьей, присяжным и палачом!» (№ 25, стр. 2).

Подобные высказывания представляют интерес для всех людей доброй воли, выступающих за мир. Однако нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что наряду с этой имеющей позитивное значение деятельностью «Голос», пропагандируя «священный план» ликвидации мирового кризиса, объективно дезориентирует людей, стремящихся предотвратить угрозу новой войны. Попытки обеспечить мир, утверждает «Голос», неизбежно терпели неудачу якобы потому, что люди стремились изменить внешний мир. Надо-де отказаться от этого пути и встать на путь «духовного возрождения личности». «Наша задача — в изменении не этого мира, а единиц, его составляющих, или, скорее, одной единицы, то есть нас самих, вас, себя» (№ 21, стр. 1). Выход из современного кризиса «Голос» усматривает в религиозной деятельности «братьев-пилигримов», посвятивших себя распространению «живого духа мира и божьей воли», чтобы пробудить других и увеличить число «поднявшихся из тьмы материализма» (там же, стр. 2). Страницы «Голоса» пестрят примерами деятельности подобных ревнителей веры.

Но какое отношение имеет несомненный рост во всем мире атеизма и материализма к опасности войны? Разве распространение религиозной идеологии содействовало когда-либо упрочению мира? Разве не церковь на протяжении многих столетий освящала несправедливые войны, например, крестовые походы, организуемые эксплуататорскими классами? Разве некоторые западные государственные деятели, взывающие к богу, не переплетают свое религиозное рвение с кощунственными делами, готовя новую войну?

Попытки обеспечить прочный мир между народами оканчивались в прошлом неудачей потому, что миролюбивые силы были разобщены и не имели достаточно средств, чтобы заставить эксплуататорские классы отказаться от войны. Теперь в мире иное положение, иное соотношение сил. Силы мира достаточны для того, чтобы не допустить войны и отстоять мир. Не через принятие религиозного мирозерцания, проникнутого пацифистским духом, а через борьбу масс против политики империализма, создавшего угрозу новой войны, придет человечество к миру. Религиозно-пацифистские организации в состоянии внести и вносят свою лепту в дело ликвидации угрозы войны, являющейся общим врагом всего человечества. Дух религиозного сектантства — союзник войны.

Видное место на страницах «Голоса» занимают вопросы гуманности. «Пробудить сострадание, жалость в человеке» — таков лейтмотив деятельности религиозных организаций, объединившихся вокруг «Голоса», такова этическая основа «унификации» религий (см. № 23). Но разве достаточно чувства сострадания и жалости к своему ближнему для того, чтобы освободить человечество от социальной несправедливости, от капиталистического гнета и угрозы кровопролитной войны? Не абстрактная жалость, а ненависть к капиталистическому строю, порождающему страдания и мучения масс, нужна человечеству. Эта ненависть неотделима от подлинной гуманности. Религия же служит громоотводом этой ненависти.

Гуманизм в наши дни — это борьба против угрозы новой войны, против колониального рабства, против национального и социального гнета. Научной основой этого гуманизма является диалектический материализм, который объективно несовместим с любыми формами религиозного мирозерцания.

ЗАПАДНОГЕРМАНСКИЙ ВАРИАНТ ТЕОРИИ «СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ»

Как известно, исторический материализм дает научный метод для исследования социальной структуры общества. Марксизм показал, что принадлежность индивида к тому или иному классу определяется его конкретным местом в системе производственных отношений и прежде всего — его отношением к средствам производства.

Этот марксистский научный метод не по душе буржуазным социологам. Подменяя объективный анализ действительности субъективным методом, они распределяют население по «классам» или «слоям» таким образом, что само понятие «слой» оказывается лишенным какого-либо социального смысла и выступает просто в качестве статистической единицы.

В этом отношении весьма типична методология авторов рассматриваемого ниже «инструмента для измерения социального расслоения в Западной Германии», характеристике которого посвятил свою статью профессор Кельнского университета Эрвин Шойх (см. «Transactions of the Third World Congress of Sociology», 1957, vol. VIII). Как он сообщает, Институт социальных исследований Кельнского университета, учитывая отсутствие в Западной Германии в течение долгого времени какого-либо инструмента для определения общего положения индивида в пирамиде социальной стратификации, несколько лет тому назад поставил перед собой задачу «сконструировать шкалу для подобных целей». В своей статье профессор Шойх излагает методику, посредством которой был создан данный «инструмент», а также характеризует его основные черты и «эффективность».

В качестве определяющих признаков принадлежности людей к тем или иным социальным слоям общества западногерманские социологи выдвинули три многочленных «критерия»: «экономический», «род занятий» и «культурный».

В основу «экономического» признака был положен размер личного дохода того члена семьи, который вносит наибольший вклад в семейный бюджет, а также средний размер дохода, приходящегося на каждого члена семьи. Дополнительно учитывались еще два признака: количество жилой площади, приходящейся на каждого члена семьи, и «индекс обладания некоторыми ценными вещами».

Под признаком «рода занятий» подразумевается профессия, а также характерные для той или иной профессии черты «самостоятельности, квалификации и типа выполняемой работы».

Наконец, в качестве «культурных» признаков авторы выделили четыре момента: уровень образования, частота посещения концертов, театров и степень начитанности.

В результате определения «относительной ценности» каждого признака была получена следующая шкала оценки признаков (в «очках»):

Критерии социального расслоения	Количество начисляемых очков
I. Доход того, кто обеспечивает семью	— 9 очков максимум
Средний размер дохода, приходящегося на члена семьи	— 6 » »
Количество жилплощади на человека	— 3 очка »
Индекс обладания ценными вещами	— 3 » »
Всего по «экономическим» признакам	— 21 очко »
II. Род занятий того, кто обеспечивает семью	— 12 очков максимум
III. Уровень образования	— 9 » »
Степень начитанности	— 6 » »
Частота посещения концертов	— 3 очка »
Частота посещения театров	— 3 » »
Всего по «культурным» признакам	— 21 очко »
Итого	54 очка максимум

Учет совокупности всех критериев, продолжает Шойх, позволил отнести каждого индивида к определенному социальному «слою». Было принято «расчленение общества на высший, средний и низший слой». Кроме того, «высший» и «низший» слои разделялись еще на два «подслоя», а «средний» — на три.

При этом было установлено, что набравшие, скажем, 0—13 очков попадают в «слой, низший из низшего», набравшие 21—26 очков — в «слой, низший из среднего», 35—40 очков — в «слой, высший из среднего», а получившие 49—54 очка — в «высший из высшего».

Руководствуясь этим «инструментом», Институт социальных исследований провел зимой 1954/55 года и весной 1956 года опросы населения в Кельне. В результате, как сообщает Шойх, все население Кельна (720 тысяч человек) оказалось распределенным на «слои» следующим образом:

Процент населения	Название слоя	Количество очков
	С	
11,9	Низший из низшего	0—13
41,0	Высший из низшего	14—20
	В	
22,4	Низший из среднего	21—26
15,9	Средний из среднего	27—34
4,3	Высший из среднего	35—40
	А	
3,1	Низший из высшего	41—48
0,0	Высший из высшего	49—54

(1,4% — классификация невозможна).

Рассмотрим коротко, каков же теоретический и практический смысл изложенного выше «инструмента» и добытых с его помощью результатов.

Шойх утверждает, что ценность предлагаемого метода социального распределения населения в Западной Германии состоит «не только в том, что он значителен теоретически, но также и в том, что он может быть применен эмпирически». Что касается возможности эмпирического применения данного «инструмента», то на этот счет не возникает сомнений. Но вызывает возражения стремление приписать этому «инструменту» теоретическую или хотя бы эмпирическую научную значимость.

Прежде всего из приведенной выше шкалы оценки признаков видно, что по культурным признакам индивид может набрать столько же очков (21), сколько и по экономическим, иными словами, и те и другие признаки рассматриваются как равнозначные.

В жизни же, как известно, эти признаки имеют различное значение. Несомненно, что размеры дохода члена семьи, обеспечивающего ее, и в среднем каждого члена семьи имеют для характеристики условий жизни несравненно большее значение, чем факторы начитанности, посещения концертов, театров и т. д., хотя бы потому, что в основном последние обусловлены первыми. Далее, такой критерий, как «род занятий», оценивается здесь почти вдвое ниже (12 очков), чем каждый из определяемых им в конечном счете показателей («экономический» и «культурный»).

Таким образом, нивелируя значение различных признаков, придавая несущественным чертам такую же и даже большую роль, чем существенным чертам, западногерманские социологи искажают объективно существующую функциональную зависимость между различными признаками. Следовательно, «ценность» каждого признака относительно остальных признаков определяется субъективистски и не соответствует реальной действительности.

К этому еще надо добавить, что, умышленно или неумышленно, Шойх не указывает, за какой именно размер дохода, уровень образования и т. д. начисляется то или иное количество очков, иными словами, что конкретно кроется за этими «очками». Тем самым становится невозможным проверить, соответствует ли арифметическая прогрессия оценок (1+1+1...) прогрессии реальных оцениваемых признаков или же в действительности имеет место прогрессия иного рода.

Далее возникает вопрос: какой принцип положен в основу расчленения общества на «слои» и «подслои»? На этот счет трудно сказать что-либо определенное. Индивиды, набравшие первые 20 очков, относятся к низшему слою, набравшие следующие (после 20) 20 очков — к среднему, а следующие (после 40) 14 — к высшему. Но чем существенно отличается социальное положение индивида, набравшего 20 очков, от набравшего 21 очко? А если такого различия нет, то почему нельзя было разделить общество на три слоя точно поровну (0—18, 19—36, 36—54) или как-нибудь иначе? Видимо, западногерманские социологи считают, что это просто дело вкуса.

В действительности социальная группа представляет собой качественно своеобразное целое, в основе которого лежит вполне определенный объективный критерий — отношение к средствам производства. Игнорируя этот объективный критерий, буржуазные социологи вынуждены чисто механически и, в сущности, произвольно разделять общество на «слои». При этом они не только теоретически не устанавливают решающего для характеристики того или иного «слоя» объективного критерия, но и эмпирически не фиксируют такого рода критерии. Приводя итоговую таблицу, авторы рассматриваемого «инструмента» не фиксируют, за счет наличия или отсутствия каких признаков те или иные индивиды отнесены к тем или иным слоям. В результате в этой таблице не отражается реальный удельный вес того или иного критерия в определенном «слое» или «подслое».

Тем самым результаты проведенных опросов оказываются лишенными как теоретической, так и эмпирической научной ценности. В самом деле, исходя из приведенной выше шкалы оценок и членения общества на «слои», вполне правомерно допустить, что, например, образованный безработный, получивший за образование и начитанность 13 очков, плюс хотя бы одно очко за имеющуюся жилплощадь, уже попадает в разряд основного контингента западногерманского населения (41%). Если же этот образованный безработный имеет самую низкооплачиваемую работу и набирает, скажем, 2 очка по обоим признакам дохода да несколько очков по роду занятий, то он уже переходит в состав «средних слоев» общества.

Нивелирующая, уравнительная оценка каждого из признаков социального положения ведет к тому, что в «высший из среднего слой» — эту верхушку западногерманского общества — может попасть индивид, набравший 27—30 очков по культурным признакам и роду занятий и всего 5—8 очков (из 21) по «экономическим» признакам. И, наоборот, там же может оказаться капиталист, финансист, торговец и любой состоятельный невежда, набравший максимум очков по доходам и минимум по культурным признакам. Даже для того, чтобы попасть в «низший из высшего слой», выше которого в Кельне вообще никого не оказалось, вовсе не обязательно быть капиталистом: ведь кроме 30—33 очков по культурным признакам и профессии достаточно набрать всего 8—11 очков из 21 по экономическим признакам. Тем самым в «высшем» слое может оказаться не так уж много зарабатывающий интеллигент или служащий¹.

Таким образом, в каждом из перечисленных слоев, несомненно, оказываются люди самых различных общественных классов и прослоек, люди, имеющие разные доходы, профессии, уровень культурного развития. Но это означает, что результаты опросов, которые провоздил Институт социальных исследований в течение нескольких лет, с точки зрения науки оказываются лишенными какой-либо ценности. Ведь они не дают ответа на самый основной для этого исследования вопрос: какой конкретный доход, профессию, жилищные условия и уровень образования нужно иметь, чтобы войти в тот или другой слой, скажем, в «высший из низшего слой» (от 14 до 20 очков), охватывающий 41% населения? Поэтому остается совершенно неизвестным, кого включает данный «слой» — рабочих или служащих, торговцев или предпринимателей и т. д.

«Инструмент» для измерения социального расслоения в Западной Германии, пытающийся сыграть на «демократическом» учете мнения самого населения о его социальном положении, оказывается всего лишь одним из приемов, применяемых современной западногерманской буржуазной социологией с целью извратить и фальсифицировать подлинный характер и структуру социального расчленения в Западной Германии. Суть этого приема заключается в том, что понятие «социальный слой» лишается его конкретного социального содержания и превращается в абстрактную статистическую единицу. Это, видимо, и умиляет профессора Шойха, который заявляет о «плотности и даже обязательности» применения подобного рода «многоизмеримых шкал» социального расслоения.

Знакомство с западногерманским вариантом теории «социальной стратификации» показывает, что современная буржуазная социология, освещая вопросы социального расчленения общества, не выходит за рамки субъективно-идеалистических эмпирических спекуляций. Вместо учета объективного критерия класса (отношение к средствам производства) и распределения населения по классам согласно этому критерию буржуазные социологи подсовывают произвольно составленную «многоизмеримую шкалу» социальной стратификации, не способствующую, а препятствующую выяснению действительной социальной структуры общества.

В. С. СЕМЕНОВ

Д. Е. РОБЕРТС. Экзистенциализм и религия. Нью-Йорк. 1957, 344 стр.

D. E. ROBERTS. Existentialism and Religious Belief. N. Y. 1957.

Книга Д. Е. Робертса заслуживает внимания, поскольку автор весьма убедительно показывает органическую связь экзистенциалистской философии, в том числе и «атеистических» ее форм, с религией. Экзистенциализм, по мнению автора, «открывает путь к новому взгляду на философию и христианскую доктрину, который может устранить их негибкость и бесплодность и сделать их жизненными» (р. 10). Кроме того, по словам автора, «во всех своих формах... экзистенциализм представляет ныне огромный интерес для христианского мыслителя, поскольку он выступает против интеллектуальных и социальных сил, уничтожающих свободу» (р. 4).

Книга содержит ряд очерков о наиболее значительных представителях современного экзистенциализма и его предшественниках. Автор пытается также наметить некоторые основные черты экзистенциализма в целом. Следует отметить, что к их числу он относит иррационализм, субъективизм, индивидуализм, постулирование неизбежной раздвоенности личности и т. п.

Крупнейшим предшественником экзистенциализма автор считает Паскаля. От него берет начало христианский экзистенциализм. Паскаль, говорит автор, исходил из сверхрациональной веры, основанной на интуиции и индивидуальном решении, «а не из чего-либо объективного (природы или Идеи)» (р. 35). «Он понимал, что

¹ Применяя именно такой подход, большинство американских буржуазных социологов (которых западногерманские ученые берут себе в учителя) относит к «высшему» слою или классу в США лиц свободных профессий: адвокатов, юристов, врачей, профессоров и т. п.

никакое окончательное решение не может быть достигнуто посредством науки и разума» (р. 58).

Наибольший по размерам очерк посвящен автором Киркегору, который, как известно, пользуется сейчас в буржуазной философии огромной популярностью и авторитетом. Значение этого крупнейшего представителя религиозного экзистенциализма состояло, по мнению автора, в частности, в том, что он подметил «духовное разложение» (р. 138) в недрах «западной цивилизации», когда оно еще почти не чувствовалось. Киркегор, пишет автор, убедительно показал «обесчеловечивающее действие научной объективности» (р. 106). Он писал так, «как будто мог предвидеть роковые последствия соединения техники и коллективизма в XX веке» (р. 106).

Рассматривая философию Хейдеггера, автор не без основания полагает, что ее «атеизм» носит в значительной мере внешний характер. Синтез его философии с религией не только возможен, но и прямо вытекает из его, в сущности, мистических взглядов. Этот синтез, по мнению автора, может стать «новым исходным пунктом в современной философии и теологии» (р. 148).

Из всех экзистенциалистов наиболее критически автор относится к Сартру. Выступая против его антирелигиозной аргументации, автор утверждает, что «его критика теизма действительно опровергает только те формы теизма, которые основываются на грубом антропоморфизме или рационалистическом детерминизме, но она, по существу, не затрагивает многие другие разновидности христианской веры, в частности, экзистенциалистские» (р. 220). Впрочем, как хорошо показывает автор, Сартр и не претендует на то, что его философия может служить подтверждением истинности атеизма. С точки зрения Сартра, атеизм — дело свободного выбора индивида. Его основной аргумент в пользу атеизма состоит в том, что вера в бога несовместима со свободой личности. Вместе с тем фактически, как показывает автор, отвергая детерминизм и доказывая абсурдность мира и субъективный характер всех ценностей, Сартр, «не сознавая этого, дает нам один из сильнейших аргументов в пользу веры в бога» (р. 225). Таким образом, «атеистический» экзистенциализм Сартра также косвенно поддерживает религию.

Наибольшие надежды возлагает автор на философские системы Ясперса и Марселя. Из них, как он считает, «может в настоящее время возникнуть новая и конструктивная форма христианской философии» (р. 337). Ясперс, по его словам, «стремится сохранить и по-новому сформулировать все самое лучшее в христианстве, отказываясь от его претензий на несомненность, окончательность и исключительность» (р. 265). Однако религиозная философия Ясперса, далекая от официальной христианской ортодоксии, вызывает все же некоторую критику со стороны автора. Что касается католического экзистенциализма Г. Марселя, то автор излагает его основные идеи без какой-либо критики. Эта форма экзистенциализма, на его взгляд, наиболее конструктивна, наиболее тесно и плодотворно связана с религией.

Формулируя выводы, автор утверждает, что экзистенциализм и религия по своей природе неразрывно связаны. Они взаимно обогатили друг друга. «Задача теперь состоит в том, — заключает он, — чтобы религиозная вера пошла дальше экзистенциализма, включив его в себя» (р. 341).

Э. А. СВЕТОЗАРОВ

С. ЛЕМ. Диалоги. Краков. 1957, 323 стр.

Stanislaw LEM «Dialogi». Krakow. 1957. 323 s.

Станислав Лем широко известен читателю как автор научно-фантастических романов, повестей и рассказов (на русский язык переведены его роман «Астронавты» и несколько рассказов).

Последняя книга С. Лема, «Диалоги», несмотря на имеющиеся в ней элементы фантастики, в целом посвящена популярному изложению сложных научных проблем.

В этой книге С. Лем в форме диалога между Филонусом и Хиласом излагает вопросы кибернетики. Основной интерес представляет попытка автора наметить теоретические возможности «кибернетической социологии».

Первые диалоги посвящены обсуждению причин возникновения кибернетики как науки и анализу проблемы создания «электронного мозга».

Обсуждение Лемом вопроса о применении кибернетики к изучению общества отчетливо выявляет те трудности, которые стоят перед сторонниками «кибернетической социологии». Лем предупреждает об опасности поспешных аналогий и обобщений в применении кибернетики к социологии. Он считает, что «общество не является аналогом живого организма и проведение социо-биологических параллелей с точки зрения исследовательской точности является явной ошибкой» (стр. 186). Наиболее обширная, VII глава начинается разбором принципиальной возможности моделирования общественных процессов и общества в целом. Филонус говорит Хиласу, что «существует возможность (по крайней мере, теоретическая) создания такой электросети, которая представляла бы в действии модель, равнозначную обществу» (стр. 187). Далее Филонус рассматривает закономерности общественной жизни, допускающие моделирование посредством электронных аналогов, в частности, явление осцилляции

некоторых общественных процессов (например, циклический характер капиталистической экономики). Анализируя осцилляцию конъюнктуры на капиталистическом рынке, Филонус показывает, что экономическая модель данного процесса, рассчитанная на плановое перенесение фазы опоздания обратных связей (кейнсианство) является нереальной. Успешная практика создания электронных схем — аналогов — подтверждает большие прикладные возможности кибернетики, но очевидно, что задачей разработки «кибернетической социологии» является установление собственно социологических закономерностей с учетом тех новых теоретических представлений, которые дает кибернетика в распоряжение социолога.

С. Лем делает некоторые попытки приблизиться к решению этой центральной для «кибернетической социологии» проблемы. Он пытается выделить в общественной структуре обратные связи, применяет к обществу понятия линейной и нелинейной системы. Но характерно, что в своем социологическом анализе он использует, например, понятие информации таким, каким оно сложилось в теориях общественного мнения. В книге много интересных суждений и интересного материала о социальных законах в их математическом выражении. Но С. Лему не удалось выработать хотя бы несколько специфических понятий «кибернетической социологии».

«Кибернетизм» в интерпретации, предлагаемой автором, сводится к простой замене социологических терминов (например, общественные отношения) кибернетическими (например, обратная связь).

В том же случае, когда автор пытается дать некоторое существенно новое объяснение общественных явлений (например, в модели анархии, демократии и тирании в VIII главе), он прибегает к прямой аналогии с физическими законами, которая выглядит весьма неубедительно.

Книга С. Лема, безусловно, заслуживает внимания социологов-марксистов как одна из попыток приблизиться к рассмотрению закономерностей социальной жизни и интерпретировать их в понятиях кибернетики.

Н. Н. НИКОЛАЕВ

В. Р. ЭШБИ. Введение в кибернетику. Лондон, 1957. X, 295 стр.

W. R. ASHBY. An Introduction to Cybernetics. London, Chapman and Hall. 1957. X, 295 p.

Эта книга в библиотеке почти всегда занята. Не только потому, что у нас еще мало ее экземпляров (и микрофильмов), а перевод пока не издан, хотя эта юная наука вызывает все больший интерес у специалистов самых различных областей. И не только потому, что Эшби, один из ведущих деятелей кибернетики, выдвигает оригинальные идеи, изложенные очень ясным языком (хотя далеко не во всем бесспорные). Его книга привлекает широкое внимание еще по одной причине: она действительно может служить введением для тех, кто лишь начинает изучать кибернетику.

Многие физиологи, психологи и социологи, пишет Эшби в предисловии, не решаются приступать к изучению материала кибернетики, считая, «что его использованию должно предшествовать длительное изучение электроники и высшей математики; у них создалось впечатление, что кибернетика и эти предметы неразделимы. Автор убежден в том, что такое впечатление ложно. Основные идеи кибернетики можно излагать без обращения к электронике, и они фундаментально просты».

Это стремление сделать основы кибернетики доступными для возможно более широких кругов, характерное также для предыдущей книги Эшби, «Проект мозга» (Design for a Brain, 1954), содержание которой тесно связано с содержанием настоящей, не остается пустой декларацией. Но кажется неоправданным полный отказ автора от изложения строгих математических обоснований. Ценность книги была бы еще больше, если бы они приводились в специальном разделе, как в книге 1954 года; доступность идей последней от этого ничуть не пострадала.

«Введение в кибернетику» подразделяется на три части, которым предшествует глава, дающая краткий очерк различных аспектов предмета кибернетики и ее применений. Особенность подхода Эшби к предмету кибернетики может быть понята лишь при ознакомлении с его предыдущей книгой и заключается, по сути дела, в том, что он с порога отменяет все идеалистические измышления, нагромождаемые на Западе вокруг достижений кибернетики, не избежав, однако, ни известной ограниченности механистических взглядов, ни возведения ограниченностей предмета и метода кибернетики в общую ограниченность познания. Если Винер определял кибернетику как «науку о контроллинге и связи в животном и в машине», то Эшби определяет ее в нескольких местах книги иначе: как общую теорию усложненных и высокоорганизованных систем (естественных организмов и автоматов), способных к самоподдержанию динамичной устойчивости, к накоплению информации, активному приспособлению к среде, к саморегуляции в развитии и поведении (и регуляции других систем), к решению проблем и в конечном счете к усилению всех этих способностей. Важное значение Эшби придает также изменчивости, но обращает внимание более всего на те ее типы, которые необходимы для поддержания устойчивости очень «больших» и усложненных систем с неоднозначными возможностями реакций вопреки

непрестанному потоку возмущений и нарушений под воздействиями среды (понятие среды, по его мнению, нельзя отделять от понятия такой системы).

В первой части книги («Механизм») излагаются основные принципы построения названного рода машин и даются определения таких понятий, как разнообразие, изменчивость, трансформация, обратные связи, целостность очень усложненных систем, включающих автономные подсистемы и компоненты, а также она знакомит с основами логико-математического анализа явлений, протекающих в этих машинах, даже в тех случаях, когда их внутреннее устройство и события в них в значительной мере недоступны непосредственному наблюдению (проблема «черного ящика»). В этой части, а также в других местах книги автор пытается определить понятие возникновения «эмерджентности» заново и наметить возможности научного предсказания новых изменений.

Часть вторая носит название «Разнообразие» (также в смысле изменчивости) и посвящена главным образом введению в теорию информации и связи.

Часть третья, «Регуляция и контроль», включает наиболее важный материал; ее содержание выходит за рамки названной темы и относится преимущественно к биологии, психологии и социологии (все эти науки вместе Эшби ошибочно относит к числу «биологических»). В этой части книги делается попытка проследить, как изложенные общие принципы осуществляются в материальных системах, естественных или искусственно созданных. Вместе с тем в ней эти принципы развиваются и дополняются определениями типов регуляции; в частности, дается новое определение принципа ультраустойчивости, открытого Эшби, принципа количественного измерения отбора и подбора, а также принципов работы усилителей и возможности их универсальных применений. Две последние главы третьей части представляют собой примеры применений общих методов кибернетики, возможности которых Эшби, как и другие энтузиасты этой весьма активной науки, считает чрезвычайно многообразными.

В таком понимании она превращается в особую логико-математическую форму общей методологии исследования и конструирования наиболее высокоорганизованных материальных систем. Чтобы судить о степени правильности такой точки зрения, необходимо детально рассмотреть основные идеи кибернетики с точки зрения единственно верной всеобщей методологии — методологии диалектического материализма.

В. К.

Гюнтер ХЕЙДЕН. Критика немецкой геополитики. Издательство Дитц. Берлин. 1958, 283 стр.

Günter HEYDEN. Kritik der deutscher Geopolitik, Dietz Verlag, Berlin, 1958, 283 S.

Основной задачей книги является критический разбор сущности и социальных функций геополитики, особенно ее немецкой разновидности.

Первая глава книги посвящена подробному выяснению отношения общества к природе. Не впадая в крайности, Гюнтер Хейден показывает действительное место географического детерминизма в истории социологии, характеризуя его как особое направление буржуазной общественной мысли, возникшее в связи с великими географическими открытиями, появлением огромных колониальных государств и развитием капиталистического способа производства. Автор критикует распространенную точку зрения, согласно которой географический детерминизм нового времени являлся простым воспроизведением взглядов древних мыслителей (Геродота, Гиппократ, Фукидида, Страбона, Полибия). Различие между географическим детерминизмом древнего и нового времени состоит, как отмечает автор, не только в том, что представители последнего использовали гораздо более обширный географический, исторический и естественнонаучный материал, но и (это главное) в том, что в их поле зрения находилось по преимуществу общество, государство, тогда как у древних преобладал антропологический подход. В этом разделе книги рассматриваются взгляды Ж. Бодэна, Ш.-Л. Монтескье, Гердера, Хеерена, К. Риттера и Г. Т. Бокля. Остается пожалеть, что автор не дал анализа взглядов таких известных социологов, как Л. И. Мечников и Дж. Хоррабин, и не показал их в истории географического детерминизма.

Значительное место в книге занимает изложение марксистского понимания отношения общества к природе. Автор предостерегает как против переоценки, так и против недооценки роли географической среды в развитии общества: не отдельно взятая природа и не человек сам по себе определяют ход исторического развития, а взаимодействие природы человеком в процессе общественного производства. Автор подчеркивает, что всеобщее противоречие между природой и обществом — одно из важнейших условий социальной жизни; в ходе истории люди достигают все более полного господства над природой, но они никогда не смогут освободиться от нее. С другой стороны, сам этот процесс зависит прежде всего от разрешения противоречий внутри общества, поэтому конкретные формы отношений между природой и обществом в истории человечества определяются характером той или иной общественно-экономической формации.

Автор критикует взгляды Г. В. Плеханова и К. А. Виттфогеля на роль географической среды в развитии общества.

Исследование в общей форме вопроса о взаимоотношении природы и общества, конечно, необходимо в данной книге. Однако автору следовало бы подчеркнуть, что геополитики спекулируют не столько на этом общем отношении, сколько на территориальных различиях, особенностях географического положения отдельных стран и т. д., и в связи с этим несколько изменить характер аргументации. Не вполне удовлетворительным представляется данное им определение географической среды: «Понятие «географическая среда» охватывает различные факторы: климат, рельеф, воды, плодородие почвы, богатство полезными ископаемыми, фауну и флору» (стр. 15). Простое перечисление отдельных факторов не дает представления о географической оболочке земного шара как о едином, целостном природном объекте.

Во второй главе раскрывается сущность геополитики как идеологического порождения империализма, служащего целям оправдания колониализма и захватнических, грабительских войн. Автор подчеркивает, что в геополитических теориях полностью отсутствуют те элементы материалистического понимания истории, которые имели место в прежнем географическом детерминизме. Подвергнув критическому разбору взгляды Ф. Ратцеля, Р. Челлена, К. Хаусгофера, каутскианца Г. Э. Графа, автор показывает тесную связь геополитики с разбойничьей практикой немецкого фашизма.

В последней главе книги говорится о возрождении геополитики в современной Западной Германии. Автор обличает некоторых американских географов, пытающихся «денацифицировать» немецкую геополитику, реабилитировать ее вождя Хаусгофера, выдвинуть «истинную» геополитику вместо «ложной», скомпрометировавшей себя связью с фашизмом. В действительности, говорит автор, дух фашистской геополитики никогда не угасал в послевоенной Западной Германии, он был лишь на время прикрыт словесной шумихой о демократии и свободе. Ныне, с возрождением германского милитаризма, геополитика вновь выступает как его важнейшее идеологическое оружие. С 1951 года возобновился выпуск традиционного органа геополитиков журнала «Zeitschrift für Geopolitik», в 1954 году возродилось фашистское «Общество по разработке геополитики». (Новый устав этого общества автор приводит в приложении к книге.) Теории «жизненного пространства», «географической обусловленности» немецкого милитаризма, «органическая теория государства» и пр. вновь служат целям оправдания экспансионистской политики, направленной прежде всего против стран социализма.

Убедительное разоблачение геополитических пособников немецкого империализма — несомненное достоинство книги Гюнтера Хейдена.

И. Б.

Якуб ЛИТВИН. Критические очерки географического детерминизма и геополитики. Варшава. 1956, 128 стр.

Jakub LITWIN. Szkice krytyczne o determinizmie geograficznym i geopolityce. Książka i wiedza, Warszawa, 1956.

Первая часть книги начинается с рассмотрения дискуссии вокруг географической интерпретации истории, имевшей место во Франции восемнадцатого века. Автор дает интересный анализ взглядов Монтескье и его оппонентов — Тюрго, Гельвеция, Гольбаха — и показывает, что, несмотря на ряд глубоких мыслей и гениальных догадок, высказанных в ходе этой дискуссии, ее участники остались в границах метафизического понимания отношений между обществом и природой. Далее следует подробное рассмотрение философии истории Гегеля, которая, по мнению автора, представляет собою своеобразное переплетение идеализма, диалектики и концепции (или ее элементов) географического детерминизма. В отличие от Монтескье, который рассматривал географические факторы как независимые, не связанные между собой, Гегель при исследовании природной среды человека употреблял комплексное понятие «естественный тип местности», включающее в себя климат, физическую структуру земли, плодородие почвы, характер растительного и животного мира, близость моря и рельеф побережья. Гегель высказал весьма плодотворную мысль о том, что человек добивается господства над природой при помощи орудий труда, — эту мысль Ленин оценил как зачаток исторического материализма. Однако подобного рода высказывания немецкого философа являются фрагментарными и не выходят за рамки его идеалистической философско-исторической схемы.

Говоря о геополитике, автор не ограничивается традиционным рассмотрением теорий Ратцеля, Челлена, Хаусгофера, а подвергает критическому разбору и взгляды польских геополитиков — Евгения Ромера, Станислава Павловского, Станислава Сроковского, Владислава Студницкого. Последние «обосновывали» географическим положением неизбежность войн и прежде всего войны против Советского Союза, в которой Польше отводилась роль форпоста германского империализма. Это рассмотрение автор подчиняет основному тезису о том, что собственно географические вопросы, даже в извращенной форме, занимают в писаниях геополитиков второстепенное место, яв-

ляясь лишь прикрытием волюнтаристических концепций, стремлений к экспансии и господству над другими народами.

Во второй части книги автор останавливается на ряде проблем, которые выдвинул, но не мог решить географический детерминизм. После общих замечаний рассматриваются вопросы о роли производства и географической среды в первобытное время, о характере связи природной среды и общественно-экономических отношений, об естественных коммуникациях и товарообмене. Привлекая исторический материал, автор обосновывает марксистское положение о том, что природа оказывает влияние на развитие общества лишь через производство, через общественные отношения людей. Даже познание эстетически прекрасного в природе есть функция материального и культурного развития человеческого общества, говорит автор в заключение книги.

Несмотря на сжатость изложения, книга Якуба Литвина хорошо вводит читателя в суть проблематики, связанной с исследованием отношений между человеческим обществом и географической средой.

И. В. СИНЕГОРОВ

Е. Ф. ФРЕЙЗЕР. Расовые и культурные связи в современном мире. Нью-Йорк. 1957, IX, 338, XII стр.

E. Franklin FRASIER. Råse and culture contacts in the modern world, N. Y., 1957, IX, 338, XII p.

В книге известного американского социолога, экс-президента Американского социологического общества Франклина Фрейзера «Расовые и культурные связи в современном мире» предпринята попытка дать историко-социологический очерк расовой проблемы. Автор обосновывает тезис, что расовая проблема — это не биологическая, а социально-историческая проблема, возникшая в результате колониальной экспансии европейских наций. В развитии межрасовых отношений он выделяет четыре ступени, характеризующиеся каждая своей экологической, экономической, политической и социально-культурной организацией.

На первой ступени межрасовые отношения, согласно Фрейзеру, не носили еще собственно социального характера, то есть представители различных рас не рассматривали друг друга как людей. Никакие юридические, моральные или просто гуманные нормы здесь не соблюдались. Эта ступень межрасовых отношений характеризуется следующей фразой: «Хорош лишь мертвый индеец». Фрейзер рисует картину безграничных зверств и насилий, чинимых над туземным населением европейскими колонизаторами, которые «в этих расовых конфликтах были в большей мере дикарями, чем так называемые дикари» (стр. 146).

На второй ступени межрасовых отношений устанавливаются различные формы экономической зависимости и порабощения европейцами туземного населения. «Чтобы обеспечить дешевую и дисциплинированную рабочую силу для капиталистической эксплуатации,— пишет автор,— было необходимо ввести систему принудительного труда» (стр. 111). Эта система принимает в одних странах форму рабства, в других — «принудительных поставок», в третьих — трудовой повинности, в четвертых — пеоната. Проблема межрасовых отношений становится проблемой отношений между «белым» плантатором и «цветным» рабом, а с дальнейшим развитием — проблемой отношения «белого капитала» к «цветному труду».

Вся эта система экономического порабощения неевропейских народов «поддерживается известной системой политического контроля» (стр. 177), которую Фрейзер называет третьей ступенью в развитии межрасовых отношений. Для этой ступени характерны: прямое политическое подчинение стран, косвенный политический контроль, осуществляемый путем империалистического метода «разделяй и властвуй», поддержка туземной аристократии и искусственное сохранение реакционных туземных учреждений, лишение или значительное ущемление политических прав в странах со смешанным населением. Основным мотивом колониальной экспансии, отмечает Фрейзер, являлись «экономические интересы делового класса европейских наций» (стр. 179).

Рассматривая далее борьбу угнетенных народов за свое освобождение, Фрейзер указывает, что «большой импульс принципу самоопределения был дан Русской революцией» (стр. 213), что народы Азии смогли сбросить европейское господство «отчасти потому, что имели союзника в лице России» (стр. 222). По его мнению, в настоящих условиях расовая проблема стала «частью региональных силовых систем, которые заняли место Европы как всемирного силового центра» (стр. 228).

Далее Фрейзер анализирует различные социальные институты, учреждения и процессы (рассматриваемые им как четвертая ступень в развитии межрасовых отношений), либо сглаживающие расовые различия («окультуривание», ассимиляция и амальгация рас), либо способствующие разжиганию расовой ненависти. Критике подвергаются теории «мнимого превосходства белой расы», и в частности «миф об англосаксонском превосходстве», который «стал главным оправданием империализма» (стр. 272), а в США — «оправданием рабства негров», лишения их гражданских прав, расовой сегрегации и т. п. (стр. 273). Вскрывая механизм «дзурасовой организации»,

которая используется для осуществления дискриминации «в пользу белых» (стр. 285), Фрейзер указывает, что в США «двурасовая организация означает малопродуктивные земли, трущобы, грязные улицы, антисанитарию, низкую зарплату, неквалифицированный труд для негров» (стр. 286).

В заключение автор пытается наметить пути решения расовой проблемы. По его мнению, расовые предрассудки могут ослабнуть с развитием просвещения, но, что «гораздо важнее, они могут уменьшиться тогда, когда белые народы не будут больше заинтересованы в насаждении расовой идеологии неполноценности цветных народов» (стр. 337). Общий свой вывод Фрейзер формулирует так: «Когда исчезнут империализм и колониализм, исходящие из различий в цвете кожи, то расовые и культурные различия без деления на высшую и низшую расу станут основой всемирного строя» (стр. 338). В целом Фрейзер отстаивает либеральный путь решения расовой проблемы путем постепенных улучшений отношений между расами в рамках капитализма.

Книга Фрейзера в той своей части, где она защищает идею расового равноправия,— положительное явление в буржуазной социологической литературе.

Е. Г. КАЗАРЬ

Г. Л. ШАПИРО. Аспекты культуры. Нью-Йорк. 1956.

H. L. SHAPIRO. Aspects of Culture. N. Y., 1956.

Книга одного из ведущих американских антропологов, профессора Колумбийского университета Г. Л. Шапино, «Аспекты культуры» посвящена рассмотрению самых общих вопросов культурного развития. Для автора, как и для всей школы современной антропологии культуры, характерна попытка, отмежевываясь от спекуляций культурологии и эмпиризма, установить некоторые общие законы реального культурно-исторического движения.

Центральной идеей книги является мысль о единстве мировой культуры.

Существо культуры Шапино определяет в традиционных терминах антропологии культуры как «усвоенное поведение». Человек бессознательно и сознательно усваивает определенные привычки, обычаи. Он вынужден, живя в обществе, вырабатывать определенный тип поведения. В отличие от большинства антропологов Шапино рассматривает приспособление человека к социальному и физическому окружению как социальный, а не биологический процесс.

Универсализм в развитии культуры, по мнению автора, является основой ее антропологического изучения. «Культурная история» должна исходить из понятия культуры как целостной системы. Единство культур различных народов определяется прежде всего общей способностью всех народов развивать свои творческие силы, делать открытия, изобретения, производить усовершенствования. Это служит причиной развития культуры. Шапино многократно подчеркивает, что в своих способностях народы равны, что идея расового превосходства абсолютно ложная (стр. 55).

С этой точки зрения автор подвергает критике колониализм. Он справедливо отмечает, что такой аспект общественной жизни, как «культура», был «открыт» в результате успехов колониализма XVI—XVII вв. Завоеватели практически столкнулись с наличием различных устойчивых укладов хозяйства, образов жизни, верований и т. д. Способы решения проблем культурных различий и разногласий, используемые колонизаторами, основывались на утверждении, что культура завоеванных народов является несовершенной, детской и нуждается в исправлении. Шапино видит в этой практике колониализма глубочайшую историческую ошибку.

Единство культурного развития, по Шапино, проявляется и в общей для всех народов непрерывности этого процесса, предполагающей глубокую культурную преемственность. Разбирая теории циклического характера развития общества, Шапино отмечает, что они во многом базировались на субъективистском подходе к истории.

Типичной ошибкой, приводящей к пониманию истории как совокупности замкнутых циклов, является неправомерное отождествление истории отдельной нации с историей цивилизации вообще. Некоторые теоретики усугубляют эту ошибку тем, что принимают неразвитые новые явления, выступающие на фоне зрелого старого, за свидетельства распада. В результате у части историков создается представление о циклизме общественного развития. Но это представление покоится на ложной основе. Если не допускать ошибок и, главное, не принимать за конец цивилизации упадок отдельной нации, то непрерывность развития цивилизации будет несомненной. Исходя из этого понимания культуры и источников ее развития, Шапино и раскрывает единство общего культурного развития в истории.

Н. В. НОВИКОВ

О создании Советской социологической ассоциации

По решению Президиума Академии наук СССР при отделении экономических, философских и правовых наук АН СССР создана Советская социологическая ассоциация.

На состоявшемся 19 июня 1958 года в Институте философии АН СССР учредительном собрании в качестве членов-учредителей ассоциации выступали: институты философии, права и этнографии Академии наук СССР, институты философии, права и экономики Академий наук Украины, Белоруссии, Узбекистана, Грузии и Казахстана, Научно-исследовательский институт труда при Комитете по труду и зарплате при Совете Министров СССР, философский факультет Московского ордена Ленина государственного университета имени Ломоносова и ряд других высших учебных заведений и научно-исследовательских организаций, ведущих научную работу в области социологии.

Учредительное собрание приняло устав, в котором определено, что основными задачами Советской социологической ассоциации являются:

1. Представительство советских научных учреждений, разрабатывающих вопросы социологии, в Международной социологической ассоциации¹ и в других зарубежных организациях социологов.

2. Укрепление связей советских ученых, работающих в области социологии, с зарубежными социологами, а также с их международными и национальными организациями в интересах развития социологии.

3. Распространение за рубежом материалов о развитии социологии в СССР.

4. Содействие развитию в СССР научно-исследовательской работы в области социологии.

5. Проведение научных совещаний советских научных работников по отдельным проблемам социологии, а также международных совещаний по наиболее важным вопросам в области социологии.

6. Содействие изданию научных трудов,готавливаемых совместно научными учреждениями — членами ассоциации.

7. Постановка перед Международной социологической ассоциацией вопросов в области социологии, подготовка и проведение мероприятий, связанных с участием советских ученых в международных социологических конгрессах и конференциях.

8. Информация советской научной общественности о работе Международной социологической ассоциации и национальных ассоциаций социологов зарубежных стран.

9. Постановка перед соответствующими советскими научными учреждениями вопросов в связи с подготовкой или итогами работы международных социологических конгрессов, конференций и совещаний.

10. Содействие развитию книгообмена и библиографической информации между советскими и зарубежными учеными, работающими в области социологии.

Устав Советской социологической ассоциации предусматривает, что членами ассоциации могут быть научно-исследовательские институты, кафедры и редакции журналов любой республики, входящей в состав Советского Союза, ведущие научную работу в области изучения общих закономерностей и конкретных вопросов общественного развития как в Советском Союзе, так и в других странах. В члены ассоциации по решению Президиума могут быть приняты в индивидуальном порядке также и отдельные ученые, занимающиеся разработкой социологических проблем.

В Президиум Советской социологической ассоциации избраны: члены-корреспонденты Академии наук СССР Ю. П. Францев, П. Н. Федосеев, П. С. Ромашкин, А. А. Арзуманян, академик ВАСХНИЛ И. Д. Лаптев, академик АН Узбекской ССР И. М. Муминов, член-корреспондент АН Украинской ССР Д. Ф. Острянник, доктор философских наук Ц. А. Степанян, доктор экономических наук П. В. Гугушвили, доктор исторических наук И. И. Потехин, профессор В. С. Молодцов и кандидат философских наук Н. Б. Игнатьев.

В члены ревизионной комиссии избраны кандидаты философских наук К. П. Буслов и Ю. Н. Семенов, кандидат юридических наук С. З. Зиманов.

¹ Международная социологическая ассоциация была создана в сентябре 1949 года на Учредительном конгрессе социологов, который проходил в Осло (Норвегия) с 5 по 11 сентября 1949 года.

Председателем Советской социологической ассоциации избран Ю. П. Францев, заместителями председателя — Ц. А. Степанян, И. М. Муминов и П. С. Ромашкин, ответственным секретарем — Н. Б. Игнатьев.

Учредительное собрание приняло решение о вступлении в члены Международной социологической ассоциации и в качестве своего постоянного представителя в Исполнительном Комитете Международной социологической ассоциации выделило председателя Советской социологической ассоциации Ю. П. Францева.

Учреждение Советской социологической ассоциации создает необходимые условия для установления систематической связи советских ученых с зарубежными социологами. В области изучения современной действительности и закономерностей общественного развития имеется немало проблем, требующих постоянного обмена мнениями между различными кругами ученых.

После второй мировой войны накопился значительный материал, свидетельствующий о серьезных социальных изменениях в жизни различных стран, и ряд видных

ученых капиталистических стран проявляет большой интерес к научной работе в области социологии, проводимой учеными стран социалистического лагеря.

Одной из важнейших проблем, которой Советская социологическая ассоциация будет уделять основное внимание, является проблема мирного сосуществования, чему в значительной мере будет содействовать всестороннее развитие обмена культурными и научными достижениями между учеными различных стран, установление взаимных контактов, систематическая информация и т. д.

В частности, в связи с предстоящим в сентябре 1959 года в Италии IV Международным социологическим конгрессом, на котором будут обсуждаться такие вопросы, как социология в ее социальном контексте, различные области применения социологии (промышленность, сельское хозяйство, образование, здравоохранение, народонаселение, семья, досуг и другие), социологические аспекты социального планирования и развитие социологического метода, Советская социологическая* ассоциация проводит ряд мероприятий по подготовке к указанному конгрессу.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

Читатели нашего журнала обращаются в редакцию с просьбой объяснить, что представляют собой современные теории расширяющейся Вселенной, а также что такое «красное смещение» в спектрах галактик и какую связь оно имеет с указанными теориями. Ниже редакция публикует ответ на эти вопросы.

О гипотезе расширения метагалактики и «красном смещении»

В настоящее время подавляющее большинство астрономов, физиков и космологов рассматривают «красное смещение» в спектрах отдаленных галактик как следствие эффекта, открытого австрийским физиком Х. Допплером в 1842 году. Допплер обратил внимание на то, что при наличии источника колебаний определенной частоты и их приемника, движущихся относительно друг друга, частота колебаний, воспринимаемых приемником, зависит от относительной скорости источника и приемника; она равна частоте излучателя лишь в том случае, если относительная скорость равна нулю.

Разберем это на примере звуковых колебаний. Примем округленно скорость звука равной 300 м/сек. и предположим, что имеется источник звуковых колебаний с частотой в 300 колебаний в секунду, что соответствует определенной высоте звука. Длина волны в этом случае будет:

$$\frac{300 \text{ м/сек.}^{-1}}{300 \text{ сек.}^{-1}} = 1 \text{ м.}$$

Неподвижный относительно источника звука наблюдатель услышит звук той же высоты (соответствующей 300 колебаниям в секунду). Допустим, что наблюдатель движется по направлению к источнику звука со скоростью 100 м/сек. В этом случае он будет воспринимать за 1 секунду не только те 300 звуковых волн, которые до него доходили, когда он был неподвижен, но еще и те, которые помещались на пройденном им за 1 секунду расстоянии, равном 100 м. При длине волны в 1 м это составит 100 волн. Следовательно, наблюдатель будет воспринимать не 300 звуковых волн в секунду, фактически испускаемых источником, а 400. Частота воспринимаемых им звуковых колебаний повысится, повысится и тон воспринимаемого звука. Легко показать, что в случае удаления наблю-

дателя от источника будет происходить соответствующее понижение частоты колебаний и тона звука.

Допустим далее, что наблюдатель неподвижен, а источник звука приближается к нему с той же скоростью 100 м/сек. и, следовательно, со скоростью 100 м/сек. движется относительно среды (в данном случае — воздуха). Тогда фронт волны за 1 сек. удалится от источника не на 300 м, а на 200 м. В этом промежутке (200 м) будет помещаться 300 волн, излученных источником за 1 секунду. Следовательно, длина волны сократится и будет не 1 м, а $\frac{200 \text{ м}}{300} = \frac{2}{3}$ м. Поэтому частота волн, полученных наблюдателем (при скорости их распространения в среде 300 м/сек.), составит $\frac{300 \text{ м/сек.}^{-1}}{\frac{2}{3}} = 450 \text{ сек.}^{-1}$.

Нетрудно подсчитать, что при удалении источника от неподвижного наблюдателя со скоростью 100 м/сек. наблюдатель будет слышать звук, соответствующий 225 колебаниям в секунду.

Следовательно, при сближении источника и приемника частота воспринимаемых колебаний возрастает, при их взаимном удалении — уменьшается. По изменению этой частоты можно вычислить скорость взаимного сближения или удаления источника и приемника.

Независимо от Х. Допплера этот эффект был исследован французским ученым И. Физо в 1848 году.

Во второй половине прошлого века в астрономии начинает применяться спектральный анализ. Спектр представляет собой цветную полоску, на которую разлагается свет звезды. Частота световых колебаний, образующих спектр, увеличивается

от красного конца спектра к его фиолетовому концу. Атомы каждого химического элемента, присутствующего в атмосфере звезды, поглощают свет строго определенных частот, поэтому каждому химическому элементу соответствуют в спектре звезды серии темных линий поглощения, расположенных в совершенно определенных местах спектра. Если эффект Доплера свойствен световым колебаниям, можно было бы определить скорость звезды относительно Земли по лучу зрения, измеряя смещение спектральных линий к красному (удаление) или фиолетовому (приближение) концу.

Такое смещение линий в спектрах звезд было открыто в 1888 году. Однако не была еще доказана применимость принципа Доплера к свету. Для звука принцип был хорошо обоснован. Но в случае звука для получаемого эффекта была существенна роль промежуточной среды, в которой распространяются звуковые колебания. (В разобранном выше примере существенную роль играла скорость распространения звуковых волн в воздухе и движение источника колебаний и приемника относительно воздуха.) В отношении света, даже о самом существовании такой среды, ничего определенного нельзя было сказать. Поэтому до получения прямого доказательства применимости принципа Доплера к свету интерпретация получаемых спектральных данных не была надежной. В 1900 году русский астроном А. А. Белопольский построил прибор, позволивший в земных условиях экспериментально решить этот вопрос. Проведенные им эксперименты показали, что принцип Доплера применим к распространению света.

В последующие годы, используя эффект Доплера, астрономия сделала много блестящих открытий. В частности, принцип Доплера использовался в определении лучевых скоростей звезд, в исследовании двойных звезд, в изучении вращения Галактики. Опираясь на эффект Доплера, О. Струве и академик Г. А. Шайн определили скорости вращения многих звезд вокруг своих осей и т. д.

В 1920-х годах было обнаружено, что в спектрах некоторых туманностей все линии спектра смещены к красному концу («красное смещение»).

Вскоре удалось доказать, что спиральные и многие другие туманности являются огромными звездными системами (галактиками), включающими в себя десятки миллиардов звезд и находящимися на расстояниях в миллионы световых лет от нашей звездной системы — Млечного Пути.

Американский астроном Э. Хаббл в конце 20-х годов открыл, что красное смещение в спектрах далеких галактик тем больше, чем дальше галактика. Закономерность

эта носит статистический характер, то есть относится к средним числам для большого количества галактик.

В 1928—1936 годах были измерены смещения линий в спектрах и расстояния для большого числа галактик. Закон красного смещения Хаббла неизменно подтверждался.

Возник вопрос: как следует интерпретировать красное смещение в спектрах галактик? Если оно объясняется эффектом Доплера, то галактики удаляются друг от друга. Расстояние между соседними галактиками непрерывно увеличивается, и следовательно, между более далекими галактиками оно должно увеличиваться быстрее, то есть выполняется закон Хаббла. Однако как же тогда объяснить такое «разбегание» галактик, тем более, что скорости удаления, вычисленные по величине красного смещения, для далеких галактик оказались огромными, достигающими многих десятков тысяч километров в секунду? Может быть, красное смещение является результатом не «разбегания» галактик, а каких-то других физических процессов, происходящих с квантами света за десятки миллионов лет их путешествия от далеких галактик к Земле? В связи с этим предположением было предпринято несколько попыток построить соответствующие теории (например, теорию старения квантов), которые, однако, большого успеха не имели.

Между тем представление о «разбегании» галактик получило поддержку со стороны теории расширяющейся Вселенной, основанной на некоторых следствиях теории относительности А. Эйнштейна. Согласно общей теории относительности, Земля движется вокруг Солнца по некоторой кривой линии вследствие того, что пространство около Солнца искривлено. Искривление это зависит от плотности материи, находящейся в данном месте пространства. Эйнштейн попытался с этой точки зрения рассмотреть всю Вселенную. Он предположил, что Вселенная в целом имеет некоторую среднюю плотность материи, и, следуя этому предположению, вычислил радиус искривления пространства. У него получилось, что Вселенная должна быть ограничена и иметь постоянный объем. Другое решение, приводящее к выводу об ограниченных размерах Вселенной, было получено датским математиком де-Ситтером.

В 1922 году советский математик А. Фридман нашел ошибку в рассуждениях Эйнштейна о статичности Вселенной. Он показал, что теория относительности может привести к представлению и о нестатичности Вселенной. При этом в одном случае Вселенная должна расширяться, в другом — сжиматься.

Бельгийский аббат Леметр, основываясь

на выводах Фридмана и наблюдениях Хабблом красного смещения, построил теорию расширяющейся Вселенной, которая легко могла быть согласована с религиозными идеями о сотворении мира.

В 30-х годах эта теория была поддержана крупным английским астрофизиком А. Эддингтоном и получила значительное распространение.

Согласно теории Леметра и Эддингтона, пропорциональность скорости разбегания галактик их расстоянию показывает, что когда-то в прошлом все они находились в очень малом объеме и начальный радиус Вселенной был почти равен нулю. Этот момент и был моментом творения Вселенной. Позднее Леметр предположил, что вначале был создан один атом гигантской плотности. Распад этого атома привел к образованию космических тел и расширению Вселенной.

Эта теория так или иначе варьировалась впоследствии различными учеными, особенно религиозно настроенными. Например, А. Милн в 1933 году предложил теорию, согласно которой пространство Вселенной бесконечно, но количество материи в ней ограничено. Эта материя была вначале собрана в очень маленьком объеме, а затем в результате какого-то взрыва начала разлетаться. Частицы материи, получившие приблизительно одинаковые скорости и направления движения, концентрировались затем в звезды и галактики. Материя, которая получила большую скорость при взрыве, успела уйти дальше — так объясняется закон Хаббла.

В настоящее время различные «модели» расширяющейся Вселенной широко распространены за рубежом. Одни из них представляют Вселенную конечной, другие — бесконечной. Некоторые из авторов этих «моделей» считают, что Вселенная при сотворении имела очень малый объем и с тех пор она непрерывно расширяется. Другие предполагают, что Вселенная бесконечно долго сжималась от разреженного состояния до состояния наибольшей плотности, а затем начала расширяться и будет продолжать расширяться вечно. Есть и такие «модели», которые представляют Вселенную пульсирующей, то сжимающейся, то раздувающейся, с вечным повторением одних и тех же стадий развития.

За рубежом сейчас конкурируют две основные космологические концепции. Одна из них получила название теории «эволюционирующей Вселенной», другая — теории «постоянной Вселенной». Согласно первой из них, «разбегание» галактик означает, что Вселенная как целое изменяется. Изменяется плотность вещества во Вселенной, плотность радиации, кривизна пространства и т. д. Когда-то в прошлом (не-

сколько миллиардов лет назад) Вселенная находилась в состоянии сверхплотного ядра, затем начала расширяться. Это расширение продолжается и сейчас. Относительно будущего Вселенной существуют различные предположения. Одни сторонники этой концепции считают, что расширение должно продолжаться вечно и средняя плотность материи Вселенной будет бесконечно приближаться к нулю. Другие утверждают, что после некоторого максимального расширения начнется сжатие Вселенной. Полагают, что этот вопрос, а также вопрос о конечности или бесконечности Вселенной можно будет решить в недалеком будущем, исследуя красное смещение в спектрах наиболее далеких видимых галактик.

Концепцию эволюционирующей Вселенной разделяет большинство зарубежных космологов. С этой концепцией некоторые ученые связывают вопрос о происхождении тяжелых химических элементов (например Г. Гамов). При этом предполагается, что все тяжелые химические элементы произошли одновременно, когда материя Вселенной была в сверхплотном состоянии и только начинала расширяться.

Концепция так называемой «постоянной Вселенной» была выдвинута в 50-х годах Ф. Хойлом, Т. Голдом и другими. Главным в этой концепции является предположение о неизменности всех основных параметров Вселенной. Например, наблюдатель, который будет жить через сотню триллионов лет после нас, будет видеть такие же звезды и галактики, он найдет такую же плотность материи и т. д., то есть Вселенная всюду и всегда одна и та же. Она бесконечна в пространстве и вечна. Галактики всегда «разбегались» и всегда будут «разбегаться», но это не приводит к снижению средней плотности материи, так как материя непрерывно и постоянно рождается в пространстве из ничего. При этом английский астрофизик Ф. Хойл утверждает, что материя возникает в виде отдельных атомов водорода, из которых затем образуются звезды и галактики, а западно-германский физик П. Иордан полагает, что в пустоте возникают сразу готовые звезды. Тяжелые химические элементы, как думает Хойл, образуются в недрах звезд.

Таковы основные космологические концепции, связанные с явлением красного смещения в спектрах далеких галактик.

Следует отметить, что возникновение их связано не только с красным смещением, теорией относительности и другими научными данными и теориями. Многие зарубежные ученые, такие, как, например, Леметр, Эддингтон, Джинс, Уайттекер, пытались и пытаются с помощью космологических построений, основанных на представлениях о расширяющейся Вселенной, обо-

снова свои идеалистические философские взгляды, а иногда и прямую поповщину, говоря прямо или намекая на необходимость признания божественного творческого акта, к которой их якобы приводит наука. Недаром папа Пий XII в своей речи 22 ноября 1951 года особое внимание уделил теории расширяющейся Вселенной, подчеркнув, что она непосредственно приводит к признанию существования бога.

Мы не будем говорить здесь о естественнонаучном обосновании этих теорий. Отметим лишь, что фактов еще очень мало и они дополняются предположениями чисто субъективного характера, определяемого мировоззрением и фантазией того или другого ученого. Попробуем в самом общем виде оценить эти теории с точки зрения материалистической философии.

Прежде всего следует сказать, что представления о творении материи в виде сверхплотного сгустка, отдельных атомов или звезд противоречат подлинной науке, всегда стоявшей на материалистических позициях.

Также методологически неверно любую естественнонаучную теорию, в том числе и теорию относительности, рассматривать как абсолютную, относящуюся ко Вселенной «в целом». Естественные науки не могут дать ответа на вопрос: конечна или бесконечна Вселенная? Этот вопрос решается философией. Материалистическая философия приходит к выводу, что Вселенная бесконечна во времени и пространстве. Поэтому результаты теории расширяющейся Вселенной не могут относиться ко Вселенной

«в целом». Недостаточно обосновано даже их применение к той части Вселенной, которая доступна современным астрономическим инструментам.

Вместе с тем, если красное смещение вызвано эффектом Допплера, то «разбегание» галактик нужно признать реальным, однако это вовсе не влечет за собой признания расширения всей Вселенной, ее конечности в пространстве и времени, творческого акта и т. п. Это «разбегание» может быть частной особенностью или стадией развития какой-то ограниченной части Вселенной (может быть, той гигантской системы скоплений галактик, существование которой предполагается и которая получила название «метегалактика»).

Заметим, что исследование галактик, отстоящих от нас на расстоянии в сотни миллионов световых лет, очень сложно и в измерениях могут быть значительные ошибки. В самые последние годы, например, было выяснено, что все размеры межгалактических расстояний были сильно преуменьшены и их следует увеличить в 2—3, а иногда и более раз.

За 3—4 последних года при исследовании галактик, гораздо более далеких, чем доступные наблюдению в 30-х годах, возникли также сомнения в том, что смещение в спектрах наиболее далеких из наблюдаемых галактик согласуется с законом Хаббла. Если эти сомнения подтвердятся, то это будет опровержением многих космологических теорий.

А. С. АРСЕНЬЕВ

СОДЕРЖАНИЕ

И. И. Гриценко — О повторяемости в процессе развития	3
В. М. Богуславский — К вопросу об образовании понятия	14
В. Холличер (Австрия) — Антиэволюционизм в современной буржуазной натурфилософии	25
А. И. Владимирова — «Онтологическая диалектика» о бытии и небытии	37
С. А. Эфирова — Теория диалектики Фердинанда Гонсета и диалектический материализм	51
Б. С. Чернышев — Бенедетто Кроче и диалектика	63

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

И. З. Деркачев (Ульяновск) — Был ли И. П. Пнин радищевцем?	74
И. А. — Видимые атомы	78

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Член-корр. АН СССР Н. И. Нуждин — О некоторых методологических проблемах современной генетики . .	82
В. И. Кремянский — Некоторые особенности организмов как «систем» с точки зрения физики, кибернетики и биологии	97
Г. З. Апресян — О единстве социалистического содержания и национальной формы в советском искусстве .	107
В. И. Белозерцев — Исторический материализм о взаимоотношении техники и экономики	117
В. В. Колбановский — О предмете марксистской социологии	126
В. И. Марцинкевич (Ростов-на-Дону) — Об основном противоречии и основном экономическом законе формирования	130

О противоречиях социалистического общества

А. М. Минасян (Ростов-на-Дону) — Внутренние противоречия — источник развития социалистического общества	134
Ю. С. Мелешенко (Ленинград) — Об основном противоречии при социализме и о роли противоречий в развитии социалистического общества	137
Н. Николов (Болгария) — Против неправильного понимания противоречий при социализме	141

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- З. Г. Зорьянов — Эстетическое наследие К. Маркса и Ф. Энгельса 142
- Ф. Н. Олещук — Активизировать научно-атеистическую пропаганду 149
- О. М. Бакурадзе, В. М. Квачахия, Н. З. Чавчавадзе (Тбилиси) — Учебное пособие по историческому материализму на грузинском языке 153
- Н. В. Завадская — Марксистский гуманизм 155
- Р. Бургете, Р. Мартинес — Мексиканский философский ежегодник «Dianoia» за 1955—1956 годы 159
- Л. И. Греков — Против иезуитской фальсификации диалектического материализма 163

Коротко о книгах

- В. А. Ливенцов (Киев) — Книга о роли народных масс и личности в истории 167

ЗА РУБЕЖОМ

Краткие заметки

- Ж. Базарян — Буржуазная социология в тупике 170
- Е. Г. Панфилов — «Голос» пацифистов 173
- В. С. Семенов — Западногерманский вариант теории «социальной стратификации» 176
- Э. А. Светозаров — Д. Е. Робертс. Экзистенциализм и религия : 178
- Н. Н. Николаев — С. Лем. Диалоги 179
- В. К.—В. Р. Эшби. Введение в кибернетику 180
- И. Б.—Гюнтер Хейден. Критика немецкой геополитики 181
- И. В. Синегоров — Якуб Литвин. Критические очерки географического детерминизма и геополитики 182
- Е. Г. Казарь — Е. Ф. Фрейзер. Расовые и культурные связи в современном мире 183
- Н. В. Новиков — Г. Л. Шапиро. Аспекты культуры 184

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- О создании Советской социологической ассоциации 185

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

- А. С. Арсеньев — О гипотезе расширения метагалактики и «красном смещении» 187

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

М. Д. Каммари (главный редактор), А. Д. Александров, Б. М. Кедров, В. С. Кеменов, И. В. Кузнецов, М. Б. Митин, В. С. Молодцов, М. М. Розенталь, М. И. Сидоров, Ц. А. Степанян, В. Н. Столетов, П. Н. Федосеев, Ю. П. Францев, А. Ф. Шишкин.

Адрес редакции: Москва, Г-19, Волхонка, 14, комн. 418. Телефоны: Б 8-76-32, Д 3-35-40.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 03579. Подписано к печ. 26/VIII 1958 г. Тираж 31 100.

Изд. № 939. Заказ 1602. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. 6 бум. л.—16,44 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 7 руб.